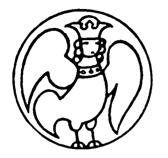
Сокровища древнерусской литературы



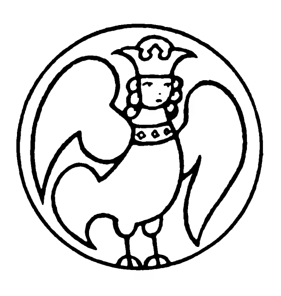
ЄІѦ КНИГИ ІМѢНУЮСѦ ЧЕСТЬ І Ж ЄМ

и матица златаꙗ · с
казаеть, ѿ книжныꙗ
вещи, ги блговни ѿ чл(о)в(ѣ)
ѣанкы иже апль пепи
апре · ꙗко всекнижно
слово и пр(о)чство нѣ
было волѣю чл(о)в(ѣ)ческою
нош(а)ше пр(о)ро дха, тако
нн(ѣ) лжи и и про(р)ци, и
ж ни поучали · иже в
(ѣ)доуть в пагоубоу
ма ... пораꙁоумныꙗ ·
... и бо и ни идоуть
ипь ихѡнмѣ

ннѡе бгатьство, и
что е(сть) браніе · и рабо
тають емоу ꙗко глѣ
лищаю щ(е)е работникі ·
и · р(е)е богъ ндѣже е богоу
сь кровни шабаша то
нища ваша · и паки
неоудобь внити вель
боудоу ... и гальнѥ оуші ·
тако нбгатомоу вни
цр(ст)во нбсное · и нгато
моуре тые сн поп(а)ль
тамо благаа ас(ь) ємоу
чнса · доу богома(т)

Сокровища древнерусской литературы

Красноречие Древней Руси



(XI—XVII вв.)

Москва
«Советская Россия»
1987

Р1
К78

Составление, вступительная статья,
подготовка древнерусских текстов и комментарии
кандидата филологических наук
Т. В. Черторицкой

Переводы:
Т. В. Черторицкой
А. А. Алексеева
Л. А. Дмитриева
Н. В. Понырко

Рецензенты:
доктор филологических наук
В. В. Колесов,
доктор филологических наук
Г. М. Прохоров

Оформление
Б. А. Диодорова

К $\frac{4702010100-220}{М\text{-}105(03)87}$ 100—87

Ораторское искусство Древней Руси

Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению.

(М. В. Ломоносов)

Учить, нравиться, убеждать — такие цели ставили перед ораторами античные и средневековые риторики[1]. Учить и нравиться — для того чтобы убеждать, через ум и чувство воздействовать на волю, увлекать, побуждать к действию. Оратор — учитель и наставник, писалось в риториках, должен уметь говорить просто и возвышенно, выражать справедливые и добрые мысли так, чтобы слово его стало доходчивым, понятным, служило к исправлению нравов: «Через слово я обуздываю порывы гнева или усыпляю иссушающую зависть, им успокаиваю печаль.., им уцеломудриваю сластолюбие... Слово поэтому делаю сообщником всей жизни, добрым советником и вождем...» — так писал о значении ораторского слова один из византийских риторов IV века Григорий Константинопольский. От оратора ожидалось не только простое, умное и справедливое слово, но слово вдохновенное, проникнутое страстью, ибо ораторство — это своего рода борьба: выходя на трибуну или подготавливая письменно то, что должно быть произнесено, оратор никогда не остается бесстрастным — он обличает, воспевает, негодует, защищает,— зачастую навлекая на себя гнев «сильных мира», но не отступая от своей трудной миссии говорить людям правду.

В красноречии Древней Руси, воспринявшей высокие традиции ораторского искусства античности, Византии и южнославянских стран, складывается трогательный образ автора — «печальника Русской земли», писателя и оратора, осознающего огромную ответственность за судьбу своей родины. Не случайно так популярна в древнерусском красноречии библейская притча о рабе, зарывшем полученный от господина

[1] Риторика — наука об ораторском искусстве. Ее название происходит от греческого глагола ῥέω, что означает говорю, лью или теку.

талант (денежную меру) в землю, не пустившем его в оборот и примерно наказанном за это. Ораторы Древней Руси, среди которых были люди разной социальной принадлежности, при всем осознании своей личной «малости», «худости» и «недостоинства» — традиционно христианского выражения скромности — не могли молчать, видя «великие нестроения века сего», они активно вмешивались в общественную жизнь, давали советы и учили простых людей и «сильных мира», страшась ответственности того, кто может предупредить ошибку или предостеречь от беды, но не делает этого — ответственности раба, скрывшего свой талант.

Памятники красноречия Древней Руси или, иначе говоря, речи, проповеди составили наряду с агиографическими (житийными), церковно-назидательными, историческими и богословскими сочинениями литературный фонд русского средневековья, являются его весьма важной в идейном и эстетическом отношении частью. Как и все остальные литературные жанры, красноречие в XI—XVII вв. развивается преимущественно в русле религиозно-символического мировоззрения, проникнуто духом христианства — официальной идеологии русского феодального государства, подчинено практическим деловым потребностям средневекового общества. В этом заключена, по определению Д. С. Лихачева, одна из особенностей древнерусской литературы как литературы средневекового типа[1].

Тем не менее памятники литературы Древней Руси сейчас активно изучаются, а многие и лучшие из них издаются[2]. Для современного общества чрезвычайно важно понимание преемственности культуры, ибо «ценности прошлого должны стать активными участниками жизни настоящего, нашими боевыми соратниками»[3].

Слово, проповедь — жанр, главная функция которого — воздействие на общественное мнение. Ораторское искусство Древней Руси публицистично в своей основе, ведь оратор, как и публицист, писал Н. Г. Чернышевский, «выражает и поясняет те потребности, которыми занято общество в данную минуту»[4]. Лучшие ораторские сочинения Древней Руси явились отражением мыслей и настроений целого общества или отдельных группировок его, они предполагали и нередко в действительности имели влияние на больший или меньший круг слушателей и читателей, они служили действенным способом пропаганды новых государственных идей. Церковнославянский язык и культовая предназначенность произведений ораторского искусства часто оказываются лишь внешней оболо-

---

[1] См.. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.— М., 1979.— С. 13 79.

[2] См.. Дмитриев Л. А. Обзор изданий памятников древнерусской литературы (1917 1978) Рус. литература.— 1979.— № 1. С. 183—199, а также: Памятники литературы Древней Руси/Под ред. Д. С. Лихачева. В 12 т.— М.: Худож. лит. Издание не завершено, очередной том вышел в 1985 году.

[3] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.— С. 352.

[4] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— Т. V.— М., 1950.— С. 647

чкой, под которой скрывается светское («мирское») содержание. Именно в форме ораторского слова в Древней Руси впервые были высказаны многие научные, политические идеи, сделаны открытия в области философии, психологии, эстетики и литературы.

* * *

С искусством ораторской речи Русь познакомилась уже в конце X — начале XI в. по лучшим образцам византийской и южнославянской литературы. После того как князь Владимир Святославич в 988 году крестил Русь, в истории древнерусской культуры начинается период освоения духовных богатств христианских стран. Важную роль в этом сыграли жанры ораторской прозы, способствующие утверждению идеологии феодального государства, направленные «на ученье, на обличенье, на управленье, на наказанье».

Теорию красноречия древнерусские книжники заимствовали из Византии, где существовала целостная и стройная система ораторских жанров. Творчество таких замечательных византийских ораторов, как Иоанн Златоуст, Василий Великий, Ефрем Сирин и других, оказало большое влияние на развитие южнославянского красноречия, на вдохновенные «слова́» Константина Философа, Иоанна экзарха Болгарского, Климента Охридского. Киевская Русь явилась наследницей греко-славянской культуры, но не осталась перед ней в долгу — оригинальные памятники красноречия Древней Руси уже в XII—XIII вв. проникают в южнославянские страны, обогащают литературу этих стран, служат примером для многочисленных подражаний.

Время рождения древнерусского искусства красноречия — XI век. И с первых же оригинальных произведений этого жанра обращают на себя внимание две его интересные особенности. Во-первых, несмотря на имевшиеся в распоряжении древнерусских книжников образцы переводных «слов» и поучений, несмотря на заимствованную из Византии тематику и приемы словесного оформления ораторских сочинений, древнерусские авторы стремятся по-своему осмыслить факты действительности, выйти за пределы традиционной тематики, стать ближе к современности, к истории своего народа. И во-вторых, в истории древнерусского ораторства как бы отсутствует период ученичества сочинения первых русских риторов: Илариона, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского (XI—XII вв.) поражают совершенством формы, глубиной и оригинальностью идей, новизной поэтических находок. Да, древнерусское красноречие остается в общем русле византийско-славянского учительства, но это творческое осмысление полученного наследия, это шаг вперед в литературном развитии стран, близких между собой в вопросах государственного устройства, идеологии, культуры.

Красноречие как изустная форма словесного искусства нередко

противопоставляется письменным памятникам. И тем не менее красноречие Древней Руси по праву принадлежит литературе. В области ораторского искусства, пишет И. П. Еремин, из Византии «усвоено было все, кроме одного: у нас на Руси не получила распространения практика устного публичного выступления. Красноречие Киевской Руси — красноречие литературное по преимуществу»[1]. Хотя мы знаем, что читал в Киевской Софии свое знаменитое «слово» первый русский митрополит Иларион, что учительствовал перед малопросвещенными людьми Лука Жидята, что обращали к слушателям свои «слова» Кирилл Туровский, Серапион Владимирский.., тем не менее древнерусские «слова» и поучения оставались прежде всего письменными памятниками, рассчитанными не на сиюминутное произнесение, а на чтение и размышление на долгие времена. Поэтому так часто авторы обращаются к «слышащим и читающим» — к внимательным слушателям и вдумчивым читателям.

В ораторской прозе Киевской Руси по аналогии с византийским красноречием можно выделить два поджанра, два стиля: красноречие *дидактическое,* или *учительное,* и красноречие *панегирическое,* или *торжественное.* Каждому поджанру свойственны своя тематика, язык, художественные средства.

Дидактическое красноречие обычно преследовало цели морального наставления, информации, объяснения новых понятий и т. д. Ораторы стремятся говорить просто, безыскусственно, почти не прибегая к цитированию авторитетных источников, они ориентируются на простых людей, нуждающихся в поучении. В этих сочинениях содержались близкие и нашему времени требования: трудолюбия, скромности, заботы о родителях, детях, семье, стремления к знаниям, отвращения от пьянства... Ораторы ставят перед собой серьезные задачи воспитания высоких моральных качеств, идеалов гражданского служения.

Памятники торжественного красноречия были приурочены к знаменательным датам церковной истории или посвящались событиям государственного значения — успешному походу против врага, строительству города, собора и т. д. В пределах избранной темы древнерусские авторы зачастую затрагивали важные вопросы внутренней и внешней политики, государственного устройства, церковной и светской власти. Эти произведения были обращены уже не к «невежам», «невегласям», а к образованным людям, искушенным в «книжном почитании», «преизлиха насытившимся мудрости книжныя», т. е. к людям, способным постигнуть глубину идеи, оценить искусство мастера в разработке темы, насладиться красотой стиля, который в торжественных «словах» становится живописным и витийственным. Это достигалось применением сложных тирад, синтаксических конструкций, ораторы часто прибегали к игре однокоренными словами, к вопросо-ответной форме изложения,

[1] Еремин И. П. Лекции по древней русской литературе.— Л., 1968.— С. 76.

риторическим вопросам и восклицаниям, символической зашифровке и расшифровке понятий, широко использовали всевозможные тропы. «Слово о Законе и Благодати» Илариона (XI в.), «слова» Кирилла Туровского (XII в.), инока Фомы (XV в.), Максима Грека (XVI в.), Симеона Полоцкого (XVII в.) и других — яркие образцы торжественного красноречия. Они трудны для читателя, ищущего в литературных произведениях только сюжетной занимательности, но тех, кто даст себе труд задуматься, вчитаться в причудливое «плетение словес», они приблизят к пониманию богатого и сложного мира русского средневековья с его особой системой ценностей, необычными, с нашей точки зрения, представлениями об историческом развитии, о литературном творчестве — всему тому, что характеризует древнерусскую культуру — предшественницу литературы и культуры нашего времени.

Классификация жанров древнерусского красноречия сложна, но наиболее распространенными в письменной традиции остаются два определения: *слово* и *поучение*. Первое закрепляется за памятниками торжественными, второе — за более простыми по смыслу и системе образных средств дидактическими сочинениями.

Распространялись ораторские произведения в основном в составе четьих, т. е. предназначенных для коллективного и индивидуального чтения сборников. Названия многих из них — «Златоуст», «Злато струй», «Измарагд», «Златая Цепь», «Златая Матица» — говорят о том значении, которое эти сборники, по мысли средневекового книжника, должны были иметь для слушателей-читателей: «златые струи», «златые цепи» омывают и укрепляют душу человека», «златая матица», «измарагд» «подобны глубине морской, ныряющий выносит из нее бисер драгоценный...».

* * *

«Время слуг своих поставляет...» — эта предельно точно выраженная мысль одного из русских публицистов XVI в. может послужить эпиграфом для всей последующей части нашего изложения — хронологического обозрения памятников древнерусского красноречия. Слуги быстро летящего времени, слуги истории — «слова» и поучения ораторов Древней Руси — доносят до нас дух своей эпохи. В них не только конкретные факты, картины, лица, в них — борьба, непримиримость и яростность — живое человеческое чувство, которое одно только и может оживить давно ушедшие времена, приблизить прошлое к настоящему.

Древнейшую книгу — сборник нравоучительных сочинений, составленный в 1076 году для киевского князя Святослава, открывает «слово» о «почитании книжном», являющееся, по мнению ученых, оригинальным произведением Киевской Руси, выражением мыслей «новопросвещенно-

го славянина о драгоценной науке книжной»[1]. Восхваляя книгу, неизвестный автор говорит о ней как о средстве обуздания низменных страстей, обретения внутренней красоты, преодоления жизненных невзгод. Начало всех добрых дел видит он в «почитании книжном». Для автора поучения важно именно практическое значение чтения книг, он, как и составители древнерусских учительных сборников, осуждает тех, кто «чрево свое премудрости насыщает, а дел добрых не творит». Апологию добрых дел продолжает в «Изборнике» 1076 года и «Наказание богатым». Справедливость, милосердие, беззлобие — в этом видит проявление доброй, нравственной жизни древнерусский книжник.

Принятие христианства как официальной религии привело к возникновению на Руси широкой иерархической сети церковной организации. Во главе иерархии стоял Киевский митрополит, кандидатуру которого утверждал, а чаще всего и определял Константинопольский патриарх. Поэтому первыми киевскими митрополитами были греки. Таким образом, Киевское государство оказалось под греческой церковной опекой. В Константинополь шли богатые сборы с городов и сел молодой митрополии. Через церковь Византия стремилась подчинить своему влиянию и политику Киевского государства. Эту опасность хорошо осознал князь Ярослав Мудрый. В годы своего правления (1019—1054) Ярослав предпринимает ряд мер, призванных отстоять независимость Руси, поднять авторитет государства. При Ярославе появляется первая русская летопись, братья Ярослава — Борис и Глеб — становятся первыми русскими святыми, тем самым возвышая род киевского князя, строится знаменитая Киевская София — собор, которому нет подобного «во всем полунощи земном», создаются первые училища-школы...

Ярославу были нужны помощники и среди высших церковных иерархов. И тогда князь в 1035—1036 гг. единовластно делает новгородским епископом Луку Жидяту, а в 1051 г. сам, нарушая права Константинопольской патриархии, ставит во главе Киевской митрополии Илариона. Два русских человека впервые получили высшие церковные должности, которые до сих пор были только у греков, два писателя и оратора с интересными личными и литературными судьбами.

Единственное дошедшее до нас сочинение Луки Жидяты — это его краткое, безыскусственное «Поучение к братии» — первое собственно русское произведение учительной литературы, начинающее собой историю ораторской прозы Древней Руси. Поучение интересно и по своей древности и как памятник историко-культурный, характеризующий быт, нравы новгородцев.

Иларион — автор широко известного в русской литературе «Слова о Законе и Благодати» — памятника торжественного красноречия

---

[1] Изборник 1076 года.— М.: Наука, 1965.— С. 11

XI в.[1], достойного стать рядом с лучшими произведениями византийского ораторского искусства. Митрополит Иларион следует правилам греко-славянского красноречия в области формы, композиции, поэтических средств, но как мыслитель он оригинален. «Слово о Законе и Благодати» — это своего рода политическая декларация, подчеркнуто полемическое прославление Русской земли, это стройное развитие единой патриотической концепции — независимости Руси от Византии, ее равноправия со всеми христианскими странами. Обращаясь к прошлому, оратор имеет в виду живую современность, национальные интересы Киевской Руси.

В «слове» воздается хвала Владимиру Святославичу, его сыну — Ярославу Мудрому, продолжившему дело отца, жене и детям Ярослава, его славным делам, благовествующим о будущем, о еще большем величии Русской земли. В заключительной части «слова» похвала переносится на конкретно-историческое событие — завершение постройки оборонных сооружений в круг Киева — «сильного града», «могучего града»...

Тема родной земли нашла свое отражение и в сочинениях Феодосия Печерского — писателя, который воочию мог сравнить времена Ярослава и годы других правлений. Ярослав Мудрый в своем предсмертном завещании призывал сыновей жить в мире и любви, предупреждал, что в противном случае они погубят и сами себя, и землю отцов и дедов своих, созданную их великим трудом. Но сыновья нарушили завещание отца, «по дьявольскому наущению» начали враждовать друг с другом. Эту борьбу в середине XI в. осложнил еще один факт – окончательный разрыв в 1054 году между римской католической и византийской православной церковью. Русское духовенство встало на сторону Византии. В Киевской Руси возникает целый ряд сочинений, направленных против «заблуждений» западной церкви.

Феодосий Печерский тоже принимает участие в этой борьбе и пишет обращение к киевскому князю Изяславу Ярославичу «О вере христианской и латинской». Содержание «слова» раскрывается на фоне исторических событий XI в.: Изяслав, вместо того чтобы защитить Русь от половцев, пошел войной на своих братьев. Возмущенные киевляне потребовали от князя выдать им оружие, чтобы самим стать на защиту города. Изяслав отказался, и тогда восстали киевляне, прогнали Изяслава с великого княжения. Но он скоро вернулся с войском польского короля Болеслава, и «киевская «чадь» принуждена была подчиниться насилию»[2]. Всю ненависть киевляне обратили на распущенных на «прокорм» иноверцев-поляков, виновников своего поражения. В таких условиях

---

[1] Об этом «слове» см.: Лихачев Д. С. Великое наследие.— М., 1975.— С. 10—22.

[2] Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики XI века.— Труды отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ).— Т. 2, 1935.— С. 32.

вопрос о латинской вере приобретал особую остроту, и Феодосий, хотя и в тщательно замаскированной форме — обличения католиков-латинян,— резко осуждает политику Изяслава.

Золотым веком русской литературы и периодом расцвета древнерусского красноречия стал XII в. Два художественных феномена явились его вершинами: торжественные «слова» Кирилла Туровского и «Слово о полку Игореве».

Загадка поэтического обаяния сочинений Кирилла Туровского уже долгие годы продолжает волновать любителей и знатоков древней письменности. Ритмичность и плавность речи, слог, насыщенный витиеватыми оборотами и изысканными сравнениями, образы — красочные, высоко абстрактные и одновременно зримые, почти реально осязаемые,— все это вместе, одухотворенное неистощимой фантазией и чувством автора, создает величественную и орнаментальную поэзию Кирилла Туровского. Высок эмоциональный настрой его торжественных «слов», в которых писатель хочет «возжечь сердце», «пробудить душу» своих читателей и слушателей, создать у них иллюзию действенного соучастия в изображаемом событии.

Разнообразны художественные средства, которые Кирилл отбирает для выполнения этой задачи, но все они подчинены принципу риторической амплификации. По мнению И. П. Еремина, этот принцип заключается в том, что та или иная тема всегда «словесно варьируется, развивается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках до тех пор, пока ее содержание не будет полностью исчерпано, и тогда она приобретает форму замкнутого в стилистическом отношении фрагмента — форму риторической тирады»[1].

Образная система сочинений Кирилла Туровского во многом необычна, даже парадоксальна для средневекового автора. Ее корни не только в ярком таланте писателя, но и в особенностях той эпохи, в которую жил Кирилл — эпохи двоеверия, когда христианство не вытеснило еще из народного сознания представлений недавнего язычества.

Ораторы Киевской Руси, борясь с «идолопоклонством», стремились связать народные земледельческие праздники с самыми значительными событиями христианской истории. «Завоевать» народ, заставить его забыть языческие ритуалы и фольклорную обрядность — эти цели преследовал и Кирилл Туровский в торжественных «словах», посвященных весенним праздникам. Но тем не менее... «Всякий русский автор,— пишет Д. С. Лихачев,— именно на устно-поэтических произведениях народа получал свое первоначальное эстетическое впечатление»[2]. Поэтому и древнерусские писатели, отвергая как языческое народное искусство, зачастую во многом следуют его образной системе.

---

[1] Еремин И. П. Литература Древней Руси.— М.; Л., 1966.— С. 133.

[2] Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы.— М.; Л., 1952.— С. 30.

Таким невольным «язычником» предстает порой в своих «словах» и Кирилл Туровский. Взяв за основу известные образцы греческого ораторского искусства, он видоизменяет, приспосабливает их поэтику к пониманию русских читателей, вводит в повествование новые, близкие к фольклорным, языковые средства и мотивы. Так, в «Слове об артосе» описание весны по своим жизнеутверждающим, оптимистическим мотивам, постоянным эпитетам (весна красная, холмы высокие, ветры буйные, древа дубравные...) близко к народным «веснянкам». Сопоставление ветхозаветных и новозаветных образов напоминает в «словах» Кирилла фольклорный параллелизм, при котором толкование сложных христианских понятий «переводится» на народно-поэтический язык. Драматизируя византийский источник, Кирилл добавляет новые подробности жизни Христа — в духе народных сказок представляет его скользящим по морю, ступающим по воздуху. С трагическими нотами русских народных причитаний перекликается горестная лирика плача богоматери в «слове» об Иосифе...

Неожиданно и смело объединяет Кирилл Туровский в одно художественное целое элементы двух культур — византийской и русской, народной; двух поэтических систем — высокой риторики и устного творчества; двух языковых стихий — церковнославянской и русской. Опираясь на эти традиции, Кирилл Туровский создал свой, неповторимо оригинальный стиль, эстетическая значимость которого может быть сравнима только с вершинами русской поэзии — «Словом о полку Игореве», произведениями Державина, Пушкина...

Такое же соединение, казалось бы, несоединимого: книжных и фольклорных поэтических средств, тонкого лиризма и гражданского пафоса, плача и славы — видим мы и в гениальном «Слове о полку Игореве»[1], памятнике, жанр которого И. П. Еремин определил как «речь, logos, произведение ораторского искусства по своей природе...»[2]. От воспоминаний о славном и трагическом прошлом своей родины автор «Слова» — безымянный «воинник» или князь — переходит к раздумьям о ее судьбе, пытается в истории найти ответ на причины бедствий. «Суть поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» — так кратко и верно, прочитав «Слово», сформулировал его главную идею Карл Маркс[3].

Тема осуждения братоубийственной распри князей, их своекорыстия с XII в. становится одной из самых важных в русском ораторском искусстве. В ее художественном воплощении «Слову о полку Игореве» предшествует другой памятник — «Слово о князьях». «Бесцеремонная рез-

---

[1] «Слово о полку Игореве» многократно переиздавалось, в том числе в настоящей серии (М., 1981), поэтому мы сочли возможным не включать этот памятник в настоящее издание.

[2] Еремин И. П. Литература Древней Руси.— С. 162.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 16

кость тона», которая, по мнению историка церкви Е. Е. Голубинского, делала невозможным произнесение «слова» в храме, вполне оправдана высокой целью, стоящей перед автором — патриотом Киевской Руси: «Познайте, князья, свое могущество и свою честь!.. Постыдитесь же вы, враждующие с братьями своими, с единоверцами своими!» Политический и гражданский пафос «Слова о князьях» перекликается с другими замечательными памятниками XI—XII вв.: «Сказанием о Борисе и Глебе», «Поучением Владимира Мономаха», «Повестью временных лет».

Мудрые предостережения ораторов-политиков не возымели действия, не отвели угрозу, и в 1237 году пришла на Русь «неслыханная рать, безбожнии моавитяне, рекомыи татары». Разобщенные усобицами, князья не смогли дать достойного отпора «языку немилостивому», тогда неприятели «и землю нашу пусту створиша, и грады наши плениша, и церкви святыя разориша, отца и братью нашу избиша» — так описал беды XIII века древнерусский писатель.

В условиях разорения и запустения еще острее становится чувство родины, невосполнимой утраты могущества Русской земли Гордость за свою землю и скорбь русского человека звучат в замечательном памятнике, созданном в это время,— «Слове о погибели Русской земли». Это гимн и одновременно эпитафия Киевской Руси: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси... Всего еси исполнена земля Руская...!» Лирическое отношение к красоте родной страны, ее природе, восторг поэта воплощены в звонких, ритмически организованных строках: «Озеры многыми удивлена еси, реками и кладязьми месточестьными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными зверьми...»

Перед лицом смертельной опасности осознается единство интересов всех княжеств — крепить Русь. В этом идейном настрое близость «Слова о погибели...» и «Слова о полку Игореве».

Обостренное чувство национального самосознания заставляет русских писателей, ораторов искать причины бедствий своей земли. В ораторские произведения, созданные в это тяжелое время, приходит тема «наказания за грехи». «Печалуясь» о порабощении народа, средневековые авторы вместе с тем толкуют о неизбежности этого наказания, придают ему особый нравственно-религиозный смысл, рассматривая грех — расплату — раскаяние как звенья одной логической цепи. Такая позиция свойственна и Серапиону Владимирскому — автору пяти назидательных «слов».

Серапион прямо указывает, что «вражда осилила», «злоба преможе», что все стремятся «к собе пограбити», дают деньги в рост и т. д. Призывы к покаянию в «словах» Серапиона сливались с гневным осуждением этих «земных» причин, звали к борьбе, к сплочению сил, к освобождению. Беды соотечественников Серапион видит и в их пристрастии к

языческим привычкам и суеверию. Он осуждает невежество и как образованный, просвещенный человек желает помочь людям преодолеть и этот «грех». Четкость и краткость композиционных частей каждого «слова», их ритмичность и динамика свидетельствуют о том, что все сочинения Серапиона Владимирского были рассчитаны на произнесение вслух.

Тему обличения языческого невежества и суеверий, затронутую Серапионом Владимирским, развивают безымянные поучения XIII XIV вв.: «Слово некоего христолюбца» и «Слово к невежам...». В «Повесть временных лет» под 989 годом включен красочный рассказ об утверждении христианства в Киевской земле. Но в действительности христианство долгое время оставалось религией князей, бояр и встречало ожесточенное сопротивление со стороны народа; еще долго продолжали люди молиться старым, привычным богам, но делали это «отай», т. е. тайно. И в XIII—XIV вв. ораторы были серьезно обеспокоены тем, что не бога народ считает создателем земли и твари, а поклоняется Роду и Рожаницам — языческим богам Вселенной, покровителям плодородия, взывает к заступничеству Хорса, Дажьбога, Стрибога... Интересно в поучениях упоминание о том, что не только простой народ, но даже священнослужители, попы, с симпатией относятся к языческим верованиям, ставят «вторую трапезу» после праздника рождества Богородицы в честь Рода и Рожаниц, под прикрытием церковных праздников совершают службы «идолам». К «бесовским пристрастиям» в поучениях причисляются и народные песни, пляски...

Период «двоеверия» затянулся, языческие привычки оказались необыкновенно живучими, даже в сочинениях XV—XVII вв. встречаются упоминания о «бесовском поклонении», «идольском служении». Эти произведения остаются для нас ценнейшим источником для изучения далекого прошлого нашей страны, они знакомят с олимпом языческих богов, с древнейшими народными верованиями, с реакцией властей на проявление национальной самобытности русского народа...

В ораторских сочинениях XIV—XV вв. возрождается торжественный панегирический стиль красноречия Киевской Руси, приобретая еще большую пышность и великолепие. Причины обращения писателей и ораторов к витийственности древней стилистической манеры нельзя объяснить только так называемым «вторым южнославянским влиянием», в результате которого на Русь попадают многие письменные памятники южных славян. Появление в русской литературе в конце XIV— начале XV в. стиля «плетения, извития словес», или, по определению Д. С. Лихачева, стиля «эмоционально-экспрессивного», было обусловлено общим национальным подъемом после Куликовской битвы, начавшимся формированием русского централизованного государства, новым отношением к человеческой личности. Этот стиль утверждается прежде всего в житиях, традиционная форма которых претерпевает существенные из-

менения, сближаясь с торжественными славословиями в адрес видных государственных деятелей — церковных и светских.

Одним из первых памятников эмоционально-экспрессивного стиля является «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», написанное, вероятно, сразу после смерти героя Куликовской битвы в 1389 г. Основная цель создания жития — похвала Московскому князю, философское и политическое осмысление его деятельности. В «плетении словес» этого «слова»-панегирика наряду с византийскими литературными традициями отчетливо видно стремление автора к конкретности, биографичности, его желание соотнести описываемые факты с другими историческими событиями. Неизвестно имя автора «Слова о житии...», но его художественная манера очень близка стилю замечательного агиографа начала XV в. Епифания Премудрого. Как и в житиях Епифания, своеобразной формой похвалы князю в «Слове о житии...» являются плачи: жены князя, воевод, Русской земли. Плач Евдокии над умершим мужем напоминает народные вдовьи причети, он вносит интимно-лирическую ноту в похвалу национальному герою.

«Слово похвальное инока Фомы» тоже относится к типу княжеских панегириков — жанру, в первой половине XV в. начавшему преобладать над «жалостями» и плачами, «словами печальными», характерными для русской литературы времени татаро-монгольского нашествия. Требования стиля наложили отпечаток на несколько необычную форму «Слова похвального...»: это похвала в похвале и своеобразная циклизация похвал, нанизывание одной на другую в определенной иерархически значимой последовательности и одновременно такое искусное их сочетание, что все они вместе составляют пышный словесный венок в честь великого князя тверского Бориса Александровича.

Соперничая с Москвой, Тверь стремилась стать столицей Русского государства, наследницей Византии, «третьим Римом», а тверской князь Борис Александрович мечтал о миссии «второго Константина». Для обоснования таких притязаний мало было обычных славословий даже талантливого оратора Фомы, здесь нужны были «мировые» авторитеты. Инок аккуратно записывает и передает похвальные речи в честь Бориса самого византийского императора Иоанна, патриарха Иосифа и 22 митрополитов, собравшихся на Вселенский Ферраро-Флорентийский собор. Мы знаем, что эти речи вымышлены, придуманы самим Фомой, но не в этом дело: перед нами 24 кратких панегирика, на все лады прославляющие князя Бориса как «пособника» византийского императора, «друга правды», «великого самодержца»... Чувства, переполняющие автора, не находят достойных слов: «Кому уподоблю?», «Как еще назову тебя?!» — вопрошает Фома, и затем следует каскад самых причудливых, красочных сравнений, аналогий, гипербол, в подборе которых Фома предстает величайшим мастером и экспериментатором слова, а Борис Александрович — мудрым Соломоном, Тиберием справедливым,

Симеоном Болгарским, Птолемеем-книголюбцем, Иосифом Прекрасным... Исторические и мифологические персонажи, строки и образы из торжественных «слов» ораторов Киевской Руси вплетаются в красочные славословия Фомы.

В прославлении земных дел Бориса Тверского Фома тоже ссылается на авторитет, на сей раз — Иоанна Златоуста, который писал: «Есть искусство творить, и есть искусство созидать, и есть искусство делать». Фома продолжает: «А великий князь Борис Александрович владеет всеми искусствами, как никто другой...: создает храмы, восстанавливает города, строит в Твери кремль, руководит всяким ремеслом и художеством и при этом беспредельно сведущ в книгах...» Похвала Борису сливается с прославлением величия княжества Тверского.

Представителем стиля «второго южнославянского влияния» на Руси был и Пахомий Серб, или Пахомий Логофет («словоположник»), излюбленной формой славословия для которого был акафист, в котором все предложения начинаются со слова «Радуйся...».

Большое внимание в XV—XVI вв. ораторы уделяют семейной тематике. Сочинения, посвященные вопросам воспитания «чад», взаимоотношениям мужа и жены, в учительных сборниках помещаются рядом со «словами»-раздумьями о гражданском бытие, панегириками государственным деятелям и т. д.

Один из таких сборников «слов» и поучений в XV в. переписал инок Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин и включил в него составленное им самим «Слово о женах добрых и о злых». Сюжет «слова» можно отнести к популярнейшим в древнерусской литературе. Тема добрых и злых жен пришла на Русь из библейских притч царя Соломона, византийского сборника афористических наставлений «Пчела», «слов» Иоанна Златоуста и других памятников.

Непререкаемая мораль семейного быта средневековья: муж — глава семьи, «владыка и игумен дома своего», определяет в литературе идеал женщины — жены и матери, скромной, трудолюбивой, бережливой хозяйки, не противящейся мужу, ласковой и нежной с ним. Добрая жена — «драгоценное сокровище в доме». Развивая эту мысль, Ефросин противопоставляет доброй жене злонравную, создавая отталкивающий образ злодейки-блудницы, помышляющей только о том, как бы ей избавиться от мужа. При характеристике злых жен автор явно впадает в гиперболический тон, что, впрочем, было вполне естественно в условиях русского средневековья, когда христианство объявляло женщину сосудом дьявольским, а любовь — чувством греховным, но монах Ефросин, по-видимому, не вполне уверен в том, что всякая «плотская любовь» есть зло и, пренебрегая литературными источниками, с симпатией к доброй жене описывает ее искренние любовные ласки, которыми она радует мужа. Авторская манера Ефросина сказывается в «Слове» и в диалогической форме изложения, восходящей к фольклорным скоморошьим сце-

нам, и в изображении обычных житейских ситуаций отношения мужей и жен. Почти через 100 лет после Ефросина появится в русской литературе памятник, прославляющий красоту и силу женской любви — «Повесть о Петре и Февронии Муромских», но правоучительное и занимательное слово Ефросина — одно из первых, начинающих эту тему в литературе Древней Руси, восхваляющих любовь и преданность женскую.

Целью многих «слов» и поучений, обращенных как к простым людям, так и к светским и духовным феодалам, было исправление нравов, забота о чистоте души и «помыслов». «Душа самовластна», утверждается в них, и потому люди сами вольны выбрать путь добра или зла. Отсюда неукротимая страстность ораторов в обличении пороков, осознание преступности молчания, когда «пламенем злых помыслов» охвачены души людей.

«Больше других три страсти губительны для человека: сребролюбие, сластолюбие и тщеславие, но никакая из них не опасна так, как пьянство»,— утверждает средневековый писатель. Древнейшая летопись «Повесть временных лет» рассказала, что еще в 986 году князь Владимир Святославич произнес свою знаменитую фразу: «Руси есть веселие питье, не можем бес того быти». И почти с этого же времени начинается борьба ораторов и писателей против безмерного пьянства. «Безумный пити боле ся влагает, в болезнь себе приобретает»,— народные пословицы и поговорки, книжные афоризмы и «многоволнное море» древнерусских «слов» и поучений с XI и до XVII в. посвящены обличению этого порока.

Пьянство объявляется источником всех других зол: зависти, лжи, чревоугодия, жадности, бесстыдства, сквернословия, лени, ссор и брани. «Нет человека несчастнее пьяницы»,— восклицает древнерусский автор, но не к жалости, а к строгому осуждению пьяниц призывает он.

Характеристика пьянства в «слове» автора XVII в. Антония Подольского — это крик души кающегося грешника, больного «хмельным недугом», желающего излечиться от него и взывающего к слушателям: «Если так губительно вино, то будем избегать его, чтобы не дать ему воли над собой, чтобы не до конца погибнуть от него!»

Наивный «физиологический» очерк («Слово о разуме и о помыслах») популярно объясняет слушателям, где живут хорошие мысли в человеке и почему они уходят из упившегося и объевшегося тела. Ораторы учат человека владеть собой, подчинять желания плоти воле, уму, ибо «неразумие — телу и душе погибель», советуют заранее заботиться о предохранении своей души от порока пьянства, укрепляя «затворы сердца» — мужество, мудрость, правду и целомудрие. Путь к спасению ораторы видят в чтении умных книг и в трудолюбии.

Тяжело переживает такие пороки, как болтливость, лицемерие, тщеславие, другой древнерусский автор, оставшийся безвестным. В его «Слове о молчании» важна мысль об ответственности человека за свои поступки. Автор призывает «грешников» исправиться, победить самого

себя, ведь празднословие, суета, хвастовство приносят зло не только душе человека, они разжигают войны, сеют раздоры между странами, поднимают народ на народ... Другой оратор конца XV—начала XVI в. Фотий молил «смиренную» монастырскую братию не ругаться «матерной бранию», ибо «каков источник, такова и вода в нем,— каков человек, таковы и его речи».

Интерес к внутреннему миру человека, к его психологии, источнику его дурных и хороших привычек нашел свое отражение в конце XV в. в ораторских по форме сочинениях «Устава» Нила Сорского. Учение Нила впитало в себя отдельные элементы гуманистических реформационных воззрений XV в. с их критическим осмыслением некоторых ортодоксальных положений церкви, стремлением поставить внутреннюю работу ума и сердца выше внешней обрядности. Нила Сорского занимает вопрос о путях преодоления губительных для человека страстей. Задумываясь над этим вопросом, писатель, опираясь на собственные наблюдения, на предшествующий опыт, зафиксированный в литературных памятниках греческих и славянских, создает концепцию психологии страстей человека, концепцию, которая на Руси положила начало разработке психологии личности. Восемь «помыслов» лежат в основе всего разнообразия страстей человеческих, считает Нил Сорский: «чревообъядение», блуд (любовная страсть), сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Обязанность человека, по мысли писателя, состоит в том, чтобы всякие «нечистые помыслы» «на благая прелагати» т. е. давать им новое направление, обращать к добру.

Человек, вне его сословной принадлежности, с его внутренним миром и «страстями души», не был избалован в средние века вниманием писателей. Тем драгоценнее для нас сочинения первого русского психолога и одаренного писателя Нила Сорского. Образность художественного описания «помыслов», общедоступная форма беседы-наставления, его деловая, практическая предназначенность способствовали популярности «Устава» (известно более 200 его списков). Немаловажным был и тот факт, что поучения Нила Сорского были обращены только к тем, кто хочет сам «победити злыя помыслы». Это требование сознательного и разумного отношения к себе, к своему поведению, признание прав личности тоже было новым в философии и литературе Древней Руси.

Учение Нила Сорского о необходимости нравственного совершенствования оказалось включенным в идеологическую борьбу, развернувшуюся в конце XV—начале XVI в. по вопросу о праве монашества и духовенства владеть земельными богатствами. Ивану III, правление которого вошло в историю как время полного освобождения Руси от татарского ига и создания единого государства, требовались новые земли, крестьяне для поместий. Князю необходимо было в целях укрепления государства содержать служилых людей, сильную армию, щедро одаривать своих подданных, и он обращает внимание на обширные мона-

стырские владения. Не случайно проповедь аскетизма в сочинениях Нила Сорского, его осуждения развратной и сытой жизни духовенства пришлись по душе Ивану III, обдумывающему в то время идею секуляризации церковных земель. Сторонники Нила Сорского — Вассиан Патрикеев, Максим Грек и другие были прозваны *нестяжателями*. Им противостояли крупные церковные иерархи — Иосиф Санин, игумен Волоколамского монастыря, архиепископ Новгородский Геннадий...

Это столкновение интересов отразилось в многочисленных полемических сочинениях — ораторских по форме и публицистических по содержанию. С обеих сторон сыпались обвинения в ереси и «невежестве», подкрепленные большим количеством исторических и легендарных примеров. Особенно бурно проходила эта своего рода дискуссия в период жестоких гонений на несогласных с ортодоксальной церковью, среди которых были и противники монастырского землевладения. Воспользовавшись этим обстоятельством, Иосиф Волоцкий обвинил нестяжателей в пособничестве «еретикам», для которых он требовал смертной казни. Церковь воинствующая предстает в полный рост в «Слове об осуждении еретиков» Иосифа Волоцкого. Автор стремился обличить «ересь» московских и новгородских «вероотступников», но для современного читателя «Слово» звучит прежде всего как сатира на самою церковь и ее служителей. И многочисленные аргументы против еретиков, которые приводит Иосиф Волоцкий, демонстрируя свою эрудицию и свой опыт оратора-полемиста, достигают сейчас, пожалуй, прямо противоположного результата: нельзя было более прямо, резко и убедительно показать изнанку церковного учения, чем так, как это сделал его апологет Иосиф Волоцкий. Саморазоблачение и гротеск в словосочетаниях: «Великий чудотворец... предал смерти; благочестивый... отрубил голову; святой... сделал так, чтобы тот... сгорел в огне, хитроумным своим искусством... предал мучительной смерти». И как рефрен повторяются строки о высших церковных иерархах: «А святые отцы не препятствовали тому, чтобы это случилось».

В ответном послании Вассиан Патрикеев разбивает аргументы *иосифлян* (так называли сторонников Иосифа Волоцкого) и, обвиняя их в жестокости, ханжестве и лицемерии, требует отмены казней, проводившихся под знаком борьбы за чистоту веры.

В полемике Вассиана появляется новая в русской литературе тема, впоследствии подхваченная другими публицистами XVI в.,— тема бедственного положения крестьян, нищеты и страданий народа. Писатель обостряет до предела показ социальных противоречий, несоответствия жизни монахов тому учению, которое они исповедуют.

Предметом самого широкого обсуждения в XVI в., в условиях формирования русского централизованного государства, становятся также вопросы о характере царской власти, о взаимоотношениях государства и церкви, о формах государственного управления и т. д. Под напором новых

идей все литературные жанры приобретают публицистическую направленность, но в первую очередь изменения коснулись памятников ораторских. Небольшие по объему беседы, «слова», поучения были удобной формой для пропаганды своих идей публицистами, занимающими разные идеологические позиции. «Писатели XV—XVI вв.— полемисты по преимуществу,— пишет Я. С. Лурье,— развитие художественного мастерства в литературе этого времени — это прежде всего развитие мастерства публицистического»[1].

Полемическое значение имеют и послания старца Филофея, в которых автор пытается обосновать мировой авторитет власти московских правителей. После заключения союза между Константинополем и католическим Римом, после захвата в середине XV в. Византии турками только Москва, по мнению Филофея, остается единственной хранительницей традиций христианства — центром православия. Именно в сочинениях Филофея была сформулирована своеобразная политическая концепция: «Москва — третий Рим». Эта идея как нельзя более соответствовала интересам духовенства, обеспокоенного возросшими культурными контактами Руси с западными странами. Настроения религиозной исключительности, «третьего Рима», культивировавшиеся духовенством, приводили к самоизоляции Руси, к стремлению церкви подавить внутренние источники духовного развития страны.

Трагична в истории Древней Руси фигура Максима Грека (Михаила Триволиса). Призванный в Россию в 1518 году Василием III для перевода греческих книг, Максим из-за сложных политических обстоятельств, разногласий с русскими ортодоксами, стоящими во главе церкви, был осужден на церковных соборах 1525 и 1531 годов и 26 лет провел в заточении.

Самым страшным наказанием для этого ученого-энциклопедиста, философа, писателя, усвоившего гуманистические идеи Возрождения и получившего образование в Греции и Италии, было долгое отсутствие возможности писать. По преданию, одно из самых искренних и ярких своих произведений — канон Параклиту, этот гимн истине, которой он служил всю жизнь, Максим пишет углем на стене своей камеры. И тем не менее свыше 350 сочинений оставил нам этот талантливый писатель — произведений разных жанров и разной тематики, которые обогатили русскую литературу, философию, стали фактом русской культуры. Ораторские «слова» Максима Грека часто объединялись в авторские учительные сборники, переписывались и распространялись на протяжении веков. Слово и мысль — Логос и София — всегда неразрывны в сочинениях Максима Грека. Искушенный в риторическом искусстве, писатель предъявлял высокие требования к языку и стилю своих сочинений, по-

---

[1] Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века.— М.; Л., 1960.— С. 4.

священных раздумьям о судьбе России — страны, к которой он никогда не оставался равнодушен.

Символический образ многострадального государства, терзаемого дикими зверями — «славолюбцами» и «властолюбцами», «сребролюбцами» и «лихоимцами»,— воплощен в «Слове печальном, пространно излагающем несогласия и бесчинства царей и властей...». В форме плача, лирического откровения-диалога и от имени самого овдовевшего государства́ — царственной жены Василии (от греч. βασιλεία — царство, правление) писатель говорит о причинах великих «нестроений» Московского государства во время правления Елены Глинской. Образ мудрой жены, обличающей неправедную власть, впоследствии войдет в знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Впервые в русской литературе так прямо был сформулирован вопрос о соотношении государственности и морали, власти и справедливости — вопрос, волнующий человечество с древнейших времен. Не случайно в публицистике Максима Грека большое место занимает критика монашества и духовенства, казалось бы, призванного заботиться о душе человека, но самого погрязшего в пороках. Сторонник нестяжательства, Максим, вслед за Нилом Сорским, развивает в своих словах теорию нравственного совершенствования человека, но придает ей более глубокий, государственный смысл, так как именно законы морали, по его мнению, лежат в основе мудрой деятельности на благо государства. Осмысляя этимологию слова «самодержец», Максим толкует его как способность человека управлять собой, самому держать себя в руках, обуздывать свои страсти.

Максим Грек впервые в русской литературе, задолго до Ф. Прокоповича, А. Кантемира и М. Ломоносова — писателей петровского времени, выдвигает идею просвещенного абсолютизма, предлагая монарху при управлении страной руководствоваться своими знаниями, советами просвещенных людей, быть нравственным и милосердным. Так наставляет он Ивана IV, вступившего на престол в 1549 году. В послании к царю писатель одобрительно отзывается о первых реформах молодого монарха, сравнивает его правление с властью прославленных Александра Македонского и Августа Кесаря. В. Ф. Ржига доказывает, что мысли Максима Грека не были только «отвлеченным построением ученого отшельника»[1], многие из них положены в основу решений Стоглавого собора, созванного в 1551 году.

Идейно близок Максиму Греку другой публицист и видный политический деятель начала XVI в. Федор Карпов, сочинения которого для нас интересны еще и тем, что их автор один из немногих светских писателей Руси, дипломат. Это очень образованный для своего времени чело-

---

[1] Ржига В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ. Т. 1. Л., 1934. С. 75.

век, владеющий несколькими иностранными языками, знакомый не только с сочинениями христианских авторов, но и с поэзией античности, философией Аристотеля, одним из первых в России осознавший ограниченность и противоречивость христианства.

Эпистолярные произведения Федора Карпова, как и других публицистов этого времени, являются одновременно и яркими образцами полемического красноречия. Надо помнить, что на Руси не была известна форма открытой публичной дискуссии, поэтому русское полемическое ораторство осуществлялось посредством писем и посланий, рассчитанных на копирование и распространение.

Федор Карпов убежден, что государство должно строиться не на терпении, как писали церковники, а на началах «правды» и «закона», причем под «правдой» он понимает справедливое управление государством, а под «законом» — нормы человеческого общежития.

На фоне политических воззрений середины XVI в. выделяются своей государственной дальновидностью мысли безымянного автора «Валаамской беседы»[1], сторонника сильной единодержавной власти. Писатель видит «царевых врагов» в тех, кто «дозволяет» монастырям и церквам «грады и волости со христианы владети». Критику сложившейся системы землевладения он дает прежде всего с точки зрения ее экономической и государственной нецелесообразности, но не оставляет без внимания и аргументы чисто нравственного порядка — богатство, по мнению автора, «вредно душам иноков», ибо оно развращает. «Сидит в нас черт лукавый,— говорит писатель от имени обитателей монастыря,— строим каменные ограды с палатами, украшаем свои кельи, как царские чертоги.., ублажаем себя пьянством и яствами...»

Творчество Ермолая-Еразма также отмечено печатью государственных забот, порожденных необходимостью укрепления централизованной власти и экономического развития страны. Понимая, что единственным источником богатства и могущества Руси является крестьянский труд, Ермолай-Еразм с большим уважением относится к трудящемуся сословию: «Прежде всего необходимы земледельцы — ратаи, их труд дает хлеб — вершину всех благ». Заботой об облегчении положения крестьян, о совершенствовании управления государством продиктовано и публицистическое «слово» Ермолая-Еразма «Благохотящим царям правительница и землемерие». Писатель обращается к Ивану Грозному со своими предложениями относительно перестройки податной системы и улучшения общественной нравственности, уменьшения поборов с крестьян: «Птицы и животные один только раз в году линяют, а крестьяне беспрестанно вынуждены терпеть бремя различных поборов»,—

[1] Как доказывает Г. Н. Моисеева, этот памятник мог возникнуть в феврале — мае 1551 года во время заседаний Стоглавого собора. Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики сер. XVI в. М.; Л., 1958. С. 87

отмечает Ермолай-Еразм. Сочинение соединяет в себе деловой экономический трактат и образец средневекового красноречия с обязательной для своего времени библейской аргументацией основных положений. Некоторые предложения Ермолая-Еразма, содержащиеся в этом «слове», были приняты, получили юридическую фиксацию в земельной реформе и в приложении к Судебнику Ивана Грозного.

И снова с рассуждениями о правде и справедливости встречаемся мы в гневном обличительном «слове» — «Наставлении князьям, которые дают власть и право суда неблагочестивым и коварным мужам». Безымянный автор XVI в. формулирует главный принцип, который должен лежать в основе государственного управления: «Властитель мира сего — правда». Но на самом деле, по его словам, «грабители и мздоимцы, вознесшиеся в гордыне и тщеславии, раздают приказания, правый человек осужден ими бывает, а когда обращается он к князю, то князь не слушает его. Как судить душу князя?» — задает риторический вопрос писатель. Размышляя над этим и не решаясь прямо обвинить царя в попустительстве, он ограничивается напоминанием, что «один волк все стадо испортит, один вор на все стороны смердит, а у царя неправедного и слуги закону не следуют». По сути дела, в «слове» впервые поставлена под сомнение идея непогрешимости царя или великого князя и отсутствия его вины за боярские беззакония.

Идейным наследником и продолжателем традиций Иосифа Волоцкого и его сторонников в русской публицистике XVI в. был митрополит Даниил. Типичный конформист, он быстро нашел подход к Василию III и с его помощью продвигался по иерархической лестнице русской церкви. Интересна история получения им митрополичьего сана. Василий III поставил Даниила на кафедру личной волей, без церковного собора, за что Даниил сразу же нашел «обоснование» для развода великого князя с Соломонией Сабуровой и скоро венчал его с Еленой Глинской.

После сожжения московских «еретиков» партия нестяжателей уже не представляла угрозы церковному землевладению, поэтому сочинения иосифлян стали утрачивать свою полемическую заостренность. Широкое распространение получили, с одной стороны, апологии великокняжеской власти, а с другой — поучения, направленные на утверждение не только среди монахов, но и в «миру» показного аскетизма, столь характерного для Иосифо-Волоколамского монастыря. Сочинения наиболее плодовитого оратора из иосифлян — митрополита Даниила получили широкую популярность. Причиной этому является несомненный писательский талант и наблюдательность автора.

В целях овладения вниманием слушателей и читателей иосифляне стремились использовать в своих сочинениях более простой, понятный широким массам язык. Произведения их идеологических противников, написанные по правилам риторик и имеющие серьезную развернутую аргументацию, были зачастую недоступны пониманию простого народа.

Консерваторы по своим религиозным и бытовым установкам, иосифляне явились новаторами в литературной деятельности. Они смело и свободно обращались с языком, вводили в него непривычные и низкие с точки зрения средневековых канонов простонародные выражения, сочные реалистические образы, красочные описания деталей современного русского быта. Язык и стиль митрополита Даниила оказал большое влияние на формирование демократических тенденций в русской литературе, многое от него взяли Иван Пересветов, Иван Грозный, Аввакум Петров.

«Смутным временем» называют в истории России начало XVII века. Жизненный уклад Московского государства нарушили события, развернувшиеся с поразительной быстротой: смерть Бориса Годунова, убийство его сына, воцарение Лжедмитрия I, крестьянская война, правление Василия Шуйского, поход Лжедмитрия II, избрание на московский престол польского королевича Владислава, польско-литовская и шведская интервенции, первое и второе народные ополчения... Менее чем за десять лет пять раз в государстве сменялись властители, политические неурядицы усугубили расстройство экономической жизни страны. В этих условиях в народном самосознании также происходят серьезные сдвиги: народ перестает верить в «божье изволение» выбора царя, начинает осознавать себя вершителем судеб государства. Наступила, по определению В. О. Ключевского, «эпоха народных мятежей».

В политической борьбе этого времени резко возрастает роль слова, письменного и устного, в литературе начало XVII в. ознаменовано появлением многочисленных исторических сочинений, агитационных воззваний, грамот, челобитных. Известность получают речи московского патриарха Гермогена, призывающие к активному противодействию оккупантам. Но публицистичность, эмоциональность «слов» Гермогена не заслоняют от нас их невысокий художественный уровень. Гораздо талантливее своего именитого современника оказался безвестный автор «Плача о пленении и о разорении Московского государства».

«Плач» близок знаменитому «Слову о погибели Русской земли», одни и те же чувства, мысли, мечты роднят писателей, разделенных временем почти на 400 лет. «Превысочайшая Россия» — главный герой «Плача о пленении...». Над ее судьбой печалится, о ее будущем задумывается автор. Средствами книжной риторики создает он трагический и одновременно величественный образ родины, пытается разобраться в причинах ее несчастий. «Откуда появилась коварная злоба и все осилила?.. Как оказались мы в запустении?» Недоумение разрешается не только традиционной мотивировкой «наказания за грехи», но и пониманием конкретных источников зла — политики царей, которые «кровь многочисленных народов, как реки, льют», «тысячечисленного коварства» самозванцев, предательства бояр... Хотя автор не был очевидцем событий и часто довольно путано излагает исторические факты, его «Плач» нарав-

не с «грамотками» и «отписками» влился в ту «словесную войну», которая так характерна для эпохи «смуты».

Военные потрясения, государственные вопросы, которые приходилось решать XVII веку, обострили, как бы то ни казалось странным, интерес к проблеме воспитания молодого поколения. Тема «воспитания чад» никогда не была маловажной в древнерусском красноречии, но в произведениях XVII в. вопросы воспитания и образования детей связываются с вопросами государственного строительства и поэтому становятся социально значимыми.

Своеобразный памятник педагогической мысли оставил нам Иван Хворостинин — воевода и книжник XVII в. Еще во времена Ярослава Мудрого было использовано сравнение невежественного человека с конем, не имеющим узды. Это же сравнение почти через 600 лет повторяет Иван Хворостинин, развивая мысли древнейшего «слова» о «почитании книжном». Неоспоримо для писателя преимущество просвещения над богатством: «Не оставляй богатство, лучше оставь после себя ремесло...» — поучает он родителей и говорит, как опасно допускать к воспитанию детей тех, кто «в худых делах навык имеет». Одновременно «совершенствовать душу и направлять мысль юного» — долг истинного учителя. Рефреном звучат слова о вреде невежества и пользе учения, ведь, по мнению писателя, от того, «украсят» ли себя мудростью цари и владыки, будет зависеть благо государства. Краткая, авторитетная и даже категоричная форма высказываний Хворостинина должна была убеждать читателей в непреложной истинности его идей.

Самым ярким явлением литературной жизни XVII в. стали, пожалуй, сочинения Аввакума Петрова — «неистового», «огнепального» Аввакума, имя которого скоро превратилось в народном сознании в символ преданности идее, мужества, несгибаемой воли в борьбе против «извола государева». Лишенный возможности «кричать», «уча и обличая», ставший «живым мертвецом» во «живом аде», Аввакум из земляной тюрьмы в Пустозерске обращается к современникам, взволнованно откликается на все события жизни.

В течение почти двух столетий имя Аввакума было известно только как имя главы и идеолога русского раскола. Писатель Аввакум Петров был оценен и признан после первого издания его сочинений в 1861 году. И это не случайно. Дерзкое новаторство Аввакума, впервые заговорившего простым и образным народным языком, разрушавшим все и всяческие литературные каноны, еретическая смелость толкований традиционных понятий могли быть в XVII в. восприняты лишь как «несмыслие», «некнижность», «дебелое неведение». Аввакум далеко опередил свое время, его художественные открытия во многом предваряют великие достижения классиков русской литературы.

Произведения Аввакума, а их более 80, по сути своей являются па мятниками ораторскими. Их цель — непосредственное и живое воздей

ствие на массы и на каждого «слышателя». Личные обращения и призывы Аввакума к своему единомышленнику — народу; «слова», проникнутые пафосом борьбы, негодования против «великих обманщиков» — духовенства, становились социально опасными. Беседы и послания из Пустозерской ссылки «мир весь всколебали». Движение раскола, в известной степени благодаря писаниям Аввакума, постепенно приобретало не только антицерковную, но и антигосударственную направленность. Мысли, которые излагал Аввакум, действия, к которым он призывал, вся его проповедь против царей и князей церкви нередко оказывались близки идеям Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева. «Выступление политического протеста под религиозной оболочкой,— указывал В. И. Ленин,— есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»[1]. Форму крестьянской ереси приобрела в условиях русского средневековья и демократическая идеология Аввакума. Поэтому так понятны резко противоположные оценки личности Аввакума: власти говорили о нем как о «еретике», «непокорнике», «распопе проклятом»; народ считал, что «всю жисть он за бедных мужиков отдал» и «с боярами дрался». Исторически понятна и формулировка смертного приговора: Аввакум был заживо сожжен не за религиозные прегрешения, а «за великия на царский дом хулы».

В своих сочинениях Аввакум предстает перед нами политиком, мыслителем, моралистом, страстным правдоискателем и в то же время великолепным стилистом и мастером слова, одинаково блестяще владеющим витийственной манерой торжественного красноречия и поэтикой устного народного сказа, разговорным синтаксисом, простонародной фразеологией. Ораторская речь Аввакума объединила, сплавила в одно художественное целое и привычные в литературе церковнославянские слова и «мужицкий», «подлый» язык, примирила их задолго до Державина и Пушкина. «Вот она, живая речь московская... речь чисто русская»,— восхищался И. С. Тургенев. Подобно буре ворвался «живой, мужицкий, полнокровный голос» Аввакума в «омертвелую словесность» эпохи,— говорил на I съезде писателей А. Н. Толстой.

В творчестве Аввакума нашли свое отражение разнообразные факты и стороны действительности, но главной темой всех его сочинений остается человек: его духовная жизнь, его боль и радость, его видение мира и людей. Сам Аввакум — центральный герой всех своих писаний. Тема человека, определившая впоследствии основную линию развития русской классической литературы, была нова, неожиданна и даже кощунственна для русского общества XVII в., воспитанного на средневековых представлениях о «худости» и «ничтожестве» человека. Аввакум же отнюдь не считает себя заурядной личностью: смеясь и издеваясь над своими противниками, он приравнивает себя к прославленным в древно-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 4.— С. 228.

сти «отцам», которых в XVII в. сторонники Никона также называли «неуками».

Психологизм произведений Аввакума Петрова, вообще не свойственный духу средневековья, тем более был удивителен в ораторской прозе. После Аввакума, пожалуй, лишь в произведениях М. Горького можно встретить сочетание психологической углубленности с призывным политическим словом. Горький же одним из первых советских писателей высоко оценил сочинения Аввакума, считал, что они остаются «непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца».

Соратницей Аввакума была княгиня Е. П. Урусова, оставившая несколько замечательных в художественном отношении посланий и писем. Писателей-женщин вообще не знала русская литература вплоть до середины XVIII в., и сочинения Е. П. Урусовой являются редкостным исключением из этого правила. Тяжелые обстоятельства личной судьбы заставили Е. П. Урусову взяться за перо: последовав в идеологической борьбе XVII в. за Аввакумом, она по примеру учителя пошла и на мучения. Из земляной тюрьмы княгиня обращается к своим детям, дает им последние наставления, которые складываются в форму плача. В отличие от литературных и устных канонов этого жанра, где живой оплакивает мертвого, Урусова, сама заживо погребенная, зная, что ее ожидает скорая смерть, рыдает над участью своих троих детей. Любовью и заботой дышит послание: «Ох, светы мои, три птенца сирыя и превозлюбленныя... Ох, светы мои, молю у вас, поживите в любви межу себя и берегитя брата, светы мои...» Художественные средства письма Е. П. Урусовой представляют сочетание поэтических приемов, заимствованных из древних народных причетей, церковных песнопений, библейской лирики, объединенных сильным чувством и талантом писательницы.

Наряду с собственно русской демократической тенденцией, наиболее выразительно воплощенной в сочинениях Аввакума Петрова, в ораторском искусстве XVII в. прослеживается и западное влияние. Присоединение к России части украинских и белорусских земель неизбежно повлекло за собой дальнейшее развитие и взаимообогащение культур: южнорусской, вобравшей в себя многое из Польши и других западных стран, и восточной — московской. Царь Алексей Михайлович приветствовал «куриозные» новшества, а в кругу его приближенных были и властолюбивый Никон, и борец за старую веру фанатичный Аввакум, и европейски образованный Симеон Полоцкий, приехавший в Москву из Белоруссии. Каждый из этих ораторов по-своему понимал задачи строительства нового государства и культуры.

Социальная активность писателя в этот период в большой мере выражается в его ораторской деятельности. Только с помощью слова считается возможным исправление нравов, достижение конкретных целей. Так, Симеон Полоцкий называл свои сочинения «мечем, не человека убивающем, но пороки их». Теория и практика риторики как «искусства»,

«художества» призваны были выполнять большие культурные и просветительные задачи, формировать духовный облик человека.

В 1617, 1619 годах вологодским епископом Макарием составляется первая русская риторика, Москва знакомится и с южнорусскими риториками, в частности с трудом ректора Киево-Могилянской коллегии Иоанникия Голятовского «Наука или способ изложения или составления проповеди», пишет риторику и Симеон Полоцкий — первый в России писатель-профессионал, создавший в своей ораторской практике оригинальную идейно-эстетическую концепцию нового для России художественного стиля барокко (стиля помпезного, орнаментального). Симеон переносит на русскую почву традиции украинско-польского витийства, насыщает московскую речь западноевропейскими «идиоматами». Но в отличие от южнорусской проповеди, которая ограничивалась выполнением схоластических требований риторик, сухими логическими приемами и схемами, сочинения Симеона Полоцкого пытаются решать вопросы, задаваемые жизнью: оратор борется против раскольников, ратует за распространение просвещения, за строительство училищ, дает советы молодому царю, как управлять людьми, обличает невежество и суеверия... Желание донести свои мысли до самого широкого круга людей заставляет Симеона переосмыслить требования, предъявляемые риториками к стилю ораторских сочинений: «Удобее простое слово уразумеваемо есть в писании, нежe красотами художественными покровенное» — так витиевато говорит Симеон о преимуществе неукрашенной, простой речи, не в силах избавиться от «барочных» привычек.

Ораторское искусство Симеона Полоцкого — это своего рода вариант русского «умеренного» барокко, освобожденного от формализма и вычурности западноевропейского, но в то же время сохранившего его просветительскую и гуманистическую направленность, энциклопедическую широту содержащихся сведений, вариативность словесного оформления мысли... Стиль барокко, утверждавшийся в творчестве Симеона Полоцкого, подготовил литературное направление классицизма, перестройку художественной системы средневековой литературы в литературу нового типа.

* * *

Во все времена ценили люди ораторское слово. Оно явилось важным средством воспитания, проводником новых идей, философских, этических, эстетических учений. Именно через ораторское слово идеи овладевали массами, звали к действию, пробуждая лучшие гражданские чувства, служили великим целям культурного прогресса.

За свою многовековую историю ораторское искусство Древней Руси выработало замечательные методы художественного соединения мысли и чувства, позволяющие собрать воедино волю и силу многих. К памят-

никам красноречия XI—XVII вв. в большой степени можно отнести слова М. В. Ломоносова: «Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствуют довольно из книг, в прошлыя веки писанных»[1]. Эстетические ценности произведений древнерусского ораторского искусства непреходящи. Они были усвоены русской литературой нового времени и в значительной мере определили ее национальное своеобразие и ее место в мировом литературном процессе.

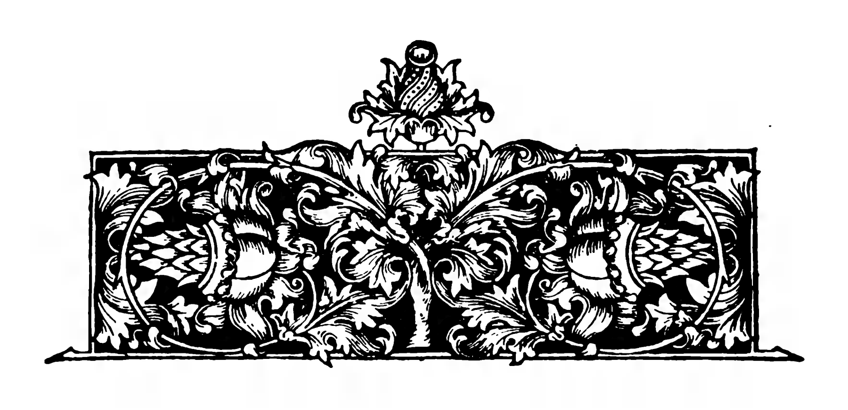
Т. В. Черторицкая

---

[1] Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. — Т. 7. — М.; Л., 1952. — С. 582.

Красноречие Киевской Руси и периода „ратей многих“ – нашествия татаро-монгол

(XI–конец XIV века)



ИЗ «ИЗБОРНИКА» 1076 ГОДА

Слово о чтении книг

Слово некоего калугера о чьтении книгъ

Добро, есть братие, почетанье книжьное, паче всякому хрьстьяну; блажени бо рече испытаюштии съведения его, вьсемь сердцьмь възиштють его. Чьто бо рече испытаюштеи съведения его? Егда чьтеши книгы, не тъшти ся бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумеи, чьто глаголють книгы и словеса та, и тришьды обраштаяся о единои главизне. Рече бо въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрешу тебе. Не рече усты тъчью изглаголаахъ, нъ и въ сьрдьци съкрыхъ, да не съгрешу тебе, и поразумевая убо истиньне писания правимъ есть ими.

Реку же: узда коневи правитель есть и въздьржание, правьвдьнику же книгы, не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго; и яко же пленьникомъ умъ стоить у родитель своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнемь. Красота воину оружие и кораблу ветрила, тако и правьднику почитание книжьное.

Отъкрыи бо, рече, очи мои, да разумею чюдеса отъ закона твоего. Очи бо глаголеть размыслъ сердчьныи и прочее. Не съкрыи отъ мене заповъдии твоихъ, разумеи, яко не отъ очию съкрыи, но отъ разума и сердца, темь же и похули не поучаюштаяся, глаголя: прокляти укланяюштеися отъ заповедии твоихъ, темь же и самъ ся похвали, глаголя; коль сладъка словеса твоя паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяштя злата и сребра. И въспетъ, глаголя: въздрадуюся азъ о словесьхъ твоихъ, яко обретая користь мъногу, користь бо нарече словеса божия глаголя: яко обретохъ недостоинъ сы такъ даръ, еже ми ся поучати словесьмъ твоимъ дьнь и ношть.

То мы, братия, поразумеимъ и послушаимъ разумьныма ушима и поразумеимъ силу и поучение святыхъ книгъ. Послушаи ты житья святааго Василия и святааго Иоанна Златоустааго, и святааго Кирила[1] философа и инехъ многъ святыихъ. Како ти съ пьрва поведають о нихъ рекуште: из млада прилежааху святъхъ книгъ, то же и на добрая дела подвигнушася. Виждь, како ти начатъкъ добрыимъ деломъ, поучение святыихъ книгъ!

Да теми, братия, и сими подвигнемъся на путь жития ихъ и на дела ихъ, и поучаимъся въину книжьныимъ словесьмъ, творяще волю ихъ, якоже велять. Да и вечьныя жизни достоини будемъ. Въ векы. Аминь.

Перевод

Слово некоего инока о чтении книг

Доброе дело, братья, чтение книг, особенно для каждого христианина, ибо сказано: «блаженны познающие учение его, всем сердцем стремящиеся к нему». Что же означает: познавать учение его? Когда читаешь книгу, не старайся быстро дочитать до следующей главы, но подумай, о чем говорит книга и слова ее, и трижды обратись к одной главе, ибо сказано: «в сердце моем сокрыл я словеса твои, чтобы не погрешить перед тобою». Ведь не сказано: устами только произнес, но в сердце запечатлел, чтобы не погрешить перед тобою! Задумываясь над истинными писаниями, должны мы направляться ими.

Скажу так: конь управляется и удерживается уздою, праведник же — книгами. Не собрать корабля без гвоздей — не будет праведника без чтения книжного. Как пленник всегда думает о родных своих, так и праведник — о чтении книжном. Красота воину оружие и кораблю — паруса, так и праведнику — почитание книжное.

«Открой,— сказано,— очи мои, и увижу чудеса закона твоего». Очи выражают помыслы сердечные и прочее. «Не утаи от меня заповедей твоих», ведь не от глаз скрываешь, но от разума и сердца. Потому и похули ненаучающихся словами: «пусть прокляты будут уклоняющиеся от заповедей твоих». Потому и похвали сам себя, говоря: «как сладки слова твои, слаще меда для уст моих, и закон из уст твоих дороже тысячи золотых и серебряных монет». И воспоешь, восклицая: «порадуюсь я словам твоим так, будто получил я большую прибыль», ибо прибылью нарекаются слова божии; говорится: «что обрел, того недостоин, как и дара наслаждаться словами твоими день и ночь».

Так и мы, братья, уразумеем и послушаем с пониманием, и поразмыслим над силой и мудростью святых книг! Послушай и ты житие святого Василия, и святого Иоанна Златоуста, и святого Кирилла[1], и иных многих святых, как о том нам прежде поведали, говоря о них: измлада усердно читали святые книги, потому впоследствии и на добрые дела подвигнулись. Видишь сам, в чем источник добрых дел — в учении святых книг!

С теми, братья, и за ними устремимся по пути жизни их и за делами их и поучимся и другим книжным словам, будем творить волю их, как они велят, тогда и вечной жизни удостоимся на веки. Аминь.

Наказание богатымъ

Іко елико великыимъ сьподобилься еси отъ бога благыимъ, тольма и большая длъжьнъ еси въздаяти.

Отъвьрзаи уши свои въ ништете стражюштимъ, да обрящтеши и ты божии слухъ отвьрзенъ.

Аци же убо биваемъ нашимъ новиньникомъ, тако и о насъ обряштемъ небесьнааго владыку.

Отъвраштаися ласкавьць льстьныихъ словесъ, яко и врановъ, искалають бо очи умьнеи[1].

Аште отъ вьсехъ хоштеши чьсть имети, буди всемъ благодетель обышти.

Аште хоштеши вся сущая подъ собою исправити, добро творяштяя чьсти и зъло творяштимъ запрецаи.

Такы убо себе другы и съветьникы имеи, иже не вься глаголемая тобою хвалять, нъ судъмь правьдныимь тъштяться отвештати ти.

Разумьно послушати подобаеть пьря судиямъ, неудобь бо есть правьды изобрести, скоро отъбегаюште или отъгоняште.

Разумеваи пьря мьдьльно, твори же расуждения не тъштася.

Твьрдо разумеи спасения своего хранилиште, еже николи же людина обидети.

Буди своимъ новиньникомъ страшьнъ сана ради, а любьзнъ поданиемь милостыня.

Елико силою превышиши еси вьсехъ, тольма и делы добрыми свьтети ти подвизаися паче всехъ.

Проштения требуя греховъ, праштаи и самъ къ тебе съгрешаюштая еже бо на рабехъ нашихъ проштение божия гнева биваеть свобода.

Тъгда наречеться къто убо истиньныи властелинъ, егда самъ собою обладаеть, и неленыимъ похотьмъ не работаеть.

Съмьрть и гонение и напасть и вься видимая зълая предъ очима ти да будуть по вься дьни и чясы.

Такъ буди о своихъ рабехъ, яко же молишися тебе богу быти.

Не оправьдаи неправьдьнааго, аште и другъ ти есть, ти обидить правьдьнааго, аште и врагъ ти есть.

Аште къто имать очиштену душу отъ человечьскыя прельсти и видить худость своего естьства, умаления же и напрасную съмьрть сего жития, въ брегъ гърдостьныи не въпадеться, аште и въ сану есть высоце.

Въ известьнемъ сердця твоего съвете разумеваи суштиихъ съ тобою норовы, да познаеши въ истину съ любьвыю служаштиихъ ти или съ льстью ласкаюштиихъ.

Мънози бо приязнию лицемерьною вельми известьныимъ пакость творять.

Яко не достоить послушати клеветаря, сладъко ти глаголюшта или слышати на ближьняаго, да не отъпадеши божия любъве и царства.

Въвъздьржи клевештюштааго въ ушию твоею, да не купно съ нимъ погынеши.

Наставление богатым

Перевод

Сколь великим наделен ты от бога богатством, столь много и даже больше того должен ты отдать.

Обрати слух свой к страдающим в нищете, тогда и тебя господь услышит.

Как у нас есть подвластные нам люди, так и над нами есть небесный владыка.

Уклоняйся, как от воронов, от вкрадчивых слов льстецов, выклюют глаза те умники[1].

Если хочешь от всех почет иметь, будь сам для всех благодетелем.

Если хочешь всех тех, кто ниже тебя, исправить, творящим добро воздавай почет, творящих зло наказывай.

Таких имей друзей и советников, которые не все сказанное тобой восхваляют, но стремятся отвечать по суду праведному.

Внимательно выслушивать подобает судебную тяжбу, невозможно ведь открыть правду на ходу — отбегая или отгоняя от себя.

Вдумывайся в суть спора неторопливо, выноси приговор без поспешности.

Твердо знай, в чем спасение твоей души,— в том, чтобы никого из людей не обидеть.

Будь грозен для подчиненных саном своим, но любезен милосердием своим.

Насколько могуществом превыше ты всех, настолько и делами добрыми больше всех сиять и утруждаться ради них должен.

Требуя прощения грехов, прощай и сам согрешающих

перед тобою, ибо кто рабов наших прощает, не навлечет на себя божьего гнева.

Только тогда наречется кто-либо истинным властелином, когда сам собою научится владеть и не будет слугой страстей непристойных.

Пусть смерть и гонения, и напасти, и все возможные беды будут перед глазами твоими каждый день и час.

Таким будь со своими слугами, каким молишь бога быть с тобою.

Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, и не обижай правого, даже если он и враг тебе.

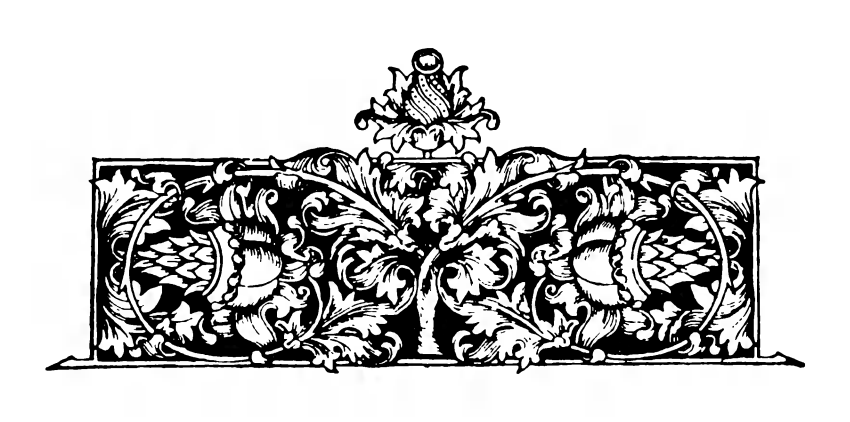
Если кто чист душою, свободен от человеческих заблуждений и осознает свое ничтожество, сокращение и внезапный конец этой жизни, тот не упадет в пропасть гордыни, даже если и будет иметь высокий сан.

С надежным советом сердца своего изучай нравы окружающих тебя людей, тогда воистину узнаешь ты с любовью служащих тебе или лестью обманывающих тебя.

Многие лицемерною преданностью весьма известным людям пакость творят.

Не достойно слушать клеветника сладкоглаголющего или наговаривающего на ближнего, чтобы не лишиться божией любви и царства.

Не передавай то, что услышал от клеветника, дабы не погибнуть вместе с ним.



Лука Жидята
Поучение к братии

Се, братие, первее всего сию заповедь известно должни есмы вси крестиане держати: веровати въ единъ богъ, въ троици славимъ, въ отца и сына и святаго духа, якоже научили апостоли, святии отци утвердиша. Верую въ единаго бога до конца. Веруйте же ми кресению и жизни вечнеи и муце грешнымъ вечнеи.

Не ленитеся къ церкви ходити, и на заутреню, и на обедню, и на вечернюю; и въ своеи клети, хотя спати, богу поклонився, толико на постели лязи. Въ церкви предстоити со страхомъ божиемъ, не молви речи, но ни мысли, но моли бога всею мыслью, да отдасть ти бог грехи.

Любовь имеите со всяцемъ человекомъ, а боле з братиею, и не буди ино на сердци, а ино въ устехъ; но подъ братомъ амы не рои, да тебе богъ въ горшаа тои не вринеть. Но буди правдивъ тако, яко не каися, правды дела и закона божия и приложа главы, да сочтеть тя богъ съ святыми. Претерпите братъ брату и всякому человеку,

а не въздаите зла за зло, другъ друга похвали, да и богъ вы похвалить. Не мози свадити, да не наречешися сынъ диаволу, но смиряи, да будеши сынъ богу. Не осуди брата ни мыслию, поминаа свои грехи, да тебе богъ не осудить. Помините и милуите странныя, и убогыя, и темничникы, и своимъ сиротамъ милостивы будете.

Москолудство вамъ, братие, не лепо имети, ни молвити срамна слова, ни гнева на всякъ день имети; не похритаися, не посмеися никому же, въ напасти же терпи, на бога упование имеа. Буести не имеите, ни гордости, ни прилепляися инехъ творити, помня, яко утро будемъ смрадъ, и гнои, и червие. Будете смирени и кротци, да и послужници будете и творци божиимъ заповедемъ, въ гордаго бо сердци диаволъ седить и божие слово не хощеть прилнути ему.

Чтите стара человека и родителя своя, не кленитеся божиимъ именемъ, ни иного заклинаите. Судите по правде, мзды не емлите, въ лихву не даите. Бога ся боите, князя чтите, раби первое бога также господу. Чтите отъ всего сердца иереа божия, чтите и слугы церковныя.

Не убии, не укради, не солжи, лжи послухъ не буди, не навиди, не завиди, не клевечи! Блядни не твори ни с рабою, ни с кимъ же; не пии безъ года, но здоволъ, а не до пианства. Не буди гневливъ, ни напрасливъ буди, съ радующимися радуися, съ печалными печаленъ. Не адите скверна, святыа дни чтите. Бог же мира со всеми вами! Аминь.

Перевод

Теперь, братья, прежде всего должны мы такой заповеди твердо следовать: верить в единого бога, прославленного в троице, в отца и сына и святого духа, как научили апостолы, святые отцы установили. Верю в единого бога до конца. Верьте же мне, что будет воскресение и жизнь вечная и мука грешникам вечная!

Не ленитесь в церковь ходить и на заутреню, и на обедню, и на вечерню. И в своем доме, отходя ко сну, сначала богу поклонитесь, а потом в постель ложитесь. В церкви стоять должно со страхом божиим, не говорить ничего и ни о чем не помышлять, но умолять следует бога

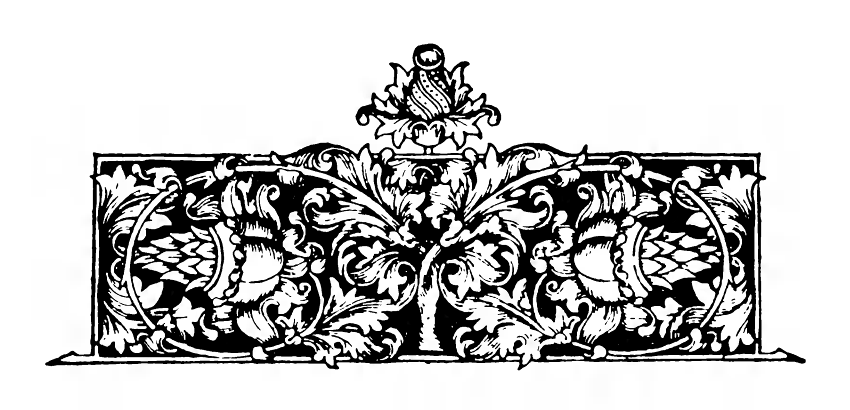
всем своим разумом, и отпустит тогда бог тебе грехи.

Любовь имейте ко всякому человеку, а более всего — к близким; и пусть не будет у вас иного на сердце, а другого на устах! Брату ямы не рой, чтобы не вверг бог тебя в еще большую! Будь правдив так, чтобы и не каяться; ради правды и закона божия голову сложи, пусть причтет тебя бог ко святым. Прощайте брат брату и всякому человеку и не воздайте зла за зло; друг друга восхвалите, тогда и бог вас похвалит. Не ввергай близких в ссоры, чтобы не прозваться тебе сыном дьявола, но примиряй, и будешь ты богу угоден. Не осуди брата даже в мыслях, помни о своих грехах, тогда и бог тебя не осудит. Помните и заботьтесь о странниках, и убогих, и узниках, не обделяйте милостью и своих сирот!

Не пристали вам, братья, шутовство и бесовские игрища, и срамные слова молвить, и гневаться всякий день. Не презирай никого, ни над кем не смейся, в несчастье же терпи, уповая на бога. Не имейте дерзости и гордости — не склоняйтесь ни к чему подобному, помня, что назавтра и сами будем смрад, и гной, и черви! Будьте смиренны и кротки, исполняйте божии заповеди, ибо в сердце гордеца дьявол обитает, и слово божие не может утвердиться в нем.

Почитайте старого человека и родителей своих, не клянитесь божьим именем, ни иным чем не заклинайте и не проклинайте! Судите по правде, мзды не берите, в рост не давайте. Бога бойтесь, князя чтите, ведь рабы мы, во-первых, бога, а потом господина. Чтите от всего сердца служителя божия, почитайте и слуг церковных.

Не убей, не укради, не солги, не будь лжесвидетелем, не непавидь, не завидуй, не клевещи! Блуда не сотвори ни с рабой, ни с кем другим! Не пей не вовремя, но только умеренно и не до пьянства. Не буди ни гневлив, ни вспыльчив, с радующимися радуйся, с печальными печалься. Не ешьте скверной пищи, почитайте святые дни. Бог же мира со всеми вами. Аминь!



Иларион
Слово о Законе и Благодати

О Законе, Моисеомъ данеемъ, и о Благодети[1] и истине, Иисусъ Христомъ бывшии, и како Законъ отиде, Благодать же и Истина всю землю исполни и вера въ вся языкы простреся и до нашего языка рускаго; и похвала кагану нашему Влодимеру [...]

Благословенъ господь богъ израилевъ, богъ христианескъ, яко посети и сътвори избавление людемь своимъ, яко не презре до конца твари своеа идольскыимъ мракомъ одержимe быти и бесовьскыимъ служеваниемь гыбнути, нъ оправде прежде племя Авраамле скрижальми и закономъ, послежде же сыномъ своимъ вся языкы спасе евангелиемь и крещениемь, въводя а въ обновление накыбытиа, въ жизнь вечьную [...].

Законъ бо предътечя бе и слуга благодети и истине; истина же и благодать слуга будущему веку, жизни нетленнеи. Яко законъ привождааше възаконеныа къ благодетьному крещению, крещение же сыны своа препущаеть на вечную жизнь. Моисе бо и пророцы о Христове пришествии поведаахy, Христос же и апостоли его — о въскресении и о будущимъ веце.

Еже поминати въ писании семь и пророчьскаа проповеданиа о Христе и апостольскаа учениа о будущимъ

веце, то излиха есть и на тъщеславие съкланяяся[2]. Еже бо въ инех книгах писано и вами ведомо, ти сде положити, то дръзости образъ есть и славохотию. Ни къ неведущиимъ бо пишемъ, нъ преизлиха насыштьшемся сладости книжныа, не къ врагомъ божиемъ иноверныимъ, нъ самемъ сыномъ его, не къ страныимъ, но къ наследникомъ небеснаго царьства. Но о законе, Моисеемъ данеемь, и о благодети и истине, Христосомъ бывшии, повесть си есть.

И что успе закон? Что ли благодать? Прежде законъ ти, потомъ благодать, прежде стень ти, потомъ истина. Образ же закону и благодети — Агарь и Сарра[3], работнаа прежде ти, потомъ свободнаа. Да разумееть, иже чтеть. Яко Авраамъ убо от уности своеи Сарру име жену си, свободную, а не рабу[4], и богъ убо прежде векъ изволи и умысли сына своего въ миръ послати и темъ благодате явитися.— Сарра же не раждааше, понеже бе неплоды, не бе неплодь, нь заключена бе божиимъ промысломъ на старость родити; безвестная же и таинаа премудрости божии утаена бяаху ангелъ и человекъ, не яко не явима, нъ утаена и на конець века хотяща явитися.— Сарра же глагола къ Аврааму: «Се заключи мя господь богъ не раждати, вълези убо къ рабе моеи Агари и родиши от нее». Благодать же глагола къ богу: «Аще несть времене съпити ми на землю и спасти миръ, съниде на гору Синаї и закон положи».— Послуша Авраамъ речи Саррины и вълезе къ рабе ее Агаре; послуша же и богъ яже от благодате словесъ, и съниде на Синаи.— Роди же Агарь раба от Авраама, раба робичинить, и нарече Аврамъ имя ему: Измаилъ. Изнесе же Моисей от Синайскыа горы законъ, а не благодать, стень а не истину.

По сихъ же уже стару сущу Аврааму и Сарре, явися богъ Аврааму, седящу ему предъ дверьми кущке его, въ полудне, у дуба Мамьврийскааго; Авраамъ же текъ въ сретение ему, и поклонися ему до земле, и приатъ и въ кушту свою. Веку же сему къ коньцу приближающуся, посетить господь человечьскааго рода и съниде съ небесе, въ утробу девицы въходя; приятъ же и девица съ покланяниемь въ кущу плътяную, не болевьши, глаголющу ти къ ангелу: «Се раба господня, буди мне по глаголу твоему».— Тогда убо отъключи богъ ложесна Саррина, и зачеьши роди Исаака, свободьнаа свободьнааго. И присетивъшу богу человечьска естьства, явишася уже безвестнаа и утаеная, и родися благодать и истина, а не законъ — сынъ, а не рабъ. И яко отдоися отроча Исаакъ и укрепе,

сътвори Авраамъ гоститву велику, егда отдоися Исаакъ, сынъ его; егда бе Христосъ на земли, и еще благодать не укрепила бяаше, нъ дояшеся и еще за 30 летъ, въ ня же Христосъ таяашеся; егда же уже отдоися и укрепе[5], и явися благодать божия всемъ человекомъ въ Иорданьстеи реце[6], сътвори богъ гоститву и пиръ великъ тельцемъ[7] упитеныимъ от века, възлюбленныимъ сыномъ своимъ Иисусъ Христомъ[8], съзвавъ на едино веселие небесныа и земныа, съвокупивъ въ едино ангелы и человекы.

По сихъ же видевши Сарра Измаила, сына Агарина, играюща съ сыномъ своимъ Исакомъ, и яко приобиденъ бысть Исаакъ Измаиломъ, рече къ Аврааму: «Отжени рабу и съ сыномъ ее, не имать бо наследовати сынъ рабынинъ сына свободныа.» [...] Видевши же свободьнаа благодеть чада своа христианыи обидимы от июдеи, сыновъ работнааго закона, възъпи къ богу: «Отжени июдеиство и съ закономъ, расточи по странам». Кое бо причастие стеню съ истиною, июдейству съ христианьствомъ? — И отгнана бысть Агарь раба съ сыномъ ее Измаиломъ, и Исаакъ, сынъ свободныа, наследникъ бысть Аврааму, отцу своему. И отгнани быня июдеи и расточени по странам и чада благодетьнаа христиании наследници быша богу и отцу. Отиде бо светъ луны, солнцю въсиавшу, тако и законъ, благодати явльшися, и студеньство нощное погибе, сълнечьней теплоте землю съгревши. [...] Законъ бо прежде бе: и възнесеся въмале, и отыде. Вера же християньская, послежде явльшися, болши первыа бысть, и расплодися на множьство языкъ, и Христова благодать всю землю обьятъ и яко вода морьскаа покры ю[...].

Лепо бо бе благодати и истине на новы люди въсиати: не вьливають бо, по словеси господню, вина новааго учениа благодатьна въ мехы ветхы, обетъшавъши въ июдеистве; аще ли то просядутся меси и вино пролеется. Не могъше бо закона стеня удержати, но многажды идоломъ поклонявшеся, како истинныа благодати удержать учение? Нъ ново учение — новы мехы, новы языки и обое съблюдется. Якоже и есть: вера бо благодатьнаа по всей земли простреся и до нашего языка рускааго дойде, и законное езеро пресъше, евангельскый же источникъ наводнився и всю землю покрывъ и до насъ разлиася. Се бо уже и мы съ всеми христиаными славимъ святую троицу, и иудеа молчить [...]. И уже не идолослужителе зовемся, но христиани, не еще безнадежници, нъ уповающе въ жизнь вечную. И уже не капище сътонино съграждаемь, но Христовы

церкви зиждемь, уже не закалаемь бесомъ другъ друга, нъ Христосъ за ны закалаемь бываеть и дробимъ въ жертву богу и отьцю. И уже не жертвеныа крове въкушающе погыбаемь, нъ Христовы пречистыа крове въкушающе съпасаемся. Вся страны благый богъ нашь помилова и насъ не презре, въсхоте и спасе ны, и въ разумъ истинный приведе [...].

Хвалить же похвальными гласы Римьскаа страна Петра и Павла, има же вероваша въ Иисуса Христа сына божиа[9]; Асиа и Ефесъ и Патмъ[10] — Иоанна Богословьца; Индиа — Фому, Египеть — Марка; вся страны и гради, и людие чтуть и славять коегождо ихъ учителя, иже научиша я православней вере. Похвалимъ же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворьшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вънука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лета владычествующе, мужьствомъ же и храборъствомъ прослуша въ странахъ многах и победами и крепостию поминаются ныне и словуть. Не въ худе бо и неведоме земли владычьствоваша, нъ въ руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли. Сии славныи от славныихъ рожься, благороденъ от благородныих, каганъ нашь Влодимеръ, и възрастъ и укреневъ от детескыи младости, паче же възмужавъ крепостию и силою съвершаяся, мужьствомъ же и съмысломъ предъспеа, и единодержець бывъ земли своей, покоривъ подъ ся округъняа страны овы миромъ, а непокоривыа мечемь[11]. И тако ему въ дни свои живущю и землю свою пасущю правдою, мужьствомь же и съмысломъ, приде на нь посещение вышняго, призре на нь всемилостивое око благааго бога и въсиа разумъ въ сердци его, яко разумети суету идольскыи льсти, възыскати единого бога, створьшааго всю тварь видимую и невидимую. Паче же слышано ему бе всегда о благоверьнии земли Гречьске, христолюбиви же и сильне верою, како единого бога въ троици чтуть и кланяются; како въ нихъ деются силы и чюдеса и знамения, како церкви люди исполнены, како вси гради благоверьни, вси въ молитвах предстоять, вси богови предстоять. И си слыша, въжделa сердцемь и възгоре духомъ, якоже быти ему христиану и земли его. Еже и бысть, богу тако изволившу, възлюбившу человечьское естьство. Съвлечежеся убо каганъ нашь, и съ ризами ветъхааго человека, съложи тленнаа, отрясе прахъ неверна и влезе въ святую купель и породися отъ духа и воды. Въ Христа

крестився, въ Христа облечеся, и изыде отъ купели белообразуяся, сынъ бывъ нетлениа, сынъ въскрешениа, имя приимъ вечно, именито на роды и роды: Василий[12], имже написася въ книги животныа, въ вышниимъ граде и нетленнеимъ Иерусалиме[13]. Сему же бывьшу, не доселе стави благоверна подвига, ни о том токмо яви сущую въ немь къ богу любовь, нъ подвижеся паче, заповедавъ по всей земли и крьститися въ имя отца и сына и святаго духа, и ясно и велегласно въ всехъ градехъ славитися святей троици и всемъ быти христианомъ: малым и великымъ, рабомъ и свободнымъ, уным и старым, бояромъ и простыимъ, богатымъ и убогыимъ. И не бы ни единогож противящася благочестному его повелению, да аще кто и не любовию, нъ страхом повелевшаго крещахуся, понеже бе благоверие его съ властию съпряжено. И въ едино время вся земля наша въ славе Христа съ отцемь и съ святымъ духомъ. Тогда начать мракъ идольский отъ насъ отходити и зоре благоверия явишася, тогда тма бесослуганиа погыбе и слово евангельское землю нашу осия, капища раздрушаахуся и церкви поставляахуся, идолы съкрушаахуся и иконы святыихъ являахуся, беси пробегааху, крестъ грады свящаше; пастуси словесныихъ овець Христовъ епископи сташа пред святыимъ олтаремъ жертву бескверньную възносяще, попове и диакони и весь клиросъ украсиша въ лепоту одеша святыа церкви. [...]

Тебе же како похвалимъ, о честный и славный въ земленыихъ владыкахъ премужьственый Василие? Како добároте почюдимся, крепости же и силе? Каково ти благодарие въздадимъ, яко тобою познахомъ господа и льсти идольскыа избыхомъ, яко твоимъ повелениемь по всей земли твоеи Христос славится? Ли что ти приречемъ, христолюбче, друже правде, съмыслу место, милостыни гнездо? Како верова? Како разгореся въ любовь Христову? Како въселися въ тя разумъ, выше разума земленыихъ мудрець, еже невидимаго възлюбити и о небесныихъ подвигнутися? Како възиска Христа? Како предася ему? Повеждь намъ, рабомъ твоимъ, повеждь учителю нашь: откуду ти припахну воня святаго духа? Откуду испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуду въкуси и виде, яко благъ господь? Не виделъ еси Христа, ни ходилъ еси по немь, како ученикъ его обретеся? Ини видевше его не вероваша, ты же не видевъ верова. По истине бы на тебе блаженьство господа Иисуса, реченное къ Фоме: «блажени не видевше и веровавше»[14]. [...]

К сему же кто исповесть многыа твоа нощныа милостыня и дневныя щедроты, яже къ убогыимъ творяаше, къ сирыимъ, къ болящиимъ, къ дължныимъ и къ вдовамъ, и къ всемъ требующиимъ милости? Слышалъ бо бе глаголъ глаголаный Даниломъ[15] къ Навходоносору: «съветъ мой да будеть ти годе, царю Навуходоносоре и грехы твоа милостынями оцести, и неправды твоа щедротами нищиихъ. Еже слышавъ ты, отче светильниче, не до слышаниа стави глаголанное, нъ деломъ съконча просящиимъ подаваа, нагыа одевая, жадныа и алчъныа насыщая, болящиимъ всяко утешение посылаа, должныа искупая, работныимъ свободу дая. Твоя бо щедроты и милостыня и ныне въ человецехъ поминаемы суть, паче же предъ богомъ и ангеломъ его. Ея же ради доброприлюбныа богомъ милостыня, много дрързновение имееши къ нему, яко присный Христовъ рабъ. Помагаеть ми словеси рекыи: «милость хвалится на суде и милостыни мужу, аки печать съ нимъ. Вернее же самого господа глаголъ: «блажени милостивии, яко те помилованни будуть. Ино же ясне и вернее послушьство приведемь о тебе отъ святыхъ писаний, реченое от Иякова апостола, яко обративый грешника отъ заблуждениа пути его спасетъ душу отъ смерти и покрыеть множество греховъ. Да аще единого человека обративъшююуму толико възмездие отъ благаго бога, то каково убо спасение обрете, о Василие, како бремя греховное расыпа, единого обративъ человека отъ заблужениа идольскыа льсти, ни десятини града, но всю область сию? Показаеть ны и уверяеть самъ спасъ Христосъ, какоя тя славы и чьсти сподобилъ есть на небесехъ, глаголя: «иже исповесть мя предъ человекы, исповемь и азъ предъ отцемъ моим, иже есть на небесехъ». Да аще исповедание приемлеть о себе отъ Христа къ богу отцу исповедавъ и его токмо пред человекы. Колико ты похваленъ от него имаши быти, не токмо исповедавъ, яко сынъ божий есть Христос, нъ исповедавъ и веру его, уставль не въ единомъ съборе, нъ по всей земли сей, и церкви Христови поставль, и служителя ему въведъ. Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемь его! Онъ съ святыими отци Никеискааго събора законъ человекомъ полагааше[16], ты же съ новыими нашими отцы епископы снимаяся чясто съ многымъ съмерениемь съвещаваашеся, како въ человецехъ сихъ новопознавшиихъ господа законъ уставити. Онъ въ елинехъ и римлянехъ царьство богу покори, ты же въ Руси. Уже бо и въ онехъ и въ насъ Христосъ ца-

ремь зовется. Онъ же съ материю своею Еленою крестъ от Иерусалима принесъша, по всему миру своему раславьша, веру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новааго Иерусалима — Коньстянтина града, по всеи земли своей поставивша утвердиста веру[17]. Его же убо подобникъ быи, съ темь же единоя славы и чести обещьника сътворилъ тя господь на небесехъ, благоверна твоего ради, еже име въ животе своемь.

Добръ пастухъ благоверию твоему, о блажениче, святаа церкви святыа богородица Мариа[18], юже създа на правоверьнеи основе, идеже и мужьственное твое тело ныне лежит, жида трубы архангельскы.

Добръ же зело и веренъ послухъ сынъ твой Георгий[19], его ж сътвори господь наместника по тебе твоему владычьству, не рушаща твоих уставъ, нъ утвержающа, ни умаляюща твоему благоверию положениа, но наче прилагающа, не сказаша, нъ учиняюща, иже недокончанаая твоа наконьча, акы Соломонъ Давыдова[20], иже домъ божий великый святый его премудрости създа[21] на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси златомъ и сребромъ и камениемь драгымъ, и съсуды честныими, яже церкви дивна и славна всемъ округъниимъ странамъ, яко же ина не обрящется въ всемь полунощи земнеемь, ото въстока до запада, и славный градъ твой Кыевъ величьствомъ, яко венцемь обложилъ, предалъ люди твоа и град святеи всеславнеи, скорей на помощь христиномъ святеи богородици, ей же и церковь на великыихъ вратехъ създа[22] въ имя перваго господскааго праздника, святааго благовещениа, да еже целование архангелъ дастъ девици, будеть и граду сему. Къ оной бо: «Радуися, обрадованаа, господь съ тобою!» Къ граду же: «Радуися, благоверный граде, господь съ тобою!»[23]

Встани, о честнаа главо, от гроба твоего, въстани, отряси сонъ! Неси бо умерлъ, нъ спиши до обьщааго всемъ въстаниа. Въстани, неси умерлъ, несть бо ти лепо умрети, веровавъшу въ Христа, живота всему миру, отряси сонъ, възведи очи, да видиши какоя тя чьсти господь тамо съподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Въстани, виждь чадо свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь, егоже господь изведе отъ чреслъ твоихъ; виждь красяащааго столъ земли твоеи и възрадуйся, и възвеселися. Къ сему же виждь и благоверную сноху твою Ерину[24], виждь въпукы твоа и правнукы, како живуть, како хранимы суть господемь, како

благоверие держать по предаянию твоему, како въ святыа церкви чистять, како славять Христа, како покланяются имени его. Виждь же и градъ величьствомъ сияющь, виждь церкви цветущи, виждь христианьство растуще, виждь градъ иконами святыихъ освещаемь и блистающеся, и тимианомъ обухаемь, и хвалами и божественами и пении святыими оглашаемь. И си вся видевъ, възрадуйся и възвеселися и похвали благааго бога, всемь симъ строителя. Виде же аще и не теломъ, нъ духомъ. Показаеть ти господь вся си, о нихъ же радуйся и веселися, яко твое верное въсеание не исушено бысть зноемь невериа, нъ дождемь божиа поспешениа распложено бысть многоплодне[...]. Радуйся, учителю нашь и наставниче благоверию! Ты правдою бе облеченъ, крепостию препоясанъ, истиною обутъ, съмысломъ венчанъ и милостынею, яко гривною и утварью златою, красуяся! Ты бе, о честнаа главо, нагыимъ одение, ты бе алчьныимъ кърмитель, ты бе жаждющиимъ утробъ охлаждение, ты бе въдовицамъ помощникъ, ты бе страннымъ покоище, ты бе безкровныимъ покровъ, ты бе обидимыимъ заступникъ, убогыимъ обогащение[...].

Паче же помолися о сыне твоемь, благовернемь кагане нашемь Георгии, въ мире и въ съдравии пучину житиа преплути и въ пристанищи небеснааго заветриа пристати не вредно корабль душевны и веру съхраньшу и съ богатеством добрыими делы; безъ блазна же богомь даныа ему люди управивьшу, стати съ тобою непостыдно предъ престоломъ вседръжителя бога и за трудъ наствы людий его приати отъ него венець славы нетленыа съ всеми праведныими, трудившиимися его ради!

Перевод

О Законе, данном через Моисея, и о Благодати[1] и Истине, пришедших с Иисусом Христом, и о том, как Закон прекратился, Благодать же и Истина всю землю наполнили, вера на все народы распространилась и до нашего народа русского дошла; и похвала князю нашему Владимиру [...]

Благословен господь бог израилев, бог христианский, что посетил народ свой и сотворил избавление людям своим, что не позволил творению своему до конца идольским

мраком одержиму быть и от бесовского служения погибнуть, но направил прежде племя Авраама скрижалями и законом, а после через сына своего все народы спас евангелием и крещением, вводя их в обновление воскресения — в жизнь вечную [...].

Закон ведь — предшественник и слуга благодати и истины, истина же и благодать — слуги будущего века, жизни нетленной. Как закон приводит подчиняющихся ему к благодатному крещению, так и крещение сынов своих препровождает к вечной жизни. Моисей и пророки о пришествии Христа поведали, Христос же и апостолы его — о воскресении и о будущей жизни.

Излагать в писании сем пророческие проповеди о Христе и апостольские учения о будущем веке было бы излишне и клонилось бы к тщеславию[2]. Ибо то, что писано в иных книгах, и вам уже ведомо, здесь вам предлагать было бы знаком дерзости и славолюбия,— ведь не для невежд мы пишем, а для насытившихся с избытком сладости книжной; не для врагов божьих иноверных, а для сынов его, не для чужих, а для наследников небесного царства. И только о законе, данном через Моисея, и о благодати и истине, пришедших благодаря Иисусу Христу, повесть сия.

И что принес закон? И что — благодать? Прежде был дан закон, потом — благодать, прежде тень — потом и истина. Образ же закону и благодати — Агарь и Сарра[3], сначала — раба, потом — свободная. Да уразумеет это читающий. Как Авраам в юности своей имел жену Сарру, свободную, а не рабу[4], так и бог сначала пожелал и замыслил сына своего в мир послать и тем благодать явить. Сарра же не рожала, потому что была она бесплодной; не была, впрочем, она бесплодной, но предназначено ей было промыслом божиим в старости родить. Безвестная пока и утаенная премудрость божия скрыта была от ангелов и людей не как несуществующая, но как утаенная, с тем чтобы явиться в конце века. Сарра сказала Аврааму: «Вот, обрек меня господь не рожать, войди к рабе моей Агари и роди от нее». Так и благодать сказала богу: «Еще не пришло время сойти мне на землю и спасти мир, сойди на гору Синай и дай закон». Послушал Авраам речи Сарры и вошел к рабе ее Агари,— внял же и бог словам благодати и сошел на Синай. Родила Агарь раба от Авраама, рабыня — родила раба, и дал Авраам имя ему: Измаил. Принес же и Моисей с Синайской горы закон, а не благодать, тень, а не истину.

После сего, когда Авраам и Сарра уже состарились, явился бог Аврааму, сидящему пред дверьми шатра своего в полдень, у дуба Мамврийского. Авраам пошел навстречу ему и поклонился ему до земли, и принял его в шатер свой. Когда век сей стал к концу приближаться, посетил господь человеческий род и сошел с небес, в утробу девицы входя. Приняла девица его с поклоном в шатер тела своего, бесстрастно, так говоря ангелу: «Я раба господня, пусть будет со мной по слову твоему». И тогда отверз бог лоно Сарры, и, зачав, родила Исаака, свободная — свободного. Также и бог, когда посетил человечество, то явилось ранее безвестное и сокрытое,— родилась благодать и истина, а не закон,— сын, а не раб. Когда был вскормлен отрок Исаак, когда окреп, сотворил великий пир Авраам, когда вырос Исаак, сын его. Когда Христос уже был на земле, но благодать еще не окрепла, а укреплялась в течение тридцати лет, все годы Христос в ней таился, и как вырос и окреп[5], явилась благодать божия всем людям в реке Иорданской[6]; и тогда устроил бог пир и угощение великое тельцом[7], вскормленным от рождения,— возлюбленным сыном своим Иисусом Христом[8], созвав на общий праздник земных и небесных, собрав воедино ангелов и людей.

После этого увидела Сарра Измаила, играющего с ее сыном Исааком, увидела и то, как обидел Измаил Исаака, и сказала она Аврааму: «Прогони рабу с сыном ее, не должен наследовать сыну рабыни сын свободной». [...] Так и свободная благодать, увидев, что дети ее христиане терпят обиды от иудеев, сынов рабского закона, возопила к богу: «Прогони иудеев с их законом, рассей по странам». Ибо какая связь тени с истиною, иудейства с христианством? И изгнана была рабыня Агарь с сыном ее Измаилом, и Исаак, сын свободной, стал наследником отцу своему Аврааму. И изгнаны были иудеи и рассеяны по странам, а сыны благодати христиане сделались наследниками богу и отцу. Как исчезает свет луны, когда сияет солнце, как проходит холод ночи, когда солнечная теплота согревает землю, так и закон отошел, когда явилась благодать[...]. Ибо закон и прежде был, ненадолго вознесся и отошел, вера же христианская хотя и появилась позже, но стала выше закона и распространилась на множество народов. Благодать Христова всю землю охватила и как вода морская покрыла ее[...].

Так и следовало благодати и истине воссиять в новых

людях: ведь не вливают, по словам господа, вина нового, то есть учения благодатного, в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе, а то и мехи порвутся, и вино прольется. Если не могли иудеи закона подобие удержать, но многократно идолам поклонялись, то как могли бы сохранить учение истинной благодати? Для нового учения нужны новые мехи — новые народы, тогда и то и другое ненарушимо будет. Так и было: вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла, и озеро закона пересохло, а евангельский источник наводнился и всю землю покрыл и на нас пролился. Вот уже и мы со всеми христианами славим святую троицу, а Иудея молчит [...]. И мы уже не идолослужителями называемся, но христианами, и живем уже не без надежды, но уповаем на жизнь вечную. И уже не капища сатанинские сооружаем, но Христовы церкви созидаем, уже не приносим бесам в жертву друг друга, но знаем, что Христа за нас заклали и пригвоздили к кресту в жертву богу и отцу. И уже не погибаем, вкушая жертвенную кровь, а спасаемся, вкушая пречистую кровь Христа. Все страны бог наш помиловал и о нас позаботился: пожелал и спас нас, привел к познанию истины[...].

Хвалит хвалебными словами Римская страна Петра и Павла, благодаря которым уверовала она в Иисуса Христа[9], сына божия; Азия, Эфес и Патмос[10] хвалят Иоанна Богослова, Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, города и люди чтут и славят каждого из своих учителей, которые научили их православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, как сумеем, совершившего великое и дивное — нашего учителя и наставника, великого кагана земли нашей — Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые, в свое время владычествуя, прославились мужеством и храбростью, во многих странах их победы и силу и ныне вспоминают и славят. Ведь не в бедной и неизвестной стране были они владыками, но в русской, о которой знают и наслышаны во всех четырех концах земли. Сей славный от славных родился, благородный от благородных — князь наш Владимир, и когда он вырос, когда окреп после детской младости или, лучше сказать, утвердился в силе и крепости своей, в мужестве и разуме преуспел, тогда стал единодержцем земли своей, подчинив себе соседние народы: некоторые — миром, а непокорных — мечом[11]. И жил он так во время свое, землею своею управлял правдою, мужеством и

разумом, и была явлена ему милость вышнего, заметило его всемилостивое око благого бога, и воссиял разум в сердце его — уразумел он суету языческого заблуждения и обратился к единому богу, сотворившему всю тварь — видимую и невидимую. А особенно наслышан он был всегда о православной земле греческой, христолюбивой и сильной верою, наслышан, как чтут там единого бога в троице и поклоняются ему, какая власть духовная и чудеса, и знамения творятся там, как церкви там полны людей, как в селах и городах благоверных все прилежны к молитве, все пред богом стоят. Услыша все это, возжелал сердцем и возгорелся духом — решил быть и ему христианином, и всей земле его — христианской. Так и исполнилось по благоволению бога к роду человеческому. Совлек князь наш с себя ветхие ризы, а с ними и ветхозаветного человека, сложил одежду тленную, отряс прах неверия и, войдя в святую купель, возродился от духа и воды. В Христа крестился, в Христа облекся и вышел из купели просветленным для нетленной жизни и воскресения, имя принял вечное и славное из рода в род — Василий[12], по которому и записан в книге жизни в вышнем граде — нетленном Иерусалиме[13]. После всего случившегося с ним не остановился он в подвиге благоверия, и не только в одном этом проявил он свою любовь к богу, но еще и к большему подвигся и повелел всему народу своему креститься во имя отца и сына и святого духа, чтобы открыто и громогласно во всех городах славилась святая троица, чтобы все стали христианами: малые и великие, рабы и свободные, юные и старые, бояре и простые люди, богатые и убогие. И не было ни одного противящегося его благочестивому повелению; а если кто и не по любви, то по страху перед повелевшим крестился, ибо благоверие в нем сопряжено было с властью. В едино время вся земля наша восславила Христа с отцом и со святым духом. Тогда начал мрак языческий от нас удаляться, и занялась заря благоверия; тогда тьма служения бесовского исчезла, и солнце Евангелия нашу землю осветило; ныне капища разрушаются и церкви воздвигаются, идолы низвергаются, и иконы святых появляются, бесы убегают, и кресты города́ освящают, пастыри словесных овец Христовых — епископы, и попы, и дьяконы — бескровную жертву приносят, весь клир украсил и облек в благолепие святые церкви. [...]

Как же мы тебя восхвалим, о досточтимый и славный, среди земных владык самый мужественный, Василий?!

Как доброте твоей сможем надивиться, крепости и силе? Какую благодарность воздадим тебе за то, что через тебя познали мы господа и избавились от заблуждения языческого, как отблагодарим за то, что по твоему повелению на всей земле нашей славится Христос? Как же назвать нам тебя: христолюбец, друг правды, вместилище смысла, гнездо милосердия? Как разгорелась в тебе любовь к Христу? Как вселился в тебя разум, который выше разума земных мудрецов? Как ты возлюбил невидимого и о небесном задумался? Как искал ты Христа? Как предался ему? Поведай нам, рабам своим, поведай нам, учитель наш! Откуда пахнуло на тебя благовонием святого духа? Кем подана тебе сладкая чаша мысли о будущем веке? Как познал и увидел, что благ господь? Ведь не видел ты Христа, не следовал за ним, как же стал ты его учеником? Иные и видели его, да не уверовали. Ты же, не видя, поверил. Поистине сбылось в тебе благословение господа Иисуса, сказанное Фоме: «Блаженны не видевшие, но веровавшие»[14]. [...]

Кто поведает нам о многих твоих ночных бдениях и о дневных твоих щедротах, которые ты оказываешь бедным, сиротам, больным, обремененным долгами и всем, нуждающимся в помощи. Слышал ведь, как говорил господь через Даниила[15] Навходоносору-царю: «Совет мой да благоугоден тебе будет, царь Навходоносор, грехи твои милостынями искупи и беззакония твои — щедростью к нищим». И слышал ты, отче, светильник наш, не оставляй в ушах только сказанное, но делом исполни слышанное: просящим подай, нагих одень, жаждущих и голодных накорми, больным пошли всякое утешение, должников искупи, рабов освободи. Твои щедроты и милости и доныне поминаются людьми, но еще выше они перед богом и ангелами его, ибо ради любезной богу милостыни много стараешься ты, как вечный раб Христа. Помогает мне слово написанное: «Милосердие восхвалится на суде». Милостыня мужа — как печать его, ибо по слову всесильного и милосердного господа «блаженны милостливые, потому что и они помилованы будут». Или иное апостольское свидетельство приведем о тебе от святых писаний, сказанное Иаковом-апостолом о том, что отвративший грешника от заблуждений на пути его спасет душу свою от смерти и снимет множество грехов. Да если бы только одного человека обратил ты в христианство, и то было бы велико возмездие от благого бога; какое же полное спасение ты должен обрести, о Василий, и от бремени каких только грехов ты не осво-

бодишься,— ведь не одного отвратил ты человека от заблуждений языческой погибели, не десятую даже часть города, но всю область сию. Показывает нам и уверяет нас сам спаситель Христос в том, какой славы и чести удостоил он тебя на небесах, так он говорит: «Кто признает меня перед людьми, того признаю и я перед отцом своим, сидящим на небесах». И если о тебе узнает от Христа боготец, то твое исповедание о Христе было только перед людьми. Каких только похвал ты не получил от него за признание, что сын божий есть Христос, за то, что веру его утвердил не в едином соборе, но по всей земле этой, и церкви Христовы воздвиг и служителей ему поставил. Подобный великому Константину, равный ему в любви к Христу и в почитании служителей его! Тот со святыми отцами Никейского собора законы для людей определил[16], а ты, с новыми нашими отцами епископами часто собираясь, с великим смирением советовался с ними, как установить закон сей среди людей, недавно познавших бога. Тот эллинское и римское царство богу покорил,— ты то же сделал в Руси. И как у тех, так и у нас Христос стал именоваться царем. Тот с матерью своей Еленой крест из Иерусалима принес и, разослав части его по миру, веру укрепил; а ты с бабкою твоею Ольгою, принесши крест из нового Иерусалима — Константинополя,— поставил его на своей земле[17]. Тебя, подобного Константину, бог удостоил одинаковой с ним славы и почестей на небесах, все это благоверия твоего ради, которое имел ты в жизни своей.

Верный свидетель благоверию твоему, о блаженный, святая церковь Богородицы Марии[18], которую ты создал на правоверной основе, где и поныне мужественное твое тело лежит, ожидая звука трубы архангельской.

Добрый весьма и верный соратник сын твой Георгий[19], которого сделал господь наследником твоего владычества, не нарушающего твоих уставов, но укрепляющего их, не умаляющего совершенного твоим благоверием, но еще больше созидающего, не искажающего, но упорядочивающего, который неоконченное тобой закончил, как Соломон дела Давида[20], и создал дом божий великий и святой в честь его премудрости[21] на святость и освещение граду твоему, и украсил его всякою красотою: золотом, и серебром, и каменьем драгоценным, и сосудами дорогими, так что церковь эта вызывала удивление и похвалы во всех странах, лежащих окрест. И не найдется подобной ей во всем земном севере от востока и до запада! Славный город

твой Киев величием, как венцом, украсил и вручил людей твоих и город святой всеславной, скорой на помощь христианам святой Богородице; ей же и церковь на великих вратах создал[22] во имя первого господского праздника — святого благовещения, так что приветствие архангела, данное деве, будет и для града твоего. Деве сказано было: «Радуйся, обрадованная, господь с тобою»; а граду можно сказать: «Радуйся, благоверный город, господь с тобою»[23].

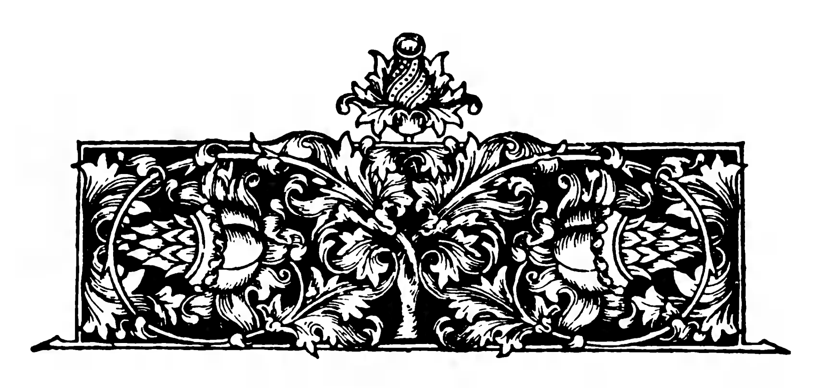
Встань, о честный властитель, из гроба твоего, встань, отряси сон, ведь ты не умер, но спишь до общего для всех воскресения. Встань! Ты не умер! Не следует умирать тебе, уверовавшему в Христа — жизнь всего мира. Прогони сон, возведи очи и взгляни, каких почестей удостоил тебя господь и на земле память о тебе оставил в сыне твоем.

Встань, посмотри на сына своего Георгия, посмотри на рожденного тобой, посмотри на возлюбленного своего, посмотри на того, кого господь вывел из чресл твоих, посмотри на украшающего престол земли твоей и возрадуйся, возвеселись!

Посмотри и на благоверную сноху твою Ирину[24], посмотри на внуков твоих и правнуков, как они живут, как хранимы господом, как благоверие сохраняют, завещанное тобой, как часто посещают они святые храмы, как славят Христа, как поклоняются имени его. Посмотри и на город, сияющий величием, посмотри и на церкви цветущие, на христианство растущее, посмотри на город блистающий, иконами святых освещаемый, фимиамом благоухающий, оглашаемый святыми хвалами и божественным пением. И все это увидев, возрадуйся и возвеселись, и похвали благого бога, устроителя всего этого. Посмотри же на все это, хотя бы не телом, но духом, ибо господь дает тебе увидеть это. Итак, о том радуйся и возвеселись, что семена веры, тобою посеянные, не иссушены были зноем неверия, но орошены дождем божией помощи и изобильно расплодились[...]. Радуйся, учитель наш и наставник, благоверию. Ты правдою одет, истиною обут, разумом венчан и милостью, как гривною и украшением золотым, красуешься. Ты, о честная глава, был одеждой нагим, кормителем алчущих, ты был прохладою для жаждущих, вдовам — помощником, странникам — покоем, ты был покровом для не имеющих крова, ты был заступником обижаемых, добрым подателем для нищих [...].

Еще больше помолимся о сыне твоем, благоверном князе нашем Георгии, чтобы он в мире и здравии пучину

жизни переплыл и невредимым привел корабль душевный в пристань небесного заветрия, сохранив веру и стяжав богатство добрых дел, чтобы, без искушений окончив правление страной, богом ему вверенной, встал он рядом с тобой, не стыдясь, пред престолом вседержителя бога и за труд правления людьми принял от него венец славы нетленной со всеми праведниками, трудившимися его ради!



ПОУЧЕНИЯ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Слово о вере крестьянской и о латыньской

Слово ми есть к тобе, княже боголюбивый. Азъ, Федосъ худый рабъ пресвятая троица, отца и сына и святаго духа, въ чистеи и в правовернеи вере роженъ, и воспитанъ в добре и наказанья правовернымъ отцемъ и матерью, наказываюче мя добру закону: вере же латыньстей не прелучаитесь, ни обычая их держати, и комканья ихъ бегати, и всякого ученья их бегати, и норова ихъ гнушатися, и блюсти своихъ дочереи — не давати за нихъ, ни у нихъ поимати, — ни брататися, ни поклонитись, ни целовати его, ни с нимъ изъ единого судна ясти, ни пити, ни брашна ихъ примати, тем же паки у насъ просящимъ бога ради ясти и пити дати имъ, но въ ихъ судехъ, — аще ли не буде у нихъ судна, въ своемъ дати; потомъ измывши, дати молитву, — занеже неправо веруют и нечисто живуть[1]: ядять со псы и с кошками, и пьют бо свой сець, ядять желвы, и дикие кони, и ослы, и удавленчину[2], и мертвечину, и медведину[3], и бобровину, и хвостъ бобровъ, и въ говенье

ядят мяса, пущаюче в воду. І-е неделе поста во вторник черньци ихъ ядять лой и в суботу постяться, и постившеся вечеру ядят молока и яйца,— а согрешают, не от бога просять прощенья, но пращают попове ихъ на дару. А попове ихъ не женятся законною женитбою[4], но с робами дети добывают и служат невозбранно, а пискупи ихъ наложници держать и на войну ходят, и оплаткомъ служат[5], иконъ не целують, ни мощей святыхъ, а крестъ целують, написавше на земли, и, въставше, попирають его ногами, а мертвеца же кладут на запад ногами, а руце подонь подложивше. Женяшеся же у нихъ поимают две сестре, а крещаются во едино погруженье, а мы въ три, мы же крещающесь мажемъся мюромъ и масломъ, а они соль сыплют крещаемому в ротъ, имя же не нарицают святаго, но како прозовут родители, в то имя крестять,— а глаголют духа святаго исходяща от отца и от сына. Ина многа злая дела суть у нихъ, развращеная погибель полна вера ихъ,— его ни жидове творят, то они творят, много же и в Савьску ересь[6] въступают.

Мне же рече отець мой: ты же, чадо, блюдися кривоверныхъ и всехъ ихъ словесъ,— занеже исполнилася и наша земля злыя тоя веры. Да кто спасая, спасетъ душю свою, въ правовернеи вере живут; нест бо иноя веры лучше нашеи, яко же наша чиста и свята си вера правоверная, сею бо верою живущи, грехов избыти и муки вечныя гознути, но жизни вечныя причастнику быти и без конца со святыми радоватися. А сущему въ инои вере: или въ латыньстеи, или въ срацинстеи[7], или въ арменьстии[8] — нест видети имъ жизни вечныя. Не подобает же, чадо, хвалити чюжее веры. Аще хвалить хто чюжу веру, то обретаеться свою веру хуля. Аще ли начнет непрестанно хвалити и свою и чюжю, то обретаеться таковыи двоеверець, близъ есть ереси. Ты же, чадо, блюдися ихъ, и свою веру непрестанно хвали. Ни своися к нимъ, но бегай ихъ и подвизайся въ своеи вере добрыми делы, милостынею милуй не токмо своея веры, но и чюжия. Аще ли видиши нага, или голодна, или зимою или бедою одержима, аще ли ти будет жидовинъ, или срацинъ, или болгаринъ, или еретикъ, или латиняниnъ, или ото всех поганыихъ,— всякого помилуй и от беды избави я, яже можеши, и мъзды от бога не лишен будеши: богъ бо и самъ ныне поганыя набдит, яко же и крестьяны. Поганым же иноверцемъ в семъ веце попеченье от бога, а в будущем же чюжи будут добрыя детели. Мы же живуще во правовернеи вере, зде есмы наб-

дими богом, а в будущемъ веце спасаеми господом нашимъ Исусъ Христом. Рече же ми отець мой: «Чадо, аще ти ся случит умрети по святеи сей вере и господа ради, то умри с деръзновеньемъ за веру Христову. Святии бо по вере умроша, да живи сут о Христе. Ты же, чадо, аще узриши некия иноверныя с верными прю деющи, лестью хотяща отвести от правыя веры, ты же ведая, не скрый в собе, но помози правоверным. Аще имъ поможеши, то яко овча избавиши от устъ лвовых. Аще ли умолчиши, то яко о темъ у Христа, предаеши ихъ сотоне. Аще ти речеть прець: «Сию веру и оñу богъ далъ есть». Ты же, чадо, рцы то: «Ты кривоверенъ, мниши бога двоеверна!» То не слышиши ли, окаание, развращене злыя веры: писанье глаголеть: «Единъ богъ, едина вера, едино крещенье». Речеть господь: «Тако бо лепо есть намъ искончати всю правду»,— да се все исполнив, то ли вознесеся и ученики посла на проповеданье. Ты же, по проповеданью апостольскому, толико лет державъ правую веру, совратился еси на зловерье по наученью сотонину. Не слышите ли апъстола Павла, глаголюща: «Аще ангелъ пришед с небесе благовестить вам, а не яко же мы благовестихом, да буди проклятъ». Вы же отринувше проповеданье апостольское и святыхъ отецъ исправленье и приясте неправду и веру разъвращену, полну многия погибели. Того ради от насъ бысте отвержени. Того ради имъ с вами недостойно сужитья примати, ни къ божественнымъ тайнамъ обще приступати, ни имъ к нашей, ни нам къ ихъ, зане мертвымъ теломъ служите, мертва господа призывающа. А мы служим живым теломъ самого господа, жива одесную отца сидяща, и пакы придеть судити живымъ и мертвымъ. Вы же есте мертвии, мертву жертву здеваете, а мы живу богу жертву приносим,— чисту, непорочну и животъ вечный обрести. Тако бо писано: «Воздасться комуждо по делом его». О Христе Исусе, о господе нашем, ему же слава. Аминь.

Слово о вере христианской и о латинской

Перевод

Речь у меня есть к тебе, князь боголюбивый! Я, Федос, ничтожный раб пресвятой троицы, отца и сына и святого духа, в чистой и правоверной вере рожден и воспитан добрыми наставлениями правоверных отца и матери, научивших меня доброму закону: к вере латинской не присоединяться, обычая их не держаться, и причастия их избегать, и от всякого учения их уклоняться, и нрава их гнушаться, и блюсти своих дочерей — не отдавать за них и у них не брать, не становиться побратимами, не раскланиваться и не целовать, из одной посуды с ним не есть, не пить и пищи их не принимать. Тем же, кто у вас просит бога ради пить и есть, дать им, но в их же посуде, а если не будет у них посуды, то в своей можно дать, но потом, вымыв ее, произнести молитву, ибо неправо они верят и нечисто живут[1]: едят с псами и кошками, пьют свою мочу, едят черепах и диких коней, и ослов, и удавленину[2], и мертвечину, и медвежатину[3], и мясо, и хвосты бобров. В пост едят мясо, опустив его в воду, во вторник первой недели поста монахи их едят сало и в субботу постятся, а попостившись вечером, пьют молоко и едят яйца и тем согрешают. Не у бога просят прощения, но попы отпускают грехи их за приношения. Попы их не женятся законно[4], а детей имеют от служанок и так живут, никем не осуждаемы. А их епископы наложниц держат, и на войну ходят, и на облатках служат[5], икон не целуют, мощам святых не поклоняются, а крест целуют, написав его на земле, и, встав, попирают его ногами, а мертвецов кладут ногами на запад, и руки их протягивают вдоль тела, а не складывают на груди. Братья у них могут жениться на двух сестрах, а крестятся они в одно погружение, а мы в три. Мы же, когда крестимся, мажемся мирром и маслом, а они соль сыплют в рот тому, кто крестится. Новорожденного не нарицают именем святого, но как назовут родители, этим именем и крестят. Считают духа святого исходящим от отца и от сына, и других много злобных дел у них и погибелью разврата полна вера их. Это не иудеи делают, но они (латиняне.— *Т. Ч.*) делают, а многие и в Савскую ересь[6] вступают.

Мне же говорил отец мой: ты же, чадо, сторонись неправоверных и всех их слов, потому что наполнилась той злой веры и наша земля. Кто, спасаясь, спасет свою душу, тот в правоверной вере живет. Нет другой веры, лучше нашей, — такой, как наша, чистая и святая вера правоверная. Если будешь жить с этой верой, то избавишься от грехов и от вечной муки спасешься, и будешь причислен к вечной жизни, и вечно будешь радоваться со святыми. А поверившему в другую веру — или в латинскую, или в сарацинскую[7], или в армянскую[8] — никогда не увидеть жизни вечной. Не следует, чадо, хвалить чужую веру! Если кто хвалит чужую веру, тем самым он свою хулит. Если кто начнет непрестанно хвалить и свою веру и чужую, то таковой оказывается двоеверцем, ходит около ереси. Ты же, чадо, сторонись их и свою веру непрестанно хвали. Не приближайся к ним, но беги от них и подвизайся в своей вере добрыми делами! Подавай милостыню не только единоверцам, но и чужим. Если увидишь раздетого или голодного, или больного лихорадкой, или одержимого какой другой бедой, даже если это будет иудей или сарацин, или булгарин, или еретик, или латинянин, или кто из язычников — всякого помилуй и от беды избавь, если можешь, и не оставит тебя бог без вознаграждения. Бог ведь и сам ныне о неверных заботится, как и о христианах. Язычникам и иноверцам будет в этой жизни забота от бога, а в будущей жизни — и от других доброжелателей. Мы, живущие в правоверной вере, здесь охраняемы богом, и в будущем веке спасены будем господом нашим Иисусом Христом. Говорит же мне отец мой: чадо, если придется умереть за святую эту веру господа ради, то умри с дерзновением за веру Христову. Святой, умерший в вере, жив во Христе. Ты же, чадо, если увидишь, что спорит иноверный с христианином, желая лестью отвести от правой веры, то, зная это, не молчи — помоги правоверному. Если поможешь, то как будто овцу избавишь от пасти льва; если же промолчишь, то, как сказал Христос, предашь его сатане. Если тебе скажет спорящий: «И ту и эту веру бог дал», то отвечай ему так: «Ты, кривоверный, считаешь и бога за двоеверца. Так не слышал ли ты, окаянный, развращенный злой верой, что говорится в писании: един бог, едина вера, едино крещение!» Сказал господь: «Так следует нам соблюсти все законы», — и, все исполнив, вознесся, а учеников послал проповедовать. Ты же по заповеди апостолов столько лет держался правой веры, а совратился на

зловерье по научению сатаны. Не слышал разве апостола Павла, сказавшего: «Если ангел спустился с небес, чтобы принести нам благую весть, а мы как будто ее и не слышали,— так будем же прокляты!» А вы, отвергнув учение апостольское и исправления святых отцов, приняли ложь и веру развращенную, полную многих пороков. Из-за этого вы от нас будете отвержены, из-за этого нам с вами недостойно вместе жить, ни к божественным тайнам вместе приобщаться: ни им к нашим, ни нам к их, потому что вы мертвому телу служите, мертвого господа призываете, а мы служим живому телу самого господа, живого видим сидящего справа от отца, господа, который потом придет судить живых и мертвых. Вы же мертвые и мертвому жертву приносите, а мы живому богу живую жертву приносим: чистую, непорочную, и жизнь вечную тем обретем. Так записано: «Воздастся каждому по делам его». О Христе Иисусе, о господе нашем, ему же слава. Аминь.

Слово о тръпении, и о любви, и о посте

Многажды друзии отгоними мною искушениа ради, а не останутся, дондеже получать святый тъй даръ. То, что створю, не вемъ, убогый. Аще бо умолчю вашего ради роптаниа, угождаа вамъ вашеа ради слабости, то камение възъпиетъ. Не азъ бо то глаголю, но они светила вселеныа всея, истиннии стлъпи, правыя веры всадители, наставниици всему доброму благонравию, вожди истиннии и светила негасущая.

Ныне бо печалуемь скорбимъ о инех богоуведении, о нем же бы намъ радоватися и хвалу въздати благому владыце,— иже в первыи на десят час пришедшим, не похули их опожденна, но тужде мъзду дарова имъ, юже изъутра делавшим, ропщющим бо на винограднаго владыку[1].

Друже, не обижю тебе. Не тако ли съвещах с тобою! И не лет ли ми въ своихъ, яко же хощю. Ныне же азъ, худый, въ уме приемъ заповед благаго владыкы, се вещаю вамъ: лепо бо бяще намъ от трудовъ своихъ кръмити

убогыа и странныя, а не праздным пребывати, преходити от келии въ келию. Слышасте бо Павла, глаголюща: «Яко нигде же туне хлеба не ядох, но нощь делахъ, а в дне проповедахъ» и «руце мои послужиста си мне и инемъ», и пакы: «праздный да не ясть». Мы ничсоже того не створихомь. Аще бы не благодать божиа приспела на нас и кръмила боголюбивыми человекы, что быхомъ сътворили, на своя труды зряще! Да еще речемъ: пениа ради нашего или поста ради, или бдениа та намъ вся приносять,— и за всехъ бо за приносящихъ ни единою поклонимся! Слышасте бо притчю о десяти девахъ мудрых, а пяти несмысльныхъ? Вещеваетъ бо святое еуаггелие: мудрыя же девьства съблюдоша, и светилникы своя украсиша милостынями и верою, и внидоша въ чрътог радостный, и никому же не възбраняющю им; оны же буяя како нарекошася?— понеже девьственую печать съблюдоша неразориму и в пощении и въ бдении, въ молитвахъ стоичиша плоть свою, масла же милостыни не принесоша въ светилницех своихъ душь[2], и того ради изъгнани быша исъ чрътога,— и тогда възыскаша продающих милостыня нищихъ, но не обретоша; уже бо затворишася двери человеколюбиа божиа.

Да не лепо нам есть, възлюблении, посылаемых от бога на ползу душамъ и телесемъ нашимъ от боголюбивыхъ человекъ удержати себе, но инемъ подаати требующимъ. «Луче бо,— рече апостолъ,— даяти, нежели взимати». «Блаженъ — рече — разумеваяй на нища и убога: въ день лютъ избавить и господь» и пакы: «Блажени милостивии, яко ти помиловани будуть». Да не уподобимся онемъ ропътливымъ, иже чрева ради падоша въ пустыни[3] [...].

И како ми не стенати и не тужити, любимици мои, и та вся слышаще въ васъ. И аще бых моглъ и възъглаголал ко вашеи любви оно пророчьское слово: «Кто дасть главе моей камение и очима моима источникъ слезъ, да плачюся день и нощь, дщере людий моихъ!» [...] И что облиховани быхом, братия моя и отци? Что бо принесосте от имений своихъ на место се, или что азъ требовахъ от вас, примая вы въ обитель сию? И человеколюбие божие что нас лиши? Не вся ли подасть намъ молитвами святыя богородица? Да темъ молю вамъ от всея душа моея, любимици мои, не пребываимъ въ дводушии, да не прогневаемъ благаго владыкы, яко же и они непокоривии, но въздадимъ хвалу благому владыце, о иже тако о насъ смот-

рить и вся намъ изобилия подаваеть, не помня немощей нашихъ. И длъжны есмы к нему глаголати оно Давыдово слово: «Что есмы грешнии, господи мой, господи, о иже ты и насъ изъбра, и та вся намъ дарова». «Смирихъ бо ся — рече — спаси мя» и «Въ смирении нашемъ помянул ны господь». О Христе Исусе господе нашемъ.

Слово о терпении, и о любви, и о посте

Перевод

Много раз друзей я прогонял, боясь искушения: пусть уходят, пока не получат святой тот дар. То, что делаю, не понимаю, убогий! Если же я замолчу из-за вашего роптания, угождая вам из-за вашей слабости, то камни возопят! Не я говорю, но они — всей Вселенной просветители, столпы истины, насадители правой веры, наставники всему доброму благоправию, вожди верные и светила неугасимые.

Ныне же печалимся и скорбим о тех, узнавших бога, о которых нам бы радоваться и хвалу за которых возносить благому владыке. Ведь не осудил он пришедших в 11 часов за их промедление, но награду других даровал им — награду тех, что работали с утра, но возроптали на владельца виноградника[1].

Друг, не обижу тебя! Не так ли мы сговорились с тобою? И не могу ли я делать среди своих так, как я хочу?! Ныне же я, ничтожный, умом постигнув заповеди благого владыки, говорю вам: приличествует нам от трудов своих кормить нищих и странников, а не пребывать в праздности, переходя из кельи в келью. Слышали ведь Павла, сказавшего: «Нигде я даром хлеба не ел, но ночью работал, а днем проповедовал», и «руки мои послужили и мне и другим», и опять: «Пусть не будет есть праздный». Мы же ничего этого не делаем. Если бы благодать божия не простерлась над нами и не кормила бы нас приношениями боголюбивых людей, то что бы мы стали делать,

глядя на свои труды. А еще говорим: ради нашего пения или поста, или бдения это все нам приносят. А за всех за приносящих ни единого раза не поклонимся. Слышали ведь притчу о десяти девах мудрых и пяти несмышленых. Как вещает святое Евангелие: мудрые же девство соблюли и светильники свои украсили милостынями и верою, и вошли в чертог радости, никем не возбраняемый для них. Другие же, которых нарекаем несмышлеными, хотя и соблюли девственную печать, хотя постом, бдениями и молитвами истончили плоть свою, но масла милостыни не принесли в светильниках своих душ[2], поэтому изгнаны были из чертога. И тогда стали они искать того, кто подает милостыню нищим, но не нашли, так как затворились двери человеколюбия божиего.

Так не следует ли и нам, возлюбленные, от посланных богом на пользу душам и телам нашим приношений людей боголюбивых не только себе все брать, но и другим нуждающимся подавать?! «Лучше,— говорит апостол,— давать, чем брать», «блажен,— говорит,— заботящийся о нищих и убогих: в день страшного суда помилует их господь», и опять: «Блаженны милостливые, ибо только они помилованы будут». Да не уподобимся тем ропщущим, что чрева ради пали в пустыне[3] [...].

И как же мне не стенать и не печалиться, возлюбленные мои, слыша все то от вас! Если бы мог, обратил бы к вашим чувствам такое пророческое слово: «Кто даст главе моей камение и очам моим источник слез, чтобы плакаться день и ночь за дочерей людей моих»! [...] И чего мы лишились, братья мои и отцы? Что вы принесли из своего имущества в это место или чего я требовал от вас, принимая в обитель сию? Чего нас лишило человеколюбие божие? Не все ли дается нам молитвами святой Богородицы?! Поэтому молюсь о вас от всей души, возлюбленные мои: не будьте двоедушны, чтобы не прогневить благого владыку, как те, непокорные, но воздадим хвалу благому владыке, который так о нас заботится и дает нам все в изобилии, не помня грехов наших. И должны мы к нему обратить такое Давыдово слово: «Что есть мы, грешные, господи мой, господи, из которых ты и нас избрал и все нам даровал», «Смирюсь,— говорю,— спаси меня» и «В смирении нашем помнит о нас господь». О Христе Иисусе, господе нашем.

Поучение о тръпении и о милостыни

Възлюблении, притчю приимете зла страданиа и тръпениа пророкы, иже глаголаша намъ именемъ господнимъ. Ныне бо блажимъ тръпящая, терпение Иовле[1] слышасте и кончину господню видяще,— яко премилостивъ есть и щедръ, и длъготръпеливъ, и не помня злобъ наших... Помянемъ же святыя мученици. И тръпению их кто не почюдится, видя ихъ толицеми страстьми облежаща, яко и самую плоть ту презрети Христа ради. И преподобныа отця оны видимъ въ колице терпении житие свое скончаша,— их же памяти творяще, и житиа их почитающе, хвалимъ творца, укрепившаго я яремъ благый его понести. Акы звезды сиающе въ памятехъ своих, просвещають душа наша, прибегающих к нимь.

Тем же молю васъ, братиа моя любимаа, не отврьземъ упованиа своего, еже имать мъздовъздаяние велико. Тръпениа бо имате треваниe, да волю божию сътворше приимете обещание [...]. Отрясемъ, молю вас, любимици мои, уныние наше. Помянемъ прьвый свой вход, како быхом, егда къ дверемъ монастырскымъ приидохомъ,— не все ли обещахомся тръпети: и поношениа, и укорениа, и уничиженна, и изгнанна! Не тогда бо тъкмо, но и егда предъ святыми дверцами стояще ответъ деяхомъ о своемъ обещании, акы и на страшнемъ дни, пред видимыми послухы и пред невидимыми, а на самого бо владыку и бога нашего призвахом на послушьство, глаголюще: «Се Христос сде стоить невидимо, блюди, кому ся обещаеши»,— никто же бо тебе на се не нудить. А ныне же та вся обещаниа наша ни въ что же вменихомъ! Покорение бо належить намъ и тръпение, но и того не имамъ. Иставаеть бо душа моя по вся дни, иже не вижду васъ тщащеся о своемь обещании. Житиа бо святых почитающе и от тех затыкающе уши свои, яко не слышати мужьства ихъ. Некый бо что предословие речеть, тои и того амина не можеть изъглаголати. Но тогда боле уста своя стиснемъ, а о ином ничсоже глаголати, но на неподобныа речи и на укорение и на гневание несмы ленивы. На то бо уста своя имамы отврьзены и очи недремливи. Духовней бо търубе убуждающи насъ на святое славословие и на вся годины и образъ свой в томъ подавающи намъ не малы благо-

стыня. Рати бо надлежащи и трубе воиньстей трубящи, никто не можеть спати, и воину Христову лено ли есть ленитися,— да егда они за тщую славу и изгыбаюшую не помнять ни жены, ни детей, ни имениа,— да что мню имение, еже есть хуже всего,— но и главы своея ни въ что же помнять, дабы имъ непосрасменом быти. Да яко же суть сами времении, тако и слава их съ животом скончевается. Нам же не тако. Но аще стерпимъ, борющеся, съ супостаты нашими, то одолевше приимемъ славу бесконечьную и чьсти не изреченныа сподобимся. Билу бо ударяющу и образом симъ гласы нам тако испущающе, аще и не речию възвещающе намъ, но образомъ глаголеть намъ, призываа къ святей церкви на божественое пение; приходяще же съ страхомъ стоимъ до отпущениа иереева, главу долу поклоняюще, а умъ имуще къ вышнему. И тако улучим царство небесное. О Христе Исусе, господе нашем.

Поучение о терпении и о милостыне

Перевод

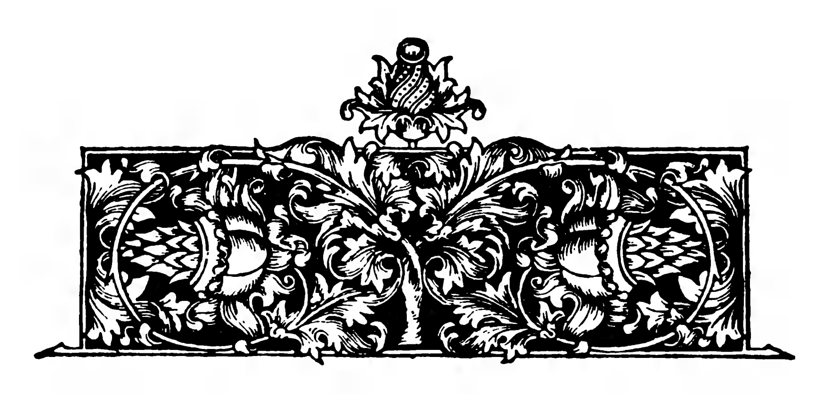
Возлюбленные, примите притчу о тяжких страданиях и терпении пророков, которые говорили с нами от имени господа. Ныне воздадим хвалу претерпевающим мучения: слышали ведь о стойкости Иова[1], знаем о смерти господа — милостливого, щедрого, долготерпеливого, не помнящего обид наших. Вспомним же и святых мучеников. И кто не подивится их терпению, видя тяжкие их страдания: ведь они и самую плоть свою презрели Христа ради. И другие преподобные отцы, видели мы, в каких мучениях жизнь свою окончили! Их память творим и, почитая жизнь их, восхваляем творца, давшего им силу нести ярем их благородный. Как звезды, сияют они в дни поминовения святых, просвещают души всех, прибегающих к ним.

Потому и умоляю вас, братья мои любимые, да не отречемся от упования своего, ибо велико за то воздаяние! За терпение будете иметь все нужное вам, исполнив волю бога, получите обещанное[...]. Отбросим, молю вас, лю-

бимые, уныние наше! Вспомните первый свой приход: какими вы были, когда пришли к монастырским дверям,— не все ли обещали вытерпеть: и поношение, и укоры, и унижение, и изгнание?! И не только тогда, но и когда вы перед святыми вратами стояли, держали ответ о своем обете, как в день страшного суда перед видимыми свидетелями и пред невидимыми. И самого владыку и бога нашего призывали вы в свидетели, говоря: «Здесь Христос стоит невидимо». Смотри, кому все обещаешь,— никто же тебя на это не вынуждает! А ныне все ваши обеты вы в ничто превратили!

Покорность подобает вам и терпение, но нет у вас этого! Изнывает душа моя всякий день, когда я не вижу, что заботитесь вы о выполнении своих обетов. Читаю жития святых, но затыкаете вы уши свои, чтобы только не слышать о подвигах их. Кто прочтет начало, уже не дойдет до слова «аминь», так сомкнет свои уста, что ничего и не вымолвит. Но на пустословие, ссоры, укоры вы не ленивы! На это уста у вас открыты и очи не дремлют.

В духовной трубе, зовущей нас на святую молитву и на все службы и образ свой в том проявляющей, много благостного. Ведь если случится война и затрубит труба военная, то никто не дремлет,— так и воину Христову не подобает лениться! Воины ради тщетной, преходящей славы оставляют жен, детей, имущество, да что говорю — имущество, даже и более того — головы своей не щадят, чтобы только не быть посрамленными. Как их жизни кратковременны, так и слава их с жизнью кончается. У нас не так! Страдаем в борьбе с врагами нашими, чтобы, победив, получить вечную славу и удостоиться чести невыразимой. Когда ударит било и звук его раздастся и не словами, но образом сим возвестит нам, призывая в святую церковь на божественное пение, то должны мы все прийти со страхом и стоять, пока не отпустит священник, стоять, низко склонив голову, а ум обратив к вышнему, тогда войдем в царство небесное. О Христе Исусе, господе нашем.



КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ. ТОРЖЕСТВЕННЫЕ СЛОВА

Слово об артосе

Слово Кирила, недостоинаго мниха по пасце, похваление въскресения, и о артусе, и о Фомине испытаньи ребръ господнихъ

Велика учителя и мудра сказателя требуеть церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни умомъ[1], не имуще огня святаго духа на слажение душеполезных словесъ: обаче любьве деля сущая со мною братья мало нечто скажемъ о поновьлены въскресения[2] Христова.

В минувшюю неделю святыя пасхи удивление бе небеси и устрашение преисподнимъ, обновление твари, избавьление миру, раздрушение адово и попрание смерти, въскресение мертвым и погубьление прелестныя власти дьяволя, съпасение же человечьскому роду Христовымь воскресениемь, обнищание ветхому закону и порабощение суботе, обогащение церкви и въцарение недели[3]. В минувшюю неделю всему пременение бысть. Створи бо ся небомь земля, очищена богомъ от бесовьских скверн; ангели с женами раболепно воскресению служать. Обновися тварь; уже бо не нарекуться богомь стухия: ни солнце, ни огнь,

ни источници, ни древеса. Отселе бо не приемлеть ад закалаемых отци младенци, ни смерть почьсти; преста бо идолослужение, и погубися бесовьское насилье крестным таинством, и не токмо съпасеся человечь род, но и освятися Христовою верою. Ветхий же закон отынудь обнища отверженнемь телча крове и козья жеръты; един бо Христос сам собою к отцю за всех жертву възнесе. Темъ и праздьник суботе преста, а недели благодать дана бысть въскресения ради, и царствуеть уже в днех неделя, яко в ту въскресе из мертвых. Венчаем, братье, царицю днем и дары честны с верою той принесем; дадим по силе, яко же можем: ов милостыню и безлобье и любовь; другий — девство чисто и веру праву, и смерение нелицемерно; ин — псаломьское пенье, апостолское учение, молитва с въздыханиемь к богу. Сам бо господь Моисеемь глаголеть: «Не являйся предо мною тощь в день праздника». Принесемь ему прежереченыя добродетели, да въсприимем божию милость, ибо не лишить добра приходящихъ с верою: «Славящая бо мя — рече — прославлю».

Похвалимъ красно новую сию неделю, в ню же поновление воскресения празднуем. Не бо та же пасха, но антипасха наречеться. Пасха бо изьбавленье миру есть от насилья дьяволя и свобожение мертвым от ада преисподняго, аньтипасха же есть поновление въскресения, образъ имущи ветхаго закона, иже завеща богъ в Египте Моисеови глаголя: «Се избавляю люди моя от работы фараоня и свобожаю я от мученья приставьник его, да понавляеши день спасения твоего, вонъ жь победихъ врази творя, Израилю. Се ныне и мы понавляем празднующе победныи день Христовъ, в онъ же спасение всему миру сдея, победив начала и власти темныя. Того ради и артусный хлеб от пасъхи и до ныня в церкви священъ бысть и днесь на иерейских версех ломиться за опресноки[4], несеныя на главах левгит от Египта по пустыни[5], дондеже и Чермьное море проидоша и ту того освятиша богови, его же вкушающе сдрави бывах у и врагом страшни. [...]

Днесь ветхаа конець прияша, и се быша вся нова, видимая же и невидимая[6]. Ныне небеса просветишася, темных облакъ яко вретища, съвьлекъше, и светлымь въздухомъ славу господню исповедають. Не си глаголю видимая небеса, нъ разумныя, апостолы, иже днесь на Сионе к нам въшедша, познаша господа и всю печаль

забывша и скорбь июдейскаго страха отвергъше, святымь духомь осенившеся, въскресение Христово ясно проповедають. Ныне солнце красуяся к высоте въсходить и радуяся землю огреваеть,— взиде бо нам от гроба праведное солнце Христос и вся верующая ему спасаеть. Ныня луна с вышняго съступивши степени, болшему светилу честь подаваеть;— уже бо ветъхий закон по писанию с суботами преста и пророки Христову закону честь подасть. Ныня зима греховная покаянием престала есть и лед неверия богоразумиемь растаяся; зима убо языческаго кумирослужения апостолскимь учениемь и Христовою верою престала есть, ледъ же Фомина неверия показаниемь Христов ребръ растаяся. Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство, и бурьнии ветри тихо повевающе, плоды гобьзують, и земля семана питающи зеленую траву ражаеть. Весна убо красная есть вера Христова, яже крещениемь поражаеть человеческое паки естьство; бурнии же ветри — грехотворнии помыслы, иже покаяниемъ претъворьшеся на добродетель душеполезныя плоды гобьзують; земля же естьства нашего, аки семя слово божие приемши и страхом его болящи присно, дух спасения ражаеть. Ныня новоражаеми агньци и уньци быстро пусть перуще скачуть и скоро к матерем възвращающеся веселяться, да и пастыри свиряюще веселиемь Христа хвалять. Агньца глаголю кроткия от язык люди, а уньца — кумирослужителя неверных стран, иже Христовымъ въчеловечениемь, и апостольскимь учениемь и чудесы, скоро по закон емьшеся, к святей церкви възвратившеся, млеко си учения съсуть, да и учители Христова стада о всех молящеся Христа бога славять, вся волкы и агньца в едино стадо събравшаго. Ныня древа леторасли испущають, и цветы благоухания процвитають, и се уже огради сладъку подавають вонѝ, и делатели с надежею тружающеся плододавца Христа призывають. Бехом бо преже аки древа дубравная неимущи плода, ныня же присадися Христова вера в нашемь неверьи, и уже держащеся корене Иосеова[7], яко цвети добродетели пущающе, райскаго паки жития о Христе ожидають, да и святители о церкви тружающеся от Христа мьзды ожидають. Ныня ратаи слова словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысьленых браздах погружающе и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, надежами будущих благ веселяться. Днесь ветхая конець

прияша, и се быша вся нова въскресения ради. Ныня реки апостолския наводняються, и язычныя рыбы плод пущають, и рыбари глубину божия въчеловечения испытавше, полну церковную мрежю ловитвы обретають. «Реками бо,— рече пророкъ,— расядеться земля, узрять и разболяться нечестивии людье.» Ныне мнишьскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показающи вся удивляеть; яко же бо они в пустынях самокормиемь живуще аньгелы и человекы удивляють, и си на цветы възлетающи медвены сты створяють, да человеком сладость и церкви потребная подасть. Ныня вся доброгласныя птица церковных ликов гнездящеся веселяться. «И пьтица бо,— рече пророк,— обрете гнездо себе олтаря твоя», и свою каяждо поющи песнь, славять бога гласы немолчьными. Днесь поновишася всех святых чинове, нову жизьнь о Христе приимъше: прроци и патриарси трудившеися в райстей почивають жизни, и апостоли с святители пострадавъшеи прославляються на небеси и на земли, мученици и исповедници за Христа претерпевъше страсть с ангелы венчаються; цесари и князи послушаниемь спасаються; девьствении лици и иночьстии състави, свой крест терпениемь понесъше, первенцю Христу от земля на небо последують; постници и пустыньници, от руки господня труда мьзду приимъше, в горнемь граде с святыми веселяться. Днесь новым людем въскресения Христова поновления праздьник, и вся новая богови приноситься: от язык вера, от хрестьян требы, от иереи жертвы, от миродеръжитель боголюбныя милостыня, от вельможь церковное попечение, от праведник смереномудрие, от грешник истиньное покаяние, от нечестивых обращение к богу, от ненавидящихъся духовная любы.

Взидем ныне и мы, братье, мыслено в Сионьскую горницю, яко тамо апостоли събрашася и сам господь Исус Христос, затвореным дверем, посреде их обретеся и рек «мир вам», исполни я радости. «Възрадовашася бо ся,— рече,— ученици видевше господа, и всю печаль телесную и страх сердечный отринуша; дасть бо ся душам их духовная дерзость познаниемь своего владыкы, яко обнажи пред всеми своя ребра, и гвоздиныя язвы на руку и на ногу показаеть Фоме. Не бе бо Фома в первый приход с ученики видел господа и слышав его въскресъша не яко лжю мня не вероваше, но и самовидець хотя быти Христу, тако глаголаше: «Аще не вложю руки моея в ребра его и в язву гвоздиньную перста моего, не иму веры». Темь и

господь не понося ему сице глаголаше: «Принеси руку твою и вижь прободение ребръ моихъ и веруи, яко аз сам есмь. Мне бо и преже тебе патриарси и пророци разумевше вероваша моему въчеловечению[...]. Веруй ми, Фомо, и познай мя, яко же и Аврам, к нему же подъ сень с двема ангелома придох, и тъ познав мя, господа мя нарече, и о Содоме моляше ми ся, да его не погублю, аще и до десяти было бы в немь праведникъ. А не буди неверен, яко же Валам, иже духомь святымь пророк мое за мир умерьтвие и въскресение, и паки мьзды ради прельстивъся, погибе. И веруй ми, Фомо, яко сам аз есмь, его же виде Ияков в нощи на лестнице, утверждающася; то же и паки позна мя духом, егда боряхся с нимь в Месопотамьи: тогда бо обещахъся ему вчеловечитися в племени его. И не буди неверенъ, яко Навходъносор, иже видевъ мя в нещи отроки от огня спасъша, истиною сына божия нарече мя и паки к своим прельстем уклонивъся, погибе. Веруй ми, Фомо, яко сам азъ есмь, его же образ виде Исайя на престоле высоце, обьстоима множьством ангелъ. Аз есмь явивыйся Езекилю посреде животных образомь человеческомь, ему же и вас прообразих колесы, животных придержащимъся, въздвизающихъся со мною: то бо животный дух бе тогда в колесехъ, тъго же и ныня в вас дунух дух святый. Азъ есмь, его же виде Данил на облацехъ небесных подобьемь сына человеча, съшедъшаго до ветхаго днем и тъ написа даную ми от бога отца власть и царство на небеси и на земли нынешняго и будущаго бесконечьнаго века. Принеси, о близнече, твой перъст и вижь руце мои, има же очи слыпым отверзох, и глухим слуха даровахъ и немыя доброглаголивы створихъ. Вижь и нози мои, има же и пред вами по морю ходихъ, и по воздуху явьствено ступах, и въ преисподняя вшед, тема ада попрахъ, и с Клеопою и Лукою до Ельмауса шествовах[8], и не буди неверен, но веренъ». Отвеща Фома, глаголя: «Верую, господи, яко ты еси самъ Христос бог мой, о нем же писаша пророци прозряще духомь, его же прообрази в законе Моиси, его же отвергошася с жерци фарисеи[9], ему же поругашася завистию с книжники жидове, его же с Каияфою на распятье Пилат преда[10], его же богъ отецъ изъ мертвыхъ въскреси. Вижю ребра, от них же источи кровь и воду; воду же, да очистиши осквернышюся землю, и кровь же да освятиши человечьское естьство. Вижю руце твои, има же преже створи всю тварь, и рай насади, и человека созда, има же благослови патриархы, има же

помаза цесари, има же освяти апостолы, вижю нози твои, ею же прикоснувшися блудница грехов отпустъ прият, на нею же припадши первое вдовица от мертвыхъ своего сына с душею прият жива; над сима погама кровоточивая подолце ризы прикоснушися ицеле от недуга. И азъ, господи, верую, яко ты еси богъ». И рече к нему Исусъ: «Яко видевъ мя и верова, блажени не видевшеи, в мя веровавшеи [...]».

Перевод

Слово Кирилла, инока недостойного, после пасхи, похвала воскресению, и об артосе, и о испытании Фомой ребер господних

Великого учителя и мудрого сказителя требует церковь для украшения праздника. Мы же бедны словом[1] и мутны умом, не имеем огня святого духа на слагание душеполезных слов, но ради любви к живущим со мною братьям скажем немного об обновлении[2] воскресения Христова.

В минувшую неделю святой пасхи было удивление небесам, устрашение преисподним, обновление творения, избавление миру, разрушение ада и попрание смерти, воскресение мертвых и погибель обманной власти дьявола, спасение же человеческому роду Христовым воскресением, оскудение Ветхого завета, порабощение субботы, изобилие церквам и воцарение недели[3]. В минувшее воскресение все преобразилось: небом стала земля, очищенная богом от бесовской скверны, ангелы и жены раболепно служат воскресению. Обновился мир, уже не именуется богом стихия: ни солнце, ни огонь, ни источники, ни древо. Больше не попадают в ад приносимые в жертву отцами младенцы, больше не почитается смерть — прекратилось идолослужение и погибло бесовское насилие благодаря таинству крестному; и не только спасся человеческий род, но и освятился Христовою верою. С этого времени обнищал ветхий закон, ибо не стало жертвенной крови тельца и козьих жертв,— один Христос сам собою за всех к отцу жертву вознес. Потому и суббота перестала быть праздником и неделе благодать была дана, воскресения ради. И царствует уже среди прочих дней неделя,

ибо в этот день [Христос] воскрес из мертвых. Венчаем, братья, царицу дней и честные дары с верою поднесем ей, воздадим по силам нашим, что можем: один — милосердие, и незлобивость, и любовь, другой — девство чистое и веру правую, и смирение нелицемерное, а третий — псалмопение, апостольское учение и молитву с воздыханием к богу, ибо сам господь бог устами Моисея глаголет: «Пусть не являются пред лице мое с пустыми руками». Так принесем же ему нареченные выше добродетели да восприимем божию милость, ибо не лишает бог добра приходящих с верою, говорит: «Славящих меня — прославлю».

Похвалим красно новую эту неделю, в нее же обновление воскресения празднуем. Не та же пасха это, но антипасха. Пасха есть избавление миру от насилия дьявола и освобождение мертвых из ада преисподней, антипасха же есть воспоминание воскресения. Образ же она имеет древнего закона: как завещал бог в Египте, говоря Моисею: «Вот избавляю людей моих от рабства фараона и освобождаю их от насилия надсмотрщиков; пусть вспоминают день спасения, в который победил врагов твоих, Израиль!» Ныне и мы вспоминаем, празднуя, победный день Христа, когда сотворил он спасение всему миру, победив начала и власти темные. Того ради и артосный хлеб от пасхи и доныне освящаем в церкви и теперь на горнем месте священнослужителей преломляется он вместо опресноков[4], несенных некогда на главах левитов[5] от Египта по пустыни, пока не прошли они Черное море, и там хлеб посвятили богу, и, вкушая его, были здравы и страшны для врагов. [...]

Древнее прошло, ныне все новое, видимое и невидимое[6]. Ныне небеса просветлились, освободившись от покрова темных облаков, и светлым воздухом провозглашают славу господню. Не эти разумею видимые небеса, но мысленные — апостолов, которые ныне познали вшедшего к ним на Сионе господа, и всю печаль забыли, и скорбь иудейского страха отвергли, святым духом осенились и о воскресении Христове ясно проповедуют. Ныне солнце, красуяся, на высоту восходит и, радуяся, землю согревает. Это взошло от гроба наше праведное солнце Христос, спасая всех, верующих в него. Ныне луна, сошедши с высшей ступени, большему светилу честь воздает.— Это ветхий закон по писанию отменен вместе с празднованием субботы, и пророки Христову

закону почести воздают. Ныне зима греховная покаяниями окончилась и лед неверия познанием бога растаял. Это зима языческого кумирослужения апостольским учением и Христовою верою окончилась, лед же Фомина неверия показанием Христовых ребер растаял. Сейчас весна красуется, оживляя земное естество, и бурные ветры, тихо повевая, плоды умножают, и земля, семена питая, зеленую траву рождает. Весна красная есть вера Христова, которая крещением возрождает человеческое естество, а бурные ветры — греховные помыслы, покаянием претворившиеся в добродетельные, взращивают душеполезные плоды. Земля же естества нашего, как семя, слово божие приняв и страхом его вполне исполнившись, рождает дух спасения. Ныне новорожденные агнцы и тельцы, быстро на ноги встав, скачут и, скоро возвращаясь к матерям, веселятся; и пастыри, играя на свирели, с весельем Христа восхваляют. Под агнцами разумею кротких людей из язычников, а под тельцами — идолослужителей неверных стран, которые Христовым вочеловечением и апостольским учением и чудесами скоро к закону обратились, к святой церкви возвратились, молоко учения ее сосут; а учителя Христова стада, о всех молясь, Христа бога славят, всех — волков и агнцев — в едино стадо собравшего. Ныне древа листья распускают, ныне цветы благоуханные расцветают, и сады уже сладких запахов наполнились, и работники, трудясь, с надеждою призывают подателя плодов Христа. И мы прежде были, как древа дубравные, не приносящие плода, ныне же насадилась вера Христова в нашем неверии и уже, утвердясь на корени Иессееве[7], как цветы, добродетели раскрываем, райской жизни от Христа ожидаем. И святители, трудясь для церкви, от Христа мзды ожидают. Ныне ратаи слова, приводя имеющих дар слова тельцов к духовному ярму и рало креста в мысленную ниву погружая, бразду покаяния в ней прочертая, семя духовное всыпая, веселятся в ожидании будущих плодов. Ныне ветхое прошло и все обновилось, воскресения ради. Ныне реки апостольские наполняются и языческие рыбы приплод дают, и рыбаки, глубину божия вочеловечения испытав, полную церковную сеть добычи обретают. И сказал пророк: «Реками разойдется земля, увидят это и разболеются нечестивые люди». Ныне — иноческий образ — трудолюбивая пчела, свою мудрость показывая, всех удивляет: как и те, живущие в пустынях трудами рук своих, удивляют ангелов и людей,

так и сия, взлетая на цветы, сотворяет медвяные соты и людям сладость, и церкви потребное подает. Ныне все сладкогласные птицы церковных ликов, гнездясь, веселятся; как сказал пророк: «И птица находит себе жилье близ алтаря твоя», и каждая свою песнь поющи, славит бога неумолчным гласом. Ныне всех святых чины обновились, приняв от Христа новую жизнь. Пророки и патриархи, потрудившись, в райской почивают жизни, а апостолы со святителями, приняв страдание, прославляются на небе и на земле; мученики и исповедники, претерпев за Христа, с ангелами венчаются, цари и князья послушанием спасаются, девственные лики и иноческие собрания, свой крест с терпением несущие, за первенцем Христом от земли на небо следуют; постники и пустынники, от руки господа мзду за труды принявши, в горнем граде со святыми веселятся. Сейчас для новых людей праздник обновления Христова воскресения и все новое богу приносится: от язычников — вера, от христиан — поклонение, от священников — жертвы, от правителей — боголюбезные милостыни, от вельмож — церковное попечение, от праведников — смиреномудрие, от грешников — истинное покаяние, от нечестивых — обращение к богу, от ненавидящих друг друга — духовная любовь.

Взойдем ныне и мы, братья, в мыслях своих в Сионскую горницу, ибо там собрались апостолы и сам господь Иисус Христос за затворенными дверями явился среди них и, сказав: «Мир вам», радостью наполнил их души. Ибо сказано: «Возрадовались ученики, увидев господа, и всю печаль телесную и страх сердечный отринули», и была дана их душам духовная смелость, чтобы смогли они узнать своего владыку, обнажившего перед всеми свои ребра, язвы от гвоздей на руках и ногах, и показавшего это Фоме. Ибо не видел Фома господа в первый приход с учениками и только услышал о его воскресении и не хотел верить, не потому, что считал это ложью, но потому, что желал сам видеть Христа, и так говорил: «Пока не вложу руки моей в ребро его и в раны от гвоздей перста моего — не поверю». И господь без упрека так ему сказал: «Подай руку твою и посмотри на прободенные ребра мои, и веруй, что это я сам есть; и прежде тебя патриархи и пророки, познавши меня, веровали моему вочеловечению... Веруй мне, Фома, и узнай меня, как Авраам, к нему под сень я пришел с двумя ангелами, и он, увидев меня, господом меня назвал, и о Содоме умолял

меня, чтобы не погубил я город сей, если только и десять праведников в нем найдется. И не будь неверен, как Валаам, который духом святым предрек мою за мир смерть и воскресение, но потом, прельстившись мздою, погиб. Веруй мне, Фома; это я сам, кого Иаков увидел в ночи, утверждающегося на лествице, и в другой раз узнал меня духом, когда я боролся с ним в Месопотамии, и тогда я обещал ему воплотиться в племени его. И не будь неверен, как Навуходоносор, который, узнав меня, в пещи отроков от огня спасшего, праведно сыном божиим назвал меня, а потом, опять к своим соблазнам обратившись, погиб. Веруй мне, Фома, это я сам, образ которого видел Исайя на престоле превознесенного, окруженного множеством ангелов. Это я, явившийся Иезекиилю среди животных в образе человеческом, ему же и вас представил под видом колес, за животными движущихся со мною, ибо оный животный дух в колесах был дух святой и поне его я сообщил вам дуновением; это я, которого видел Даниил: «С облаками небесными шел как бы сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к нему», и я показал данную мне от бога-отца власть и царство на небе и на земле в нынешнем и грядущем — бесконечном веке. Поднеси, о близнец, перст твой и посмотри на руки мои, ими я очи слепым отверзал и глухим слух даровал, и немых делал доброглаголивыми. Посмотри на ноги мои, ими же я пред вами по морю ходил и по воздуху явственно ступал, и в преисподнюю вошел, тьму ада поправ, и с Клеопою и Лукою до Эммауса шествовал[8],— и не будь неверен, но верен». Отвечал Фома, говоря: «Верую, господи, что ты есть сам Христос, бог мой, о котором писали пророки, провидящие духом, которого изобразил в законе Моисей, которого отвергли жрецы и фарисеи[9], над которым из зависти надругались книжники и другие иудеи, которого Каиафа с Пилатом предали на распятие[10], но которого бог-отец из мертвых воскресил. Вижу ребра, из которых ты источил кровь и воду; воду — чтобы очистить оскверненную землю, и кровь — чтобы освятить человеческое естество. Вижу руки твои, которыми ты сотворил всю тварь, и рай насадил, и человека создал, ими же благословлял патриархов, ими же помазывал мирром царей, ими же освятил апостолов. Вижу ноги твои, к которым прикоснувшись блудница получила отпущение грехов, к которым припав вдовица приняла из царства мертвых своего сына живого; близ этих ног, при-

коснувшись к краю ризы, кровоточивая жена исцелилась от недуга. И я, господи, верую, что ты — бог». И сказал ему Инсус: «Ты поверил, потому что увидел меня. Блаженны не видавшие и уверовавшие!» [...]

Слово о снятии тела Христова с креста

Святаго Кюрила мниха слово о съятии тела Христова съ креста, и о мюроносицахъ, от сказания евангельскаго, и похвала Иосифу

Праздьник от праздьника честьней приспелъ есть, подавая благодать божию святей церкви. Яко же бо и плепица златы, растворены жьньчюгомь, съ многоценьными каменьемь, веселять зрящихъ на ня очи,— нь паче сихъ духовьная намъ красота, праздьници святыи, веселяще верьныихъ сердца и душа освящающе. Пьрвое бо въскрьсениемъ Христовомь просветися мир и пасьха бысть, вся верныя освящающи; таче Фоминомь испытанием ребръ господень обновися тварь: коснувшю бо ся ему рукою язвахъ, всемъ известо бысть телесьное въстание.

Ныня же Иосифа благообразьнааго с мюроносицами похвалимъ, послуживъшааго по распятии телу Христову, его же евангелистъ богата нарицаеть, пришьдъша от Аримафея. Бе бо — рече — и тъученик Исусовъ и чая царствия божия. И въ время страсти вольныя спасовы виде страшьная в твари чюдеса, солнце помьркъше и землю трясущюся, страха исполнивъся и дивяся приде въ Иерусалимъ. И обрете тело Христово на кресте наго и прободено висяще и Марию, матерь его съ единемь учеником тому предъстоящю, яже отъ болезни сердца горце рыдающи сице глаголааше: Тварь съболезнуеть ми, сыну, твоего зрящи бес провды умьрщвения. Увы мне, чадо мое, свете и творче тваремъ! Что ти ныня въсплачю? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения и по плещема

биения, уз же и темнице, и заплевания святаго ти лица, яже отъ безаконьник за благая прият! Увы мне, сыне! Не повинын сы поруганъ бысть и на кресте смерти въкуси. Како тя търнием венчаша, и зълчи с оцтомь напоиша, и еще и пречистая ти ребра копиемь прободоша! Ужаснуся небо и земля трепещеть, июдеїска не тьрпяще дерзновения; солнце помьерче и камение распадеся, жидовьское окаменение являюще. Вижю тя, милое мое чадо, на кресте нага висяща, бездушна, безрачна, не имуща видения, ни доброты, и горко уязвляюся душею. И хотела бых съ тобою умрети,— не тьрплю бо бездушьна тебе зрети. Радость мне отселе никако же прикоснеться,— светъ бо моï и надежда и животъ, сын и богъ на древе угасе. Кде ми, чадо, благовестование, еже ми древле Гавріил глаголаше: «Радуїся, обрадованная, съ тобою господь», цесаря тя и сына вышняаго нарицая, спаса миру и животворца всемъ и грехом потребителя! Ныне же зрю тебе, акы злодея, межю двема повешьна разбойникома и копием прободена въ ребра мьртвьца, и сего ради горко изнемагаю. Не хощю бо жити, нъ варити тя въ аде. Ныня моего чаяния, радости же и веселия, сына и бога лишена быхъ. Увы мне! О страньнем ти рождестве тако не болех, яко же ныня, владыко, растьрзаюся утробою, твое видящи тело пригвождено к древу. Твое бе преславьно рожество, Исусе, и ныня страшьно умерщвение: единъ от несеяныя проиде утробы, целы печати моего съблюд девьства, и матерь мя своего въплъщения показавъ, и пакы девою схрани. Знаю твое за Адама пострадание, нъ душевьною рыдаю объята горестию, дивящися твоего таиньства глубине. Слышите небеса и море с землею, внушаїте моих сльз рыдание, се бо творець вашь от священик страсть приемлеть, един праведьн за грешникы и безаконьникы убиен бысть. Днесь, Симеоне, постиже мя пророчение, копие бо ныня мою проходить душю, твоего от воин зрящи поругания[1]. Увы мне! Кого к рыданию призову! Или с кымь моихъ сльз излею потокы! Вси бо тя оставиша, ужикы же и друзи, твоих, Христе, насладивъшеся чюдес. Кде ныне лик седмьдесятныхъ ученик? Кде ли верховьнии апостоли? Ов бо тя льстию фарисеом предасть[2], другыи же страха ради пред архиереи с клятвою отвержеся, не зная тебе человека[3]. И едина, боже моï, раба твоя, рыдающи предъстою с хранителемь твоих словесъ и възлюбленымь ти наперсникомъ. Увы мне, Исусе моï, драгое имя! Како стоить земля, чюющи тя на себе на

кресте висяща, иж на водах ту въ начатъце основалъ еси, иже многыя слепца просветивъ, и мьртвыя словомь въскресивъша твоего божества мановениемь. Придете, видите, божия смотрения таиньство, како оживлий вся проклятою умерщвен бысть смертию[4].

И си слышавъ Иосиф, приближися къ горко рыдающиий матери. Его же видевъши мольбьными тому оплеташеся глаголы: «Потъщися, благообразне, къ Пилату безаконьному судии, и испроси съ креста съняти тело учителя своего, моего же сына и бога. Подвигнися и предъвари, причастьниче Христову учению, тайный апостоле, обещьниче божию царствию, и испроси уже бездушьное тело, пригвожденное к древу и прободеное в ребра. Спостражи, благоверьне, сугубаго ти ради венца, его же по въскрьсении Христове въсприимеши, от всех конец земля чьстьную славу и поклонение и на небеси бесконьчьную жизнь. Умилив же ся Иосиф плачевьными тоя глаголы, не рече: Жьрци на мя въстануть и озлобять, июдеи въскрамолять и побиють мя, фарисеи разграбять мое богатьство, буду же и сборища отлучен. Ничто же сих не рече, нъ вся уметы створи и о своемь бо не родив животе, да Христа приобрящеть. Дерзнув вънеде къ Пилату и въпроси глаголя: «Даждь ми, огемоне, тело страньнаго оного Исуса, распятаго межю двема разбойникома, оклеветанаго от архиереи завистию и поруганаго бес правды. Дажь ми тело оного Исуса, его же сыномь божиемь нарицяхуть книжници и цесарьмь поведаху фарисеи, ему же ты повеле над главою дъску прибити, имущю писание: «Се есть сын божий и цесарь Израилев»; даждь ми тело, его же свой ученик жьрцем льстию на сребре предасть... Даждь ми сего распятаго, ему же въходящю въ Иерусалим, съ ветвьми младеньци съретахути и глаголюще: «Осана, сыну Давыдов!»; его же глас слышавъ, ад отпусти душою Лазоря, уже четвьродневна умьрша[5]; о немь же писа в законе Моиси: «Узрите живот вашь прямо очима вашима висящь»[6]. Сего хощю мьртваго телесе, его же мати, не познавъши мужьска ложа девицею породи[...]. Сего прошю назарянина телесе, ему же от изумевъшихъся избегающе въпияху беси: «Что есть нам и тобе, Исусе, сыне божий? Вемы тя, кто еси святый божий: пришьл еси преже времене мучит нас»[7]: о нем же и сам бог отець съ небесе, на Иердане крестящюся ему, послушьствоваше глаголя: «Се есть сын мой възлюбленный, о нем же благоизволих»; о немь же дух святый

Исаиемь глаголеть: «Яко овча на заколение ведена бысть, от безаконьных людий преданъ бысть на смьрть». Дажь ми тело съняти с креста, хощю бо его в своемь положити гробе[8] [...].

И си вся слышав от Иосифа, Пилат дивися и призва сътъника, въпроси и: «Аще уже умреть пропятый Исус?». И уведавъ, дасть тело Иосифу, да его погребеть, яко же хощеть. И купив плащаницю, сънят тело Исусово съ креста. Приде же и Никодим[9], несы исмешение изъмюрно и алоино, достойно цены литр ста; обиста тело Христово, помазавше е мюромь. Въпияше же Иосиф, глаголя сице: «Солнце незаходяй, Христе, творче всех и тварем господи! Како пречистемь прикоснуся теле твоемь, неприкосновьньну ти сущу небесным силам, служащимъ ти страшьно! Кацеми же плащаницами обию тя, повивающаго мьглою землю и небо облакы покрывающаго! Или какы воня възлею на твое святое тело, ему же дары съ вонями пьрсьстии принесъше цесари, яко богу покланяхуся, преобразующе твое за вьсь мир умьрщвение! Кыя ли нагробьныя песни исходу твоему въспою, ему же въ вышьних немолчьными гласы серафими поють! Како ли понесу тя на моею пьрстьною руку носящаго тварь всю, невидимаго господа! Како ли въ моемь худемь положю тя гробе, небесный круг утвердивъшаго словомь и на херовимех с отцемь и съ святымь почивающаго духом! [...] И положиша и въ гробе, и привалиша камень велик къ дверем гробу. Мария же Магдалыни и Мария Ияковля зряста, кде и полагаху!

И минувъши суботе и солнцю уже въсиявъшю, вся въкупе жены с мюромь, се уже чьтвьртое, придоша. Пьрвое бо, яко же глаголеть Матфей,— вечер въ суботу придоша две жене видет гроба; при нею же трус бысть, егда ангель отвали камень от дверий, и от страха его омьртвеша стрегущеи; тема тъгда и сам Исус явлься, рече: «Радуйтася, идета к братии моей, да идуть в Галилею, и тамо видять мя». И пакы полунощи ины придоша испытат бывъшаго, яже от Магдалыне о въскрьсении Христове слышаша; о тех бо Лука написа тако: «Зело рано придоша жены к гробу и обретоша камень уже отвальн, и два ангела в них ставъша, глаголаста: «Что ищете живаго с мьртвыми? Несть сде, нъ въскресе». По семь предъ зорями друзеи придоста жене, и те видеста утрь в гробе два ангела, идеже бе лежало тело Исусово; темь же Иоан Фелог рече: «От тою слышавъ, Петр съ

другымь ученикомь тече к гробу, и еще сущи тьме». Марко же о всех поведаеть мюроносицахъ, яже с вонями въ суботу придоша: «И вълезъше въ гроб, видеша уношю, одесную седяща, и ужасошася. Он же рече им: «Не ужасайтеся! Не вам бо есть страхъ, нъ безаконьным жьрцъм, съ стрегуще оде войны. Вы же видете тъщь гроб и рьцете апостолом: «Христос въскресе». Видите,— бес телесе есть плащаница, и о плотьномь Исусове хвалитеся въстании; будете благовестьце человечьскому спасению, рьцете апостолом: «Днесь спасение миру». Уже не скърбите, ни сетуйте, яко мьртвьца, нъ радуйтеся и веселитеся о бозе живе[...].

Солнце помрачи и землю потрясе, и твари всей плакатися створи, да адьская раздрушить скръвища, и тамо сущихъ душа свет видеша, и Евжин плачь на радость преложи. Въ гробе яко мьртв положен бысть, и от века умьршим гробьным живот дарова. Каменьемь с печатьми утвьржен бысть, да адова врата и верея от основания скрушить. Стражьми стрегомь бѣ всеми видимо, нъ невидимо съшьд в адъ, съвяза сотону. Ангельская бо воиньства съ нимъ текуще зъваху: «Възмете, врата, князи ваши, да вънидеть цесарь славы». И ови съвязаныя душа решаче отъ тьмниць пущаху; друзии же противныя силы вяжюще, глаголаху: «Кде ти, смерти жало? Кде ти, аде победа?» Къ ним же оцепевьше беси въпияху: «Кто се есть цесарь славы, с толикою на ны пришел властию? Погубил есть князя тьмы и вся его въсхытил скровища, разби смертьный град, адово чрево, извоева пленьникы, иже съ Адамомъ съде, сущая грешных душа». Въскрьсе целом печатем у гроба, тако бо и рожься невреди матьрния девства печати. Да несть вам страха, нъ омьртвевъшим войном. Уже бо вся съвьршив Исус, въскрьсе боголепне, и показася преже вас приходивъшим женам, възывъя красно: «Радуйтася!» И апостолом своим в Галилею ити повеле, да вся тамо с вами освятив с плътию на небеса възидеть, с нею же и пакы придеть судит мирови. Си же вся от ангела реченая к мюроносицам о Христе съказахом.

Похвалим ныня Иосифа приснопамятьнаго, благообразьнаго же и досточюдьнаго. Блажен еси поистине, преславный и досточюдный Иосифе, толика блага и велика богатьства на земли и на небеси сподоблься! Достойно послужив, яко и херовими, божию телеси; нъ они невидимо на своею дьржаще раму, страхомь своя покрыва-

ють лица, ты же радуяся на своею руку Христа бога носил еси. Блажен еси, Иосифе, паче патриарх Аврама, Исака и Якова! Его же бо они глас тъчию слышавъше, чьстьни и славьни паче всех явишася, того же ты въ плащаницю обил еси тело. Блажю руце твои, Иосифе, на нею же сына божия и всех творца дьржал еси тело[...]. Блажен еси, Иосифе, иже вся оживъшаго словомь и водами покрывъшаго твердь небесную, сего, яко мьртвьца, каменемь покрыл еси въ гробе, чая тридневнаго въскресения! Блажен убо и град твой Аримафей, из него же ты приде послужит сыну божию! Кую похвалу створим достойну твоего блаженьства, ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложю? Небомь ли тя прозову? Нъ того светьлей бысть богачестьемь, ибо въ время страсти Христовы небо помрачися и свой светъ скры, ты же тогда радуяся на своею руку бога носяще. Землю ли тя благоцветущю нареку? Нъ тоя честьней ся показа; тъгда бо и та страхом трясашеся, ты же с веселиемь божие тело съ Никодимомь въ плащаницю съ вонями обив положил еси. Апостоломъ ли тя именую? Нъ и тех вернее и крепъчею обретеся; егда бо они страха ради жидовьска разбегошася, тъгда ты безъ боязни и бесумнения послужил еси Христови. Святителя ли тя и старейшину прозову? Темь бо образъ своея служьбы предал еси, обиходя и кадя и кланяяся съ молитвами пречистому телу Христову, глаголя: «Въскресни, господи, помози нам, избави нас имени твоего ради! Священомученикомь ли тя нареку, яко толику показал еси любовь къ Христови? Аще бо и не въгрузися в твоя пьрси оружие, ни пролься твоя от меча кръвь, нъ изволением и верою по Христе положил еси душю. Поразили бо тя быша и на удеса расекли, нъ съхрани тя отъ тех, Исус, его же ты хранящє тело, не убоявъся гнева жидовьска, ни прещения жречьска, ни напрасно убивающих войн не устрашися, не пожали си по многемь богатьстве, не родив ни о своем животе, чая тридневнаго въскресения. Нъ паче всехъ святых подъвизалъся еси, богоблаженый Иосифе, и паче всех имаши дерзновение къ Христу, къ нему же молися и о насъ, хвалящих тя, и чтущих твою с мюроносицами память, и твой укращающим праздьник.

Подажь, святе, всем намъ твою помощь, буди покръв граду нашему от всякого зла[10], подавая князю на противныя победу и заступая его от всехъ видимыхъ и невидимых враг, миръ же глубок, и съдравие телеси, купно

же и души его проси спасения. И нас избави от всякоя нужа и печали, и беды, и всех лютых напастий и многыхъ грехов отпуст испроси своими къ богу молитвами, да избавить ны от бесконьчныя мукы и причастьникы створить будущая жизни, благодатию и человеколюбиемь господа и бога и спаса нашего Исуса Христа, ему же слава с отцемь и съ пресвятымь и благымь и животворящимь духомь, ныне и присно и въ векы.

Перевод

Святого Кирилла, инока. Слово о снятии тела Христова с креста, и о мироносицах, от сказания евангельского и похвала Иосифу

Праздник, достойней прошедшего праздника, подошел, подавая благодать божию святой церкви. Ибо если даже цепи златые, унизанные жемчугом и драгоценными камнями, веселят очи взирающих на нее, то еще выше духовная красота — праздники святые, радующие сердца верующих и освящающие души. Сначала воскресением Христовым просветился мир, и настала пасха, освятившая всех в вере, потом Фоминым осязанием ребр господних возродилось творение: когда прикоснулся рукою к ранам его, все уверовали в телесное его воскресение.

Ныне же Иосифа благообразного с мироносицами похвалим, послужившего по распятии телу Христову; его евангелист называет богатым, пришедшим из Аримафеи, и был он, говорят, учеником Иисусовым и ожидал царства божия. И во время страданий добровольных Спасителя видел он страшные в природе чудеса: солнце померкшее и землю трясущуюся. Исполненный страха и удивления, пришел он в Иерусалим и нашел тело Христово на кресте нагим и пригвожденным висяще, и Марию, мать его, с единым учеником его близ него стоящей; с болью в сердце, горько рыдая, так она говорила: «Мир соболезнует мне, сын мой, видя несправедливость твоего умерщвления! Увы мне, чадо мое, свет и создатель всего! Что же я ныне стану оплакивать? Поругание ли над тобою, или по ланитам твоим удары, или по плечам битье, цепи ли твои и темницу, заплевание ли святого твоего ли-

ца; все это от беззаконников за добрые дела ты принял. Увы мне, сыне! Неповинный ты поруган и смерть на кресте вкусил! Как тебя тернием венчали, как желчью с уксусом напоили, как пречистые твои ребра копием прокололи. Ужаснулось небо, и затрепетала земля, иудейской не перенеся дерзости, солнце померкло, и камни распались, еврейское окаменение являя. Вижу тебя, милое мое чадо, на кресте нагим висящим, бездыханного, незрячего, не имеющего ни облика, ни доброты,— и горько уязвляюся душою! И хотела бы умереть с тобою, не могу бездыханным видеть тебя! Радость меня с этих пор никогда не коснется, ибо свет мой, и надежда, и жизнь — сын и бог угас на кресте. Где же, чадо, благовестие, что когда-то принес мне Гавриил: «Радуйся, благодатная, с тобою господь!», царем и сыном всевышнего тебя нарицая, спасителем мира и всего животворцем и грехов истребителем! Ныне же вижу тебя, как злодея, повешенным между двух разбойников, вижу мертвым, копьем пробитым в ребра,— и потому я в горести изнемогаю. Не хочу я жить, но хочу опередить тебя во аде. Ныне моей надежды, радости и веселья — сына и бога я лишилась! Увы мне! При чудесном твоем рождении так не страдала я, как теперь, владыка, разрываюсь чревом, твое видя тело пригвожденным к древу. Преславным было твое рождение, о Иисусе, умерщвление же ныне — страшно! Единственный ты от бессеменного чрева родился, целыми печати моего девства сохранив и показав меня матерью в воплощении своем, сохранив при этом девой. Знаю твое за Адама страдание, но рыдаю, душевною объята горестию, удивляясь твоего таинства глубинам. Услышьте, небеса и море с землею, внемлите моему слезному рыданию: это творец ваш от священников терпит страдания, единственный праведник за грешников и беззаконников убит. Сейчас, Симеон, постигла я твое прорицание: копье ведь и через мою ныне проходит душу при виде твоего поругания от воинов[1]. Увы мне! Кого призову я к рыданию?! С кем разделю моих слез потоки? Ибо все оставили меня — родные и друзья,— твоими, о Христос, насладившись чудесами! Где ныне сонм семидесяти учеников твоих? И где верховные апостолы? Один коварно предал тебя фарисеям[2], другой же в страхе перед архиереями отрекся[3], поклявшись, что он не знает тебя. И вот одна я, раба твоя, боже мой, рыдая стою перед тобою с хранителем твоих словес и возлюбленным то-

бою наперсником. Увы мне, Иисусе мой, драгоценное имя! Как стоит земля, чувствуя тебя на кресте висящим, тебя, который на водах вначале утвердил ее, который многих слепцов просветил и мертвецов словом воскресил мановением божества своего! Придите и взирайте на таинство божиего промысла, как все оживляющий, — проклятою сам умерщвлен смертию!»[4]

И это услышав, Иосиф приблизился к горько рыдающей матери. Его же увидев, с мольбой к нему обратилась, говоря: «Поспеши, благообразный, к Пилату, беззаконному судье, и испроси у него позволение с креста снять тело учителя твоего, моего же сына и бога. Потрудись и сделай, о причастник Христова учения, тайный апостол, причастник божиего царства, попроси уже бездыханное тело, пригвожденное к древу и прободенное в ребра! Сподвигнись, благоверный, ради сугубого тебе венца, который по воскресении Христа ты восприимешь — от всех концов земли честную славу и поклонение, а на небесах — вечную жизнь».

Умилившись плачевными ее словами, Иосиф не сказал: «Жрецы на меня восстанут и озлобятся, иудеи вознегодуют и побьют меня, фарисеи разграбят мое богатство, и буду я отлучен от общества». Ничего этого он не сказал, но всем пренебрег и о своей не стал заботиться жизни ради того, чтобы отыскать Христа. Дерзнувши, вошел он к Пилату и стал просить, говоря: «Дай мне, игемон, тело странника того, Иисуса, распятого между двух разбойников, оклеветанного из зависти архиереями и поруганного воинами неправедно. Дай мне тело того Иисуса, которого сыном божиим называют книжники и царем объявили фарисеи, ему же ты над головою его велел прибить доску с надписью: «Это сын божий и царь Израилев». Дай мне тело того, которого его же собственный ученик коварно жрецам за серебро предал... Дай мне тело того распятого, которого, когда он входил в Иерусалим, младенцы с ветвями встречали, восклицая: «Осанна, сыну Давыдову!», голос которого услышав ад отпустил душу Лазаря, четвертого дня умершего[5], того, о котором в завете писал Моисей: «Увидите жизнь вашу прямо перед глазами вашими висящую»[6]. То хочу мертвое тело, которое мать, не познавши мужского ложа, девою родила [...]. Того прошу назарянина тело, к которому, выходя из бесновавшихся, взывали бесы: «Что ты нам и мы тебе, Иисус, сын божий! Знаем мы, кто есть ты, свя-

тый боже! Пришел раньше времени мучить нас»[7] и о котором сам бог с небес, когда в Иордане крестился он, свидетельствовал, говоря: «Это сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение»; о котором дух святой устами Исайи говорит: «Как агнец на заклание приведен, беззаконниками предан он смерти». Дай мне тело снять с креста, ибо хочу его в своем положить гробе[8] [...].

И услышав все это от Иосифа, Пилат удивился и призвал сотника, и спросил его: «Умер ли распятый Иисус?» И, узнав, дал тело Иосифу, чтобы тот схоронил его, как хочет.

И купив плащаницу, снял он тело Иисусово с креста. Пришел и Никодим[9] и принес смесь из мирры и алоэ, ценою в сто динариев. Обвили они тело Христово пеленами, помазали миррой. И воскликнул Иосиф, говоря так: «Солнце незаходящее, Христос, творец всех и повелитель твари! Как прикоснусь я к пречистому твоему телу, неприкосновенному даже для сил небесных, со страхом служащих тебе. Какими плащаницами обовью я тебя, обволакивающего землю мглою и небо облаками покрывающего, или какие ароматы возолью я на твое святое тело, которому дары с благовониями принесли цари персидские, тебе, как богу, поклонившись, предвидя твое за мир умерщвление. Какие надгробные песни исходу твоему воспою, тебе, кому в вышних немолчными гласами поют уже серафимы? Как понесу на бренных руках моих тебя, невидимого господа, носящего на руках весь мир? Как в моей жалкой гробнице положу я тебя, небесный круг утвердившего словом и почивающего на херувимах с отцом и со святым духом? [...]

И положили его в гроб и привалили камень огромный к дверям гробницы. Мария же Магдалина и Мария Яковлева смотрели, где его положили.

И когда минула суббота и солнце уже воссияло, все вместе жены с благовониями пришли уже в четвертый раз. Ибо сначала, как говорил Матфей: «В субботу вечером пришли две жены посмотреть на гробницу, при них же тогда произошло землетрясение, когда ангел отвалил камень от входа и когда, устрашившись его, омертвели стражники». К ним же тогда и сам Иисус, явившись, сказал: «Радуйтесь! Ступайте к братии моей, пусть идут в Галилею и там увидят меня». И опять в полночь пришли другие, чтобы увериться в том, что слышали они от Магдалины о воскресении Христовом. Об этих Лука на-

писал так: «Очень рано пришли жены к гробу и нашли камень уже отваленным, и два ангела, став перед ними, сказали: «Зачем ищете живого средь мертвых? Нет его здесь, но воскрес он».

Потом, пред зарею, другие пришли женщины, и они увидели внутри гроба двух ангелов, там, где лежало прежде тело Иисусово; об этом Иоанн Богослов сказал: «От тех услышав, Петр с другим учеником поспешил к гробу, когда было еще темно». Марк же обо всех рассказывает мироносицах, которые с благовониями пришли в субботу: и, войдя в гробницу, увидели юношу, сидящего справа, и ужаснулись. Он же сказал им: «Не ужасайтеся! Ибо не вам теперь страх, но беззаконным жрецам и стерегущим здесь воинам. Вы же посмотрите на пустой гроб и передайте апостолам: «Христос воскрес». Видите: без тела уже плащаница, и вознесите хвалу о воскресении Иисуса во плоти, будьте благовестницами человеческого спасения, скажите апостолам: «Сегодня спасение миру!» Уже не скорбите, не сетуйте, как о мертвом, но радуйтесь и веселитесь о боге живом. [...]

Он помрачил солнце и землю сотряс, заставил плакать все живое для того, чтобы разрушить хранилища адские и томящиеся там души вывести к свету, и плач Евы обратить в радость. В гроб, как мертвец, положен был — и обреченным на смерть жизнь даровал; камнями с печатями загорожен был — и адовы врата и запоры сокрушил до основания. Стража стерегла его для всех зримо, но незримо сошел он в ад, связав сатану. Ангельское же воинство, за ним поспешая, взывало: «Откройте врата князей ваших, пусть войдет царь славы»! И одни, освобождая связанные души, из темниц их выпускали, другие же, связывая враждебные силы, говорили: «Где твое, смерть, жало? Где твоя, ад, победа?» А ко всем оцепеневшие бесы с воплями взывали: «Кто этот царь славы, с властью такою на нас пришедший? Он погубил князя тьмы и все его сокровища похитил, он разгромил смертоносный город — адово чрево, отвоевал пленников, с Адамом здесь бывших,— грешников души». Воскрес он, не нарушив печатей гробницы, как и родился, не повредив материнского девства печати. И пусть не будет для вас страха — но только для перепуганных стражников. Ибо уже все совершив, Иисус воскрес боголепно и показался прежде вас пришедшим женам, взывая величаво: «Радуйтесь обе!» И апостолам своим в Галилею идти повелел, чтобы там, освятив всех

вас, на небеса во плоти взойти, в которой он опять придет судить мир.

Все это, что ангел сказал мироносицам о Христе, я вам пересказал.

Похвалим ныне Иосифа вечночтимого, благообразного же и досточудного. Блажен ты воистину, преславный и досточудный Иосиф, стольких благ и столького богатства на земле и на небе сподобившись. Достойно послужил ты, как и херувимы, божиему телу, но те — невидимо, на своих держа раменах и от страха свои закрывающие лица, ты же с радостью на своих руках Христа-бога носил. Блажен ты, Иосиф, более патриархов Авраама, Исаака и Иакова, ибо они, только голос его слышавшие, уже честнее и славнее всех от этого сделались, ты же обвил пеленами его тело. Восславлю руки твои, Иосиф, которыми сына божия и всей Вселенной творца держал тело[...]. Блажен ты, Иосиф, ты, который оживившего всех словом и водами покрывшего твердь небесную, как мертвеца, камнем прикрыл в гробнице, ожидая трехдневного воскресения. Блажен же и град твой Аримафей, из которого ты пришел послужить сыну божию. Какую похвалу сотворим, достойную твоего блаженства или кому уподобим праведника сего? Как начну или как расположу? Небом ли тебя назову?! Но его светлее ты благочестием, ибо во время страданий Христовых небо помрачилось и сокрыло свой свет; ты же тогда, радуясь, на своих руках бога носил! Землею ли тебя благоцветущею нареку?! Но и той достойнее себя показал, ибо тогда и она от страха тряслась; ты же с Никодимом божие тело, плащаницею благовонною торжественно обвив, положил. Апостолом ли тебя поименую?! Но и тех ты вернее и тверже оказался, ибо, когда они, страшась иудеев, разбежались, тогда ты без боязни и сомнения послужил Христу. Святителем ли тебя и старейшиной назову?! Ибо ты подал им пример своей службы, обходя и кадя и кланяяся с молитвами пречистому телу Христову и говоря: «Воскресни, господи, помоги нам, избави нас имени твоего ради!» Священномучеником ли тебя назову?! Такую показал ты любовь к Христу! Ибо хотя и не погрузилось оружие в грудь твою, не пролилась от меча кровь твоя, но готовностью и верою положил ты душу за Христа. И тебя бы поразили, и на части рассекли бы, но сохранил тебя от этого Иисус, тело которого ты предал погребению, не убоявшись ни гнева иудейского, ни угроз жрецов, ни воинов, безвинно убивающих; не

устрашился, не пожалел о многом своем богатстве, не позаботился о своей жизни, ожидая трехдневного воскресения! Более всех святых трудился ты, богоблаженный Иосиф, и больше всех веруешь ты во Христа. Ему же молись и о нас, прославляющих тебя и почитающих твою с мироносицами память и твой празднующих праздник!

Подай, святой, всем нам твою помощь, будь защитой граду нашему от всякого зла[10], подай князю над противником победу, охраняй его от всех невидимых и видимых врагов, испроси же крепкий мир и здоровье телу, а с тем вместе и душе его спасение. И нас избавь от всякой нужды и печали, и беды, и всех лютых напастей и многих грехов отпущение испроси своими к богу молитвами; чтобы избавил он нас от бесконечной муки и сопричастниками сделал будущих благ вечной жизни, благодатью и человеколюбием господа и бога и спаса нашего Исуса Христа, ему же слава с отцом и с пресвятым и благим и животворящим духом и теперь и всегда и во веки веков.

Слово на Вознесение

Кѵрила, недостойнаго мниха. Слово на възнесение господне[...] и о въскрьшении всеродьна Адама изъ ада

Приди ныня духомь, священый пророче Захарие[1], начаток слову дая нам от своих прорицаний о възнесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа! Не бо притчею, нъ яве показал еси нам, глаголя: «Се бог нашь грядеть в славе, от брани опълчения своего, и вси святии его с нимь, и станета нозе его на горе Елеоньстей, пряму Иерусалиму на въсток». Хощем бо и прочее от тебе уведати. А о брани, бывъший на обьщаго врага диявола, от Исаия, серафимьскаго видьца, разумеем. Сам бо господь нашь Исус Христос един въплъчися на вся бесовьскыя силы и власти тьмныя испроверже. «Попрах бо я — рече — в ярости моей, и истлих я в гневе моемь, и вся ризы моя окръвавих побеженьемь[...]». Мы бо слову несм

творци, нъ пророчьскых и апостолскых въследующе глагол, иже послушьствована о бозе живе, им же дух святый въписати тако повеле: верующим на спасение, а неверующим на погыбель.

Поидем же и мы ныне, братие, на гору Елеоньскую умомь и узрим мыслью вся преславьная створивъшася на ней! На ту бо гору сам Христос бог нашь днесь пришел есть, и всех святых чинове тамо събрашася: праотечьстии събори, патриаршьское множьство, пророчьстии пълци, апостольстии ликове и верных тълпы с седмьдесятьными Христовы ученикы, о них же рече Павел: «Боле пятисот братия явися господь». Си же глаголеть бывъшая на горе Елеоньстей, пред ними же възнесеся господь. А их же възведе на небеса Христос в горьний Иерусалим, слыши Матфея глаголюща о них: «И многа телеса почивших святых въсташа и внидоша по въскресении в святый град, сиречь в небесный Сион. Видыць же сим бысть Павьл, егда до третияго въсхыщен бысть небесе. Нъ си оставлыпе, о възнесении Христове побеседуим и яже быша на горе Елеоньстей. Тамо бо ангелскыя силы и архангельская воиньства: ови облакы крилы ветрьными приносять на възятие от земля Христа бога нашего, друзии же престол херовимьскый готовять. Бог отець жидеть, его же преже име в ядрех съ собою. Дух же святый велить всем ангелом его: «Възмете врата небесная, да внидеть цесарь славы!» Небеса веселяться своя украшающе светила, да благословяться от своего творца, съ плътию сквозе тех врата на облацех възносима. Земля радуеться видящи на себе бога явьствьно ходяща, и вся тварь красуеться от Елеоньскыя горы просвещаема, яко на той ангели съ святыми апостолы, по повелению бога отца, съвъкупишася, ожижающе сыновьня пришествия. Темь сий праздьник паче инех чьстьней бысть нам, и си гора святейши есть Синайскыя горы. На ону бо невидимо съниде, а на сей явьствьно ся показа. На Синайскую бо съшед вся устрашаше, зане гора вся горяше огньмь, молния же и громи приступающая к горе умьрщвяху, тъчью съ единемь Моисеемь бог беседоваше, а на Елеоньскую с тьмами святых въшьд Христос вся освящаеть и вся утешаеть. Свьтить бо ся Олеон, яко солнце, святых чины съ Христъмь на собе имея. И за оны громы и мълния пророчьстии слышатся гласи, яже радостьно ликъствують, глаголюще: «Възнесися силою твоею, боже! Поем и въспоем силы твоя!» Ангели вся поущають, глаголюще: «Въскликнете богу вся земля!

Пойте же имени его! Патриарси начинають песнь: «се бог нашь възноситься, смирив обоя въ едино и съвъкупив земныя с небесными!» Преподобнии възглашають: «Възнесися на небеса, боже! По всей земли слава твоя!» Праведници велегласують: «Възнесися, судяй земли, да и мы в свете лица твоего, господи, поидем!» Давыд же, акы старейшина ликов, уяшняя песеныя гласы, глаголеть: «Вси языци, въсплещете руками, въскликнете богу гласомь радости, да възидеть бог в въскликновении, господь в гласе трубьне!» Всех же гласы оконьчеваеть Павьл, глаголя: «Кто възиде на небеса Христа съвести? Кто ли сълезе в бездьну Христа възвести? Нъ тъ есть съшедый и пакы въшедый превыше всех небес». Ту же бе и языческая церквы, уневестивъшияся Христу. И того ныня възносима на небеса зрящи скърбить и стонющи от сердца с Соломономь въпиеть: «Уязвена есмь аз любовию твоею, женише небесный! Не трудихъся в след тебе и дни человека не възлюбих». И акы проводящи любимаго въпиеть: «Да целуеть мя от лъбъзания уст его!» С нею же и апостольскый лик зряще на своего учителя и господа, акы чада церковьная, жалостьно глаголаху: «Владыко, не остави нас сир, их же волею възлюбил еси яко милостив, нъ посъли, яко же обещал еси нам, твой пресвятый дух». К ним же отвеща Исус, милостию утешая: «Сядете в Иерусалиме! Аз бо въсхожю к отцю моему и богу вашему и посълю, яко обещах вам, иного параклита, духа моего и отча. И въздвиг руце, благослови я.

И се рек, възношашеся на небо, и ти поклонишася ему, и облак светьл подъят и от очию их: «Възиде бо,— рече,— на херовим и лете на крилу ветрьнюю»... Преди же течаху ангельскыя силы страхомь и радостию, отверсти хотяще врата небесныя. Нъ вышьнии вратьници възбраняху, въпиюще: «Си врата господня, да никто же земных суду проходить; нам бо положи бог, яже не мимо идуть. Ныня же дивимъся, зряще человека на херовимьстемь престоле седяща и преже серафим тъщащася врата си проити». Ангели же поведаху сына божия силу и сан человечьскымь обложена телесемь, и не пререковати божии воли, вся мудростию творящому: «Сниде, бо, реша, на землю, никому же не чювъшю, и се рабий нося образ въсходить». Они же реша: «Не будем покори, аще не услышим слова божия». Тъгда възгласи Христос: «Отвързете мне врата правьды, и въшьд в ня възвещю отцю моему, яже на земли съдеях и пострадах». И познавъше

глас господень свя силы небесныя, падъше поклонишася, глаголюще: «Аще не видехом, владыко, тебе сходяща, се покланяем ти ся въсходящю в славе». И дух святый на сретение ишьд, въводить ему вси ангели божии! Сам же бог отець възгласи к грядущему въ плоти: «Сын мой еси ты, сяди одесную мене! Се престол твой, боже, в векы веку! Твоя суть небеса и твоя есть земля, и конець ея ты основа!» И посадив отець сына на престоле и своею венча его десницею, въспевающем сице серафимом: «Положил еси на главе его венец от камения драгаго, славою и честью венчал еси его, славу и вельлепоту възложил еси на нъ». Посемь съвършаеть помазаниемь божия сущьства, яко же Давыд послушьствует: «Сего ради помаза тя, боже, бог твой олеемь радости паче причастьник твоих». Да поистине сий праздник пълн есть радости и веселия! Радость на небесех, възнесъшюся Христу к отцю, и на земли веселие всей твари, обновльшися от истьления.

Тем же и мы, братие, придете възрадуимъся господеви, въшьдъшему на небо небесное на въстокы, седящему одесную отца поклонимъся, приимъшему всяку власть на небеси и на земли помолимъся, цесарьствующому с отцемь принесем веру, яко дары, не явимъся пред нимь тъщи в день праздьника, да приемем божию благодать. Днесь бо своя Христос всем раздаваеть дары: даеть отцю принесеную имь в жертву плъть, посылаеть апостолом святый дух, въводить душа святых пророк в небесное царство, разделяеть своим угодником горняго града обители, отверзаеть праведником рай, венчаеть страдавъшая зань мученикы, посылаеть страстотерпцем чюдес благодать, даеть святителем душеполезная прошения, отпущаеть грешником прегрешения, милуеть вся творящая волю его и хранящая заповеди его, посылаеть благоверным князем нашим съдравие телесем и душам спасение и врагом одоление, утвьржаеть церкви, обогащаеть церковьникы, честьны творить служащая ему иерея и диаконы, освящаеть манастыре, прославляеть игумены, укрепляеть на търпение мнихы, благословляет вся крестьяны, малыя с великыми, нищая с богатыми, рабы с свободными, старьце с уношами и женимыя с девицями, матери с младенци, сироты с вдовицами. Придем и мы, братия, в святую церковь, възвеличим Христа бога нашего, давъшаго ны живот прославим и по сих обещавъшаго небесное царство вознесем имя его вкупе, да послеть и нам пресвятый свой дух. Того бо есм раби

и тому славу, чьсть и покланяние въсылаем с отцемь и с пресвятымъ благыимь и животворящимь духомь, ныня и присно и въ веки веков. Аминь.

Перевод

Кирилла, недостойного инока. Слово на вознесение господне[...] и о воскрешении предка всех людей Адама из ада[...]

Приди ныне духом, священный пророк Захария[1], начало слову дай нам от своих прорицаний о вознесении на небеса господа бога и спаса нашего Исуса Христа. Ты не в притче, но открыто показал нам это, говоря: «Вот бог наш грядет в славе битвы ополчения своего и все святые его с ним, и встанут ноги его на горе Елеонской, прямо перед Иерусалимом на восток». Хотим мы и прочее от тебя уведать. А о брани, бывшей против общего врага — дьявола, от Исайи, видевшего серафимов, узнаем. Сам господь наш Исус Христос один ополчился на все бесовские силы и власти темные уничтожил, ибо сказано: «Попрал я их в ярости моей и сокрушил их в гневе моем, и запятнал ризы мои кровью побежденных[...]». Ведь не творцы мы словам своим, но следуем пророческим и апостольским глаголам, которые свидетельствуют о боге живом; в них же дух святой так написать повелел: верующим на спасение, а неверующим на погибель!

Поднимемся же и мы ныне, братья, в уме своем на гору Елеонскую и представим мысленно все преславное, совершившееся на ней. На ту гору сам Христос бог наш теперь пришел и всех святых чины там собрались: соборы праотцев, множество патриархов, полки пророков, лики апостолов и толпы верующих с семьюдесятью учениками Христа; о них всех так сказал Павел: «Более, нежели пятистам братий явился господь». Так же говорят и бывшие на горе Елеонской, пред которыми вознесся господь. А о тех, кого Христос возвел на небеса в горний Иерусалим, послушай Матфея, говорящего о них: «И многие тела почивших святых встали и вошли по воскресении в святой град, то есть в небесный Сион».

Их видел Павел, когда восхищен был до третьего неба.

Но оставим их и о вознесении Христа побеседуем, бывшем на горе Елеонской. Там ныне ангельские силы и архангельские воинства: одни на крыльях ветра приносят облака для поднятия от земли Христа, бога нашего, другие ему престол херувимский готовят. Бог-отец ждет того, кого прежде имел в своем лоне. Дух же святой повелевает всем ангелам его: «Поднимите врата небесные, пусть войдет царь славы!» Небеса веселятся, свои украшают светила, чтобы удостоиться благословения творца своего, возносящегося плотию на облаках сквозь те врата. Земля радуется, видя на себе бога явственно ходящего, и вся тварь красуется, просвещаема от Елеонской горы, на которой ангелы со святыми апостолами по повелению отца соединились, ожидая пришествия сына. И потому для нас этот праздник других праздников важнее и эта гора святее Синайской горы. Ибо на ту сошел он невидимо, а на этой явственно показался; на Синайскую сошедши всех устрашил, ибо гора вся горела огнем, молнии и громы умерщвляли всех, приступающих к горе, и только с одним Моисеем бог беседовал; а на Елеонскую гору сошедши с тысячами святых, Христос всех освящает и всех утешает. И светится Елеон, как солнце, имея на себе чины святых с Христом. И вместо тех громов и молний пророческие слышатся голоса, которые, радостно ликуя, восклицают: «Вознесись, господи, силою твоею. Поем и прославляем твое могущество!» Ангелы всех призывают, говоря: «Воскликните богу от всей земли! Пойте славу имени его». Патриархи начинают песнь: «Вот бог наш возносится, смирив обоя в едино и совокупив земное с небесным». Преподобные возглашают: «Вознесись на небеса, боже! По всей земле слава твоя». Праведники громогласно вопиют: «Вознесись, судья земли, тогда и мы в свете лица твоего, господи, пойдем». Давид же, как старейшина ликов, уясняя слова песен, глаголет: «Все народы, восплещите руками, воскликните богу гласом радости, да взойдет бог при восклицаниях, господь при звуке трубном». Всех же возгласы завершает Павел, говоря: «Кто взойдет на небо Христа свести, кто сойдет в бездну Христа возвести? Ибо тот сшедший и снова восшедший есть превыше всех небес». Здесь же была и языческая церковь, уневестившаяся Христу. И видя его, ныне возносящегося на небеса, она скорбит и, стеная сердцем, с Соломоном вопиет: «Уязвлена я любовию твоею,

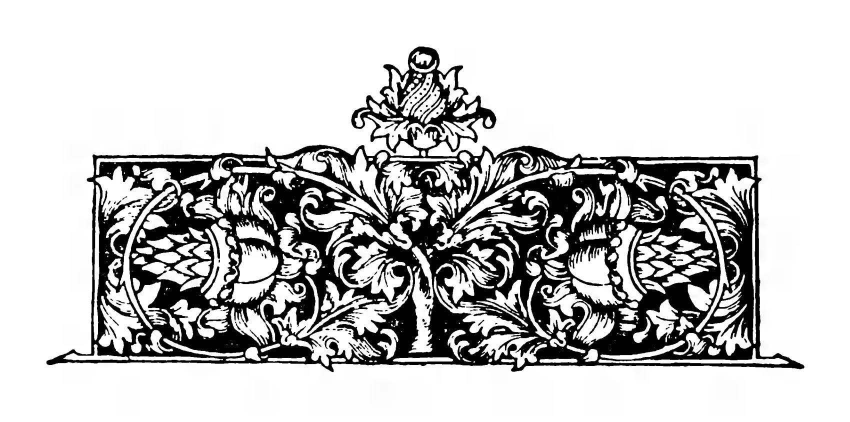
жених небесный, не последовала я за тобою и дни человека не возлюбила». И как бы провожая возлюбленного, восклицает: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих». С нею же и лики апостольские, взирая на своего учителя и господина, как чада церковные, жалостно взывали: «Владыка, не оставь нас сиротами, своею волею возлюбил ты нас, милостивый, но пошли нам, как и обещал, твой пресвятой дух». И отвечал им Исус, милостиво утешая: «Останьтесь в Иерусалиме! Я же взойду к отцу моему и богу вашему и пошлю, как и обещал вам, другого параклита, духа моего и отца». И подняв руки, благословил их.

Сказав это, вознесся на небо, и те поклонились ему, и на облаке светлом был поднят от очей их. «Взошел,— как писано,— на херувима и полетел на крыльях ветра»... Впереди его текли ангельские силы со страхом и ревностью, желая отворить врата небесные. Но вышедшие навстречу им привратники небесные пеняли им, восклицая: «Это врата господа, никто из земных не может сюда войти, ибо так заповедал нам бог и то нерушимо. Ныне же дивимся, видя человека, на херувимском престоле сидящим и прежде серафимов стремящегося пройти эти врата». Ангелы же возвестили о силе и достоинстве сына божия, облеченного человеческою плотию, и убеждали не прекословить воле бога, все премудро создавшему, ибо он сошел на землю, никем не замеченный, и вот восходит, имея образ раба. Они же отвечали: «Не покоримся, пока не услышим слова божии». Тогда возгласил Христос: «Отворите мне врата правды, и войду в них, возвещу отцу моему, что на земле совершил и как пострадал». И узнав голос господень, все силы небесные, ниц пав, поклонилися, говоря: «Хотя мы тебя не видели, владыка, сходящим, сейчас поклаияемся тебе, восходящему в славе». И дух святой, вышедши навстречу, вводит равного себе сына божия и, воздавая ему почести, говорит: «Да поклонятся ему все ангелы божии». Сам бог-отец возгласил к грядущему во плоти: «Сын мой, сядь справа от меня! Это престол твой в веки веков, твои небеса и твоя земля, и конец ее — ты основа». И посадил отец сына на престол и своею венчал его десницею при пении так воспевающих серафимов: «Возложил на главу его венец из каменьев драгоценных, славою и честью венчал его, славу и величие возложил на него». После сего завершает все помазанием божия существа, как свидетельствует Давид: «Сего ради помазал тебя, боже, бог твой елеем радости более

соучастников твоих». Да поистине сей праздник полон радости и веселья! Радость на небесах благодаря вознесению Христа к отцу; и на земле веселие всей твари благодаря воскресению из истления.

Поэтому и мы, братья, придем и возрадуемся господу, восшедшему на небо небесное на востоке, сидящему справа от отца своего поклонимся, принявшему всю власть на небе и на земле помолимся, царствующему с отцом принесем веру, как дары, да не явимся перед ним с пустыми руками в день праздника, да примем божию благодать. Ныне Христос раздает каждому свои дары: дает богу принесенную им в жертву плоть, посылает апостолам святой дух, вводит души святых пророков в небесное царство, распределяет между своими служителями небесного града обители, отверзает для праведников рай, вознаграждает пострадавших за их мучения, посылает страстотерпцам чудес благодать, дает святителям душеполезные моления, отпускает грешникам прегрешения, милует всех, творящих его волю и хранящих заповеди его, посылает благоверным князьям нашим здоровье телам и душам спасение и победу над врагом, укрепляет церкви, обогащает церковников, делает почтенными служащих ему иереев и дьяконов, освящает монастыри, прославляет игуменов, укрепляет терпение иноков, благословляет всех христиан — малых с великими, нищих с богатыми, рабов со свободными, старцев с юношами, женившихся с девствующими, матерей с младенцами, сирот с вдовицами.

Придем и мы, братья, в святую церковь, возвеличим Христа, бога нашего, давшего нам жизнь, прославим и обещавшего нам по смерти небесное царство, вознесем все вместе имя его, да ниспошлет и нам пресвятой свой дух. Ибо мы его рабы и ему воссылаем славу и честь, и поклонение с отцом и с пресвятым благим и животворящим духом и ныне и всегда и во веки веков. Аминь.



Слово о князьях

Слышите, князи, противящеся старейшеи братьи и рать въздвижуще и поганыя на свою братию возводяще,— не обличилъ ти есть богъ на страшнемь судищи. Како святыи Борисъ и Глебъ претерпеста брату своему не токмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпети не можете и за малу обиду вражду смертоносную въздвижете, помощь приемлете от поганыхъ на свою братию. Неколи чающимь израильтяномъ рати халдеискыя на Иерусалимъ[1], послаша къ фараону Египеть помощи просяще, да быша халдеи не пленили Иерусалима, богъ посла пророка къ израильтяномъ, глаголя: «Понеже не уповасте на бога, създавшего вы, но надежю всю возложивше на египтяны, халдея же отвожду от васъ, но от египтянъ пленени будете; на них же уповасте, от техъ погыбнути вы велю»; якоже и бысть. Апостолу Павлу глаголющу: «Братия, тако ли не имате веры межю собою и могуща вы родити яко пред неверныя грядете на судъ

собе». И евангелисту Иоану, глаголющу: «Аще кто глаголить, яко бога люблю, а брата своего ненавижю, ложь есть». Сам же господь рече: «О семь знають вси, яко мои есте ученици, аще любовь имате межю собою».

Познаите, князи, свое величество и свою честь! Князя деда имате святого Володимера, приведъша къ богу тысяща тысящами и тмы тмами душь праведных; каку братию[2] имате сиа великыя чюдотворца Бориса и Глеба. Сима поревнуите, сею образ имеите, сима накажетеся. Аще ли сотона коли вражду вверҗеть между братьею, да помянеть сею святою, како смерть улюбита наче прияти, нежели вражду удержати; и то, кто претерьпить и миръ преже начнеть, то сима от бога равну мъзду приметь.

Скажю же вы притчю о семъ не в чюже стране бывшю. Давидъ Святославичь, а Святославъ Ярославичь, святаго Бориса и Глеба братьа, тотъ Давидъ ни с кемъ не имеаше вражды; аще кто на нь рать въздвигнеть, он же покорениемъ своимъ рать уставляше. Княжаще в Чернигове въ болшемъ княженьи[3], понеже бо старии братьи своеи. Аще кто кривду створяше к нему от братьи, он же все на собе притираше; кому ли крестъ целоваше[4], в весь животь свои не ступаше; аще кто к нему не исправляще целованиа, он же единако исправляше; никого приобиде, ни зла створи. Братья же его, видяще тако суща, вси слушахуть его яко отца и покоряются ему, яко господину. В велице тишине бысть княжение его. Егда же изволи богъ пояти душу его от тела, и болевшу ему недолго, позна епископъ Феоктистъ[5], яко уже князь приставитися хощеть, повеле пети канунъ кресту, единою расседеся верхъ теремцю и вси ужасошася, и влете голубь белъ, и седе ему на грудехъ; и князь душу испусти, голубь же невидимъ бысть и наполнися храмъ благыа воня. И несоша князь въ Спасъ[6] святыи долго по вечерне. Пришедши звезда ста над крестомъ. Оттоле несоша и въ црьквъ Бориса и Глеба[7], създаную от него. Звезда же от Спаса преступи над мученическую церковь. Певшу епископу над княземъ, гроб не докончанъ бысть. Епископу рекшу: «Се уже солнце заходить, заутра похоронимъ и». Всемъ седящимъ над княземъ, шедъше въ церковъ, поведаша епископу: «Солнце не заходить, но во единомъ месте стоить». Епископъ же удивився и похвали бога. Доидеже камень сровнаша и князя вложиша въ гробъ, тогда солнце заидеть.

Разумеите, чадо, како богъ прославляеть своа угодники и ходящая в повелениихъ его и сде таковыми чюдесы:

аггелъ явися въ голубине образе, благоухание от тела явися, звезда с небеси пришедши, над теломъ ста, солнце зайти не смеаше повелениемъ владычьнимъ, дондеже въ гробъ тело святое вложено бысть, каку славу приемлеть на небеси. Речеть ли кто, яко жены не име[8], но и дети имеаше. Преподобныи Никола святоша его сынъ бе и ина два сына[9]. Или речеть кто, яко дому не име, того ради заповедь господню исправити возможе, многажды бо слышахъ некыя невегласы, глаголюща: «Съ женою и съ чады своими не можем спастися». Се бо князь не единъ домъ имеаше, но многи, князь всеи земли черниговьской; заповедь владычнію исправивъ в семъ животе своемъ, ни с кемъ вражды име.

Постыдитеся, враждующи на братию свою и на единоверникы своя, въстрепещете, въсплачете пред богом, пакы славы отпадаете за едино злопомнение. Но не дай же вы господь, се слышавшимъ, отпасти славы с сима страстотерпцема, ею же днесь убиениа празднуемъ, ею же чюдеса предъ очима вашима предлежатъ. Сею прославимъ и сею възвеличимъ, сима въспоимъ. Приди, Давыде, и рци: «Радуйтеся, праведнии, о господе». Воспой, Соломане,: «Праведници в векы живуть и от господа мъзда ихъ». Се бо сам богь прославляеть сею святою, глаголя: «Праведници просветятся, яко солнце въ славе отца ихъ», «идеже буду азъ, и ти будуть съ мною». Где Христос съ отцемъ на престоле, и си святая у престола съ архагглы безъпрестани поють песнь аггельскую: «Святъ отец, святъ сынъ и пресвятыи духъ въ единомъ божестве въ бесконечныя векы».

Перевод

Послушайте, князья, противящиеся старшим братьям и рать воздвигающие, и неверных на своих братьев призывающие,— как бы не обличил вас бог на страшном суде! Сколько святые Борис и Глеб претерпели от брата своего: не только власть потеряли, но и жизни лишились; вы же и слова единого от брата стерпеть не можете и за малую вражду смертоносную воздвигаете, помощь принимаете от поганых против своих братьев. Некогда израильтяне,

ожидая нашествия халдейского на Иерусалим[1], послали к фараону в Египет просить помощи, чтобы халдеи не поленили Иерусалим. Тогда бог послал пророка к израильтянам со словами: «За то, что вы не уповали на бога, создавшего вас, но надежду всю возложили на египтян, халдеев я отведу от вас, но от египтян пленены будете. На них вы уповали, от них и погибнуть вам повелю». Так и случилось. Апостол Павел говорит: «Братия, неужели вы так мало веры друг к другу имеете, что не можете о себе позаботиться и идете на суд неверных?» И евангелист Иоанн говорит: «Если кто скажет, что он бога любит, а брата своего ненавидит,— тот солжет». Сам же господь говорит: «О том, что вы мои ученики, узнают все, если любовь будет между вами».

Познайте, князья, свое могущество и свою честь! Князь, дед ваш, святой Владимир привел к богу тысячи и десятки тысяч душ праведных. А какие братья[2] у вас — великие чудотворцы Борис и Глеб! Им подражайте, их образ помните, их примером вдохновитесь! И если сатана вражду посеет между братьями, тогда подумайте об этих святых, вспомните, как сочли они лучше смерть принять, чем вражду раздувать. А кто из вас обиду стерпит и первым мир начнет искать, тот равную с ними награду получит.

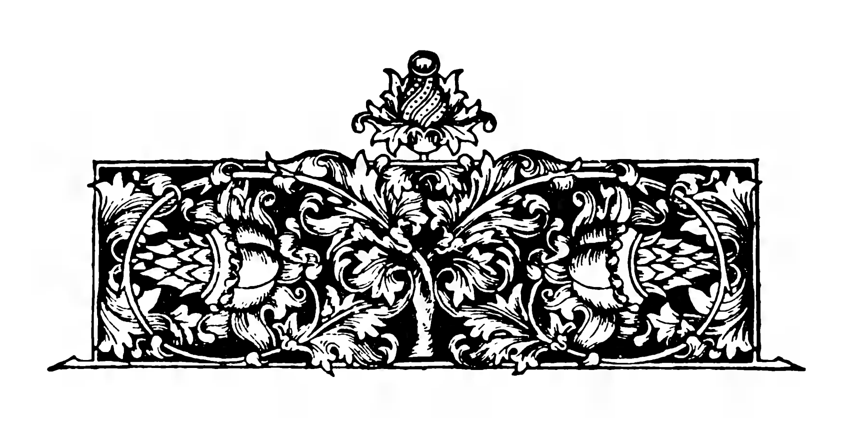
Расскажу еще вам притчу о том, что не в чужой стране случилось. Давид Святославич — его отец Святослав Ярославич, брат святых Бориса и Глеба, — этот Давид ни к кому не имел вражды. Если кто против него войско захочет послать, он кротостью своей то войско останавливал. Княжил он в Чернигове, на старшем княжении[3], ибо старшим он был среди братьев своих. Если кто из братьев ему неправду какую чинил, он всю вину на себя брал. Когда кому крест целовал[4], то всю жизнь не отступал от своего слова, а если кто нарушал целование крестное, он и тогда клятву соблюдал, никого не обижал и зла никому не творил. Братья же, видя его таковым, все слушались его, как отца, и покорялись ему, как господину. В великой тишине проходило княжение его. Когда же после недолгой его болезни изволил бог взять душу его от тела, то узнал об этом епископ Феоктист[5] — о том, что князь уже преставиться хочет, и велел петь канон кресту. Вдруг верх терема расступился, и ужаснулись все. И влетел голубь белый, сел князю на грудь. И князь тогда душу испустил, а голубь невидим стал. И наполнился храм благоуханием. И понесли князя в святой Спас[6] после ве-

черни,— тогда появилась звезда и встала над крестом. Оттуда перенесли князя в построенную им церковь Бориса и Глеба[7],— тогда и звезда перешла к церкви мучеников. И епископ отпел уже князя, а гроб ему еще не приготовили. Сказал епископ: «Уже солнце заходит, утром похороним его». И все сидящие вокруг князя вышли, но скоро, вернувшись в церковь, поведали епископу: «Солнце не заходит, но на одном месте стоит». Епископ же подивился и воздал хвалу богу. Лишь когда камень сровняли и князя положили в гроб, тогда солнце зашло.

Знайте же, дети, как бог прославляет своих угодников и исполняющих его повеления! Такие чудеса сотворил он: ангел явился в голубином образе, благоухать начало мертвое тело, явилась звезда, с небес пришедшая, и над телом стала, солнце зайти не посмело повелением владыки нашего, пока не положено было в гроб тело святое. Какую славу получит он на небесах!

Может, скажет кто, что у него жены не было?![8] Но это не так, князь Давид и детей имел! Преподобный Никола Святоша — сын его и еще два сына было[9]. Или скажет кто, что дома не имел он, поэтому и заповедь господню исполнить смог? Много раз слышал я, как некие невежи говорят: «С женою да с детьми невозможно спастись». А этот князь не один дом имел, но много — всей Черниговской земли был он князем. А заповедь господню исполнил: ни с кем вражды не имел во всей жизни своей.

Постыдитесь же вы, враждующие с братьями своими, с единоверцами своими! Вострепещите, восплачьте перед богом — ибо славы можете лишиться за одно только злопамятство. Но не дай же вам господь, все это слышавшим, отпасть от славы, уготованной тем страстотерпцам, день убиения которых мы сегодня празднуем, чьи чудеса пред очами вашими предстали. Прославим же их, возвеличим и воспоем! Приди, Давид-псалмопевец, и воскликни: «Радуйтесь, праведные, о господе!» Воспой, Соломон: «Праведные вечно живут, и от господа награда им». И вот сам господь прославляет сих святых, говоря: «Праведники просветятся, как солнце, в славе отца своего. Где я буду, там и они будут со мною. Где Христос с отцом на престоле, там и эти святые у престола, с архангелами беспрестанно поют песнь ангельскую. Святой отец, святой сын и пресвятой дух во едином божестве, в веки бесконечные.



Слово о погибели Рускыя земли

О, светло светлая и украсно украшена, земля Руская! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, реками и кладязьми месточестными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными зверьми, различными птицами, бещислеными городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными, и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о правоверьная вера хрестияньская!

Отселе до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от немець до корелы, от корелы до Устьюга, где тамо бяху тоймици погании[1], и за Дышючимъ моремъ[2]; от моря до болгаръ, от болгаръ до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до моръдви[3], — то все покорено было богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны[4], великому князю Всеволоду[5], отцю его Юрью[6], князю кыевьскому; деду его

Володимеру и Манамаху[7], которымъ то половоци дети своя полошаху в колыбели. А литва из болота на светъ не вынікываху, а угры твердяху каменые городы железными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо на вьехалъ, а немци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ[8]. Буртаси, черемиси, вяда[9] и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюръ Мануилъ цесарегородский[10] опасъ имея, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял.

А в ты дни болезнь крестияномъ от великаго Ярослава и до Володимера[11], и до нынешняго Ярослава, и до брата его Юрья[12], князя володимерьскаго[...].

Слово о погибели Русской земли

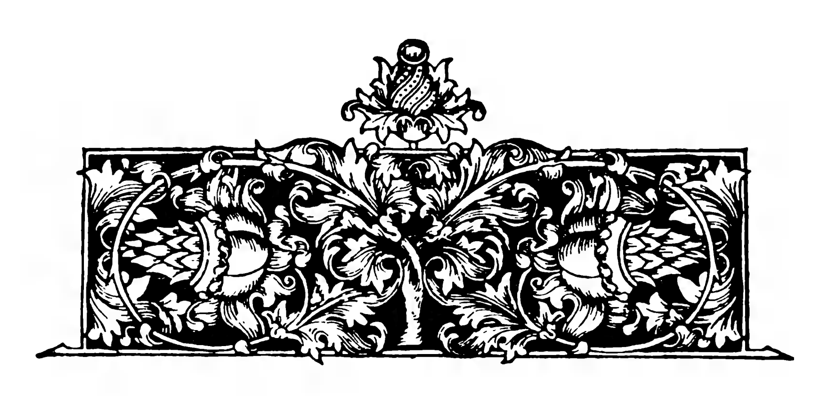
Перевод

О, светло светлая и прекрасно украшенная, земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверями, разнообразными птицами, бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими, храмами божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи[1], и за Дышащее море[2]; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы[3] — то все с помощью божиею покорено было христианским народом, поганые эти страны[4] повиновались великому князю Всеволоду[5], отцу его Юрию[6], князю киевскому, деду его Владимиру Мономаху[7], которым половцы своих малых детей пугали. А литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные

стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за Синим морем[8]. Буртасы, черемисы, вяда[9] и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил[10] от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял.

И в те дни,— от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава[11], и до брата его Юрия[12], князя владимирского,— обрушилась беда на христиан [...].



СЛОВА И ПОУЧЕНИЯ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

Слово I

Слышасте, братия, самого господа, глаголяща в евангелии: «И в последняя лета будет знаменья въ солнци, и в луне, и въ звездахъ, и труси по местомъ, и глади». Тогда реченное господомъ нашимъ, ныня збысться при последнихъ людехъ. Колко видехомъ солнца погибша и луну померькшю, и звездное пременение! Ныне же земли трясение своима очима видехимъ[1]; земля, от зачала утвержена и неподвижима, повеленьемь божиимь ныне движеться, грехы нашими колеблется, безаконья нашего носити не можеть. Не послушахомъ евангелья, не послушахомъ апостола, не послушахомъ пророкъ, не послушахомъ светиль великихъ, рку: Василья и Григорья Богословца, Иоана Златауста, инехъ святитель святыхъ, имиже вера утвержена бысть, еретици отгнани быша, и богъ всеми языкы познанъ бысть, и те учаше ны беспрестани, а мы едина безаконья держимся!

Се уже наказаеть ны богъ знаменьи, земли трясеньемь

его повеленьемь: не глаголеть усты, но делы наказаеть! Всемъ казнивъ ны, богъ не отьведеть злаго обычая. Ныне землею трясеть и колеблеть, безаконья грехи многия от земля отрясти хощеть, яко лествие от древа. Аще ли кто речеть: «Прежде сего потрясения беша же, аще беша потрясения»,— рку: «Тако есть, но что потомъ бысть намъ? Не глад ли? не морови ли? не рати ли многыя?[2] Мы же единако не покаяхомъся, доньдеже приде на ны языкъ немилостивъ попустившю богу; и землю нашю пусту створиша, и грады наши плениша, и церкви святыя разориша, отца и братию нашю избиша, матери наши и сестры наши в поруганье быша.

Ныне же, братье, се ведуще, убоимъся прещенья сего страшьнаго и припадем господеви своему, исповедающесь: да не внидемъ в болши гневъ господень, не наведемъ на ся казни болша первое. Еще мало ждеть нашего обращенья. Аще отступимъ скверныхъ и немилостивыхъ судов, аще пременимься кровавого резоимьства и всякаго грабленья, татбы, разбоя и нечистаго прелюбодеиства, отлучающа от бога, скверпословья, лже, клеветы и поклепа, иныхъ делъ сотониныхъ. Аще сихъ пременимься, добре веде, яко благая приимуть ны не токмо в сии векъ, в будущии, самъ бо рече: «Обратитеся ко мне, обращусь к вамъ; отступите от всехъ, азъ отступлю, казня вы».

Доколе не отступимъ от грехъ нашихъ? Пощадим себе и чад своихъ. В кое время такы смерти напрасны видехомъ? Инии не могоша о дому своемъ ряду створити, въсхыщены быша; инии с вечера здрави легъше, на утрия не всташа. Убоитеся, молю вы, сего напраснаго разлученья. Аще бо поидемъ в воли господни, всемъ утешеньемь утешить ны богъ небесныи, акы сыны помилует ны, печаль земную отиметь от насъ, исходъ миренъ подасть намъ на ону жизнь, идеже радости и веселья бесконечнаго насладимся з добре угожьшими богу.

Многа же глаголах вы, братие и чадо, но вижю, мало приемлють, пременяються наказаньемь нашимъ; мнози же не внимають себе, акы бесмертны дремлють. Боюся, дабы не збылось о них слово, реченное господомь: «Аще не быхъ глас имъ, греха не быша имелъ, ныне же извета не имуть о гресе своемъ». Много бо глаголю вамъ: аще бо не пременимся, извета не имамъ предъ богомъ! Азъ бо, грешныи вашь пастухъ, повеленое господомь створихъ, слово его предаю; вы же весте, како куплю владычню умно-

жити. Егда бо приидеть судить вселенеи и въздати комуждо по деломъ его, тогда истяжеть от васъ — аще будеть уже талантъ, и прославит вы в славе отца своего, с пресвятым духомь и ныне, присно, веки.

Перевод

Слышали вы, братья, самого господа, сказавшего в Евангелии: «И в последние времена будут знаменья на солнце, и луне, и звездах, и землетрясения по местам, и голод». Тогда сказанное господом нашим сейчас сбылось — при нынешних людях. Сколько уже раз видели мы исчезающее солнце, и луну померкшую, и звезд искажения. А ныне и земли сотрясение своими глазами увидели[1]: земля, от самого создания утвержденная и неподвижная, повелением божьим ныне движется, от грехов наших колеблется, беззакония нашего вынести не может. Не послушали мы Евангелия, не послушали апостола, не послушали пророков, не послушали светил великих, назову их: Василия и Григория Богослова, и Иоанна Златоуста, и других святителей святых, которыми вера укреплена была, еретики отринуты были, и бог всеми народами познан был; и учили они нас беспрестанно, а мы все равно беззаконий держимся!

Вот и наказывает нас за сие бог предзнаменованиями, землетрясением, бывшим по его повелению: хоть и не говорит устами, но делами учит. Всячески наказав нас, бог не отучил нас от злых привычек, и потому и ныне землю сотрясает и колеблет, беззакония и грехи многие с земли отрясти хочет, как листья с древа. Если же кто скажет: «Ведь и прежде сего потрясения было то же».— отвечу: «Да, так, но что потом было с нами? Не голод ли? Не мор ли? Не войны ли частые[2]? Однако ж не раскаялись мы, пока не пришел народ безжалостный по божьему изволению. И землю нашу опустошил, и города наши полонил, и церкви святые разорил, отцов и братьев наших избил, над матерями нашими и сестрами надругался!»

Испытав сие, братья, убоимся наказания этого страшного и припадем к господу своему с исповеданием: да

не навлечем на себя еще больший гнев господень, не наведем казни больше прежней! Недолго еще будет ждать он нашего покаяния, нашего обращения. Если откажемся от скверных и немилосердных законов, если отстранимся от кровожадного лихоимства и всякого грабежа, воровства, разбоя, грязного прелюбодейства, отлучающих нас от бога, если отстанем от сквернословия, лжи, клеветы, проклятий, доносов и других сатанинских деяний, если в этом переменимся,— то верно знаю, что сподобимся благ не только в этой жизни, но и в будущей, ибо сам бог сказал: «Обратитесь ко мне — обращусь я к вам, отступитесь от всех — и я отступлю, казня вас!»

Доколе не отступим от грехов наших? Пощадим же и себя, и детей своих! В какие еще времена видели мы столько жестоких смертей? Одни не успели распорядиться о доме своем и погибли, другие с вечера легли здоровыми, а утром не встали. Устрашитесь, умоляю вас, такого внезапного расставанья с жизнью. А если предадимся мы воле господней, то всяческим утешением утешит нас бог небесный и, как детей своих, помилует он нас, печаль земную снимет он с нас, исход мирный в другую жизнь дарует он нам — туда, где с радостью и весельем бесконечным насладимся мы вместе со всеми, благоугодившими богу.

Много сказал я вам, братья и дети мои, но вижу: мало приемлете, прислушиваясь к наставлению моему, а многие из вас не относят его к себе и дремлют, как будто бессмертные они! Боюсь, как бы не сбылось над ними слово, изреченное господом: «Если бы не говорил им, то не имели бы греха, а теперь нет им прощения во грехе своем». Ибо часто говорю я вам: если не исправитесь, то не будете прощены богом! Я же, грешный ваш пастырь, исполнил завещанное богом, слово его вам передаю, а вы уже знаете, как дар господа преумножить. Когда придет он судить Вселенную и воздать каждому по делам его, тогда потребует он от вас ответа — умножили ли вы свой талант? Тогда прославит вас в славе отца своего с духом святым, и ныне, присно и во веки веков.

Слово III

Почюдимъ, братие, человеколюбье бога нашего. Како ны приводить к себе? Кыми ли словесы не наказаеть насъ? Кыми ли запрешении не запрети намъ? Мы же никако же к нему обратимся! Видевъ наша безаконья умножившася, видевъ ны заповеди его отверьгъша, много знамении показавъ, много страха пущаше, много рабы своими учаше, и ничим же унше показахомься. Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ, не щадящь красы уны, немощи старець, младости детии; двинухомь бо на ся ярость бога нашего, по Давиду: «Въскоре възгорися ярость его на ны». Разрушены божественыя церкви, осквернени быша сосуди священии, потоптана быша святая [места], святители мечю бо ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снедь поверждени быша, кровь и отець, и братья нашея, аки вода многа, землю напои, князии нашихъ воеводъ крепость ищезе, храбрии наша, страха напелъньшеся, бежаша; мьножаиша же братья и чада наша въ пленъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величьство наша смерися, красота наша погыбе, богатство наше инемь в користь бысть, трудъ нашь погании наследоваша, земля наша иноплеменикомь в достояние бысть, в поношение быхом живущимъ въскраи земля нашея, в посмехъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собе, аки дождь съ небеси, гневъ господень! Подвигохомь ярость его на ся и отвратихомъ велию его милость, и не дахомъ призирати на ся милосердныма очима. Не бысть казни, кая бы преминула насъ, и ныне беспрестани казними есмы, не обратихомся к господу, не покаяхомся о безаконии нашихъ, не отступихомъ злыхъ обычаи нашихъ, не оцестихомся калу греховнаго, забыхомъ казни страшныя на всю землю нашу; мали оставши, велице творимся. Тем же не престають злая мучаще ны: завесть умножилася, злоба преможе ны, величанье възнесе умъ нашъ, ненависть на другы вселися въ сердца наша, несытовьство именье поработи ны, не дасть миловати ны, не дасть миловати сиротъ, не дасть знати человечьскаго естьства; но, акы зверье жадають насытитися плоть, тако и мы жадаемъ и не престанемъ,

абы всехъ погубити, а горкое то именье и кровавое к собе пограбити. Зверье, едше, насыщаються, мы же насытитися не можемъ: того добывше, другаго желаемъ. За праведное богатьство бог не гневается на насъ, но еже рече пророкомъ: «С небеси призри господь видети, аще есть кто разумевая или взискаяи бога, вси уклонишася вкупе», и прочее: «Ни ли разумевають все творящи безаконье, снедающе люди моя въ хлеба место?» Апостол же Павелъ беспрестани въпиеть, глаголя: «Братие, не прикасайтеся делехъ злыхъ и темныхъ, ибо лихоимци грабители со идолослужители осудяться». Моисееви что рече богъ: «Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьют ко мне, слухомъ услышю вопль их, и разгневаюся яростью, погублю вы мечем». И ныне збысться о нас реченое: не от меча ли падохом? не единою ли, не двожды?

Что же подобает намъ творити, да злая престануть, яже томят ны? Помяните честно написаное въ божественыхъ книгахъ[1], еже самого владыкы нашего болшая заповедь, еже любити другъ друга, еже милость любити ко всякому человеку, еже любити ближняго своего, ака себе, еже тело чисто зблюсти, а не осквернено будеть блюдомо; аще ли оскверниши, то очисти с покаяньемь, еже не высокомыслити, ни въздати зла противу злуничего же. Тако ненавидить господь богъ насъ, яко злу памятива человека. Како речемъ: «Отче нашь, остави намъ грехи наши», а сами не оставляюще? В ню же бо, рече, меру мерите, отмеритъ вы ся. Богу нашему.

Перевод

Подивимся, братья, человеколюбию бога нашего! Как он нас приближает к себе! Какими только словами не поучает нас! Какими угрозами ни угрожал он нам! Мы же никак к нему не обратимся. Увидев, что прегрешения наши умножились и заповеди его отвергнуты, много знамений явил он, много страха наслал, много поучал нас через рабов своих, но ничем не смог направить нас к лучшему. Тогда навел он на нас народ немилостивый, народ лютый,

не щадящии красоты юных, немощи старых, младости детей, ибо навлекли мы на себя гнев бога нашего, по словам Давида: «Вскоре распалится ярость его на нас!» Разрушены божьи церкви, осквернены священные сосуды, попраны святыни, святители стали добычей меча, тела преподобных иноков птицам на съедение брошены, кровь и отцов и братьев наших, как вода, в изобилье землю напоила, сила князей и воевод наших исчезла, воины наши, страха исполнясь, бежали, а множество братьев и детей наших в плен уведены были, поля наши сорною травою поросли, и величие наше смирилось, богатство наше других добычей стало, труды наши достались неверным, земля наша достоянием стала иноземцев, в позоре мы были для живущих окрест земли нашей, посмешищем были для врагов наших, ибо познали на себе, как дождь с неба, гнев господен. Приняли ярость его на себя и отвергли великую его милость, не дали присматривать за нами милосердными очами. Не было кары, которая бы миновала нас, и теперь беспрестанно терпим наказанья; не обратились к богу, не раскаялись в беззаконии нашем, не отступились от злых нравов наших, не очистились от скверны греховной, позабыли наказанья страшные на всю землю нашу. В ничтожестве оставшись, великими себя считаем.

Поэтому не кончается злое мучение наше: зависть умножилась и вражда поборола нас, тщеславие мутит разум наш, ненависть к ближним вселилась в сердца наши, ненасытная жадность поработила нас — не дает богу пощадить нас, не дает нам быть милостивыми к сиротам, не дает познать естество человеческое. И как звери алчут насытить плоть, так и мы жаждем и стремимся, как бы всех погубить, а горькое, кровью облитое их имущество к своему присоединить. Звери, поев, насыщаются, мы же насытиться не можем, получив одно — другого желаем. За праведное богатство бог не гневается на нас, но как сказал пророк: «С небес взирает господь, чтобы увидеть, есть ли кто разумеющий или ищущий бога, но все уклонились вкупе», и далее: «Неужели не образумятся творящие беззаконие, поедающие народ мой вместо хлеба?» Апостол Павел непрестанно взывает, говоря: «Братья, не участвуйте в делах злых и темных, ибо осуждены будут лихоимцы и грабители вместе с идолослужителями». Моисею вот что сказал бог: «Если обидой обидите вдову и сироту, то возопят они ко мне, слухом услышу вопль их и раз-

гневаюсь яростью, погублю вас мечом». И ныне сбылось о нас сказанное: не от меча ли пали? Не один ли раз, не дважды?

Что же следует нам сделать, чтобы прекратились беды, которые мучают нас? Вспомните честно написанное в божественных книгах[1], ведь и владыки нашего самая важная заповедь — любить друг друга, милость иметь ко всякому человеку, любить ближнего своего, как себя, сохранять в чистоте тело свое, не осквернять его блудом, а если осквернишь, то очисти его покаянием. Не возгордитесь, не воздайте злом за зло! Ненавидит господь бог и злопамятного человека. Как же скажем: «Отче наш, отпусти нам грехи наши», если сами не прощаем? Какою, сказано, мерою мерите, той и отмерится вам. Богу нашему слава.

Поучение

Малъ час порадовахся о васъ, чада, видя вашю любовь и послушание въ нашеи худости, и мняхъ, яко уже утвердистеся и с радостию приемлете божественное писание,— «на съветъ нечистивыхъ не ходите и на седалище губителеи не седите». Аще еже поганьскаго обычая держитесь: волхованию веруете и пожигаете огнемъ невинныя человеки и наводите на весь миръ и градъ убийство, аще кто и не причастися убийству, но въ соньми бывъ въ единоі мысли,— убийца же бысть; или могаи помощи, а не поможе, аки самъ убити повелелъ есть.

Отъ которыхъ книгъ или от кихъ писании се слышасте, яко волхованиемь глади бывають на земли и пакы волхвованиемь жита умножаються? То аще сему веруете, то чему пожигаете я? Молитеся и чтите я, дары приносите имъ — ать строять миръ, дождь пущають, тепло приводять, земли плодити велять! Се ныне по 3 лета житу рода несть, не токмо в Русь, но в Латене[1]: се волхвове ли створиша? Аще не богъ ли строить свою тварь, яко же хоцеть, за грехы нас томя? Виде азъ от божественнаго написанья, яко чародеици и чародеица бесы деиствують

на род человеком и надъ скотомъ и потворити могуть; надъ тими деиствують, и имъ веруюьть. Богу попущьцу, бесы деиствують; попущаеть богъ, иже кто ихъ боится, а иже кто веру тверду держить к богу, с того чародеици не могуть. Печаленъ есмь о вашемъ безумьи, молю вы, отступите делъ поганьскыхъ! Аще хощете град оцестити от безаконныхъ человекъ, радуюся тому: оцещаите, яко Давид, пророкъ и царь, потребляше от града Ерусалима вся творящая безаконие: овехъ убитиемь, иныхъ заточениемь, иныхъ же темницами — всегда град господень чист творяще от грехъ[2].

Кто бо такъ бе судия, якоже Давидъ! Страхом божиимъ судяше, духомь святымъ видяще и по правде ответъ даяше. Вы же как осужаеть на смерть, сами страсти исполни суще? И по правде не судите: иныи по вражде творить, иныи горкаго того прибытка жадая, а иныи ума не исполненъ, толко жадаеть убити, пограбити, а еже а что убити, а того не весть. Правила божественаго повелевають многыми послухъ осудити на смерть человека. Вы же воду послухомь постависте и глаголете: аще утапати начнеть — неповинна есть, аще ли попловеть — волховъ есть. Не может ли дияволъ, видя ваше маловерье, подержати, да не погрузится, дабы въврещи въ душьгубьство; яко, оставльше послушьство боготвореннаго человека, идосте къ бездушну естьству — к воде приясть послушьство на прогневанье божие? Слышасте от бога казнь посылаему на землю от первыхъ род: до потопа на гыганты огнемъ[3], при потопе водою, при Содоме жюполомъ, при фараоне десятью казнии, при хананиихъ шершенми, каменьемь огненымъ съ небеси, при судьяхъ ратьми, при Давиде моромъ, при Тите плененьемь, потом же трясеньемь земли и паденьемь града. При нашем же языце чего не видехомъ? Рати, гладн, морове и труси, конечное, еже предани быхомъ иноплеменникомь не токмо на смерть и на плененье, но и на горкую работу. Се же все от бога бываеть, и симъ намъ спасение здеваеть. Ныне же, молю вы, за преднее безумь, покаитесь и не будьте отселе аки трость, ветром колеблема. Но аще услышите, что басни человеческыхъ къ божественому писанию притецете, да врагъ нашь дьяволъ, видевъ ваш разум, крепкодушье, и не възможеть понудити вы на грехъ, но посрамленъ отходит. Вижю вы бо великою любовью текущая въ церковь и стояща з говеньемь; тем же аще бы ми мощно коегождо вас наполнити сердце и утробу разума божественаго! Но не утружюся,

наказая вы и вразумляя, наставляя. Обида бо ми немала належить, аще вы такоя жизни не получите и божия света не узрите; не можеть бо пастухъ утешатись, видя овци от волка расхыщени, но како язъ утешюсь, аще коему васъ удеють злыи волкъ — дьяволъ? Но поминающе си нашю любовь, о вашемь спасении потщитесь угодити створшему ны богу, ему же лепо всяка слава, честь.

Перевод

Недолго порадовался я о вас, дети мои, видя вашу любовь и послушание к нашему ничтожеству, и полагая, уже утвердились вы в вере и с радостью принимаете божественное писание: «на совет нечестивых не ходите и на седалище губителей не садитесь». Но вы еще языческих обычаев держитесь: в волхвование верите, огнем пожигаете невинных людей и тем самым делаете виновным в убийстве весь мир и город. А если кто и не совершил убийство, но с убийцами был заодно в мыслях — также убийца; или если мог помочь, а не помог, все равно, как будто сам убить повелел.

Из каких книг иль из каких писаний слышали вы, будто от колдовства голод бывает на земле и колдовством же богатство умножается? Ведь если этому веруете, то зачем же сжигаете волхвов,— молитесь им и чтите их, дары приносите им, пусть они благоустроят мир: дожди насылают, тепло приносят, земле плодоносить велят. А нынче же по 3 года хлеб не родится не только в Руси, но и в западных странах[1]. Волхвы ль так устроили? А не бог ли управляет своим твореньем, как хочет, наказывая нас за грехи? Видел я в божественных книгах, что чародеи и чародейки с помощью бесов влияют на род человеческий и над скотом властны — заколдовать его могут. Они власть имеют над теми, кто им верует. Когда бог попускает — бесы действуют, попускает же бог тем, кто их боится, а если кто веру твердо держит к богу, с тем чародеи ничего сделать не могут. Скорблю я о вашем безумстве, умоляю вас, отступитесь от дел неверных! Если захотите очистить город

от язычников, порадуюсь я этому. Очищайте, как Давид, пророк и царь, истребляя в граде Иерусалиме всех, творящих беззаконие,— одних смертию, других — заточением, иных же темницами, но чтобы всегда божий город был чист от грехов[2].

Но кто из вас мог бы стать таким судьей, как Давид? Страхом божиим судящим, духом святым все видящим, по правде ответ дающим? Как же вы можете осуждать на смерть, когда сами страсти преисполнены и не судите по правде: иной действует по вражде, другой — возжаждав горькой прибыли, а иной, как лишенный ума, только и мечтает убить и ограбить, и кого и за что убить — того не ведает. Законы божественные повелевают лишь при многих свидетелях осуждать человека на смерть. А вы воду свидетелем делаете и говорите: если тонуть начнёт — значит, невинна, если же поплывет — то колдунья. Не может ли дьявол, видя ваше маловерие, ее поддержать, чтобы не утонула, и тем вовлечь вас в душегубство? Почему же, отринув свидетельство сотворенного богом человека, идете к бездушному естеству — к воде, чтобы принять свидетельства, противные богу. Слышали вы о наказаниях, издревле посылаемых богом: до потопа — на исполинов огнем[3], при потопе — водою, в Содоме — серою, во времена фараона — десятью казнями, в Ханаане — шершнями и камнями огненными с небес, при судьях — войнами, при Давиде — мором, при Тите — пленением, потом сотрясением земли и разрушением города. А в нашем народе чего не видели мы? Войны, голод, мор, землетрясения, и наконец преданы были мы иноземцам не только на смерть и на пленение, но и на горестное рабство. Все это от бога, и этим он нам спасение творит. Ныне же, умоляю вас, покайтесь в прежних безумствах, и не будьте впредь, как тростник, ветром колеблемый. Но если услышите какие-либо басни людские, к божественным книгам устремитесь, чтобы враг ваш, дьявол, увидев ваш разум и душевную крепость, отошел, посрамленный, не смог принудить вас ко греху. Хочу увидеть вас с великим желанием идущими в церковь и благоговейно стоящих! О, если бы мог я сердце и душу каждого из вас наполнить разумом божественным. Но не устану я, поучая вас и вразумляя, и наставляя, ведь немалая обида для меня, если вы не получите такой жизни и божия света не увидите: ибо не может пастух утешиться, видя овец, волком расхищенных; как же я успокоюсь, если вижу, что некоторых из вас одо-

левает злой волк — дьявол! Так постарайтесь, помня о сильном желании моем спасти вас, угодить сотворившему всех нас богу, ему же надлежит всякая слава и честь!

О маловерьи

Печаль многу имамъ въ сердци о вас, чада. Никако же не премените отъ злобы обычая своего, вся злая творите в ненависть богу, на пагубу души своеи. Правду есте оставили, любве не имате, зависть и лесть жирустъ въ васъ и вознесеся умъ вашъ. Обычай поганьский имате: волхъвамъ веру имете и пожигаете огнемъ неповинныя человеки. Где се есть въ писаньи, еже человекомъ владети обильемъ или скудостью? подавати или дождь, или теплоту? [...] Ныне же гневъ божии видяще и заповедаете: хто буде удавленика или утопленика погреблъ, не погубити людии сихъ, выгребите! О, безумье злое! О, маловерье! Полни есми зла исполнени, о томъ не каемъся! Потопъ бысть при Нои не про удавленаго, ни про утопленика, но за людския неправды и иныя казни бещисленыя. Драчь градъ 4 лета стоялъ, от моря потопленъ бысть и ныне в мори есть[1]. В лясехъ от умноженья дождя 600 людиї потопло, а инии в Перемышли граде 200 потоноша, и глад бысть 4 лета[2]. Тамо же се все бысть в сия лета за грехи наша. О человеци! Се ли ваше покаянье? Сим ли бога умолите, что утопла или удавленика выгрести? Сим ли божию казнь хощете утишити?

Лучши, братья, престанемъ от зла, лишимъся всехъ делъ злых: разбоя, грабленья, пьянства, прелюбодейства, скупости, лихвы, обиды, татбы, лжива послушьства, гнева, ярости, злопоминанья, лжи, клеветы, резоиманья. Азъ бо грешныи всегда учю вы, чада, велю вамъ каятися. Вы же не престанете от злыхъ делъ. Егда кая на насъ казнь от бога придет, то боле прогневаем, изветы кладучи: того ради ведро, сего деля дождь, того деля жито не родиться; и бываете строители божией твари, а о безумьи своемъ почто не скорбите? Погании бо, закона божия не ведуще,

не убивають единоверних своихъ, ни ограбляють, ни обадят, ни поклеплют, ни украдут, не запряться чужаго; всякъ поганый брата своего не продасть, но кого в нихъ постигнет беда, то искупятъ его и на промыслъ дадуть ему, а найденая в торгу проявлють. А мы творимъся вернии, во имя божие крещени есмы и заповеди его слышаще, всегда неправды есмы исполнени и зависти, немилосердья, братью свою ограбляемъ, убиваемъ, въ погань продаем; обадами, завистью, аще бы моцно, снели другъ друга, но вся богъ боронитъ. Аще велможа или простый, то весь добытка жалаеть, како бы обидети кого. Оканне, кого снедаеши? Не таковъ же ли человекъ, яко же и ты? Не зверь есть, ни иноверець! Почто плачь и клятву на ся влечеши? или бесмертен еси? не чаеши ли суда божия, ни воздаянья комуждо по деломъ его? От сна въставъ, на не молбу умъ прилагаеши, но како бы кого озлобити, лжами перемочи кого. Аще ся не останети сихъ, то горшая беды почаете по семъ. Но, моляся, вамъ глаголю: приимемъ покаянье от сердца, да богъ оставит гневъ свой, и обратимъся от всехъ делъ злыхъ, да господь богъ обратиться к намъ. Се веде азъ, поучаю вы, яко за моя грехи беды сия деються. Придете же со мною на покаянье, да умолим бога; веде убо, аще ся покаеве, будемъ помиловани; аще ли не останетеся безумья и неправды, то узрите горша напоследъ. Богу же нашему.

О маловерии

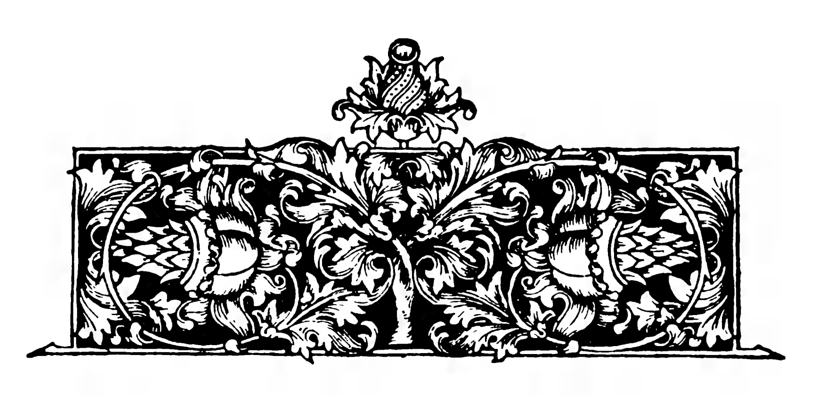
Перевод

Печаль глубокую ношу я в сердце своем о вас, дети мои! Никак не измените вы дурных своих привычек, все богомерзкое творите на погибель души своей. Правду отринули, любви не имеете, зависть и лесть процветают в вас, и вознесся разум ваш! Обычай языческий приняли: волхвам веруете и сжигаете огнем невинных людей. Где же вы найдете в писании, что люди властны над

урожаем или неурожаем, что могут послать дождь или тепло? [...] Уже испытав гнев божий, все же думаете: если кто висельника или утопленника похоронил, надо вырыть, чтобы не пострадали люди. О безумье злое! О маловерие! Полно мы зла преисполнены и в том не раскаиваемся! Потоп был при Ное не из-за удавленника, не из-за утопленника, но из-за людской неправды, как и все прочие кары неисчислимые. Драч-город 40 лет стоял и морем затоплен был[1], ныне в море лежит. В польских землях от обилия дождя 600 человек утонуло, и других 200 в Перемышле утонули[2], и голод был 4 года. Там все это было в наше время за грехи наши! О, люди, это ли ваше раскаяние, тем ли вы бога умилостивите, что утопленника или удавленника выроете? Этим ли божие наказание хотите смягчить?

Лучше же, братья, отойдем от дурного, оставим все злодеяния: разбой, грабежи, пьянство, прелюбодейство, скупость, лихоимство, обиды, воровство, лжесвидетельства, гнев, ярость, злопамятство, ложь, клевету, ростовщичество. Я, грешный, всегда учу вас, дети мои, велю вам каяться. Вы же не прекращаете злых дел. А если какая кара на нас от бога придет, то еще более гневим бога, распространяя приметы: из-за этого засуха, из-за этого дождь, из-за того — хлеб не родится. Распоряжаетесь вы божиим творением, но почему о безумии своем не скорбите? Даже язычники, закона божьего не ведая, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют напрасно, не клевещут, не крадут, не зарятся на чужое; никакой язычник не продаст своего брата, а если кого постигнет беда, то искупят его и в нужде его помогут ему, и найденное на торгу всем покажут. Мы же считаем себя православными, крещены во имя божие и заповеди его слышали, но всегда неправды исполнены: и зависти, и немилосердия. Братьев своих грабим, неверным их продаем; если б могли, доносами, завистью съели бы друг друга, но бог нас охраняет. Вельможа или простой человек — каждый добычи желает, ищет, как бы обидеть кого. Окаянный, кого поедаешь?! Не такого ли человека, как и ты? Не зверь он и не иноверец! Зачем же плач и проклятие на себя навлекаешь? Или ты бессмертен? Или не ждешь божиего суда и воздаяния каждому по заслугам его? Ото сна пробуждаясь, ведь не на молитву ты мысли направляешь, а на то, как бы кого озлобить, ложью пересилить кого! Если не оставите это, то еще горшие беды

ожидают вас! Потому, моляся, вам говорю: примем сердечное раскаяние — тогда бог оставит гнев свой, отвратимся от всех злодеяний — и господь бог обратится к нам. Ведь знаю я и вам говорю, что за мои грехи все несчастья творятся. Придите же со мной на покаяние, и умолим бога, ибо знаю я, что если покаемся, то будем помилованы, если же вы не оставите безумия и неправды, то увидите еще худшее после. Богу нашему слава.



ПОУЧЕНИЯ ПРОТИВ ЯЗЫЧЕСТВА

Слово некоего христолюбца, ревнителя по правой вере

Яко Илья Фезвитянинъ[1], заклавыи ерея жерца идольския числом 300 и рече: «Ревнуя, поревновахъ по господе вседержители», тако и сеи не мога терпети хрестьян двоеверно живущих, и веруютъ в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Рьгла, и въ Вилы[2], ихъ же числом 39 сестреницъ. Глаголять невегласи и мнять богинями и так покладывахуть имъ теребы, и куры имъ режут, и огневе молятся, зовуще его Сварожичемъ[3], и чесновиток богомъ же его творят[4]. Егда же у кого будет пиръ, тогда же кладут въ ведра и въ чаши и пьютъ, о идолехъ своихъ веселящеся, не хужьши суть еретиковъ, ни жидовъ, иже въ вере и во крещеньи тако творятъ не токмо невежи, но и вежи — попове и книжници. Аще ли не творят того вежи, да пьют и ядят моленое то брашно; аще ли не пьють, ни ядять, да видять деяния их злая; аще ли не видять, да слышать, и не хотять ихъ поучити. О таковыхъ бо пророкъ речеть: «Окамене сердце людии сихъ,

ушима тяжко слышать, очи свои смежиша». Павел к римляномъ рече: «Открыеться гневъ божии с небесе на все бещестьве, и на неправду человечю». Скрывающим истину в неправде самъ господь рече: «Мнози пастуси погубиша виноград мой». Пастуси суть книжници, а виноград — вера; человеци в вере погибають лихими пастуми, учители безумными. Аще не лишаться проклятого моленья и службы дьяволя, то достойни огню негасимому, си же учители будуть имъ подъгнетати, аще ихъ не обратять от дела того сотонина [...].

Павелъ рече к римляном: «Аще многи наставники имате о Христе, но не мингыя отця, о Христе бо Исусе азъ вы родихъ евангелиемъ». Молю же вы ся пособници ми будити. Попове и книжници, будите вы пособници Павлу, великому учителю. Учите же люди на добро и обращаите ихъ ото лести дьяволя к вере истенней, служите истинному богу. Да и вы речете пред богомъ пророческимъ гласомъ: «Се азъ и дети моя, яже ми далъ еси господи, и азъ народихъ ученьемъ». Того ради пьете, ясте и дары емлете от нихъ, аще ли не хощете учити ихъ, то не примешаитеся имъ по евангельскому слову: «Аще имаши око свое лукаво, то истъкни е вонъ, аще ли руку — то отсеци ю, лучше бо одинъ удъ погибнет, нежели все тело». Не может бо погибнуть праведник про беззаконника.

Кое причастье Христу с бесом? — Тако же и служащихъ богу: кое причастье къ служащимъ бесомъ и угодья дьяволя творящимъ? Павелъ бо коренфеемъ рече: «Братя, писахъ вамъ в посланья, не примешаитеся къ блудником, ни к резоимцемъ, ни грабителемъ, ни корчьмитомъ, и к служащимъ кумиромъ, но долъжны есте от мира сего изыти, рекше умрети». Ныне же писахъ вам: «С таковыми ни пити, ни ясти, но изверзите таковаго; таковыи бо царства божия не наследят, окамене бо сердце ихъ в неистовомъ пьянстве и быша слуги кумиром». Яко же пишеть: «Седоша бо людие пити и ясти, не въ законъ, но во упои быша пьяни, и въсташа играти, соблудаша со ближики своими и того дня погибе ихъ 620 за свое неистовое пьянъство». Того ради не подобает крестьяномъ игръ бесовьских играти, еже есть плясанье, гуденье, песни мирьскыия и жертвы идольския, еже моляться огневе под овиномъ[5], и Вилам, и Мокоше, и Симу, и Рьглу, и Перуну, и Роду и Рожанице[6], и всемъ тем, иже суть темъ подобни, се же ученье намъ вписася на конец века.

Да не во лжи будемъ, рекли: крещающеся отрицаемся сотоны и всехъ делъ его, и всехъ ангелъ его, и всего студа его, да обещахомъся Христови. Да еще ся обещахомъ Христови, то чему ему не служимъ, но бесомъ служимъ, и вся угодья имъ творимъ на нагубу душамъ своимъ. Не тако же зло творимъ просто, но смешаемъ некия чистыя молитвы со проклятьимъ моленьемъ идольскыим, иже ставят лише кутья ипы трапезы законнаго обеда[7], иже нарицаются безаконная трапеза менимая Роду и Рожаницам и въ прогневанье богу. Сам бо господь рече: «Не всякъ внидеть во царствие мое, рекъ ми: господи, господи, но творяи волю отца моего». Павелъ рече: «Видехъ облакъ кровавъ распростертъ над всем миром и вопросихъ, глаголя: господи, что се есть? И рече ми: се есть молитва человеческая, смешана с безаконьемъ». «Того ради,— рече господь,— не можеть рабъ работати двема господинома: одного возлюбит, а другаго возненавидит». Тако и мы, братя, возненавидимъ дьявол, а Христа возлюбимъ [...].

Да примемъ кождо по своимъ делом, якоже есмы створил или добро или зло. Ведуще убо страхъ господенъ, почто убо не восприимаемъ разумно глаголющая ны во спасенье умнымъ ученьем. Виде бо, яко обретенье хощет быти моего спасенья и вашего. Аще быхом осужали, не быхомъ осудими от господа были.

Братя, не велю же вамъ не ведати беседы сея; но инемъ будите на ползу хотящимъ спастися, исторьгнигеся от сети дьяволя, да придем къ пречистому свету господа нашего Исуса Христа. Безаконнымъ же, непокоримым, противящимъся здравому ученью, нечестивымъ, хулящимъ, хулящимъ отца и мать славы божия не наследят, въ чистоте божией, а не в мудрости плотиеи. Молю вы имянем бога нашего Исуса Христа. Хвалю бога моего и васъ о бългодати божиеи. Дасть вам, яко свиденье Христово известися в васъ. Яко вам не лиховати никоего же дара, чающе пришествия господа нашего Исуса Христа, иже посадить вы во дворехъ жизни вечныя со всеми служащими ему. Всегда и ныне.

Слово некоего христолюбца, ревнителя правой веры

Перевод

Как Илья Фезвитянин[1] принес в жертву иереев и жрецов идольских числом 300 и сказал: «Ревностно позаботился я о господе вседержителе!» — так и этот не смог терпеть христиан, живущих двоеверно, верующих и в Перуна, и в Хороса, и в Мокошь, и в Сима, и в Регла, и в Вилы[2] — их же числом 39 сестер. Так говорят невежи и считают их богинями, и потому приносят им жертвы, и кур им режут, и огню еще они молятся, называя его Сварожичем[3], и чеснок боготворят[4], и когда у кого случится пиршество какое, то кладут его в ведра и в чаши и пьют, прославляя идолов своих. Таковые не лучше еретиков и иудеев, которые даже в вере и во крещении так поступают. И делают это не только невежи, но и просвещенные — попы и книжники. А если и не делают того — то пьют и едят замоленную ту пищу; а если не пьют и не едят,— то видят дела их недобрые; а если и не видят, то слышат и не хотят их поправить. О таковых пророк сказал: «Окаменело сердце людей этих, уши их плохо слышат, глаза их закрыты». Павел к римлянам сказал: «Опустится гнев божий с небес на всякое бесчестие и на неправду людей, скрывающих истину во лжи». Сам господь сказал: «Множество пастухов испортили мой виноградник». Пастухи суть книжники, а виноград — вера. Люди и в вере погибают из-за худых пастырей, безумных учителей. А если они не отстанут от проклятого того моленья и службы дьявольской, то достойны будут огня неугасимого; и учителя их будут под ними, если не отвратят их от тех сатанинских дел [...].

Павел сказал римлянам: «Хотя многих наставников имеете о Христе, но не многих отцов, ибо к Христу Иисусу я вас обратил Евангелием». Молю же всех, будьте мне помощниками. Попы и книжники, будьте вы помощниками Павлу, великому учителю. Учите же людей добру и отвращайте их от обмана дьявольского к вере истинной! Служите истинному богу, чтобы и вам сказал перед богом словами пророка: «Это я и дети мои, которых дал ты мне, господи,

и я просветил их учением». И пьете, и едите, и дары принимаете от них, а поучать их не хотите, если же делаете так, то не соединяйтесь с ними, ибо по евангельскому слову: «Если око твое лживо — вырви его, если рука воровата — отсеки ее; пусть лучше один член погибнет, чем все тело». Ибо не должен погибнуть праведник из-за беззаконника.

Что общего у Христа с бесом? Равно и служителям божиим: что общего между ними и служителями бесов и творящими угодное дьяволу? Павел сказал коринфянам: «Братья, писал вам в посланиях, не сообщайтесь с блудниками, ни с лихоимцами или с грабителями и с торговцами, и со служителями идолов, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего, иначе говоря, умереть». Сейчас же пишу вам: «С таковыми не садитесь ни есть, ни пить, но извергните такового, ибо таковые не наследуют царства божия, окаменели сердца их в неистовом пьянстве и стали они слугами идолов». Так записано: «Сели люди есть и пить, не в законе, но в упойстве, и стали пьяными, и, начав играть, соблудили с родственниками своими, и в тот же день погибло их 620 человек за свое неистовое пьянство». Потому не подобает христианам играть в бесовские игры, которые есть плясание, гудение, песни мирские и все идольские жертвы тех, кто молится огню под овином[5], и Вилам, и Мокоше, и Симу, и Реглу, и Перуну, и Роду и Рожаницам[6], и всем им подобным. Это учение написано нам до скончания века.

Пусть не окажется ложным отречение наше при крещении. Тогда говорили вы: отрекаемся от сатаны и всех дел его, и всех ангелов его, и всего постыдства его, даем обет Христу. Пообещав служить Христу, почему же служите не ему, а бесам и угождаете им на погибель души своей. И не просто же это зло делаете, но смешиваете некоторые чистые молитвы с проклятым моленьем идольским и ставите сверх меры кутьи и иные яства законного обеда[7], и наряжаете беззаконную трапезу поминальной Роду и рожаницам на оскорбление богу. И сам господь сказал: «Не всякий, говорящий мне: господи, господи! — войдет в царство мое, но только творящий волю отца моего». И Павел сказал: «Увидел облако окровавленное, распростертое над всем миром, и вопросил, говоря: «Господи, что это?» И ответил мне: «Это молитва людей, смешанная с беззаконием». Поэтому и учил господь: не может раб работать на двух господ: одного возлюбит, а другого возненавидит. Так

и мы, братья, возненавидим дьявола, а возлюбим Христа [...].

Да получим каждый по своим делам, кто что сделал — добро или зло. Зная наказание господа, зачем противимся разумно говорящим и ведущим нас к спасению умным учением? Ибо знаю, что хочу обрести спасение и свое и ваше. Если бы сами себя осуждали, то не осудил бы вас господь.

Братья, не велю вам забывать беседу эту; другим, хотящим спастись, послужите на пользу, чтобы вырваться из сетей дьявола и прийти к пречистому свету господа нашего Иисуса Христа. Беззаконные же и непокорные, противящиеся здравому учению, нечестивые и хулящие отца и мать славы божией не наследуют. Слова эти в чистоте божией, а не в мудрости плотской. Молю же вас именем бога нашего Исуса Христа! Хвалю бога моего и вас о благодати божией. Пусть будет вам, как будто благовествование Христово возвестилось в вас, да не лишитесь вы никакого дара, ожидая пришествия господа нашего Исуса Христа, который посадил вас во усадьбах жизни вечной со всеми, служащими ему. Всегда и ныне.

О посте, к невежамь

Человече, вся въсприялъ еси от бога: разумь, и хитрость, и умъ, и вся покорена суть въ горахъ и въ водахъ, и яже на земли и по воздуху тобе на пищу вдано бысть. Но да веси, яко взаим ти вдана суть, да аще въздаси господеви противу сему правду, любовъ, крътость, смирение, милостину на убогиа, то вдасть ти паки даром. Их же око не виде, ни уху слыша, ни на серце человеку не възыде. Человече, на торгу житеистемъ еще еси, даже торгъ не разидется купи си милостынею нищих помилование от бога, смирением — вечную славу, и правдою — житие некончаемо, и чистотою — венець, и молитвою — съ аггелы пение, купи си трудомъ покои и бдениемъ — лице невидимаго бога, постом же и жаждею — вечных благъ наслажденне.

О, человече! Геоны убоявся, възненавиди злаа дела, а царства небеснаго въжедавъ, възлюби добрая дела! А ты ни злыхъ делъ останешись, ни на добраа подвигнешися, а время твое течеть, аки речная быстрость; да блюдися съ великимъ тщаниемъ: не веси бо в кии день солнце померкнеть, и луна не дасть света своего, ракше животъ твой скончается и душа от телеси изыйдеть, уже не будет лзы покаатися, ни творити добрыхъ делъ, но токмо плач и осуждение, ожидается мука вечная и огнь негасимый. Блажнь потребляя, злыя мысли от сердца своего, сеи есть разбивая младенца своя о камень[1]. Мнози же от человекь погубляють мзду свою, еже нарицаются невегласи, егда бо ся нарече великаа субота въ посте, в ню же было проводити весь постъ. В ту же суботу невегласи поповелять взимати молоко и масло по жидовску и по пръвъму закону проклятьству[2]. Мнози же от человекь се творять по злоумию своему въ святый, великии четвертокъ[3] поведають мрътвымъ мяса и млеко и яица, и мылница топят и на печь леютъ, и попел посреде сыплют слада ради и глаголють: мыйтеся, и чехли вешают и убруси и велят ся терти. Беси же смиются злоумию их. И вълезе мыются и порплются в попели том, яко и кури след свой показают на попеле на прелщение имь, и трутся чехлы и убрусы теми. И проходят топивщеи мовници и глядають на попеле следа; и егда видять на попели след и глаголють: приходили к намь навья мытся[4]. Егда то слышать беси, и смиются имь, и глаголють: сии человеци наши десячене суть, и всю нашю вълю творять и угоднаа наша съвръшають. С сими человекы намъ пожити, почто ны иных мимо сих? У сих бо есть всего досыти, и пити, и ясти, и зде же и мяса приповедают намъ, зде же сыри, зде же масло и яица, и добрая плутки, и корован, и велия мосты и просветы великия[5], и чаши медвеныя и пивныя и иною все добра немениимь иже приповедають. Да како нам сего добра остати или сих людии забыти и лишитися, еже си намь от хрестианъ показуют сию честь. Суть бо у нас инехъ друговъ много, но не яко сия друзи добрыя, иже таковы намь всяка узорочиа добрая доспеваютъ. Мы же походили по болгаромь[6], мы же — по половцемь, мы же — по чюди[7], мы же — по вятичемь, мы же — по словеном, мы же — по инымъ землямъ, ни сяких людии могли есмы наити к сему добру и чести и послушанию, яко сии человеци. Симь бо человекомь, что мы речемь, и что творять. Не се ли зло, еже такову честь творять бесомь на погибение собе, но се паки проклятие творять, еже та мяса прино-

ведають мертвым[8] въ четвертокъ и паки скверное то при поведание въ воскресение господне ядять сами, их же не достаяло и псомь ясти.

О злая вера! О нечистое дело! И не буди последовати окааннным жидомъ, но последуимь богоносным отцемь, иже суть написали намь, рекуще, да ся постять верний от пища и от питна, ту убо суботу приложиша к постным днем едину ту. Того ради зане Христа въ гробе сущу, а богородица съ апостолы и съ всеми верными въ той день въ печали бяху. Глагола бо жидове, се убихомъ мы наследника нашего Христа, то уже наследие наше есть и того ради радующеся идяху ясти и пити. Заутра же Христа въскресшу, и слышавше же жидове оскробеша, обрете бо ся и худая та радость на великую печаль и скорбь, а богородица малаа печаль и скорбь на великую радость, не имущу конца съ всеми верными. От субботы же лазоревы не несутся просфоры, ни кутья за упокой, но все въ честь въскресению Христову. Аще ли сего не творите, то съ жиды осуженъ будеть [...].

О посте, к невежам

Перевод

Человек, ты все восприял от бога: и разум, и хитрость, и ум, и все покорно тебе — и в горах, и в водах, и на земле, и в воздухе — все в пищу тебе дано. Но узнай же, что только взаймы тебе дано это, ты должен отплатить господу правдолюбием, любовью, кротостью, смирением, милосердием к убогим, и тогда он снова воздаст тебе все даром. Это глаз не видит, ухо не слышит, и на сердце человеку это не ложится. Человек, ты всегда на торгу житейском; пока торг не кончился, приобрети себе все милостынею к нищим: помилование от бога и вечную славу смирением, и правдою — жизнь вечную, и чистотою — венец, и молитвами — ангельское пение, купи себе трудами покой и бдением — лик невидимого бога, постом и жаждою — наслаждение вечными благами.

О, человек! Геенны убоявшись, возненавидь злые дела, а возжелав царства небесного, возлюби добрые дела. А ты и злых дел не оставляешь, и на добрые подвигнуться не можешь, а время твое уходит, как быстрина речная. Так позаботься же о себе с великим старанием, ведь не знаешь ты, в какой день солнце померкнет и луна не прольет на тебя свет свой — то есть жизнь твоя закончится и душа отойдет от тела. Тогда уже не будет пользы каяться и совершать добрые дела, будет только плач и осуждение, будет мука вечная и огонь негасимый. Соблазн истребляя, злые мысли гони из сердца своего, как будто разбивая младенцев своих о камень[1]. Многие из людей, из тех, кого называют невеждами, лишаются награды своей оттого, что в день, нареченный великой субботой, перестают поститься[2]. В ту субботу невежды велят принимать молоко и масло, как это было в иудейском и прежнем законе проклятом. Многие делают это по злоумышлению своему и в святой великий четверг[3] приготавливают для мертвецов мясо, и молоко, и яйца, и баню топят, и на печь льют, и пепел посреди бани сыплют, чтобы след остался, и говорят: «Мойтесь!» И белье вешают, и полотенца для обтирания. Бесы же смеются над безрассудством их. Залезают они в баню и моются, а потом валяются в золе и, как куры, след свой оставляют на золе для обмана и вытираются бельем и полотенцами теми. И приходят топившие бани, смотрят, нет ли следов на золе. А когда увидят на золе след, тогда говорят: «Приходили к нам навьи мыться»[4]. Слышат эти слова бесы и смеются над ними, и говорят: «Это люди нашего десятка, нашу волю они исполняют, то, что угодно нам, совершают, и с этими людьми нам жить и жить, зачем искать других? У этих людей всего в достатке: и питья, и еды, здесь же и мясо предлагают нам, здесь же и сыры и масло, яйца и жирные утки, и караван, и великие мосты, и просветы большие[5], и чаши с медом и с пивом. И всякого другого и разного добра предлагают. Да как же нам всего этого изобилья лишиться и таких людей забыть и оставить, ведь они такую честь нам оказывают от всех христиан. У нас и других доброжелателей много, но все же нет таких верных друзей, как эти, которые нам и всевозможные лакомства готовят. Мы походили по землям болгар[6], походили по земле половцев, чуди[7], вятичей, славян, мы путешествовали по другим землям, но нигде не могли мы найти людей лучше, для нашего удовольствия и воздаяния нам почестей, таких послушных

нам, как эти люди. Что мы им говорим, то они и исполняют».

Так не зло ли это, что столько почестей люди бесам оказывают на погибель себе. Но еще худшее проклятие навлекают на себя эти люди, когда мясо приноведают[8] мертвым в четверг и скверное это угощенье сами едят в воскресенье господне, хотя даже псам его зазорно есть.

О злая вера! О нечестивое дело! Не подражай окаянным иудеям, но последуй за богоносными отцами, которые истину открыли нам, говоря, что воздерживаются правоверные от пищи и от питья, присоединяют ту субботу к остальным дням поста, потому что в этот день еще Христос во гробе лежал, а Богородица с апостолами и со всеми верными в тот день в великой печали была. Говорили иудеи: «Вот, убили мы наследника нашего Христа, и все наследство нашим стало» и, радуясь, идут есть и пить. Но на следующее утро Христос воскрес, услышав об этом, иудеи в скорбь впали, сменив мерзкую ту радость на великую печаль и скорбь; а Богородица со всеми верными сменила малую печаль и скорбь на великую радость бесконечную. От субботы Лазаревой не приносятся просфоры и кутьи за упокой, но все в честь воскресения Христова. А если вы того не делаете, то с иудеями осуждены будете [...].

Красноречие эпохи становления Московского государства
(XV–XVI вв.)

Слово о житии Дмитрия Ивановича Донского

Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя руськаго

Сий убо великий князь Дмитрей родися отъ благородну и отъ пречестну родителю, великого князя Ивана Ивановича[1] и матере великые княгини Александры, внукъ же бысть князя великаго Ивана Даниловича[2], собрателя Руськой земли, и корени святаго и богомъ саждениаго саду отрасль благоплодна и цветъ прекрасный царя Владимира, нового Костянтина, крестившаго Руськую землю[3], сродникъ же бысть новою чюдотворцю Борису и Глебу: воспитанъ же бысть въ благочестии и въ славе со всяцеми наказании духовными, и отъ самехъ пеленъ бога възлюби.

И умножися слава имени его, якоже святаго и великаго князя Владимира, въскипе земля Руськая въ лета княжения его якоже преже обетованная Израилю; и страхомъ господства своего огради всю землю Руськую, отъ въстока и до запада хвално бысть имя его, отъ моря и до

моря, отъ рекъ и до конець вселенныя превознесеся честь его, царие земьстии слышаще его, удивишася.

Врази же его взавидеша ему, живущии окресть его, и навадиша на нь нечестивому Мамаю, тако глаголюще: «Великый князь Дмитрей Московский себеименуеть Руской земли царя, и паче честнейши тебе славою, супротивно стоить твоему царству». Онъ же наваженъ лукавыми советникы, иже християнскую веру держать, а поганыхъ дела творяху; и рече Мамай княземъ своимъ и рядцемъ: «Приму землю Русьскую, и разорю церкви христианьскыя, и веру ихъ на свою преложю и велю кланятися своему Махметю; а идеже церкви были, ту ропати поставлю, а баскаки посажю по всемъ градомъ Русьскымъ, а князи Русьскыя избию». Акы преже Агогъ, царь Васаньскый, похвалися на кивот завета господня, иже въ Силоме, сице похвалився погибе сам преже[4]. И пославъ безбожный Мамай преже себе на Русь ратию воеводу своего, окаанного Бигича[5], съ великою силою и со многыми князи ординьскыми.

Се слышавъ великый князь Дмитрей Ивановичь, поиде въ сретение ему со многою силою Русьскыя земля, и бися съ погаными въ Рязаньской земли, на реце на Воже, и поможе богъ и святая Богородица великому князю Дмитрею Ивановичю, а поганыя агаряне[6] посрамлени быша, овии изсечени быша, а инии побегоша; великий же князь Дмитрей Ивановичь възвратився съ великою победою. Тако заступаше свою отчину, Русьскую землю, отъ поганыхъ противнаго нахождения.

Безстудный же Мамай срама исполнися, въ похвалы место безчестие прииде ему; и поиде самъ на Русьскую землю, похвалився на великого князя Дмитрия Ивановича, исполни сердце свое злаго безакония. Слышавъ же се князь великый Дмитрей Ивановичь, въздохнувъ изъ глубины сердца своего къ богу и пречистей его Матери, и рече: «О пресвятая госпоже дево Богородице, владычице, заступнице и помощнице миру! Моли сына своего за мя грешнаго, да достоинъ буду главу и животъ положити за имя сына твоего и за твое, иноя помощница не имамъ, развие тебе, госпоже; да не порадуются враждующие ми безъ правды, ни ркуть погании: «Где есть богъ ихъ, на него же уповаша?» да постыдятся вси являющии рабомъ твоимъ злая, яко азъ рабъ твой есмь и сынъ рабыня твоея; испроси ми, госпоже, силу и помощь отъ святаго жилища сына твоего и бога моего, на злаго моего супостата

и нечестиваго врага; постави ми, госпоже, столпъ крепости отъ лица вражия, възвеличи имя християньское надъ погаными агаряны и всегда посрами ихъ».

И призва велможа своя и вся князи Русьскыя земля, сущая подъ властию его, и рече княземъ Русьскыя земли и велможамъ своимъ: «лепо есть намъ, братие, положити главы своя за правоверную веру християньскую, да не приятн будуть грады наши погаными, ни запустеють святыя божия церкви, и не разсеяни будемъ по лицю всея земля, да не поведени будуть жены наша и дети въ полонъ, да не томими будемъ погаными по вся дни; аще за нас умолить сына своего и бога нашего пречистая Богородица.»

И отвещаша ему князи Русьстии и велможа его: «Господине Русьскыи царю! рекли есмя тебе животъ свой положити служа тебе; а ныне тебе ради кровь свою пролиемъ и своею кровию второе крещение приимемъ.» И въсприимъ Аврамлю[7] доблесть, помолився богу, и помощника имуще святаго великаго святителя и чюдотворца Петра, заступника Русьскыя земли, и поиде противу поганаго, акы древний великый князь Ярославъ Володимеровичь, на злочестиваго Мамая, втораго Святополка[8]; и срете его въ Татарьскыхъ полехъ, на Дону на реце, и съступишася акы силнии тучи, блеснуша оружия яко молния въ день дождя, ратнии сечахуся за рукы емлющеся, и по удолиемъ кровь течаше и Донъ река потечаше съ кровию смесився, главы же Татарьскыя акы камение валяшеся и трупия поганыхъ акы дубрава посечена; мнози же достоверними видяху ангелы Божия помагающе християномъ. И поможе богъ великому князю Дмитрею Ивановичю и сродника его святая мученика Борисъ и Глебъ, окаанный же Мамай отъ лица его побеже; треклятый Святополкъ въ пропасть побеже, а нечестивый Мамай безъ вести погыбе. Великый же князь Дмитрей Ивановичь възвратися съ великою победою, якоже преже Моисей Амалика победи[9], и бысть тишина въ Русьской земли; и тако врази его посрамишася, иные же страны слышаще победы, даныя ему отъ бога на враги, и все подъ руце его подклонишася, расколници же и мятежници царства его вси погыбоша.

Обычай же имеяше великый князь Дмитрей Ивановичь, якоже Давыдъ богоотецъ и пророкъ, Сауловы дети миловаше[10], и си великый князь неповинныя любляше, а повинныя прощяше; по великому Иеву, яко отець есть миру, и око слепымъ, нога хромымъ, столпъ и стражь и мерило,

известно къ свету правя подвластныя, отъ вышняго промысла правление примъ роду человечю, всяко смятение мирское исправляше, высокопаривый орелъ, огнь попаляя нечестие, баня мыющимся отъ скверны, гумно чистоте, ветръ плевелы развевая, одръ трудившимся по бозе, труба спящимъ, воевода мирный, венець победе, плавающимъ пристанище, корабль богатьству, оружие на врагы, мечь ярости, стена нерушима, зломыслящимъ сеть, степень непоколеблема, зерцало житию, съ богом все творя и по бозе побарая, высокый умъ, смиреный смыслъ, ветромъ тишина, пучина разуму; князя Русьскыя во области своей крепляше, велможамъ своимъ тихоуветливъ въ наряде бываше, никого же не оскорбляше, но всехъ равно любляше, младыхъ словесы наказаше, и всемъ доволъ подаваше, къ требующимъ руце простираше.

Еще дерзну несрамно рещи о житии сего великого князя и царя Русьского Дмитрия Ивановича, да се слышаще цари и князи научитеся тако творити. Отъ уныя бо версты бога възлюби и духовныхъ прилежаще делехъ, аще и книгамъ не ученъ сы добре, но духовныя книгы въ сердци своемъ имяше. И се едино повемъ отъ жития его: тело свое чисто схрани до женитвы, церковь себе святому духу съблюде нескверну. Очима зряше часто къ земли, отъ нея же взятъ бысть, душю и умъ простираше къ небеси, идеже лепо есть ему пребывати. И по браце совкупления тело свое чисто же соблюде, греху непричастно. [...] Преочиствовану душу хотя представити предъ богомъ, по истинне явися земный ангелъ и небесный человекъ.

Поживе летъ съ своею княгынею Евдокеею[11] 20 летъ и два лета въ целомудрии, прижи сыны и дщери и въспита въ благочестии; а вотчину свою великое княжение держаше летъ 29 и 6 месяць, а всехъ летъ отъ рождества его 30 и осмь и 5 месяць; многы же труды и победы по правоверней вере показа, яко инъ никтоже. Потомъ разболеся и прискорбенъ бысть велми, и пакы легчая бысть ему, и възрадовашася великая княгини и сынове его радостию великою и велможа его. И паки впаде въ болшую болезнь и стенание прииде въ сердце его, яко и внутренимъ его торзатися, и уже приближися ко смерти душа его. Въ то же время родися ему сынъ Констянтинъ.

И призва къ себе княгыню свою, и сыны своя, и бояры своя, и рече: «Послушайте мене вси: се азъ отхожю ко господу богу моему; ты же, драгая моя княгини, буди

чадомъ своимъ отець и мати, наказующи ихъ и укрепляющи, и все по заповедемъ господнимъ, послушливомъ и покорливомъ быти, и бога боятися, и родителя своя честити и страхъ ихъ держати въ сердци своемъ вся дни живота своего.» Потомъ же рече сыномъ своимъ: «Вы же сынове мои, плодъ чрева моего, бога бойтеся, поминайте Писание: чтите родителя своя, да благо вы будеть, миръ и любовь имейте межи собою; азъ бо предаю васъ богови и матери вашей, подъ страхомъ ея всегда будите, обяжите заповедь мою себе на выи своей, вкладайте словеса моя въ сердца своя; аще ли не послушаете родитель своихъ, помяните писание: клятва отча домъ чадомъ разрушить, матерне въздыхание до конца искоренить; аще ли послушаете, долголетни будете на земли, и въ благыхъ пребудеть душа ваша, и умножится слава дому вашего, и врази ваши надуть подъ погами вашими, иноплеменници побегнуть отъ лица вашего, и облегчится тягота земли вашей, и умножатся нивы ваша обилиемъ; бояры своя любите, честь имъ достойную въздавайте противу служению ихъ, безъ воля ихъ ничтоже не творите, приветливи будите ко всемъ слугамъ своимъ, но все творите съ повелениемъ родитель своихъ.»

Рече же и бояромъ своимъ: «Сберитеся ко мне, да скажю вамъ еже сътворихъ въ житии моемъ: ведаете каковъ обычай есть мой и нравъ, родихся предъ вами, и при васъ възрастохъ, и съ вами царствовахъ, землю Русьскую держахъ летъ 29, а отъ рожения ми 40 летъ; и мужествовахъ съ вами на многи страны, и противнымъ страшенъ быхъ въ бранехъ и поганыя низложихъ божиею помощию и врагы покорихъ; великое княжение свое велми укрепихъ, миръ и тишину земли Русьской сътворихъ, отчину свою съ вами сблюдохъ, еже ми предалъ богъ и родители мои, и вам честь и любовь даровахъ, подъ вами городы держахъ и великыя власти, и чада ваша любихъ, никому же зла сътворихъ, ни силою что отъяхъ, ни досадихъ, ни укорихъ, ни разграбихъ, ни изъбезъчествовахъ, но всехъ любихъ и во чьсти держахъ, и веселихся съ вами, съ вами и поскорбехъ; вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей, ныне же помяните словеса моя и своя, еже рекли есте ко мне во время свое: должни есмы тебе служа и детемъ твоимъ главы положити своя, и укрепитеся истинною послужити княгини моей и чадомъ моимъ отъ всего сердца своего; во время радости повеселитеся съ ними, и во время скорби не оставите ихъ, да скорбь ваша

на радость преложится, богъ же мира да будеть съ вами.» [...]

Егда же преставися благоверный и христолюбивый, благородный великый князь Дмитрей Иванович всея Руси, просветися лице его акы ангелу. Видевши же княгыни его мертва на постели лежаща, и восплакася горкымъ гласомъ, огненыя слезы изо очию испущааше, утробою распалаашеся и въ перси свои руками бьющи; яко труба рать поведающи, и яко арганъ[12] сладко вещающи: «Како умре животе мой драгий, мене едину вдовою оставивъ? Почто азъ преже тебе не умрохъ? како заиде светъ очию моею? где отходиши скровище живота моего? почтое не промолвиши ко мне? цвете мой прекрасный, что рано увядаеши? винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей; чему, господине, не взозриши на мя, ни промолвиши ко мне, уже ли мя еси забылъ? что ради не взозриши на мя и на дети своя? чему имъ ответа не даси? кому ли мене приказываешь? солнце мое, рано заходиши; месяцъ мой прекрасный, рано погыбаеши; звездо въсточная, почто къ западу грядеши? Царю мой! како приму тя, или послужю ти? где, господине, честь и слава твоя, где господьство твое? Осподарь всей земли Русьской былъ еси, ныне же мертвъ лежиши, ни кемъ же не владееши; многыя страны примирилъ еси и многыя победы показалъ еси, ныне же смертию побеженъ еси, изменися слава твоя и зрак лица твоего премениcя во истление; животе мой, како повеселюся съ тобою? за многоценныя багряница худыя сия бедныя ризы приемлеши, за царскый венецъ худымъ симъ платомъ главу покрываеши, за полату красную гробъ приемлеши; свете мой светлый, чему помрачился еси? аще богъ услышить молитву твою, помолися о мне, княгине твоей; вкупе жихъ съ тобою, вкупе и умру съ тобою, уность не отъиде отъ насъ, а старость не постиже насъ; кому приказываеши мене и дети своя? не много нарадовахся съ тобою, за веселие плачь и слезы приидоша ми, а за утеху и радость сетование и скорбь яви ми ся; почто азъ преже тебе не умрохъ, да быхъ не видела смерти твоея и своея погыбели? не слышиши ли, господине, бедныхъ моихъ словесъ? не смилять ли ти ся моя горкыя слезы? звери земныя на ложа своя идуть и птица небесныя ко гнездомъ летять, ты же, господине, отъ дому своего не красно отходиши. Кому уподоблюся? остала бо есмь царя; старыя вдовы тешите мене, молодыя вдовы поплачите со мною, вдовия бо беда горчее

всехъ людей. Како въсплачу, или како възглаголю? великый мой боже, царь царемъ, заступникъ ми буди; пречистая госпоже Богородице, не остави мене и во время печали не забуди мене!»

И принесоша благовернаго великого князя Дмитрия Ивановича, всея Руси царя, въ церковь святаго великаго архангела Михаила, идеже есть гробъ отца его и деда и прадеда, и певши надъ нимъ обычное надгробное пение, и положиша его въ гробъ, месяца маия въ 20, на память святаго мученика Фалелея; и плакашася надъ нимъ князи и бояре, и архиепископи и епископи, и весь народъ [...].

О страшно чюдо, братие, и дива исполнено! о трепетное видение и ужасъ обдержаше! Слыши небо и внуши земле! како въспишу, или како взглаголю о преставлении сего великаго князя? отъ горести душа языкъ связается, уста загражаются, гортань премолкаеть, смыслъ изменяется, зракъ опусневаеть, крепость изнемогаеть; аще ли премолчю, нудить мя языкъ яснее рещи.

Егда же успе вечнымъ сномъ великый князь земли Русьскыя Дмитрей Ивановичь, аеръ възмутися, земля трясашеся и человеци смутишася. Что ли нареку день той, день многия туги и скорби, и слезъ и вздыханія, тугы и скорби многи? Народъ глаголаше: о горе намъ, братие! царь царемъ умре, господинъ владычьствующимъ, солнце помрачается, луга облакомъ закрывается, звезда сияющая всему миру къ западу грядеть.

Да си глаголю, понудить мя слово писати житие сего [...]. Ничто же бо прилагая онехъ древнихъ философъ Елиньскыхъ и повести ихъ, но положю достоверныя его похвалы, яко въ зерцале имый смесна разуму божественая писания; которыхъ убо въ мире тако светло, и славно, и чести достойно житие просия и имя възрасте надъ человекы? красенъ бе взоромъ, и чистъ душею, и свершенъ разумомъ. Иному убо ино сказание бываеть, на честь похвалы прилагания дружния любы понужаеть; великому же сему благочестия держателю отъ жития светлости украшение и отъ прародитель святоление. По великому Дионисию[13]: говоръ воде ветром бываеть, мокрота земли солнцемъ погыбаеть, умъ владетель чювствиемъ человечьскимъ, и спряжениемъ чювствия умъ въ сердци садъ вкореняеть, сердце же плодъ умный миру подаваеть. Такоже и сий великый князь Дмитрей Ивановичь знаменитъ въ родехъ бысть; несть убо лепо инемъ родителемъ таково чадо

родити, ниже убо достойно таковому и чюдному чаду отъ иныхъ родителевъ родитися. Аще не бы смотрениемъ всехъ съдетеля бога. Кое ли приложение славе его съделаю? ибо не мернмо есть, яко ни море въ него текущихъ рекъ, есть бо и безъ того полно. Инымъ бо человекомъ въ начатце похваление бываеть, инымъ же въ средовечьи, другому же въ старости, сей же весь съ похвалою добродетели вси лета жития его сверши; единъ же благочьстенъ родися, многымъ прародителемъ славу прорасти [...]. И не усумнюся рещи о немъ: яко во всю землю изиде слава его и въ конецъ вселеныя величьство его.

Кому уподоблю великого сего князя Дмитрея Ивановича, царя Русьскыя земля, и настолника великому княжению, и собрателя християньского? приидите любимици, церковнии друзи, къ похвалению словеси, по достоянию похвалити държателя земли Русьской. Ангела тя нареку? но во плоти сущи ангелскы пожилъ еси. Человека ли? но выше человечьскаго существа дело свершилъ еси. Перво-зданнаго ли тя нареку?[14] но той приимъ заповедь съдетеля и преступи; ты же обеты своя по святомъ крещении чисты сътвори. Сифа ли тя нареку?[15] но того премудрости ради людие богомъ нарицаху; ты же чистоту сблюде и богови рабъ обретаашеся, и божий престолъ држа господинъ земли Русьской явися. Еноху ли тя подоблю? [16] но той преселенъ быстъ на землю неведомую; твою же душю ангели съ славою възнесоша на небеса. Ноя ли тя именую?[17] но той спасенъ бысть въ ковчезе отъ потопа; ты же съблюде сердце свое отъ помысла греховнаго, акы въ чертозе въ чистомъ телеси. Евера ли тя нареку[18], не примесившася безумныхъ языкъ къ столпотворению? ты же столпъ нечестия разрушилъ еси въ Русьской земли, и не примесив себе къ безумнымъ странамъ на християньскую погибель. Авраама ли тя нареку? но ты тому верою уподобися, а житиемъ превзиде паче оного. Исаака ли тя въсхвалю[19], отцемъ на жертву приготовлена богу? но ты самъ душю свою чисту и непорочну богови жертву принесе. Израиля ли тя възглаголю?[20] но той съ богомъ въсторзе боряшеся и духовную лествицю провидяше; ты же по бозе со иноплеменникы боряшеся, съ нечестивыми Агаряны и съ поганою Литвою, за святыя церкви, християньскую утвержая веру, акы ону духовную лествицю. Иосифа ли тя явлю[21] целомудренаго плода и духовнаго, обладавшаго Египтомъ? ты же въ целомудрии умъ държаше и владетель всей земли Русьской явися.

Моисея ли тя имепую? но той князь бысть единому Еврейскому языку; ты же многи языки въ своемъ княжении имяше, честию благодарения во многыя страны имя твое провозсия.

Похваляеть бо земля Римская Петра и Павла, а Асийская Иоана Богослова, Индийская апостола Фому, а Ерусалимьская брата Господня Иякова, и Андрея Первозваннаго все Поморие, царя Коньстянтина Гречьская земля, Володимера Киевская со окрестными грады; тебе же великый князь Дмитрей Иванович, вся Русьская земля.

Азъ же недостойный не възмогохъ твоему преславному господьству по достоянию хвалы приложити, за грубость моего неразумия; умоли убо, святе, о роде своемъ и за вся люди, сущая въ области царства твоего, ту бо предстоиши, идеже духовныхъ овець паствины и вечное насыщение. Кое убо сихъ насыщение оноя радости, красота раю паствины суть, лице божие видети! ту песнь поюще ангельстии лици, ту съдружение велие бываеть съ вышними силами, ту сладкая честь отъ туждаго сего насилия изшедшихъ, и ту премудрии лици пророкъ, и ту судия апостольскаго числа, и ту безчисленыхъ мученикъ воиньства, ту исповедници свою мьзду усердно приемлють, ту вернии мужи крепостию смысла похотение суетно сего света умягчиша, ту и святыя жены благымъ нравомъ мужьскый полъ победиша, и ту отроци, иже сде чистоту съхраньше, съ ангелы ликоствоваху, ту и старци, их же старость маломощныя створи, но сила добраго деяния не погуби; да съ теми убо святыми намъ лепо есть жити и съ теми радости насладитися, благодатию и человеколюбиемъ единороднаго сына твоего, съ нимъ же благословенъ еси, съ пресвятымъ и благимъ и животворящим ти духомъ, ныне и присно и въ веки векомъ, аминь.

Перевод

Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского

Сей великий князь Дмитрий родился от благородных и пречестных родителей: великого князя Ивана Ивановича[1] и матери великой княгини Александры. Внук же он князя великого Ивана Даниловича[2], собирателя Русской земли — корня святого, и богом насажденного сада ветвь благоплодная, цветок прекрасный царя Владимира, нового Константина, крестившего землю Русскую[3], сородич он новым чудотворцам Борису и Глебу; воспитан в благочестии и в славе со всякими наставлениями духовными и от самых пелен бога возлюбил.

И умножилась слава имени его, как некогда слава святого и великого князя Владимира, забурлила земля Русская в годы княжения его, как прежде земля Израиля обетованная; и страхом перед могуществом своим оградил он всю землю Русскую, от востока и до запада славилось имя его, от моря и до моря, от рек и до конца Вселенной превозносилась честь его. Цари земные, слыша о нем, дивились.

Враги же, живущие вокруг земли его, позавидовали ему, наговорили на него нечестивому Мамаю, так сказав: «Великий князь Дмитрий Московский себя именует царем Русской земли, считает, что превзошел тебя он славою, недоброе замышляет против твоего царства». Подстрекаемый лукавыми советниками, которые на словах веру христианскую соблюдают, а на самом деле поганых дела исполняют, сказал Мамай князьям своим и вельможам: «Захвачу землю Русскую и разорю церкви христианские, и веру их на свою переменю, и велю поклоняться своему Магомету, а где церкви были, тут свои храмы поставлю и баскаков посажу по всем городам русским, а князей русских перебью». Как прежде Агог, царь васанский[4], похвалялся, что пленит кивот Завета господня, бывшего в Силоме, так, похвалившись, сам и погиб раньше. И послал безбожный Мамай войной на Русь поначалу воеводу своего окаянного Бегича[5] с большим войском и со многими князьями ордынскими.

Прослышав об этом, великий князь Дмитрий Иванович пошел навстречу ему со многими силами земли Русской.

И бились с погаными в Рязанской земле, на реке на Воже, и помог бог и святая Богородица великому князю Дмитрию Ивановичу, а поганые агаряне[6] посрамлены были: одни перебиты были, другие бежали. Великий же князь Дмитрий Иванович возвратился с великою победою. Так защищал он отчину свою, Русскую землю, от вражеского нашествия поганых.

Бесстыдный же Мамай покрыл себя позором, вместо похвалы бесчестие заслужил; и тогда пошел сам на Русскую землю, выхваляясь против великого князя Дмитрия Ивановича, затаив в сердце совем злое замышление. Услышав же об этом, князь великий Дмитрий Иванович воззвал из глубины сердца своего к богу и пречистой его матери и сказал: «О пресвятая госпожа-дева, Богородица, владычица, заступница и помощница миру! Моли сына своего за меня, грешного, да удостоюсь голову и жизнь свою положить во имя сына твоего и твое, ведь не имею другой помощницы, кроме тебя, госпожа! Пусть не радуются враждующие против меня неправедно, пусть не скажут поганые: «Где же бог их, на которого они уповали?» Пусть посрамлены будут все, творящие зло рабам твоим! И я раб твой и сын рабыни твоей, так испроси мне, госпожа, силу и помощь от святой обители сына твоего и бога моего на злого моего супостата и нечестивого врага. Воздвигни мне, госпожа, столп крепости перед лицом врага, возвеличь имя христианское перед погаными агарянами и навсегда осрами их!»

И призвал он вельмож своих и всех князей земли Русской, бывших под властью его, и сказал князьям Русской земли и вельможам своим: «Должно нам, братья, сложить головы свои за православную веру христианскую, чтобы не захвачены были города наши погаными, не запустели святые божии церкви и не рассеяны мы были по лицу всей земли, чтобы не уведены были жены и дети наши в плен, чтобы не были мы мучимы погаными во все времена; так и будет, если умолит за нас сына своего и бога нашего пречистая Богородица».

И отвечали ему князья русские и вельможи его: «Господин наш, Русский царь! Поклялись мы жизнь свою отдать, служа тебе, и ныне ради тебя кровь свою прольем и своею кровью второе крещение примем». И восприняв доблесть Авраама[7], помолившись богу и призвав в помощники великого святителя и чюдотворца Петра, заступника Русской земли, пошел против поганого, как древний великий князь

Ярослав Владимирович, на злочестивого Мамая, второго Святополка[8]. И встретил его в татарских полях, на Дону-реке, и сошлись полки, как сильные тучи, блеснуло оружие, как молния в дождливый день. Ратники в сече врукопашную взялись, и по долинам кровь потекла, и Дон-реки течение с кровью смешалось, и головы татарские, как камни, падали, и трупы поганых были как дубрава посеченная. Многие достоверно видели ангелов божиих, помогающих христианам. И помог бог великому князю Дмитрию Ивановичу и сродники его, святые мученики Борис и Глеб. Окаянный же Мамай побежал от лица его, треклятый Святополк к погибели устремился, нечестивый Мамай безвестно погиб. Великий же князь Дмитрий Иванович возвратился с великою победой, как прежде Моисей Амалика победив[9]. И была тишина в Русской земле! Так враги его посрамлены были. Другие же страны, услышав о победах над врагами, дарованных ему богом, все перед силой его преклонилися, а раскольники и мятежники царства его все погибли.

Обычай такой был у князя Дмитрия Ивановича: как Давид, богоотец и пророк, Сауловых детей помиловал[10], так и этот великий князь безвинных любил, а виновных прощал. Подобно великому Иову, словно отцом был людям, око слепым, нога хромым, опора, защита и пример известный. К свету направляя подданных, от вышнего промысла власть получив над родом человеческим, он всякое смятение мирское исправлял — высокопарящий орел, огонь, опаляющий бесчестие, баня желающим очиститься от скверны, гумно чистое, ветр, плевелы рассеивающий, одр трудившимся во имя бога, труба для спящих, воевода мирный, венец победы, плавающим пристань, корабль богатству, оружие на врагов, меч ярости, стена нерушимая, злоумышляющим сеть, ступень непоколебимая, зеркало жизни, с богом все творящий и за него ратующий, высокий ум, смиренные мысли, ветрам тишина, глубина разуму! Князей русских в земле своей укреплял, приказывая вельможам своим, был тих и приветлив, никого не оскорблял, но всех равно любил, молодых словом наставлял и всем вдоволь подавал, к нуждающимся руку простирал.

И еще дерзну и не постыжусь рассказать о жизни сего великого князя и царя Русского Дмитрия Ивановича, чтобы, услышав это, цари и князья научились так же поступать. С юных лет возлюбил он бога и прилежен был

в духовных делах; хотя и не искусен в книгах был еще достаточно, но духовные книги в сердце своем имел. И еще одно поведаю я из жизни его: тело свое в чистоте сберег до женитьбы, церковь свою святому духу сохранил неоскверненной. Очи свои часто опускал к земле, от которой сам произошел, душу же и ум простирал к небу, где надлежит ему пребывать. И после бракосочетания тело свое соблюдал в чистоте, к греху непричастным. [...] С чистейшей душой хотел предстать пред богом; поистине явился земным ангелом и небесным человеком!

Прожил он со своею княгинею Евдокией[11] 20 лет и два года в целомудрии, имел сыновей и дочерей и воспитал их в благочестии. А вотчину свою, великое княжение держал 29 лет и 6 месяцев, а всего лет ему было от рождения 30 и 8 и 5 месяцев. Многие дела и победы в правоверной вере показал, как никто другой. Потом разболелся и мучился сильно, но скоро полегчало ему, и возрадовалась великая княгиня и сыновья его радостью великою, а также и вельможи его. Но снова впал в еще больший недуг, и стоны вошли в сердце его, так нутро его терзалось и уже приближалась к смерти душа его. В то же время родился у него сын Константин.

И призвал к себе княгиню свою, и сынов своих, и бояр своих и сказал: «Послушайте меня все. Отхожу я к господу богу моему. Ты же, дорогая моя княгиня, будь детям своим за отца и за мать, наставляя и укрепляя их по заповедям господним: послушными и покорными быть, и бога бояться, и родителей своих почитать, и страх перед ними иметь в сердце своем во все дни жизни своей». Потом сказал сыновьям своим: «Вы же, сыны мои, плод чрева моего, бога бойтесь, помните сказанное в писании: чтите родителей своих, да благо тогда будет. Мир и любовь храните меж собою. Я вручаю вас богу и матери вашей, страх перед ней имейте всегда. Повяжите заветы мои на шею себе, вложите слова мои в сердца ваши. Если же не послушаете родителей своих, вспомните потом писание: проклятие отца дом детей его разрушит, а вздохи матери до конца искоренят. А если послушаете, долгими будут годы ваши на земле, и в благоденствии пребудет душа ваша, и умножится слава дома вашего, и враги падут под ногами вашими, иноплеменники побегут от взгляда вашего, и облегчатся невзгоды земли вашей, и умножится изобилье нив ваших. Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте по службе их, без их совета ничего не делай-

те; приветливы будьте ко всем служащим вам, но во всем поступайте согласно повелениям родителей своих».

Сказал и боярам своим: «Подойдите ко мне, да скажу вам, что совершил я в жизни моей: знаете вы обычаи мои и нрав, при вас я родился, у вас на глазах вырос и с вами царствовал, землю Русскую держал 29 лет, а от рождения мне 40 лет; и воевал я с вами против многих стран, и врагам страшен был в бранях, и поганых отбросил с божиею помощью, и недругов покорил, великое княжение свое весьма укрепил, мир и тишину земле Русской дал. Отчину свою, которую мне вручил бог и родители мои, с вами сберег, вам почести и любовь оказывал, под вашим правлением города и великие волости держал, и детей ваших любил, никому зла не причинял, ничего силою не отнимал, не досаждал, не укорял, не разорял, не бесчинствовал, но всех любил и в чести держал; и веселился с вами, с вами и печалился; вы же не назывались у меня боярами, но были князьями земли моей. Ныне же вспомните слова мои и свои, что говорили вы мне во время свое: «Должны мы, тебе служа, и за детей твоих головы положить». Постарайтесь истинно послужить княгине моей и детям моим от всего сердца своего, в радости повеселитесь с ними, и в скорби не оставьте их; пусть скорбь ваша радостью сменится. Бог мира да будет с вами». [...]

Когда же преставился благоверный и христолюбивый, благородный великий князь Дмитрий Иванович всея Руси, просветилось лицо его ангельским светом. Увидела его княгиня мертвого на постели лежащим и восплакала скорбным голосом, горячие слезы из глаз испуская, нутром распаляясь, била себя руками в грудь. Словно труба, на рать созывающая, и как арган[12], сладко вещающий: «Как же ты умер, жизнь моя драгоценная, меня одинокой вдовой оставив?! Почему я прежде тебя не умерла?! Как померк свет очей моих! Куда ушел ты, сокровище жизни моей? Почему не промолвишь ко мне?! Цветок мой прекрасный, что рано так увял? Виноград многоплодный, уже не подашь плода сердцу моему и радости душе моей. Почему, господин мой, не взглянешь на меня, почему ничего не промолвишь мне? Неужели забыл меня? Почему не посмотришь на меня и на детей своих? Почему не даешь им ответа? На кого ты меня оставляешь! Солнце мое — рано заходишь, месяц мой прекрасный — рано меркнешь, звезда восточная, почему к западу склоняешься? Царь

мой! Как встречу тебя, как послужу тебе? Где, господин, честь и слава твоя, где могущество твое? Господином всей земли Русской был ты, ныне же мертв лежишь, никем не владеешь! Многие страны усмирил и многие победы показал, ныне же смертью побежден. И померкла слава твоя, и вид лица твоего подернулся пеленою смерти! Жизнь моя, как повеселюсь с тобою! Вместо многоценной багряницы в простые сии бедные ризы облачаешься, вместо царского венца простым сим платом голову покрываешь, вместо палаты красной гроб принимаешь. Свет мой светлый, почему померк ты? Если бог услышит молитву твою, помолись обо мне, княгине твоей; вместе жила с тобою, вместе и умру с тобою; юность не покинула нас, а старость не настигла нас. На кого оставляешь меня и детей своих?! Не много порадовалась я с тобою, вместо веселья плач и слезы пришли ко мне, а вместо утех и радости — сетование и скорбь явились ко мне. Почему я прежде тебя не умерла,— тогда не видела бы я смерти твоей и своей погибели! Неужели не слышишь, господин, печальных моих слов? Неужели не умилят тебя горькие мои слезы?! Звери земные в норы свои идут, и птицы небесные к гнездам летят, ты же, господин, от дома своего нехорошо отходишь. Кому уподоблюсь я? Лишилась я царя! Старые вдовы, утешьте меня, молодые вдовы, поплачьте со мною. Вдовья беда горше всех у людей. Как восплачу или как воскликну: «Великий мой боже, царь царей, будь мне заступником! Пречистая госпожа Богородица, не оставь меня и в дни печали не забудь меня!»

И принесли благоверного великого князя Дмитрия Ивановича, всея Руси царя, в церковь святого великого архангела Михаила, где стоит гроб отца его, и деда, и прадеда, и, пропев над ним, по обычаю, надгробное пение, положили его в гроб, месяца мая в 20-й день, на память святого мученика Фалалея. И плакали над ним князья и бояре, и архиепископы, и епископы и весь народ [...].

О страшное чудо, братья, и удивления исполнено! О видение, в трепет ввергающее! Ужасом обволакивающее! Услышь, небо, и поведай земле! Как опишу или как возглашу о преставлении сего великого князя?! От горести душевной язык немеет, уста закрываются, голос замолкает, мысли путаются, взор меркнет, сила слабеет. Если же замолчу, принудит меня язык яснее прежнего говорить.

Когда уснул вечным сном великий князь земли Русской Дмитрий Иванович, воздух возмутился, земля сотрясалась и люди пришли в смятение. Как мне назвать день тот — день большого горя и скорби, слез и воздыханий, страданий и печали многих. Народ говорил: «О горе нам, братья! Царь над царями умер, господин над владыками! Солнце затмевается, луна облаком закрывается, звезда, сияющая всему миру, к западу склоняется».

И о том скажу, что побудило меня слово писать житие его [...]. Ничего не заимствуя из повестей некоторых древних философов греческих, приведу правдивые похвалы в честь его, ибо словно в зеркале вижу его, причастного разуму божественного писания. Чья еще жизнь в мире просияла так светло и славно и чести достойно и чье имя так возвысилось в людях! Прекрасен взором и чист душою, и совершенен разумом. Об ином ведь по-другому сказания слагают: для почестей к сложению похвал дружеская любовь понуждает; великому же сему благочестия поборнику от его жизни — светлое украшение и от предков — достоинство. По словам великого Дионисия[13]: говор воды от ветра бывает и влага земли из-за солнца исчезает. Ум — властелин чувств человеческих, а в соединении с чувством ум в сердце сад насаждает, сердце же плод ума миру языком возвещает. Так и этот великий князь Дмитрий Иванович знаменит в родах княжеских; не удостоились другие родители такое чадо родить, не достойно и такому дивному чаду у других родителей родиться! Все по воле создателя всех — бога. Что могу добавить к славе его, ибо неизмерима она, как море полно и без текущих в него рек. Некоторым людям в начале жизни похвала бывает, другим — в середине, третьим — в старости, этот же весь в славе добродетели, все годы жизни его так прошли, сразу благочестивым родился, многих прародителей славу умножил [...]. Не усомнюся, сказав о нем, что по всей земле прошла слава его и до конца Вселенной — величие его.

Кому уподоблю великого сего князя Дмитрия Ивановича, царя Русской земли, наследника великого княжения и объединителя христианского? Придите, любимцы, друзья церкви, для похвалы словесной — по достоинству похвалить властителя земли Русской. Ангелом ли тебя нареку? Но во плоти ты ангельски прожил. Человеком ли? Но выше человеческого естества дела совершил ты. Первозданным ли тебя нареку?[14] Но тот, приняв заповедь Созда-

теля, нарушил ее; ты же обеты святого крещения в чистоте сохранил. Сифом ли тебя назову?[15] Но того из-за мудрости его люди богом нарицали: ты же, чистоту соблюдая, был рабом божиим и, божиим престолом обладая, господином земли Русской явился. Еноху ли тебя уподоблю?[16] Но тот переселен был на землю неведомую, твою же душу ангелы на небеса вознесли со славой. Ноем ли тебя назову?[17] Но тот спасен был в ковчеге от потопа, ты же сберег сердце свое от помысла греховного, как в чертоге, в чистом теле. Евером ли тебя нареку[18], не приобщившимся к столпотворению безумствующих людей? Ты же столп бесчестия разрушил в Русской земле и не примкнул к неразумным странам на погибель христианам. Авраамом ли тебя нареку? Но ты хотя верою ему уподобился, но в жизни своей превзошел оного. Восхвалю ли тебя, как Исаака, отцом обреченного на жертву богу?[19] Но ты сам душу свою чистую и непорочную богу в жертву принес. Израилем ли тебя провозглашу?[20] Но тот с богом в исступлении боролся и духовную лестницу увидел; а ты во имя бога с иноплеменниками боролся, с нечестивыми агарянами и с поганою литвой за святые церкви, христианскую утверждая веру, как ту духовную лестницу. Иосифом ли тебя представлю, целомудренным плодом духовным, обладавшим Египтом?[21] Ты же в целомудрии ум свой держал и властителем всей земли Русской явился. Моисеем ли тебя назову? Но тот князем был одного еврейского народа, ты же многие народы в княжестве своем имел, почестью благодарности имя твое во многих странах просияло.

Восхваляет земля Римская Петра и Павла, Азиатская — Иоанна Богослова, Индийская — апостола Фому, Иерусалимская — брата господня Иакова, и Андрея Первозванного — все Поморье, царя Константина — Греческая земля, Владимира — Киевская с окрестными городами, тебя же, великий князь Дмитрий,— вся Русская земля.

Я же, недостойный, не смог твоему преславному господству по достоинству хвалу сложить из-за грубости моего неразумия. Молись же, о святой, о роде своем и за всех людей в пределах царства твоего, ибо там ты предстоишь, где пастбища духовных овец и вечное насыщение. Какое же насыщение в той радости? Красота рая — нажити, лицезрение божие; там песнь поют ангельские хоры, там содружество великое бывает с вышними силами,

там светлые почести воздаются освободившимся от тяжкого насилия, там премудрые лица пророков, там суд апостольский, там бесчисленных мучеников воинства, там исповедники награду свою усердно приемлют, там правоверные мужи крепостью разума устремления суетного сего света подавили, там святые жены добрым нравом своим над мужским полом возобладали, там отроки, которые здесь чистоту сохранили, с ангелами ликуют, там и старцы, которых старость маломощными сделала, но сила добрых дел не погубила. Да, с теми святыми подобает нам жить и их радостями наслаждаться, благодатью и человеколюбием единородного сына твоего. С ним же благословен ты, с пресвятым и благим и животворящим духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Похвальное слово инока Фомы

Смиреннаго инока Фомы[1] слово похвальное о благоверном великомъ князи Борисе Александровиче

Елма преподобному и похваляему възвеселяться людие, и, яко же рече Соломан, паче же и нами видимый и иже посреди нас не невидимо светило великое — великий князь Борис Александровичь, и иже хвалимый и прославляемый от востока до иже и до запада, и како же мы и не возвеселимься, и иже толику радость даровалъ богъ Тверской земли. И иже по благодати божии и даннаго богомъ на утвержение Тверской земли и на крепость человеческому роду да въсхвалимъ и почтем благороднаго и благовернаго и иже от чрева материя богомъ обетованнаго, и иже быти ему земному оку, и иже всем вкупе радость и веселие и безо печали житие. И яко же рече Иван Дамаскын, идеже несть печали, и ту радость и веселие.

И егда же хто х кому любовь имея, и другому же тому похваляюнци, и слышанцему же о друзе и его добрая похваленна тои велика радость бываетъ слышанцему. Или

како же мы не възвеселимься и от всех земль славимому и похваляемому государю нашему и защитнику Тверской земли, великому князю Борису Александровичю, въ всех странахъ и языцех. И поне́же бо самодобродительна и такова государя являет богъ и иже от Владимера[2] добре да ублажим богомъ преблагословеннаго.

И княжение его в мире сем велелепотно от чюдес божиих. И како сбыстся писание пророком Давидом, глаголющимъ: «И иже въ отецъ твоихъ быша сынове твои». И сий бо великий князь Борисъ Александрович, на отчии престоле богом утвержаемъ, и преспеваем въ всяку благодать добродители, и всим добропреступенъ, и руце имея по многу щедры, и богочтецъ, и священнолюбецъ, и всим вкупе, сладокъ и вжелиненъ, и далечих сущих близ себе сотворяет, и всих душа и сердце теплою любовию к себе привлачитъ.

И всим о всем по бозе на него упование имущим, и радовашеся вся земля Тверская, и яко дарова имъ богъ такова государя, и пастыря, и истиннаго христолюбца, и богоутвержаема на отчимъ престоле. И овии же Моисея того имепуют, и роководством божиимъ новаго Израиля, богомъ спасенный град Тверь, добре правящи, и инии же втораго Констянтина за великое его человеколюбие. И хто убо хощет изглаголати всея вселенныя похвалы о великом томъ самодрьжци. Но яже въ пророцехъ слышанная по зде убо делом съвершаеться.

И, яко же рече, юноша, и девы, и старцы со юнотами, вси вкупе единодушно и радостно въпиаху и глаголющи: «Велий еси, господи, и чюдна дела твоя». И кто възглаголеть силы твоя, господи, яко даровалъ еси нам новаго Ярослава, сего самодержавнаго великаго князя Бориса Александровичя.

И понеже увеличися власть его и възвысися слава имени его въ страны далечна, и о сем бо государе слышавше мнози людие в далних землях и въ царствиих, и абие радостно прихожаху, видити его хотяше, многорадостное то и светловидное лице, ркуще в себе: «Благословенъ господь, устроивый бес печали житие въ славней земли, глаголемей Твери, и въ крепкой державней власти великаго князя Бориса Александровича». И пакы: «О сем рече Иевъ иже око бе слепым и вож хромымъ». Въ истинну рку: око и вожь. И несть бо такова въ человецехъ, и иже бы видивъ лице его, а не възвеселился, великого князя Бориса Александровича. И о сем бо рече Иаковъ

целомудрому Иосифу: «Наипаче царскыя славы обьятъ мя лице твое». Азъ же мня: лице великого князя Бориса Александровича, светящесся паче камени сапфира и темпазиа. И кождо нас на него зряще и всякого веселиа исполнитися. И инии же мнози человеци прихожаху с великимъ тщаниемъ, токмо желая слышати и многосладъкую гласну и мудростную его речь. Но о се́м же ми мниться рече пророкъ Даввидъ: «Сладка есть словеса твоя паче меда устом моимъ». И азъ же мню, тако есть уста великаго князя Бориса Алексанровича, сладъше меду и сота всем человекомъ. И того бо ради славимо имя его от востока, и до запада, и до самого царствующаго града, рку же и до Рима.

И в которая бо бяше времена бывшу стязанию о православной вере христианомъ с римляне[3] царю же царигардскому Иоанну[4] възвестившу в послании: «И здравьствуй възлюбленный брате о Христе[...]». И приимъ же царская посланиа великий князь Борис Александрович[5], и сихъ прочтетъ предъ всим народомъ, и многыя радости душею и телом исполнися, из глубины сердца въздыхая, и велми благодаря бога, и глаголя: «Боже великий, сподоби мя приобещнику быти святому сему и вселеньскому собору и еще же и по отеческой вире поборнику быти».

И того ради сътворяет праздникъ светел и призываетъ на трапезу своего отца боголюбиваго и епископа Илию[6], и все священное славословие, и вси свои поместники, и князи, и велможии. И такоже многочествовавъ посланныхъ царскыхъ, и многы дары давъ имъ, и отпусти ихъ ко своему царю. И скоро своего посла устрояетъ ко вселеньскому собору, именем Фому[7], и повели ему прилежно смотрити, и аще ли что от седмаго собора примутъ или приложат, «того слышати и не хотим». Сицевое же имущи с Фомою писание, еже къ царю.

Кало Иоанну царю! Преславнейшему, и светлейшему, и богом венчанному самодрьжцу Греческиа земли, царю Иоанну — князь великий, Борисъ Александровичь, всея державы Тверьскиа земля. О Христе радоватися намъ со честною державою царьствиа твоего!

Писаниа же твоя, еже ми еси прислал к намъ, и азъ сиа любовно приахъ и в нем же добре вимы, что же писано о соединении святыя божиа Христовы церкви, но яко да будетъ святый вселеньский соборъ по первому преданию святыих правилъ и по чину святыхъ седми

соборъ. Мы же о сем добре радуемься. И колика сила, потолику чтимься поборати по христианьской вире. И того ради послахомъ, яко свое лице, ко святому вселеньскому собору и къ честней державе твоей. И прочее все и известитися от наших посланныхъ и о всемъ. Да здравьствуетъ святое ти царствие».

Фома же, посолъ великаго князя Бориса Алексаньдровича, примъ таковая писания и поиде от Твери на Новгородцкую землю и оттоле на Пьсковьскую землю, а оттоле на Немецкую земълю[8], и оттоле на Курвскую землю[9], а оттоле на Жмотьскую земьлю[10], и оттоле на Прускую землю[11], а оттоле на Словенъскую землю[12], и оттоле на Любутскую землю[13], а оттоле на Морьскую землю[14], и оттоле на Жуньскую землю[15], а оттоле на Свейскую земьлю[16], и оттоле на Флореньзу.

И ту наехалъ есми папу римьскаго Евгениа[17], и святого царя цариградскаго Иоанна, и вселеньскаго патриарха Иосифа[18], и весь святый вселеньскии съборъ. А с патриархом было митрополитовъ 22. И Фома же, посолъ великого князя Бориса Алексанровичя, подаде царю писание и еже име в руце своей. И царь же повели чести е предо всим народомъ и иже сущим окрестъ его.

И егда же прочтеться писание, еже от великаго князя Бориса Александровичя ко царю о православной вире известуе укрепление, и вси убо ту удивишася о величествие дара божиа, и иже тому от бога даровася. Царь же въздохнувъ из глубины сердца и рече: «И да хвалимъ убо и прославляемъ хвалимаго от аггель беспрестани бога и поклонимься ему, и ему же кланяються херувими и серафими беспрестани, и яко такова князя даровалъ есть богъ Руской земли и намъ пособника по вире крестьяньстей». И вселеньскии же патриархъ Иосифъ рече: «Ветхаи мимо идоша, и новая вамъ възвещаю: вира благодатная от нашея земли Греческыя да и до Рускыя земли простреся, евaггельскии же источникъ наводънившася, и лепо и намъ с великымъ князем Борисомъ славити святую троицу. И яко такова князя в Руси николи же слышахомъ». И по сем вси митрополиты начаша ублажати великого князя Бориса, и единъ по единому кождо ихъ[19]. Иракдийский митрополитъ Антоней рече: «И азъ по силе своей хоцу дати хвалу богу и великому князю Борису, и яко же есми его видил, и яже о немъ слышю: от детскиа младости и наче всего Христа възлюбивъ и възмуживъ же и крепостию съвершаяся, а мужство[...]

...сти же и силе[20]. И каково ти благодарение въздамъ, и яко толико святителие о твоей добродетели повестують».

Трапезоньский же митрополитъ Дорофий рече: «Писано бо есть, яко от двою или триехъ сведителей станетъ всякъ глаголъ истиненъ. Не токмо бо единымъ кымъ хвалимо имя его, великаго князя Бориса Александровича, но того бо ради бысть славимо имя его, от конець земли исходяще и в море».

Кизицкий же митрополитъ Митрофанъ рече: «Что тя нареку, христолюбче, великий князь Борисе! Но воистину еси другъ правде, а смыслу место, и милостыни гнездо».

Никийский же митрополитъ Висарионъ рече: «И аще бы сей зде былъ самъ великий князь Борисъ Александровичъ, и то быхъ въспросилъ его, какъ вниде в него страхъ божий, и како разгорися в немъ любовъ Христова, и како възлюби Христа выше земных мудрець. И есть бо мнозии велицеи князи на Руси, но не доспеша таковаго тщания и труда, еже послати и видети святый сей соборъ, и яко же сей великий князь Борис».

Никомидейский же митрополитъ Макарей рече: «Брате Висарионе, и аще и несть зде самого великаго князя Бориса, и с кымъ бы намъ побеседовати о его мужестве и смысле, и мы въспросимъ посла великаго князя Бориса». И рече: «Повиждь намъ, Фомо, после великаго самодержавнаго, откуду се припахну благоухание на великаго князя Бориса, и откуду сий испи памяти жизнь сладкую чашу, и толикии труды показа, и ихъ же имъ никто же показа в Руси».

Лакомидейский митрополит Мефедей рече: «Но кто исповесть великаго князя Бориса Алексанровичя многыя нощныя милостыня и дневныя щедроты и ко всем требующимъ милость и яко же о немъ слышахомъ».

Терновский же митрополитъ Игнатей рече: «Созываеть нас обычное слово к похвале великаго князя Бориса. Но подобаетъ вамъ и еще приложити ему похвалу, и да не оскудно слово ваше будет»».

Амасийский же митрополитъ Иасафъ рече: «От нивы жатва, и от винограда плоды снедныя. Иже нива пожата будет, исщиститься, а лоза егда обезана будет, тоя и смириться. А слава великого князя Бориса, иже на веякъ день повсюду слышана, не оскудиваетъ».

Молодовский же митрополитъ Димиянъ рече: «Чюдна есть святыхъ отець и похваленна о великом князи

Борисе, и светло есть его благочестие простреся по всей земли».

Ставропольский же митрополитъ Исаиа рече: «И азъ же слышю великаго князя Бориса житие его аки блаженнаго Иакова, а незлобие же Моисиово, и благоговиние целомудреннаго Иосифа».

Родоский же митрополитъ Нафанаилъ рече: «Есть ми мала нужа днесь к вашей любви и совещати множеству глаголемыхъ, и не слышимъ бо иного князя таковаго в Руси, и яко же великий князь Борисъ».

Милитинский же митрополит рече: «Милостыни же и щедроты великого князя Бориса по всимъ землямъ поминаеми суть».

Драмаский же митрополитъ Дорофий рече: «Но много деръзновениа имеетъ к богу великий князь Борисъ. И помогаетъ ми слово написанное, и милость на суди хвалиться; блажени милостиви, яко ти помиловани будутъ. Тако же и великаго князя Бориса милостыни и щедроты, не токъмо в Руской земли творимая, но и до царствующаго града и до Святыя горы[21], реку же, и до самого Иерусалима дотече, и яко же некая денница».

Мелетиньский же митрополитъ Матфей рече: «Кый убо есть разумъ или кый умъ постигнути можеть повествование о великомъ князи Борисе, и яко же какъ о нем слышимъ».

Тритриасийский митрополитъ Калистъ рече: «Аще ли есть вера права, то и дела благочестиваго великаго князя Бориса, яко же о немъ повествуетъ святый соборъ».

Ганский же митрополитъ Генадий рече: «Изъ Христова послушества приведу всемъ вамъ: «И аще ли кто напоитъ чашу воды въ имя ученика, и той мъзду приметь». И князь же великий Борис ни единого напиталъ, ни дву, ни 10, ни градъ, но многы грады и области припиталъ во своей отчине».

Афилонский же митрополит Софроний рече: «И есть же сладостенъ убо райский цвет, и сладъчае того слышати великого князя Бориса».

Иверский же митрополитъ Иона рече: «И азъ мню великаго князя Бориса, подобенъ есть великому царю Констянтину[22]. Онъ бо съ святыми отци на 1-м съборе былъ. А великий князь Борисъ съ нынешними отци въ Ферарс, присла своего боярина, а самому бо ему не бывше за то долготы и ради путныя».

Сардийский же митрополитъ Дионисий рече: «Добро

есть всемъ намъ возопити веровавъшимъ святописцу Давиду: «Сий день, иже сътвори господь! Възрадуемся и възвеселимся в онъ». Но воистину възрадоватися намъ подобаетъ, слышащи такова государя. И его не желахом, того и увидехомъ, и его же чаяхомъ, и того и усмотрихом, и яко же великъ намъ пособникъ по вере христианской князь великий Борисъ. И ныне же в немъ и в насъ едина вера, и едино крещение, и едино поклонянне святыя троици, отца, и сына и святого духа».

И сиа же похвала святыхъ отець о великомъ князе Борисе и слышавъ же Фома посолъ Тферский. И егда о немъ святымъ отцемъ глаголящимъ единъ по единому, и тогда онъ вся глаголы повеле писати. И принесе на Русь. И мы же почтохомъ такова писаниа и удивихомься[23], и яко же они ни видеша, ни знаша великого государя, токмо слышаша, и написаша таковыя похваления. А мы же повсегда трапезе его съпричастници быхомъ и его здравиемъ в велицей тишине пребываемъ, и какъ умолчимъ изрядныя его добродители. Писано бо есть: и аще ли кто близъ златаря приидетъ и аще бо от злата того прииметь некую лучю; или кто на высокое место взыдет, и аще ли будетъ и велми малъ, но далече видитъ. Тако же и азъ, почетшу онехъ отець похваления о великомъ князе Борисе, и да приведу посреди тоя похвалы и азъ похвалу великому князю Борису Александровичю.

Но весь умъ изступаю, помышляя о нехъ высокое похваление. Но приведу к симъ Давида господь глаголя: «Обретох мужа по сердцу моему и посажю его на престоле моемъ до века». И азъ же сего самодержавнаго государя, великого князя Бориса Александровичя новаго Давыда нареку, не токмо бо единъ господь обрете его по сердцу его и по совету, но и вси богоименитии людие рекоша в себе: «Обретохомъ по сердцу и душамъ нашимъ утешение». И азъ о немъ рку: «Въистинну утешитель словомъ, и видениемъ, и дааниемъ». Пишетъ бо в Бытии[24], но рече: «Благословенъ богъ Симовъ». И азъ рку: «Благословенъ богъ великого князя Бориса Александровича, и иже от толикаго и великаго събора таковая похваления о немъ изыдоша». И паки но рече: «Распространитъ господь Афета, и вселиться села Симова». И азъ же о семъ рку: «Распространилъ богъ языцы людиийстии на земли, и вселишася в села великого князя Бориса Александровича». И аще бы возьможно, то весь мир былъ богом въ обетованной той земли. Но елико приходящихъ в села великого

князя Бориса Александровича! Въистину по еуаггелию глаголеть: «И ничто же ихъ не вредитъ». И того ради и от князей, и от вельможь, и даже и до простыхъ людий желаютъ въ господарстве томъ быти.

Но аще кто иметъ мнети, что же сиа написахъ по дару или по страсти, и той почти онехъ святыхъ отець похваленна, и какъ почтиша великого князя Бориса. И той кто онехъ научи? И кто ли сихъ подвиже таковемь образомъ того хвалити? Или кто упремудри ихъ в таковое съгласное, и иже от разлечныхъ местъ святители събрани, и ни единъ ни единому знаемъ, но и вси единогласно благоподобными хвалами величали великого князя Бориса? И азъ же, яко онехъ великаго похваленна от многаго нечто мало рку о своем государе великомъ князи Борисе Александровиче.

И что нареку азъ великого князя Бориса Александровичя? Но нареку его Съломоний. Несть ли чли, и иже слыша южескаа царици премудрость Соломоню и прииде от конець земли и слышати хотя премудрость Соломоню[25]. И мне же мнеть, дивние Соломона зде: слышаша велицыи рустии князи и велможии премудрость и крепость великаго князя Бориса Александровича, въ богомъ обетованной той земли царствующа, и приидоша от конець земли не токмо премудрости слышати, но и видети славнаго того государя и питатися от царскыя тоя и сладкоядныя тоя трапезы.

И что же нареку тя, великого князя Бориса Алексанъдровича? И нарку его Тивириа Кесара правосудна. Но Тиверий не повели людемъ своимъ въ красныхъ ризахъ и въ златыхъ блистаниихъ предъ собою ходити[26]. И сий же самодержавный государь, великий князь Борисъ Александровичь, не такъ, но бесчисльно даа людемъ своимъ, и повелевая въ своей полате въ красныхъ блистаниихъ пред собою ходити, а самъ же царскымъ венцемъ увязеся. Воистину, въ древнихъ царехъ несть таковаго слыхати, красна лицемъ, и ризами, и наипаче же и добродительми, и яко же великий князь Борисъ Алексанъдровичь.

И понеже не могу изообрести честнаго его хожденна, и ризнаго его украшенна, и красоты лица его, и старческаго его мудрованна въ юностнемъ теле, и обычай сладкый, с кротостию смешенъ, и тои же нареку его, самодержавнаго и братолюбиваго, наипаче же и боголюбиваго великого князя Бориса Александровича, и нареку его Премудраго Лва, и иже столпы красны несказании созидаа.

Великий князь Борисъ Александрович той не столпы бо созидая, но великии ограды съоружая, и в нихъ церкви божии поставляя, и събирая преподобныя мнехи и святолепныя старца, и яко столпи красноведныя, и ими не бы рещи утвержати и просвещати всю поднебесную. Но мнит ми ся, и Лва премудрие великий князь Борисъ Александровичь. И о чем бо столпы ставя? И никий же успехъ человекомъ, но токмо на видение. А князь великий Борисъ Александровичь многы церкви постави, и иже просвещають и освещаютъ всякого человека, грядущаго в миръ.

И Августа его нареку, и при немо же имена человечьская напишася[27] и вероваша. Но зрит ми ся, и сего изященнее. При ономъ бо человечьская имена написашася. Сего же самого, великого князя Бориса Александровича, имя написася и прославися въ всехъ языцехъ. И о семь же азъ рку споводъ в Давидово: «Велиций же князь Борис Александровичь, възлюбилъ еси правьду и възненавиделъ еси безаконие. И сего ради помоза тя богь паче причастникъ твоихъ и прославил тя есть паче всех великихъ князей рускыхъ».

Но что нареку сего самодержавнаго и любимийшаго ми государя, великого князя Бориса Александовича? Но Семиона ли его нареку златоструїнаго и любокьнижнаго или Нтоломию Книголюбца?[28] Но воистинну се новы Птоломию великий князь Борисъ Александровичь, но повсюду събирая святыя книги и поучашася ими, еже ко спасению. Но почто много глаголю! Но Констянтина ли царя его нареку, или Устиана царя, или Феодосея, царя благочестиваго, иже и соборы утвердиша православна ихъ крестиянства?[29] Но понеже правоверный царь Констянтинъ первый по Христе принятъ благочестие, а сей доброчестивый великий князь Борисъ Александровичь а по Владимере[30] приать такую великославную честь, и похвалу, и доброславие. И инъ же никто же в Руси, не токмо самъ в вере утверьдися, но и огради все свое державство божественными добродительми.

Или Моисея Великого нареку его, иже ветхаго законодавца, еже проведе израиля немокреными стопами сквозе Черьмное море? Великий же князь Борисъ Александровичь новый есть Моисей человеколюбивый но и когожедо насъ преводя от убожества и от скорбнаго житиа въ свое радостное и богомъ обетованное царство.

Или Иосифа его нареку, и его же постави богъ господина надо всемъ Египтомъ? Но той толико пшеницею

препиталъ градъ Египет, и елико си новый намъ Иосифъ, великий князь Борисъ Александровичь но препиталъ есть многыя области и веси.

Но и что тя нареку, великий князь Борисе Александрович и христолюбче! Но, воистину, еси другъ правде и мыслу место, а милостыни гнездо. Шестословенъ еси именемъ, а седмотысещенъ еси смысломъ. Хвала еси и слава въ всехъ языцех седмьдесятых, еже на земли.

И искахъ много в толъкованныхъ и въ царствиихъ не обретохъ таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя, но яко же сего великого князя Бориса Александровича.

Но и что же реку, но не довлеет ми вся лета живота моего тоя похвалы писати. Но занеже поучаетъ мя Григорей Богослов, глаголя: «Но никое же добро можетъ величати человека, яко же любиваго доброта». Но еще же Иаковъ, братъ божий, учит ны: и иже кто слыша честь государя своего веселиться, тъй съвершенъ есть. Но, воистину, подобаетъ намъ веселитися, видевъ его честное княжение, великого князя Бориса Александровича, и много бо показуеться самовластно, покоривым бо от него честь, а непокоривым казнь.

И мнози бо преже нас бывшю но желааху видети таковаго государя и яже мы видимъ, но не видеша, но и слышати не сподобишася.

Но о Христе самодержавный государь, милосердуй о всех, по обычаю доброму и нашеа худости писаниа приими, но яко же оноя вдовици две лепте[31], на похваление твоея добродители. Но понеже, господине, от делъ твоихъ причту приведох ти. Но от днесь бо мнози боголюбци, сынове тверскии въ следъ тебе текутъ, но отбретъше тя проводника, и яко же Моисий новыя Израиль. Но и отселе ти пою песнь победную, яко же и Мариамъ древле, но и отвсюду себе честь и веселие привлачающи твоимъ здравиемъ. И еще же, господине и присный нашь государю, но надеемься и мы не забытнии познани тобою быти, и жаждуще от тебе милости, и яко же и еленъ воды. Но и богъ милости, и отець щедроты, и любы единороднаго его сына и пресвятого его и животворящаго духа, и пречистии его богоматери и да будетъ великимъ ти господствомъ но вкупе и с любящими тя и с любимыми тобою, но буди покрываемъ и съхраняемъ от вышняго рукы ныне, и присно, и в веки векомъ. Аминь[32]. [...]

Иже по благодати божии даннаго намъ Исус Христомъ

на утвержение земъли, и на крепость, и на устроение человечьскому роду, и яко же боголюбивымъ и богоугоднымъ, хощу вамъ внести слово. Но и молю вы, да протягнете ми своя слухи и способьствуйте ми истинне. Но понеже бо велику радость дарова богъ человечьскому роду, и яко же бо неизмеримая глубина точимъ беззавистии источникы воды, и источници пакы пущаютъ неудержимыя, и рекы проливающеся и всю землю напаяютъ. И земля творить плоды. Писано бо есть: «Глаголи въ уши слышащимъ.» [...]

О томъ же великомъ князе Борисе Алексанъдровиче[33]

Милость божию, и человеколюбиемъ господа нашего Иисуса Христа, и благодать святого духа, дарованную обилно сказаю вамъ, братие, сынове рода тферскаго, и причастници трапезе великого князя Бориса Александровича, велико и ветхо съкровище и неудобъ знаемо человекы, но обаче дивъствуи радости откровение, добро и силно богатство, но еще же и неоскудеваему, ближнимъ и далнымъ велици дарове даеми. Но славенъ зело, и честенъ, и истинный строитель богомъ спасенаго града Тфери самодержавный государь, великий князь Борисъ Александровичь. Но, воистинну, царьскаа ядь, и от него же мнози препитаеми бываютъ. И понеже не от своего произволениа хотимъ сказати, но от многа мало нечто о великомъ томъ государе и от делъ того государя. Яко же бо ритори и философи си рече и летописци но велми прикланяютъ своя слухи о бывшихъ межи царей ратий ополчениа и вельми слушаютъ, но и да кождо възвеличить своего государя, мужесътвевавша крепко, но и колми паче есть намъ лепно похвалити своего государя, великого князя Бориса Александровича. Но понеже вдохну в него богъ мысль благу, и еже наполняти миру отець своихъ. Но не токмо наполни, но и усугуби, но ревнуя по своемъ праотце, великомъ князе Борисе Александровиче[34]. Но си бо преже его благодатию божиею но вся благая о бозе делааше. Но тако же и сий великий, естественный и изрядный в добродетелехъ великий князь Борисъ Александровичь но тая же дела делааше, еже о бозе. И въ книгахъ писано есть, и иже сынъ не можетъ тво-

рити, и аще ли не видитъ отца творяща. Но сий же великий князь Борисъ, и еже что виде у праотець своихъ, и то все творяше, но еще и наполъняяше, но пребываетъ выше власти.

Но кто ли его исповедати можетъ строениа! Но смышляетъ грады, и строитъ монастыри, а делаетъ веси, но всяко художьство и хитрость управляетъ. Но еще же чресъ пределы и книгами гораздъ и х кому же хощетъ, к тому беседуетъ, и никто же отвещати ему можетъ, но всеми владеетъ. И всехъ питаетъ, но и всехъ даруетъ и от всехъ дары приемлетъ. Но того бо ради сугуба радость бываетъ всемъ крестианомъ и веселие неизреченное. Но и вси людие радостию ликоствують, видяще богомъ спасеный градъ Тферь добре стоитъ и красящеся великимъ княземъ Борисомъ Александовичемъ[...].

Но яко же изъ млада святая писаниа добре ведый, понеже бо и господь, запрещая, глаголаше: «Пытайте писаний, но яко же в техъ жизнь вечную имате», но того бо ради великий князь Борисъ Александровичь всемъ сердцемъ пытаетъ святого писаниа, и въ строениихъ бо смысленый и славнейшихъ въ всехъ земляхъ великий князь Борисъ Александровичь, но вдохновенъ же бысть милостию спасителя бога, и нача собе помышляти, и да бы где градъ создалъ, но собе памети достоинъ, но яко же и праотци его. И нача смотрити места, но яко же бы граду приходно быть. И усмотри же место, близъ града Тфери, на устие на Тмацкомъ. Есть храмъ святого Христова мученика Феодора[35]. Но тол бо дивно место тое, но, въистинну, по желанию сердца великого князя Бориса Александровича. И далъ ему богъ место таково, но никимъ же ни копанно, ни сыпано. Но съ проста реку: но богомъ съделанно, и яко же бы искони приходно граду быти, но не пресне ему время. И ныне же помощию божиею и мыслию великого князя Бориса Александровича и съветомъ всехъ людей и нача великий князь Борисъ Александровичь велми любити место тое, и наипаче же видя толь пресловущь храмъ великого Христова мученика Феодора вне града стояща. И о томъ велико попечение имея, и да бы такий храмъ не вне града былъ,но въ граде. И того ради великий князь Борисъ Александровичь призываютъ ту суща святителя своего и вси свои поместнии князи и боляре, еще же и аръхымандриты и игумены. И повеле всемъ быти въ храме великого Христова мученика и воина Феодора. И ту повеле служити божестве-

ную литоргию. Егда же свершену бывшю божественому и великому делу и тогда повели великий князь Борисъ Александровичь всемъ изыти на место тое, идеже хощетъ основати градъ. Но онемь же изсшедъшимъ съ кресты, и с свещами, и с кандилы, а князю же великому Борису Алексанровичю по нихъ идущу, и ту народу сущу многу. И егда же приидоша на место то, и идеже хощеть основатися градъ, и князь же великий Борисъ Александъровичь въздвигнувый гласъ свой и велегласно нача глаголати ту сущему народу: «Мужи и братие, сынове рода тферскаго, но вамъ слово рку, како ми поручи богъ престолъ отца моего, великого княжениа тферскаго, но оттоле и до ныне велми въжелахъ и да бы где градъ създалъ, но яко же и праоци наши съставиша грады собе памяти достойны. Но не приспе ми время. И ныне же помощию святого великого мученика Христова Феодора и излюби ми ся сие место. И на семъ месте хощу основати градъ. Но хощу того яко же съвети мои, тако же и съвети ваши — утвержденне вашему великому граду Тфери».

«И ныне же богъ мира и молитвами святого Христова мученика Феодора и да уединитъ мысль твою съвершити град сий»,— и егда же народу сие изрекшим, и тогда великий князь Борисъ Александровичь повели святителю молитву сътворити на основание града. И егда же наченъшу святителю молитву, и кьнязь великий Борисъ Александровичь въздыхая из глубины сердца своего и нача в собе молитву творити, глаголя: «Господи, владыко превечный, Христе царю, но сотворивый небо и землю, и бес тебе бо ничтоже не съвершаеться, ни дело, ни слово! Но и ныне молитвою святого твоего мученика Феодора призри на мене, раба своего, и на новое се место. И дай же ми, господи, совершити градъ сий. Но понеже ты и веси си вся, совеси, и яко же мневъ и въжделехъ оградити святого мученика твоего Феодора. И утверди мя, господи, праведне и несъвратьне молитвою его. Но помози ми, господи, съвершити градъ сий». И сиа изрекъ по повеле рубити. И святитель же преже самъ нача рубити.

И по семь же великий князь Борисъ Александровичь призва мужи хитры и изообрете ихъ, яко же и Моисей новаго Веселеила, и престави ихъ къ съвершению таковаго дела в лет 6955, месяца априля 23.

А самъ же великий князь Борисъ Александровичь поиде на свой дворъ в новооснованной той градъ и сътвори

пиръ веселъ и не токмо на то позванънымъ, но и прилучившимься.

И такъ потомъ делатели начаша делати. Богъ же неведомо помогаше имъ о деле томъ молитвою святого мученика Феодора, но яко дивитися всемъ зрящимъ борзейшему тому делу. И от сего разумеваху мнози, яко приятьно есть дело то богу и святому его мученику Феодору. И егда же кто кого видя иныя грады съзидая, и то городню[36] двема или тремя недельма съзидають. А сего же града городню двема или трема деньма созидааху.

Князь же великий Борисъ Александровичь, видя еже от бога поможение и поспешение великого Христова мученика Феодора ко трудолюбному его делу, и часто нача приижати в той новоснованный градъ и ко святому Христову мученику Феодору. И некогда бо ему веселящуся у святого Христова мученика Феодора, и бывъ въ своемъ веселии глаголяще, како именовати градъ. И некто же бо от премудрыхъ, и разумныхъ, и великыхъ старецъ, и сединою процвете, и наипаче же и добродетельми, и той рече: «Феодоровъ градъ нареченться». И князь же великий Борисъ Александровичь упремудри старца. И градъ же по старческому словеси любественное имя сотворяетъ, но понеже любовъ имея к великому мученику Феодору, и по той великой любве, иже к великому мученику Христову Феодору великого князя Бориса Александровича и нарече градъ Любълинъ, рекше любовь имея к великому Христову мученику Феодору. И потому градъ нарече Любовенъ[...].

Слово о томъ же великомъ князе Борисе Александровиче

Благоволение убо моего сердца и молитва еже к богу, и сведител ми есть о семь богъ, яко же не лжу, но хощу вамъ поведати истинныя вещи, и иже вами не неведомы, но посреди васъ предстоа и тъ есть. Но понеже бо древнии философи повести пишуще, ово от прежнихъ писаннаго почли суть, а другое сами слышавъ, а иное видевъ. Но и мнози же писаша летописци, а ничто же сами видевъ, но токъмо слышавъ, но понеже бо много сотворялося в далнихъ месьтехъ, въ аравехъ, и въ персехъ, и в миденехъ, и в риму. И то вся си писана суть, а ничто же видевъ, но точию слышавъ. И еще же и ветхыя книги писана

сутъ Царства, но понеже бо когождо си полагалъ на сердци котораго ихъ каковъ былъ царь, или правосуд, или вьинъ, или доброзраченъ, и да коижедо величали своего си царя, и иже по техъ родове будут но да и прочитаютъ на воспоминание онехъ царевъ. Но азъ же самовидець сый и святому тому делу, но еже хощу вамъ поведати, не от инехъ слышавъ, но самъ сый вся си видевъ. Понеже бо царскый венець кто хощет составити, и да сбираетъ драгое камение бесценное, и да не примеситъ къ светлому тому камению темнаго камениа, ни иного ничего же. И аще ли примеситъ, но да без красоты сотворитъ щение то светлое и да всю лепоту венца того без лепоты сотворитъ. Но мы же то все познавъ и посмотривъ, и помыслихомъ в себе и рехомъ, но яко ти и они мужии писаша о прежнихъ царех, надеяшеся от нехъ никаку честь приати, а от рода в родъ память, но недостойно есть, реку, и намъ в забытии положити благочестие великого князя Бориса Александровича. Но сплетемъ ему яко злату пленицю, и ничтоже от себе приносяще, но от добраго того произволениа. И аще ли и велми худо наше плетение противу оного великого того государьства, но и нечто от многа мало подадимъ ему, но яко же оноя вдовици две лепте бысть.

Ибо къняжащу ему во своей отчине въ богомъ спасеномъ граде Тфери, и бысть же княжение его тихо и безмятежно, но и увеличися власть его, на отчим престоле богомъ утвержаемъ и преспеваемъ, въ всякомъ деле совершенъ, но яко же и во многыхъ странахъ со завистию имъ глаголати о преспевании его. И кьнязь же великий Борисъ Александровичь полагая себе на сердци святое писание и еже рече: «Богатство аще ли спеетъ, то не прилагаите сердца». И колико ему время спеетъ, и той болма въ смирении пребываетъ, и ко всемъ замълямъ в мирная всегда готовляшеся и хвалу въздая богу рекы: «Боже, насытил мя еси земныхъ благъ и не лиши мя еще небеснаго царствиа».

И всеблагый же богъ хотя бес печали и свою милость удивити на любящихъ, и его же бо отець сына биетъ, того и милуетъ, и хотяше бо болма прославити его и искусити, яко злато в горниле, и обрести его достойна себе, и еще же — дабы не возносилъся, но во вся бо лета княжениа его и ничтоже зла приатъ, но и от всехъ земль честь велику и дары многы примаше. И о семъ бо рече, моляся, великий Павелъ: «И да даст ми ся томитель, да ся не пре-

вознощу, да сосуд буду избранъ богу». Да то какъ глаголаше? Но понеже бо взять бе высоко, но никако же темъ хотяше ся превознести, но наипаче смеряшеся.

Но любяй же богъ великого князя Бориса Александровича и попусти на него скорьбь, и да бы ся не превозносилъ, но понеже увеличися власть его и възвысися слава имени его въ страны далечна. И понеже бо таковая скорбь от многыхъ летъ на мнозехъ градехъ не бывала, но на великаго же мужа, и искуси великыи, рку.

И яко же пишетъ въ царскыхъ летописцехъ, при великомъ цари Устиане и при великомъ цари Феодосии таковыя и незабвеныя пожары быша. Но тако же и при семъ великомъ князе Борисе Александровиче, но великий незабвеный пожаръ бысть на великом граде Тфери, но яко же ни основанию градскому статися. И сей же бысть пожаръ в летъ 6957[37]. Но учинися таковая наказанна владыкы Христа.

И князь великий Борисъ Александровичь но по великомъ томъ пожаре и иде в той бывший градъ к святому Спасу. И виде многи церкви погоревша и многы домы с товаромъ. И очеса бо бяше ему слез исполнени, и из глубины сердца въздыхая и рече: «Владыко превечный, Христе царю, помилуй мя пречистыя твоея матере молитвами! И не остави мя въ унынии семъ быти! Бес тебе бо ничтоже съвершаеться, ни дело, ни слово. Но повеленна полагаеши, и не мимо идутъ. Но обаче воля твоя да буди. Но яко же ти угодно, тако и буди. Имя твое благословено отныне во векы!». И пришедшу же ту сущаго града епископу его, и поучаше его от божественыхъ писаний, и яко не скорбети о прилучшихъся ему скорбей. И въспоминаа ему о прежнихъ царехъ и о пожарехъ, но таковаа на нихъ милованиа владычня и каковая онехъ владычня терьпениа. И еще же и пророка Давыда, глаголюща, приводя ему: «Многы скорби праведнымъ, но и от всехъ ихъ избавитъ господь», и: «Без наказанна не суть сынове», и пакы: «Аще ли наказание терпите, и яко же сыновемъ вамъ обретаеться богъ». И князь же великий Борисъ Александровичъ испущаше от очию слезы, яко источникъ, и утешашеся святительскыми глаголы. И самь же ему с великымъ смирениемъ отвещааше: «Но сиа вся грех ради нашихъ». И поминаа ему того же Давыда, глаголюще: «Многы раны грешному. И мню же, яко упова на господа обрящетъ милость.»

И мы же все того делъма воспоминаемъ вамъ, но по-

неже и на среду хощемъ привести великое его смирение, и великий его разумъ, и обычай его, с кротостию смешенъ. Но яко же князь бе и воевода, но реку же пастырь овцам. Но понеже бо когда его вижду за домъ святого Спаса добре стояща, и то княземъ его и воеводою зовутъ. А его же когда вижу о людехъ некущася, и ть пастыря его нарицаю. А егда же его вижу ко церкви божии прилежяща, и тогда истинное овча нарицаю его стада Христова.

И по скорбии же дний техъ, минувшимъ днемъ двема или трема, прииде весть таковая, яко же и не хотехомъ и слышати, но что же король великопольский и краковьский и великий князь литовъский Казимиръ[38] съ всеми силами, и еще же и многыхъ земль с нимъ люди, идетъ на домъ святого Спаса [39] но и на великого князя Бориса Александровича.

И тогда бо сущу в Новегороде недругъ бысть великому князю Борису и князю Дмитрею, зовомому Шемяце[40]. И в тая же времена и тъй хотяаше негде украину взяти великого князя Бориса Александровича. Но бяше бо и та земъля многонародна. И егъда же сие слышавше людие невеселыя тея вести, и они бо во иныя грады помышляху, ити, а инии на бегъство готовляхуся.

Но и прихожааху к великому князю Борису Алексанъдровичю и помышляяху ему, но да бы во инъ градъ шелъ. И глаголюще ему: «Но есть обычай многымь госу даремъ, и егда же какому пожару бывшю, и тогда во иныи грады преходятъ и пребываютъ. И ныне на тебе толикиа и великиа силы подвигнушася, но и ты же здесе хощеши пребывати без града». Но и князь же великий Борисъ ни слышати того не хотяаше, но рекы: «Не буди мне тако, но что же оставя ми домъ святого Спаса да поити во иный градъ. И кую хвалу азъ приобрящу. Но богъ нам прибежище и сила, помощникъ въ скорбехъ, обретших ны зело. На господа уповая и не изнеможемъ. И несте ли чли писаниа: «Надеющейся на господа, яко гора Сионъ, не подвижиться въ векы». И на господа упование кто стяжа, но выше всехъ скорбящихъ. И несте ль слышали великого мученика Христова Дмитриа[41], и какъ о своихъ си людехъ глаголаше: «Но, господи, аще ли погубиши ихъ, то и азъ с ними погибну». Но и мы же поревнуимъ Христову мученику Дмитрию и на помощь призываемъ его. Но аще ли ми лучится и глава своя положити за домъ святого Спаса и за вся люди, но велми благодарю бога и его пречистую матерь. А не буди ми въ граде сидети, а лю-

демъ моимъ въ пленъ веденымъ быти. И вы же себе сотворите градъ, и азъ же вамъ оставлю въ граде святителя и свою княгиню. А самъ сяду на конь, но еже хощетъ бог, тъ сътворитъ». И нача въоружатися, и посла по все свои князи и боляре, но и еще же посла по брата по своего по молодшаго, по князя Ивана Андеевича[42]. И той к нему прииде въборзе со многыми людми.

И слышавъ же сие король литовский Казимиръ, но яко же грядетъ к нему великий князь Борисъ въ сретение, но не боящеся козней его ни лаанна, но хотяй гордыню его попрати милостию и его пречистыя матере молитвами. И король же повели воеводамъ своимъ порубежнымъ с воеводами великого князя Бориса Александровича мирствовати. И воеводы же великого князя Бориса с воеводами литовскыми начаша миръ соеждати. И доиде слово то и до великого князя Бориса, но яко же воеводы литовские со его воеводами миру хотяаше. И онъ же не токмо повели воеводамъ миръ взяти межи себя, но и еще и х королю посла свои послы. И король же с великою радостию миръ взя. И разидошася кыждо во свояси. Милостию божиею и молитвами пречистыя богоматери и здравиемъ государя нашего великого князя Бориса Александровича съблюдена бысть Тферская земля от нахожениа онихъ.

И мы же сице возопиемъ: «О великий уме, о промыслу людьскый! О дивная и преславная дела: пастухъ молчить, а овци волковъ одолеваютъ!». Но князь же великий Борисъ Александровичь против въоружашеся, а воеводы миръ взяша. Ни оружиемь бо прогнани волци, ни стреляны, и въ свояси возвратишася. Но сами заратишася и сами же вспять поидоша. Ни человеческый глас на нихъ не глагола, но своя ихъ совесть обличааше. И воскоре яко научина преторжеся. А князь же великий Борисъ Александровичь акы жестокы камыкъ стояше неподвижно в дому святого Спаса и въ своей отчине, в великомъ княжении Тферскомъ.

И мы же ему сице рцемъ: «Радуйся, новый страстотерпче, таковы беды подъя, ниже инъ никто же! Радуйся, въине, иже оними волкы отгнавъ ни оружиемъ, ни стрелами, но великымъ своимъ разумомъ!»

Но князь же великий Борисъ Александровичь хвалу въздая богови и его пречистой матери и нача съвет съвещевати со своимъ епископомъ и со своими князьми и боляры, и да бы изгыбший градъ въставити. И вси иже людии с радостию совещашася. Но и малыми деньми

той великий градъ поставленъ бысть. Но и въси людие радостно ликоствуют и глаголюще: «Многая лета ти, великий князь Борисъ Александровичь! Но яко же остеняеши грады, и остеняетъ же тя самого господь Иисус Христосъ. Но понеже бо не видехомъ и в первая лета тако устроениа и украшенна великого града Тфери, но яко же и ныне мы видимъ».

Но мню вера оного отца, великого князя Олександра, богъ тамо предводить, и плодъ его въ всю бо землю изыде. Рече: боголюбная держава твоя и в конець вселеныя христолюбивая твоя дела, но въ всю землю и в конци ея.

Но и от всехъ же земль прихожааху къ нему и великиа дары приношааху к нему. Но ово от царствующихъ местъ, а ово от Рима. И не токмо же от верныхъ царей честь велику и даръве приимаху, но и от неверныхъ царей. Но не от инехъ слышахъ сиа, но самовидець есми тому, ино еже приидоша после от далекиа земли, от Шаврукова царьства[43], и ихъ же несть просто слыхано в нашей земли. Такое бо имя тъй орде, но понеже бо неудобъ входима нашими устами за долгость пути. И принесоша к великому князю Борису Александровичю многыя дары, камъкы драгия и отласы чюдныя. Но азъ же есмь грубый невежа но не доидох тамо, и идеже ми ихъ было число видети, Но и токмо видехъ многы бремена, носима человекы. Овии глаголютъ двадевять камок, а инии же глаголютъ 3—9. Но не виде числа, но токъмо виде: много. Но еще же и иныя многы дары княземъ и боляромъ даша. И князь же великий Борисъ честь великую подаваше имъ противу, но те токмо за дары, но и за великиа труды ихъ, но понеже бо от толь далекиа земли, а с толими мно́гыми дарми, и идоша бо 9 месяць от своея си земли до великого князя Бориса Александровича.

Но способствуйте же ми и вы. Истинне но вижите славу и честь великого князя Бориса Александровича. Но отколе славы и чти собе не приобрете! И вижте же и чюдныхъ его весей делание на градная его зданиа, пасый же и строя богомъ покрываемый градъ Тферь благословениемъ Ивановымъ и Александровымъ, но яко же рукою Моисеовою и Аронею. И всеблагый же во троици богъ славимый и да умножитъ лета летомъ великому князю Борису Александровичю, но княжение его въ тишине да устроитъ, но яко да и мы въ его государстве тихо и безмятежно поживемъ ныне и всегда и в векы векомъ[...].

Перевод

Смиренного инока Фомы[1] слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче

Если, как сказал Соломон, когда прославляют праведника, возвеселяются люди, то как же нам не возвеселиться, когда среди нас находится нами видимый и нам не безвестный, светило великое, великий князь Борис Александрович, хвалимый и прославляемый от востока и до запада, и как же нам не возвеселиться, когда даровал бог таковую радость Тверской земле. Восхвалим же и почтим того благородного и благоверного, кто божией благодатью дан на утверждение Тверской земле,— того, кому от материнской утробы было богом предназначено стать земным властителем на всеобщую радость и веселие, и на беспечальное житие. Как сказал Иван Дамаскин, где нет печали, там радость и веселие.

Когда кто-нибудь питает к кому-то любовь, а в это время другой человек любимого им хвалит, то тому, кто слышит о друге добрые слова, бывает великая радость. Неужто же мы не возрадуемся, в то время как государь наш и защитник Тверской земли, великий князь Борис Александрович, прославляется и восхваляется во всех странах и землях, и народах. И так как столь добродетельного государя от рода Владимирова[2] дарует нам бог, то достойно прославим его, богом прославленного.

И княжение его в мире сем преукрашено чудесами божиими. И подобно тому, как сбылись слова пророка Давида в Писании о том, что «в отцов твоих стали сыновья твои», так и сей великий князь Борис Александрович на отеческом престоле богом утверждается и преуспевает во всяческих благих добродетелях, доступен всем и щедр на руку, почитатель бога и ревнитель всего священного, и всем вокруг дорог и желанен, сотворяет дальних ближними себе и теплою любовью привлекает к себе души всех и сердца.

И когда все обо всем на свете на него возымели упование, возрадовалась вся земля Тверская, что даровал им бог такого государя и пастыря, и истинного христолюбца, утвержденного богом на отеческом престоле. И одни Моисеем его именуют, с божией помощью новым Израилем,

богом спасаемым городом Тверью, мудро правящим, другие же — вторым Константином, за великое его человеколюбие. И кто вознесет похвалы всей Вселенной великому тому самодержцу? Ведь то, о чем мы слышали от пророков, теперь на деле совершается.

Ведь как сказано, юноши и девы, и старцы с младенцами — все вместе единодушно и радостно возглашают и говорят: «Велик ты, господи, и чудны дела твои». И кто опишет силу твою, господи, даровавшего нам нового Ярослава — сего самодержавного великого князя Бориса Александровича.

И поскольку расширилась власть его и возвысилась слава имени его далеко по странам, то многие люди в дальних землях и царствах, услыхав об этом государе, с радостью спешили прийти, желая увидеть его многорадостное и исполненное светом лицо, говоря про себя: «Благословен господь, устроивший беспечальную жизнь в славной земле, называемой Тверью, в крепкой державе великого князя Бориса Александровича». И еще: «О таком сказал Иов, что око был слепым и опора хромым». Воистину скажу: око и опора. И не найдется никого среди людей, кто бы не возвеселился, увидав лицо великого князя Бориса Александровича. О подобном ему сказал Иаков целомудренному Иосифу: «Сильнее царской славы покорило меня лицо твое». Я же подразумеваю — лицо великого князя Бориса Александровича, светящееся ярче каменьев сапфира и топаза. Всякий из нас, кто посмотрит на него, исполнится много веселья. И другие многие люди приходили с великим рвением, желая единственно слышать его сладкогласную и исполненную мудрости речь. Мне даже мнится, что это о нем сказал пророк Давид: «Слаще меда устам моим слова твои». Я знаю: таковы уста великого князя Бориса Александровича, слаще меда они и сота всем людям. И потому прославляется имя его от востока и до запада, и до самого царствующего града, то есть и до Рима.

В некие же времена, когда препирались о православной вере христиане с римлянами[3], царь цареградский Иоанн[4] возвестил в послании: «Здравствуй, возлюбленный брат во Христе[...]». И принял царские послания великий князь Борис Александрович[5], и прочитал их пред всем народом, и многой радости, душевной и телесной, исполнился, из глубины сердца воздыхая,

и крепко благодаря бога, и говоря: «Боже великий, сподоби меня быть причастным сему святому и Вселенскому собору, еще же и поборником стать за отеческую веру».

И по причине этой устраивает праздник светел и зовет на трапезу своего отца, боголюбивого епископа Илию[6], и все славное духовное сословие, и всех своих подданных, князей и вельмож. И, чествовав много посланников царских и одарив их многими дарами, отпустил их к своему царю. И вскоре снаряжает на Вселенский собор своего посла именем Фому[7], и повелевает ему прилежно следить, чтобы если что отнимут или прибавят к седьмому собору, то «того и слышать не желаем». И такое с Фомою отправляет послание к царю:

«Доброму Иоанну царю! Преславнейшему, и светлейшему, и богом венчанному самодержцу Греческой земли, царю Иоанну — князь великий, Борис Александрович, всея державы Тверской земли. О Христе радоваться нам с честной державой царствия твоего!

Что до послания твоего, которое прислал к нам, то я его принял с любовью, и в нем одобряю, что писано о соединении святой божией Христовой церкви, и да будет святой Вселенский собор по первому преданию святых правил и по чину семи святых Вселенских соборов. Мы со своей стороны крепко радуемся этому и стремимся, сколько есть силы, ратовать за христианскую веру. И для того мы послали представителями своими своих послов на святой Вселенский собор и к честной твоей державе. Обо всем прочем получишь известие от наших посланных. Пусть здравствует твое святое царствие».

И Фома, посол великого князя Бориса Александровича, взял это послание и отправился из Твери в Новгородскую землю, и оттуда в Псковскую землю, а оттуда в Немецкую землю[8], и оттуда в Курляндскую землю[9], а оттуда в Жмудскую землю[10], и оттуда в Прусскую землю[11], а оттуда в Словенскую землю[12], и оттуда в Любекскую землю[13], а оттуда в Морьскую землю[14], и оттуда в Жуньскую землю[15], а оттуда в Шведскую землю[16] и оттуда во Флоренцию.

И здесь встретил я папу римского Евгения[17] и святого царя цареградского Иоанна, и вселенского патриарха Иосифа[18], и весь святой Вселенский собор. А с патриархом было 22 митрополита. И тот же Фома, посол ве-

ликого князя Бориса Александровича, подал царю послание и то, что ему было поручено. И царь повелел читать его пред всеми людьми и пред сущими окрест него.

И когда было прочтено послание, извещающее царя о крепости в православной вере великого князя Бориса Александровича, тогда все, бывшие там, удивились величию дара божия, дарованного князю от господа. Царь же, вздохнув из глубины сердца, изрек: «Восхвалим и прославим беспрестанно славимого ангелами бога и поклонимся тому, кому непрестанно кланяются херувимы и серафимы, за то, что такового князя даровал бог Русской земле, а нам пособника в вере христианской». А вселенский патриарх Иосиф сказал: «Старое миновало, новое же вам возвещаю: вера благодатная распространилась от нашей Греческой земли вплоть до Русской земли, евангельский источник исполнился вод, и надлежит нам вместе с великим князем Борисом славить святую троицу. А подобного князя на Руси мы никогда не знавали». И затем все митрополиты стали восхвалять великого князя Бориса, один за другим, каждый из них[19]. Ираклийский митрополит Антоний сказал: «И я в меру силы моей хочу воздать хвалу богу и великому князю Борису, ибо я видел его, а теперь о нем слышу: с детских лет больше всего Христа возлюбив, и возмужав, и приближаясь к зрелости, и мужество[...][20]. И как возблагодарю тебя, когда столь много повествуют святители о твоей добродетели».

А Трапезундский митрополит Дорофей сказал: «В Писании сказано, что присутствием двух или трех свидетелей подтверждается истинность всякого слова. А имя великого князя Бориса Александровича не только кем-то одним восхваляется, но прославляется имя его от края земли и до моря».

А Кизикский митрополит Митрофан сказал: «Как нареку тебя, христолюбивый великий князь Борис! Воистину ты друг правды, вместилище мудрости, гнездо милосердия».

А Никейский митрополит Виссарион сказал: «Если бы был здесь сам великий князь Борис Александрович, то я бы вопросил его, как вошел в него страх божий, как разгорелась в нем любовь Христова и как возлюбил Христа больше земных мудрецов. Ибо хоть и много есть великих князей на Руси, но никто не возымел такой забо-

ты и труда, чтобы направить послов для участия в святом соборе — только один великий князь Борис».

А Никомидийский митрополит Макарий сказал: «Брат Виссарион, хоть и нет здесь самого великого князя Бориса, с кем бы нам следовало побеседовать о его мужестве и мудрости, но мы расспросим посла великого князя Бориса». И сказал: «Поведай нам, Фома, посол великого самодержца, откуда припахнуло благоухание на великого князя Бориса и кто дал ему испить сладкую чашу смысла жизни и явить таковые труды, каких никто еще не являл на Руси».

Лакедемонский митрополит Мефодий сказал: «Кто возвестит многие милостыни великого князя Бориса Александровича, подаваемые ночью, и щедроты, изливаемые днем, ко всем нуждающимся в милосердии, о которых мы слышали!»

Тырновский митрополит Игнатий сказал: «Созывает нас обычай на похвальное слово великому князю Борису. Но подобает вам умножить похвалу ему, и да не оскудевает при этом слово ваше».

Амасийский же митрополит Иоасаф сказал: «От нивы — урожай, а от виноградной лозы — плоды. Нива, когда пожнут ее — опустеет, а лоза, когда ее срежут — захиреет. Слава же великого князя Бориса, которая разносится всякий день повсюду, не оскудевает».

А молдавский митрополит Дамиан сказал: «Дивны похвалы святых отцов великому князю Борису, и светло простерлась весть о его благочестии по всей земле».

А Ставропольский митрополит Исайя сказал: «И я слышу о великом князе Борисе, что житие его — как у блаженного Иакова, а незлобивость — Моисеева, а благочестие — целомудренного Иосифа».

А Родосский митрополит Нафанаил сказал: «Следует мне ныне присоединиться ко множеству того, что сказано здесь вашей любовью, ибо не знаем другого такого князя на Руси, каков великий князь Борис».

А Митеденский митрополит сказал: «О милостях и щедротах великого князя Бориса говорят во всех землях».

А Дамасский митрополит Дорофей сказал: «Имеет большое дерзновение перед богом великий князь Борис. Да поможет мне это сказать слово Писания: «Судия славен милосердием»; «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». Так вот и великого князя Бориса

милостыни и щедроты творятся не только в Русской земле, но, как свет до зари, разливаются до самого Царьграда и до Святой горы[21], и даже скажу — до самого Иерусалима».

А Мелешкский митрополит Матфей сказал: «Чья мысль и чей разум может постигнуть повествуемое о великом князе Борисе, то, что о нем мы слышим».

Титриасийский митрополит Каллист сказал: «Как праведна вера, так праведны и дела великого князя Бориса, о коем повествует святой собор».

А Ганский митрополит Геннадий сказал: «Из Христова поучения напомню вам всем: «Кто напоит только чашею воды, во имя ученика, получит награду». А великий князь Борис напоил не одного, не двоих, не десятерых, не один-единственный город, но многие города и земли в своем отечестве накормил он».

А Афилонский митрополит Софроний сказал: «Сладостен райский плод, но слаще того слышать великого князя Бориса».

А Иверский митрополит Иона сказал: «Я мыслю великого князя Бориса подобным великому царю Константину[22]. Ибо тот со святыми отцами на первом соборе был. А великий князь Борис — с нынешними отцами в Ферраре; прислал своего боярина, а сам не прибыл только из-за долготы пути».

А Сардийский митрополит Дионисий сказал: «Подобает нам всем, верующим святому псалмописцу Давиду, возопить: «Сей день, который сотворил господь! Возрадуемся и возвеселимся ныне!» И воистину возрадоваться нам подобает, слыша о таком государе. Ведь чего мы желали, то и увидели, и чего чаяли, то и усмотрели — что великий нам пособник в вере христианской великий князь Борис. И ныне в нем и в нас одна вера, одно крещение, одно исповедание святой троицы, отца и сына и святого духа».

И таковую похвалу святых отцов великому князю Борису слышал Фома, посол тверской. И в то время, как святые отцы один за другим говорили о князе, он повелел записывать все их слова и принес на Русь. Мы же прочли записанное и подивились тому[23], как они, не видевши, не зная великого государя, только слышав о нем, смогли написать такие похвалы. А мы, постоянно бывая сопричастниками его трапезы и в великой тишине пребывая его заботами, как мы умолчим о необычайной его

добродетели? Ибо писано: «Если кто приблизится к золотых дел мастеру, не примет ли тот от золота хоть один луч, или тот, кто взойдет на возвышенное место, не будет ли видеть далеко, хотя бы был и весьма мал?» Так вот, прочитав этих отцов восхваления великому князю Борису, приведу же и я среди тех похвал свою похвалу великому князю Борису Александровичу.

Но прихожу в исступление ума, помышляя о совершенстве их похвалы. Впрочем, приведу к этому как говорит господь о Давиде: «Нашел мужа по сердцу себе и посажу его на престоле моем до конца веков». И я сего самодержавного государя, великого князя Бориса Александровича, назову новым Давидом, ибо не только одному только господу полюбился он сердцем и разумом, но и все боголюбивые люди сказали себе о нем: «Обрели утешение сердцам и душам нашим». И я о нем скажу: «Воистину он утешитель словом, обличьем и делом». Ибо написано в Бытии[24], что сказано: «Благословен бог Симов!» А я скажу: «Благословен бог великого князя Бориса Александровича и то, что от такого великого собора таковые похвалы ему принесены». И еще сказано: «Распространит господь потомков Иафета, и населят землю Симову». А я об этом скажу: «Распространил бог народ человеческий по земле и населил он селения великого князя Бориса Александровича». И если бы то было возможно, то весь бы мир был в той богом обетованной земле. И сколько приходит народу в селения великого князя Бориса Александровича! Воистину можно сказать по Евангелию: «И ничто им не вредит». И потому все, и из князей, и из вельмож, вплоть до простых людей, желают пребывать в том государстве.

Но, может быть, кто-нибудь подумает, что все это я написал за вознаграждение или из страха,— пусть тогда он прочтет похвалы сих святых отцов и узнает, как прославили они великого князя Бориса. Кто же их научил этому? И кто подвинул их восхвалять его таковым образом? И кто надоумил их на таковое согласие, что, будучи собранными из различных мест, не зная друг друга, святители все единогласно величали благими похвалами великого князя Бориса? И я, подобно их великой похвале, от многого малое нечто скажу о своем государе, великом князе Борисе Александровиче.

Кому уподоблю я великого князя Бориса Александровича? Назову его Соломоном. Не читали ли, как южская

царица, прослышав о премудрости Соломона, пришла с края земли, желая убедиться в премудрости Соломона?[25] Здесь же, мнится мне, удивительнее Соломона: узнали великие русские князья и вельможи о премудрости и могуществе великого князя Бориса Александровича, царствующего в богом обетованной той земле, и пришли с разных концов земли не только премудрости наслышаться, но и лицезреть славного того государя и насыщаться от царской и сладкой этой трапезы.

И как еще назову тебя, великого князя Бориса Александровича? Уподоблю его кесарю Тиберию справедливому. Но Тиберий не разрешал своим подданным ходить перед собою в прекрасных одеяниях и в блистании злата[26]. А сей самодержавный государь, великий князь Борис Александрович, напротив, бесчисленно одаривая людей своих, повелевает им в своей палате предстоять пред собой в великолепном блеске, увенчав себя самого царским венцом. Воистину не слыхано, чтобы среди прежних царей кто-либо был так прекрасен лицом и одеждами, наиболее же всего — добродетелями, как великий князь Борис Александрович.

И так как не могу найти слов, чтобы описать его величественную походку, прекрасные его одеяния, красоту лица его, мудрость старца, таящуюся в молодом теле, добрый нрав, соединенный с кротостью, то и назову его, самодержавного и братолюбивого, наиболее же всего — боголюбивого, великого князя Бориса Александровича, назову его Львом Премудрым, который созидал несказанно прекрасные столпы. А великий князь Борис Александрович, тот не столпы созидал, но сооружал великие стены, и воздвигал в них церкви божии, и собирал преподобных монахов и святоленных старцев, подобно прекрасным столпам, о которых следовало бы сказать, что на них утверждается и ими просвещается вся поднебесная. Но мнится мне, что и Льва мудрее великий князь Борис Александрович. Ибо зачем тот столпы ставил? Никакого в том прибытка людям, только на обозрение. А великий князь Борис Александрович многие церкви поставил, которые просвещают и освящают всякого человека, грядущего в мир.

И Августу его уподоблю, при котором была перепись всем людям[27] и люди начали веровать. Но видится мне, что и этого он лучше. При том все люди были переписаны; этого же, великого князя Бориса Александровича, са-

мого имя записано и прославлено во всех народах. И о сем же я скажу в согласии со словом Давидовым: «О великий князь Борис Александрович! Возлюбил ты правду и возненавидел беззаконие. И сего ради возвысил тебя бог больше других, подобных тебе, и прославил тебя больше всех великих князей русских».

Но кому все-таки уподоблю сего самодержавного и любезного мне государя, великого князя Бориса Александровича? Не Симеону ли златоструйному и книголюбивому, не Птолемею ли Книголюбцу?[28] И воистину, он — новый Птолемей, великий князь Борис Александрович, собирающий повсюду святые книги и учащийся по ним тому, что ведет к спасению души.

Но что много рассуждаю! Может быть, уподоблю его царю Константину, или царю Юстиниану, или Феодосию, царю благочестивому, укрепившим соборами православное христианство?[29] Тот правоверный царь Константин первый принял христианское благочестие, а сей благочестивый великий князь Борис Александрович от Владимира[30] принял таковую же великославную честь, и хвалу, и доброславие. И как никто другой, на Руси не только сам так утвердился в вере, но и укрепил всю свою державу божественными добродетелями.

Или уподоблю его великому Моисею, законодателю древних, проведшему народ израильский неомоченными стопами чрез Красное море? Великий же князь Борис Александрович, новый Моисей человеколюбивый, кого из нас не привел от ничтожества и многотрудной жизни в свое радостное и богом обетованное царство.

Или уподобим его Иосифу, которого поставил бог властителем над всем Египтом? Но тот только пшеницею напитал город Египет, а сей новый наш Иосиф, великий князь Борис Александрович, напитал многие местности и села.

Кому же тебя уподоблю, великий князь Борис Александрович, христолюбец! Воистину ты — друг правды, вместилище разума, гнездо милосердия. В твоем имени только шесть букв, но семь тысяч раз велик твой разум. Хвала и слава ты среди всех семидесяти языков, сущих на земле.

Много искал я в премудрых книгах и среди существовавших царств, но нигде не нашел ни среди царей царя, ни среди князей князя, кто был бы подобен сему великому князю Борису Александровичу.

И что бы я ни сказал, не хватит мне всей моей жизни, чтобы написать все похвалы. Но поскольку поучает меня Григорий Богослов, говоря: «Никто не может так восхвалить человека, как любящий его». Еще же и Иаков, брат божий, учит нас, говоря, что тот совершенен, кто радуется славе господина своего. И воистину, подобает нам радоваться, видя его, великого князя Бориса Александровича, славное княжение, исполненное многого самовластия, ибо покоряющимся — от него честь, а непокоряющимся — казнь.

Многие, жившие прежде нас, желали бы видеть такого государя, какого мы пред собою видим, но не увидели и даже слышать не сподобились.

О ты, самодержавствующий во Христе государь, пекись обо всех по обычаю доброму, прими от нашего смирения писание, подобно двум лептам той вдовицы[31], на похвалу твоей добродетели. Привел я, господин, здесь примеры дел твоих. Но теперь многие боголюбцы, из тверичей, подражают тебе как праведнику и как новый народ богоизбранный новому Моисею. И за это я, как в древности Мариам, пою тебе песнь победную, приобретая себе твоими заботами отовсюду честь и веселие. И еще, господин наш и государь наш на веки, имеем мы надежду не быть тобою забытыми, а быть приближенными к тебе и жаждем твоей милости, как олень воды. Милостию божией, щедротами отца, любовью единородного его сына и пресвятого его животворящего духа, и пречистой его богоматери да возвеличится власть твоя в соединении с любящими тебя и любимыми тобою, да будешь сохраняем и покрываем рукою всевышнего ныне и присно и во веки веков. Аминь[32]. [...]

О том, кто божией благодатью дан нам Иисусом Христом на укрепление нашей земли и на устроение человеческого рода, вам, как боголюбивым и богоугодным христианам, хочу предложить я слово. Однако прошу вас, приклоните уши ваши ко мне и помогите мне чистосердечно. Ибо великую радость даровал бог человеческому роду, источая, как неизмеримая глубина, свободные источники вод, а источники сами испускают неудержимые потоки, и реки, проливаясь, землю всю наполняют. И земля родит плоды. Сказано: «Говори в уши слышащим». [...]

О том же великом князе Борисе Александровиче[33]

Милость божию и человеколюбие господа нашего Иисуса Христа, и благодать святого духа, дарованную обильно, поведаю вам, братья, сыновья рода тверского и причастники трапезы великого князя Бориса Александровича, великое и старинное сокровище, недоступное людям, но удивляющее и радующее их откровение, обильное, знатное и неоскудевающее богатство, несущее ближним и дальним великие дары. Достоин славы и чести истинный правитель богом спасаемого города Твери самодержавный государь, великий князь Борис Александрович. Воистину он сам — царская трапеза, насыщающая многих. И мы будем говорить не о своих измышлениях, но от многого малое скажем о великом том государе и его делах. Ибо если риторы и философы, а также и летописцы весьма усердно приклоняют слух к известиям о бывших между царями битвах, чтобы каждому возвеличивать своего государя, крепко сражавшегося, то сколь более достойно нам прославить своего государя, великого князя Бориса Александровича. Ибо вдохнул в него бог мысль благую — исполнить меру отцов своих. Но не только наполнил, но и усугубил ее, ревнуя своему праотцу, великому князю Борису Александровичу[34]. Сей был прежде него благодатью божией, творил всяческие благие дела по милости божией. Так же и сей великий и изрядный в добродетелях прирожденный великий князь Борис Александрович, такие же дела творил по милости божией. Ведь и в книгах записано, что сын не может делать того, чего не делает его отец. А сей великий князь Борис, что видел у праотцев своих, то все делал, да еще с избытком, превосходя могущество предков своих.

И кто может описать его дела! Замышляет строительство городов и строит монастыри, возводит деревни и руководит всяким ремеслом и художеством. И при этом беспредельно сведущ в книгах и с кем захочет — с каждым может вести беседу, и никто не может спорить с ним, но всех переубеждает. И всех насыщает, всех одаряет и от всех дары приемлет. И через все это бывает сугубая радость и веселье несказанное всем христианам. И все люди радостно ликуют, видя, как славно стоит и красуется

великим князем Борисом Александровичем богоспасаемый город Тверь [...].

Смолоду хорошо изучивши святое Писание,— ибо господь учил: «Испытайте Писание, ибо через него получите жизнь вечную», и потому великий князь Борис Александрович испытует всем сердцем святое Писание,— и искусившись в строительстве, прославившемся по всем землям, великий князь Борис Александрович, будучи вдохновлен милостью спасителя бога, стал помышлять, где бы город поставить, достойный памяти о себе, как то и предки его делали. И стал выбирать место, где бы град удобно поставить. И усмотрел место близ города Твери на устье Тьмаки. Есть там храм святого Христова мученика Феодора[35]. И так дивно место то, воистину таково, как желало сердце великого князя Бориса Александровича. И дал ему бог место такое, никем не рытое, не насыпанное. Просто сказать: богом сделанное и как бы искони уготованное для города, но не сразу настало для того время. Теперь же помощью божией и по замышлению своему, и по совету всех людей великий князь Борис Александрович крепко возлюбил место то, а больше всего из-за того, что увидел столь преславный храм великого мученика Христова Феодора, вне града стоящим. И возымел великую заботу о том, чтобы таковой храм находился не вне города, но внутри него. И для того призывает великий князь Борис Александрович бывшего там своего святителя и всех своих поместных князей и бояр, а также архимандритов и игуменов. И повелел всем прийти в храм великого Христова мученика и воина Феодора. И здесь повелел служить божественную литургию. И когда было совершено божественное и великое дело, тогда великий князь Борис повелел всем выйти на место то, где он желал основать город. И вышли все с крестами, свечами и кадилами, а великий князь Борис Александрович шел последним, и много было там народу. И когда пришли на то место, где хотел он основать город, великий князь Борис Александрович, возвысив голос свой, стал громогласно говорить бывшему тут народу: «Мужи и братья, сыновья рода тверского, к вам мое слово о том, как вручил мне бог престол отца моего, великое княжение тверское; с тех пор и доныне всегда помышлял я о создании где-то города, ибо и предки наши возводили города, достойные своей памяти. Но не приспело время мне строить. Ныне же помощью божией и святого великомученика Христова

Феодора выбрал я это место и на месте сем хочу основать город. Но хочу не только по мыслям моим, но и по вашим советам утвердиться в решении моем об укреплении великого города Твери».

«Бог всего мира и молитвы святого мученика Христова Феодора да направят мысль твою ныне на создание этого города»,— и когда народ сказал это, тогда повелел великий князь Борис Александрович святителю сотворить молитву на основание города. И когда начал святитель молитву, тогда стал великий князь Борис Александрович, вздыхая из глубины сердца, творить про себя молитву, говоря: «Господи, владыко предвечный, Христе царю, сотворивший небо и землю! Ничто не свершается без тебя, ни дело, ни слово! И ныне молитвами святого мученика твоего Феодора воззри на меня, раба твоего, и на новое место это. И дай, господи, мне силы возвести город сей. Ибо ты ведаешь все, ведаешь и о том, как я стремился и мечтал обнести городской стеной храм святого мученика твоего Феодора. Утверди меня, господи, праведно и непоколебимо молитвою его. И помоги мне, господи, довести до конца создание города сего». И сказав это, повелел рубить город. Святитель же еще прежде сам рубить начал.

Потом великий князь Борис Александрович призвал искусных мужей, выискал их, как Моисей нового Веселеила, и приставил их к исполнению такового дела, в 6955 [1447] году, в апреле месяце, в 23-й день.

А сам великий князь Борис Александрович вернулся на свой двор в новооснованном городе и задал веселый пир, не только для тех, кто был зван, но и для тех, кто оказался там случайно.

И так после того строители начали строить. А бог в том деле невидимо помогал им молитвами святого мученика Феодора, так что дивились все наблюдавшие быстроте того дела. И благодаря этому уразумевали многие, что дело то приятно богу и святому его мученику Феодору; ведь когда бы ни созидали другие города, всегда возводили городню[36] в течение двух или трех недель, а городню этого города возводили в два или три дня.

И великий князь Борис Александрович, убедившись в божией помощи и содействии великого мученика Христова Феодора трудолюбному его делу, стал часто наезжать в тот новооснованный город, ко храму святого мученика Христова Феодора. И однажды, когда радовался он молитвенно в храме святого мученика Христова Феодора, спросил он,

радуясь духом, как назвать город. И некто из премудрых, разумных и великих старцев, украшенный сединами, а больше того — добродетелью, ответил: «Надо назвать Феодоровым городом». Но великий князь Борис Александрович превзошел в мудрости старца. И слушаясь слов старца, дал городу полюбившееся ему имя, но так как великий князь Борис Александрович питал любовь к великому мученику Феодору, то по той великой любви к великому мученику Христову Феодору нарек он город Любовен, что значит любовь к великому мученику Христову Феодору. И потому назван город Любовен [...].

Слово о том же великом князе Борисе Александровиче

Желает мое сердце, и о том молитва моя к богу,— бог тому свидетель, что я не лгу,— хочу вам поведать истинные вещи, не неведомые вам, но хорошо вам известные. Ведь древние мудрецы, сочиняя повести, одно почерпали из того, что было еще до них написано, другое сами слышали, а иное и видели. Также и многие летописцы писали о том, чего они сами не видели, а только слышали об этом, ибо многое происходило в дальних краях, в Аравии, в Персии, в Мидии, в Риме. И это все описано, не будучи увидено, только услышано. Так же написаны и древние книги Царств, как кому бог на сердце положил о том, каков был каждый из царей, справедливый или воинственный, или благообразный, чтобы каждый народ, сколько будет в нем поколений, величал своего царя и чтобы вспоминал о тех царях, читая о них. А я — очевидец святому тому делу, о котором хочу вам поведать, не от других услышав о нем, но сам все видев. Тому, кто желает создать царский венец, следует сбирать драгоценные каменья, и нельзя ему смешивать светлых тех камней с темными камнями или с чем-нибудь другим. Если же смешает, то лишит красоты то светлое сияние и обезобразит всю красоту венца того. И узнав и рассмотрев все это, мы помыслили в себе и решили: раз прежние мужи писали о прежних царях, не помышляя получить от них какую бы то ни было честь, а только ради памяти из рода в род, то не подобает, скажу, и нам предавать забвению благо-

честие великого князя Бориса Александровича. Сплетем же ему как бы золотой венок, не привнося ничего от себя самих, а только из добрых его деяний. Если и весьма худо будет наше плетение по сравнению с величием его княжения, то при этом хотя бы подадим ему от многого малое, как та вдовица две свои лепты.

Ибо княжит он в своей отчине, в богоспасаемом городе Твери, и княжение его тихо и безмятежно, а власть его возросла, и бог укрепляет его и споспешествует ему на отеческом престоле, и преуспевает он во всяком деле, так что и во многих государствах с завистью говорят о его успехах. Но великий князь Борис Александрович запечатлел в своем сердце слова священного Писания, гласящие: «Богатство если течет вам в руки, не прикипайте сердцем к нему». И чем больше стекается к нему счастья, тем больше пребывает он в смирении и, стремясь к миру со всеми странами, воздает хвалу богу, говоря: «Боже, насытил меня земными благами, не лиши меня и небесного царствия».

Всеблагой же бог, не желая зла, но желая показать свою милость к любящим его (ибо которого сына отец бьет, того и милует), восхотел еще больше прославить его и испытать, как золото в горне, для того, чтобы обрести его достойным себя, и еще — для того, чтобы не возносился, а то за все годы княжения своего не испытал он никакого зла, только принимал от всех земель великую честь и многие дары. Об этом сказал, молясь, великий Павел: «Да дастся мне мучитель, чтобы не превозносился я, да сделаюсь сосудом избранным бога». Почему сказал так? Потому, что вознесен был высоко, но никак не хотел этим возгордиться, а еще больше смирился.

И бог, любя великого князя Бориса Александровича, послал на него беду, дабы не возгордился он тем, что возросла власть его и простерлась слава имени его до дальних стран. Ибо, скажу я, не случалась такая беда уже много лет ни в одном из многих городов, но пришла к великому мужу и искусила великого.

И как сказано в царских летописцах, подобные незабываемые пожары бывали при царе Юстиниане Великом и при царе Феодосии Великом. И так же при великом нашем князе Борисе Александровиче такой великий и незабываемый пожар случился в великом городе Твери, что не уцелело даже основание городских стен. И этот пожар случился в 6957 [1449] году[37]. Учинилось таковое наказание от владыки Христа.

И великий князь Борис Александрович пошел после того великого пожара в тот бывший город ко святому Спасу. И увидел погоревшими многие церкви и многие дома с товарами. И наполнились очи его слезами, и он, воздыхая из глубины сердца, сказал: «Владыко предвечный, Христе царю, помилуй меня пречистой твоей матери молитвами! Не дай мне пребывать в унынии! Ибо ничто не совершается без тебя, ни дело, ни слово. Как ты повелеваешь, так и бывает. Да будет воля твоя! Как тебе угодно, так пусть и будет. Благословенно имя твое ныне и во веки». И пришел в это время епископ того города, и стал поучать его словами из божественного Писания, что не следует сокрушаться о случившихся несчастьях. И напоминал ему о прежних царях и пожарах; какова была к ним милость владыки и каково было их благочестивое терпение. Также и слова пророка Давида приводил ему: «Многие скорби выпадут на долю праведным, но от всех избавит их господь», и еще: «Ненаказанные, вы — не сыновья», и еще: «Если претерпеваете наказание, то сыновья суть богу». И великий князь Борис Александрович проливал из очей потоки слез, словно воду из источника, и утешался святительскими словами. И сам отвечал ему с великим смирением: «Все это за грехи наши». И поминал ему того же Давида, говоря: «Многие раны грешному. Но знаю, что уповающий на господа обрящет милость его».

Мы же все это ради того напоминаем вам, что хотим показать великое его смирение и разум его великий, и нрав его, полный кротости. Был он как князем и воеводой, так и пастырем овцам, скажу я вам. Ибо когда вижу его твердо стоящим за дом святого Спаса, тогда зову его князем и военачальником. А когда вижу его о людях пекущимся, тогда пастырем его именую. Когда же вижу его приходящим к церкви божией, тогда именую его истинной овцой стада Христова.

И спустя два или три дня после тех скорбных событий пришло такое известие, что не хотелось даже и верить ему, о том, что король великопольский и краковский и великий князь литовский Казимир[38] со всею силою и со множеством людей из разных земель идет на дом святого Спаса[39] и на великого князя Бориса Александровича.

Тогда княжил в Новгороде недруг великого князя Бориса, князь Дмитрий, именуемый Шемяка[40]. И в это же самое время захотел и он отнять часть порубежной земли великого князя Бориса Александровича. А была та земля

много населенной. И когда услышали люди невеселые те вести, то стали помышлять об уходе в другие города, а кое-кто и к бегству готовиться.

И стали приходить люди к великому князю Борису Александровичу и советовать ему, чтобы шел он в другой город, говоря ему: «Есть обычай у многих государей, когда случится какой-либо пожар, переходить в другие города и пребывать там. Ныне же поднялись на тебя столь великие силы, а ты хочешь оставаться здесь, без городских стен». Но великий князь Борис и слышать о том не хотел, а сказал: «Не будет того, чтобы я, оставив дом святого Спаса, пошел в другой город. Какую славу приобрету я там? Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбях, обступивших нас сильно. Будем уповать на господа и не ослабнем. Разве не читали мы в Писании: «Надеющийся на господа, как гора Сион, не подвигнется во веки». Кто возымел упование на господа, тот достойнее изо всех скорбящих. И разве не слыхали мы о великом мученике Христове Димитрии[41], как говорил он о своих людях: «Господи, если ты погубишь их, то и я с ними погибну». Будем же и мы подражать мученику Христову Димитрию и призовем его на помощь. Если и случится мне положить свою голову за дом святого Спаса и за всех людей, то радостно возблагодарю за это бога и пречистую его матерь. Но не будет того, чтобы я отсиживался в городе, а люди бы мои были в плен ведомы. Выберите себе город, и я оставлю вам в нем святителя и свою княгиню. А сам сяду на коня, и что богу угодно, то и будет». И стал вооружаться, и послал по всех своих князей и бояр, и также послал за братом своим младшим, за князем Иваном Андреевичем[42]. И тот скоро пришел к нему со многими людьми.

И услышал о том литовский король Казимир, что идет ему навстречу великий князь Борис, не боясь его козней и бранных речей, желая попрать его гордыню милостью божией и молитвами пречистой богоматери. И повелел король своим порубежным воеводам замириться с воеводами великого князя Бориса Александровича, и стали воеводы великого князя Бориса Александровича обсуждать условия мира с литовскими воеводами. И дошла та весть до великого князя Бориса, что литовские воеводы хотят мира с его воеводами, и он не только повелел воеводам замириться между собой, но еще послал и к королю своих послов; и король с великою радостью принял мир, и разошлись

каждый восвояси. Милостию божией и молитвами пречистой богоматери, и здравием государя нашего, великого князя Бориса Александровича, была спасена Тверская земля от их нашествия.

И подобает нам так воскликнуть: «О великий ум, о промысел человеческий! О дивные и славные дела: пастух молчит, а овцы волков одолевают!» Вооружался на врагов великий князь Борис Александрович, а его воеводы мир заключили. Не оружием прогнаны волки, никем не стреляные, а возвратились восвояси. Сами начали войну, и сами вспять повернули. Не повелел им того человеческий голос, но собственная совесть изобличила. И вскоре, как паутина, распались. А великий князь Борис Александрович остался, как твердый камень, неподвижно стоять в доме святого Спаса и в своей отчине, в великом княжестве Тверском.

И мы скажем ему так: «Радуйся, новый страстотерпец, таковые беды принявший, как никто иной! Радуйся, воин, прогнавший этаких волков не оружием, не стрелами, а великим своим разумом!»

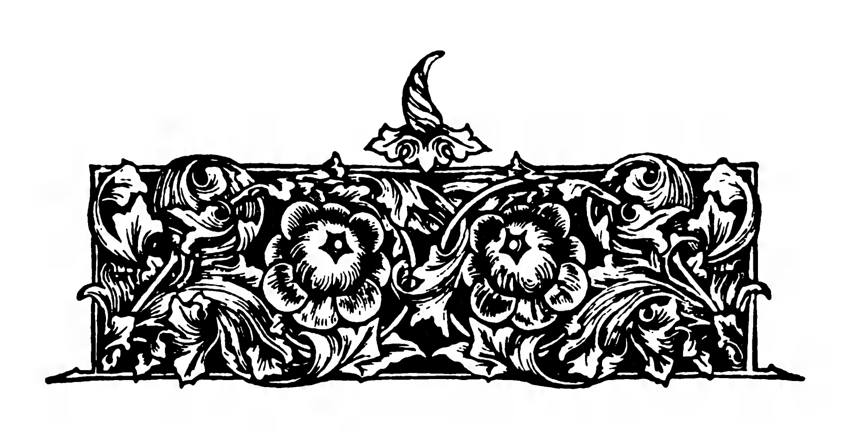
И великий князь Борис Александрович, воздав хвалу богу и пречистой его матери, стал держать совет со своим епископом и со своими князьями и боярами о том, чтобы восстановить разрушенный город. И все, что ни есть, люди радостно с этим согласились. И в короткий срок был поставлен тот город заново, и все люди радостно ликовали, говоря: «Многая лета тебе, великий князь Борис Александрович! Ты ограждаешь стенами города, и тебя самого ограждает господь Иисус Христос. Ибо и в прежние годы не видели мы так прекрасно устроенного и украшенного города Твери, каким видим его ныне».

Но помышляю о силе веры отца его, великого князя Александра, бог направляет его в том мире и наследие его наполняет всю землю. Сказано: излюблена богом держава твоя, и распространилась слава о христолюбивых делах твоих по всей Вселенной и по всей земле, и во все ее концы.

И со всех земель приходили к нему и великие дары приносили к нему. То из столичных городов, а то и из Рима. И не только от правоверных царей великую честь и великие дары принимали, но и от неверных царей. И об этом я не от другого кого слышал, но сам был очевидцем того, как пришли послы из далекой земли, из Шаврукова царства[43], о которых даже и не слыхано в нашей земле. Та-

кое имя у той орды, что нашим устам и не произнести его из-за большой его длины. И принесли многие дары к великому князю Борису Александровичу: дорогие камчатные ткани и чудные атласы. Я же, грубый невежда, не дошел до того места, где можно бы было сосчитать их число. Только видел много тюков, перетаскиваемых людьми. Одни говорят, что восемнадцать камчатных тканей, а другие — что двадцать семь. Но я не видел, каково их число, только видел: много. И еще дали многие дары князьям и боярам. И великий князь Борис воздавал им в ответ великую честь, не только за дары, но и за великие труды, ибо пришли из столь далекой земли и со столь многими дарами, и шли из своей земли до великого князя Бориса Александровича девять месяцев.

Помогайте же и вы мне. По правде узнайте о чести и славе великого князя Бориса Александровича. Чем только не стяжал он себе чести и славы! Видите, как строит он прекрасные села, созидает города, пасет и оберегает благословением Ивана и Александра, как рукою Моисеевою и Аароновою богом покровительствуемый город Тверь. И да умножит всеблагой, в троице славимый бог годы жизни великого князя Бориса Александровича, и пошлет тишину его правлению, чтобы и мы в его государстве жили тихо и безмятежно ныне и всегда и во веки веков [...].



Слово похвальное Пахомия Серба

Творение Пахомия Сербина. Слово похвально

...Той бе архиерей смиренъ целомудриемъ и благоговенинъ, и нищелюбивъ, иже есть отцемъ отецъ, святителемъ благолепие и молитвенникъ крепокъ, чистоте рачитель, целомудрию образъ; ангельскимъ житиемъ на земли поживъ и въ Великомъ Новеграде на престоле архиерейства саномъ божественнымъ почтенъ и украшенъ, воспя, яко звезда пресветлая, и бысть многимъ успехъ и многимъ на спасение. Мы же верою и любовию припадающе, со умилениемъ приничюще очима и темнымъ ныне прикасающеся, и руками обемлюще, любезно целующе раку, честныя мощи твоя и память твою святую благочестно празднуемъ.

Что убо возможемъ тебе дати на похваление твоея памяти целебоносныя: ангела ли тя наречемъ, яко во плоти безплотно пожилъ еси? О, святче божии и угодниче Спасовъ, о, святителю архиерею, избранниче Христовъ, о всечестная главо, о пастырю намъ честный и учителю,

о наказателю благихъ, уча къ разуму божественному!

Радуйся, твердое основание отечеству своему!

Радуйся, яко пастырь истинный, полагая душу свою за стадо именитое!

Радуйся, яко отъ младенства богу поработавъ!

Радуйся, яко мирская вся оплевалъ еси и Христовъ яремъ на рамо вземъ, усердно тому последовалъ еси.

Радуйся, яко врученное ти стадо добре упослъ еси!

Радуйся, Премудрости божия престолъ украсилъ еси и градъ свой чюдесы озаривый.

Радуйся, обличилъ злокозненныхъ ересь стриголниковъ![1]

Радуйся, святителю Моисее, великому Новуграду похвала и всея Руския земли пресветлыи светилниче!

Радуйся, священный отче, насадителю винограда Христова въ домехъ божия матери, их же самъ создалъ еси.

Радуйся, началниче и пособниче хотящимъ спастися Христова стада словесныхъ овецъ!

Радуйся, блаженный отче, умноживыи талантъ господеви своему!

Радуйся, отче освященный, пастырю и учителю Христова стада, сохраняя и соблюдая отъ волкъ мысленныхъ!

Радуйся, известный хранителю апостольскихъ преданий, отеческихъ повелений 7 соборъ![2]

Радуйся, преподобне отче, иже просветивый страну сию чистымъ житиемъ своимъ, благочестию и страху божию научивый!

Радуйся, святителю, отечеству своему пресветлый светилниче, словомъ житие просиявый!

Радуйся, блаженный отче нашъ, похвала и слава великому Новуграду и всея Руския земли удобрение!

Радуйся, отче блаженныи, украсивый Новъградъ, аки пречестнымъ утвариемъ, множествомъ божественныхъ храмовъ и священныхъ монастырей созданиемъ![3]

Радуйся, священныи отче, теплыи молебниче къ богу о благочестивомъ и христолюбивомъ великомъ самодержце всея Руския земли и о благородныхъ его чадехъ, подати победу на вся враги, умножити летъ живота ихъ во благоденьствии со благоверными самодержцы, и направити разумъ ко спасению душамъ ихъ, и державу ихъ мирну устроити и исполнити всякия благодати!

Радуйся, святителю Моисею миротворче, укротивый межу собою брань, совокупивыи любовь, ратующыяся прогнавыи и враждебныя человеки и ненавистныя бесы, возвеселивыи благыя, человеколюбныя аггелы!

Радуйся, отче блаженне, ходатаю къ богу о всехъ православныхъ християнехъ — направити на спасительныя!

Радуйся, отче священне, скорбнымъ тишина и нищимъ заступление, вдовицамъ и сиротамъ помощниче, старости жезлъ, юнымъ сказателю, во бранехъ поборниче!

Радуйся, всея Руския земли светило и украшение! [...]

Перевод

Сочинение Пахомия Серба. Слово похвальное

...Тот архиерей смирен был и целомудрен, благочестив и нищелюбив, воистину отцам отец, святителям благолепие, заступник пред богом крепкий, чистоты хранитель, образец невинности, ангельской жизнью пожив на земле, в Великом Новгороде на престоле архиерейства саном божественным удостоен и украшен, воссиял как звезда пресветлая и был для многих успех и многим спасение. Мы с верою и любовью припадаем, умиленными очами приникаем и непонятного ныне касаемся, обнимая руками и с любовью целуя раку, честные мощи твои и память твою святую благочестиво празднуем.

Что сможем дать тебе для восхваления твоей памяти, приносящей исцеление? Ангелом ли тебя наречем, ведь во плоти безгрешно прожил ты! О праведник божий и угодник Спасителя! О святитель архиерей, избранник Христов, о всечестная глава, о пастырь наш, честный учитель, о наставник добродетельных, учитель разума божественного!

Радуйся, твердое основание отечества своего!

Радуйся, как пастырь истинный, полагающий душу свою за стадо именитое!

Радуйся, что от младенчества сподобился на бога работать!

Радуйся, что от мирского всего отвратился и ярмо Христа на плечи свои возложил, и усердно следовал по пути тому!

Радуйся, что доверенное тебе стадо хорошо пас!

Радуйся, что божий престол премудрости украсил ты и город свой чудесами озарил!

Радуйся, что обличил злокозненную ересь стригольников![1]

Радуйся, святитель Моисей, слава Великого Новгорода и всей Русской земли пресветлый светильник!

Радуйся, священный отче, насадитель винограда Христова в домах божьей матери, им же созданных!

Радуйся, наставник и помощник всем хотящим спастись из Христова стада словесных овец!

Радуйся, блаженный отче, умноживший доходы господа своего!

Радуйся, отче освященный, пастырь и учитель Христова стада, сохраняющий и оберегающий его от искушений, смущающих разум!

Радуйся, известный хранитель апостольских преданий, отческих повелений 7 соборов![2]

Радуйся, преподобный отче, просветивший страну своей безгрешной жизнью, научивший нас благочестию и страху божию!

Радуйся, святитель, родине своей пресветлый светильник, словом в жизни просиявший!

Радуйся, блаженный отче наш, похвала и слава Великого Новгорода и всей Русской земли украшение!

Радуйся, отче блаженный, украсивший Новгород, как пречестным нарядом, множеством божественных храмов, монастырями, созданными тобой![3]

Радуйся, священный отче, теплый заступник пред богом о благочестивом и христолюбивом великом самодержце всей Русской земли и о благородных его детях, проситель пред богом о победе над всеми врагами их и о умножении лет жизни их во благоденствии с благоверными самодержцами, и о наставлении разума их на спасение душ их, и о устройстве их державы, исполненной всякой благодати!

Радуйся, святитель Моисей, миротворец, укротивший междоусобную брань, призвавший любовь, противоборствующий изгнанным враждебным людям и ненавистным бе-

сам, возвеселивший благодетельных человеколюбивых ангелов!

Радуйся, отче блаженный, заступник пред богом о всех православных христианах, молитвенник о спасении!

Радуйся, отче священный, успокоение скорби, преграда нищете, помощник вдовам и сиротам, посох старым, указатель юным, союзник в сражениях!

Радуйся, всей Русской земли светило и украшение! [...]

Иосиф Волоцкий
Слово об осуждении еретиков

Слово на ересь новгородцких еретиковъ, глаголющих, яко не подобаетъ осужати ни еретика, ниже отступъника. Зде же имать сказание от божественных писаний, яко подобаетъ еретика и отступника не токмо осужати, но и проклинати, царемъ же, и княземъ, и судиямъ подобает сих и в заточение посылати, и казнемъ лютым предавати

Понеже убо ныне новоявльшиися новогородцкие еретицы, Алексей протопоп, и Денис поп, и Феодоръ Курицынъ[1], и инии мнози, иже тая же мудръствующеи, много зла содеаша, яко язык не может изърещи, ниже слово сказати, ниже ум вместити, елико хуление изрекоша на святую и животворящую троицу, и на пречистую богородицу, и на великаго Иоана Предтечю, и на вся святыя, и колико скверънения содЕлаша на святыя божия церкви, и на честныя и животворящия кресты, и на вся честныя иконы, и толика и такова зла сотворше, убоявшеся православъных еже о благочестии ревности, яко да не увидевше толикая их зла, соборне осудят ихъ по божественнымъ правилом в конечьную погибель в нынешнем веце и в будущемъ, сего ради вседушно подщашася, еже утаитися от православных и сими глаголы хотяще устрашити правоверныя, глаголаху, яко не подобает осужати не еретика, ниже отступника, на свидетелъство же приносяще господня глаголы, еже ре-

че: «Не осужайте, да не осужени будете,— и святаго Иоана Златаустаго, еже глаголетъ, яко не достоит никого же ненавидети, или осужати, ниже невернаго, ниже еретика, и не убо достоит убивати еретика,— аще ли же и судити подобаетъ еретика или отступника, от царьских и градских закон судитися, а не от инокъ, ниже от миръских человекъ, иже не приседящимъ судищным двором.

И о семь убо, еже рече господь: «Не осужайте, да не осужени будете», хотяй известно разумети, да прочтетъ осужени будете», хотяй известно разумети, да прочтетъ свидетельство божественных писаний, еже о семь написаша святии и преподобнии и богоноснии отцы наши, святый Иоанн Златаустый, и великий Василие, и божественный Афонасие Великий, и инии мнози святии отцы наши. И от сих убо писаний собра добрейши же и высочайший преподобный отец нашь Никонъ[2] во своей велицей книзе, въ тридесять и девятомъ слове, положи.

Ныне же прочее о сем речемъ, еже глаголетъ божественный Иоан Златаустый. Глаголетъ, яко не достоит зло творити или ненавидети какова любо человека, или нечестива, или еретика. Сия глаголетъ великий Иоан и равноапосталный муж, показуетъ некая повелениа временна. Не бе же воля божия всегда тако быти, яко же самъ той свидетельствуетъ великий Златаустъ, сице глаголетъ, яко не достоит зло творити, или ненавидети какова любо человека, или нечестива, или еретика, егда не имам от них душевный вред. Тако бо и пастырие творят: доиндеже убо ничто же забавляет имъ зверь, подъ дубомъ или под смерчиемъ себе повергъше, тростию свиряют, оставльше на власти всяцей овца пастися. Внегда же волъкомъ нахождение ощутятъ бывшее, въскоре трость повергъше, прашьну восхищаютъ и свирель оставльше, дреколми и камениемъ себе вооружают, и пред стадомъ ставше, и велми ужасне воскликнувъше гласомъ, множицею преж веръжения зверя отгравъше. Тако убо и намъ подобаетъ творити, иже Христово стадо пасущимъ, пастыремъ же и учителемъ. Егда убо видят невернаго или еретика, никоего же вреда душевънаго не творяще вернымъ, тогда и они, в травнице некоемъ книжных повестей поучающеся, смирениемъ же и кротостию да наказують неверныя и еретики. Егда же видятъ иже всехъ волъковъ лютейших окаянныя еретики, хотящих Христово стадо погубити и растлити еретическими учении, тогда подобает имъ всяко тщание и ревность показати, яко да ни едино овча Христова стада

зверьми восхищено будетъ. Зри, яко о семь глаголетъ священный Златаустъ. Егда неверънии еретицы никого же от православных прельщают, тогда не достоитъ имъ зло творити или ненавидети ихъ; егда же узритъ неверныя же и еретики, хотящих прельстити православныя, тогда подобаетъ не точию ненавидети их или осужати, но и проклинати и язвити, и симъ руку свою освятити.

Яко же повелеваетъ сам той священный Златаустъ, глаголя сице: «Понеже о хулении намъ слово бысть, иже на единороднаго сына божия, ныне же единаго от вас хощу просити дара, да хулящая вся иже во граде накажете. Аще услышиши некоего на распутии или на торгу среди народа, владыку Христа хуляща, приступив, воспрети. Аще и язвы ему наложити подобает, не отмещися, зауши, сокруши его уста, освяти си руку язвою. Аще и поемлют неции, и аще на судъ влекутъ, въследуй. Аще и на суде вопросят, сиреч судии истяжет, глаголи с дерзновениемъ, яко же царя аггельскаго похулилъ есть: аще бо хулящаго земнаго царя мучити подобаетъ, велми паче, иже хулящихъ небеснаго царя [...]».

Аще же кто речет, яко святии апостоли и преподобнии отцы повелеша царемъ и княземъ и властелемъ во отмщение быти зло делающим, еже есть убийцамъ и прелюбодеемъ татбу же и разбойничество и иная злая дела творящимъ, а не о еретицех, ниже отступницех, и аще убо о убийцах и о прелюбодеях, и иже иная злая дела творящих, повелено бысть сице, множае паче о еретицех и отступницехъ подобает тако же быти, яко же свидетельствуетъ божественное писание. Глаголеть бо ся въ божественных правилех, еже от градцких закон, о неверных и о еретицех сице: «Иже сподобившеися святаго крещения, и отступльше православныя веры, и еретицы бывше, или творяше еллинъския жерътвы, конечне повинни суть муце. Аще жидовин деръзнетъ развратити христианскую веру, главней повиненъ есть казни. Манихеи же, или инии еретицы християне бывше, и потомъ начнут еретическая творити или мудръствовати, мечемъ да посекается; иже таковы сведающе, и не предающе сихъ князем, конечьней муце повинни суть. Аще ли же кто воевода или воин, или сонмища началникъ, дольжни суть о семь пещися, егда кто еретическая творя или мудръствуя, и аще уведавше не предадятъ его, аще и правовернии сами суть, конечную муку подоимутъ.

Где суть глаголющеи, яко не подобаетъ осужати ни ере-

тика, ниже отступъника? Се убо явъствено есть, яко не точию осужати подобаетъ, но и казнем лютымъ предавати, и не точию еретики и отступъники, но аще и правоверни будутъ сами, и уведавше же еретики или отступъники, и не предадятъ судиямъ, конечную муку подъимутъ.

Аще ли жь кто речетъ яко: «Се есть градстии закони, а не апостольская, ниже отеческая писания», таково си да слышитъ преподобнаго отца нашего Никона в своих богодухновенных писаниих сице глаголюща о градцкихъ законех: «Сего ради святый и покланяемый духъ вдохну въ божественныя отца на святыхъ соборехъ, и учиниша божественная правила, яже от святаго духа, изложиша божественныя законы и словеса святыхъ отецъ и богоносныхъ, и от устъ же самого господа святыя его заповеди глаголаны быша, и обаче и от древънихъ божественная правила со градскими размещена быша законы же и завещанми». Сице «Номоканонъ»[3] книга сотворена бысть, сиречь закону правила. Множае паче божиимъ промысломъ божественая правила, съ заповедми господьними, и реченными святыхъ отецъ, и самеми паки градскими законы размещена бывше, предреченная книга сотворися.

Аще убо святии отцы, иже на вселенъскихъ и на поместных соборех бывшеи, и от святаго и животворящаго духа наставляеми, и учиниша божественная правила и законы и словеса святыхъ отецъ, и яже от устъ самого господа святыя его заповеди, со всеми же сими и градстии законы сочеташа святии отцы древънии. И хто убо деръзнеть сихъ отложити или похулити, яже от святаго духа и святыхъ отецъ прията быша и сочетана со всемъ божественным писаниемъ?

Подобно же тому и велики Афанасей глаголетъ, яко сии суть еретичестии отроцы, иже глаголют, иже яко не подобает судити творящих смертныя грехи. И аще бы тако было, яко же они утвержаютъ, не бы праведный Ное судилъ Хама ругателя раба быти братиямъ своимъ[4]. И Моисей же поклонившихся тельцу три тысущи повеле мечемъ исъсещи и собравшаго дрова в суботу повеле камениемъ побити его. Исус Наввинъ Ахара крадбы ради со всемъ домомъ потъреби. Финеес же блуда ради Замврия погуби, и Самоилъ Агага царя предъ господемъ уби, Илия же ложныя пророки, яко же свиния, в потоце искла, Елисей же осуди Гиезию приятия ради имения, прокаженна показа. Данилъ же, осуди блудъныя старца закономъ Моисеовымъ, погуби. И святый апостолъ Петръ, приемъ ключа царства не-

беснаго, Ананию со женою его, утаившая от своего стяжания, осудивъ, абие сотвори их издохнувша. И Павел Александра-ковача, Именея же и Филита предастъ сатане, да накажются не хулити. Се убо вси праведънии судивше, не осуждени бывше, паче же избрани бывше, въ духовную службу избрашася. [...]

Сим божественнымъ пророческимъ и апостольскимъ писаниемъ же и преданиемъ последующе, благочестивийшии и православънии царие и святителие еретики же и отступники в заточение посылаху и казнемъ лютымъ предаваху. Первый великий царь равноапостольный Костянътинъ заповедъ предложи во всемъ своемъ царстве, еже неверующихъ во святую и животворящую троицу злым зле умърети и домъ его в разграбление быти. Святии же отцы перваго собора не возбраниша сему быти. И святый Александръ, патриархъ Костянътина града, молитвою своею сотвори Арию разсестися. И великий чюдотворецъ Епифаний Кипръский Аетиа еретика словомъ нема сотвори и въ седмый день смерти предастъ. Благочестивый же царь Маркиянъ Диоскора-еретика патриарха александрейскаго, на смерть осуди, и не уби сего мечемъ, но отосла во Асъ остров, в нем же никто же лето цело поживе, но, емлеми от смертотворных ветвовъ, зле умираху. Тамо же и Диоскоръ со всеми, иже тая же мудрствующими, зле душа своя извергоша. Святии же убо отцы четвертаго собора не возбраниша сему быти. Благочестивый же царь Устинъ и Тивирие епарху Адъдусу и воеводе Елеуферию, поборником ереси, главы отсекоша, великий же чюдотворецъ Евътихие, патриархъ Цариграда, не возбрани имъ. Великий же царь Ираклий не хотящих креститись июдей повеле убивати, и мнози же бяху тогда патриарси жь и святителие и преподобнии не возбраниша сего творити. И святый Перфирие, епископ газский, иже и манихейскую прелесть држащих молитвою немы и безгласны сотвори, потом же и смерти предастъ. И святый Феодоръ, едесский епископъ, жидовина, хулу глаголавшаго на господа нашего Исуса Христа, словом нема сотвори и по семь умоли царя вавилоньскаго, он же посла въ Едес, повеле еретиковъ всехъ из гради изгнати и богатество их взяти, овем же и языки изрезывати. Святый же Феодоръ не возбрани сему быти. Тако же и святая Феодора царица и сынъ ея Михаилъ Анниия еретика, патриарха Цариграда, в заточение отосла и тамо повеле, растягше его, бити ремениемъ. Блаженный же патриархъ Мефодие и мнози преподобнии отцы наши и исповедницы

не возбраниша сему быти. И святый Левъ, епископъ катаньский, Илиодора еретика огнемъ сотвори сожжена быти.

Зри, яко святии пророцы и праведницы в Ветхомъ законе отступивших от господа бога овех молитвою и благодатию, овех же оружиемъ убиваху и казнем лютымъ предаваху. В Новемъ же законе святии апостоли и божествении святителие и преподобнии и богоносиии отцы не убиваху еретики и отступники оружиемъ, но молитвами своими и силою, данъною имъ от всесилнаго и животворящаго духа, сихъ смерти и казънемъ лютымъ предаваху.

Аще ли же кто речеть, яко ино убо, еже молитвою смерти предавати, ино же, еже оружиемъ убивати повинных смерти, к нему же сице речется, яко: едино убо и то же есть, еже молитвою смерти предати и еже оружиемъ погубити повинныхъ. Тако убо пишетъ великий Афонасие в Слове о творящихъ смертныя грехи. Преже убо воспомяну, иже в Ветхомъ законе сущих пророкы же и праведники, иже оружиемъ убивающих или казнемъ лютымъ предавающих повинныхъ, потом же святыхъ и верховных апостолъ Петра и Павла поминаетъ. Петръ убо Ананию Самфиру словомъ и силою, данную имъ от святаго духа, смерти предастъ, Павел же Еллиму-волхъва и Александра-ковача, Именея и Филита словомъ казнемъ лютымъ предастъ. Зри, яко великии Афонасие никоего же разньствия сотвори, еже оружиемъ убивати и молитвою смерти и казнемъ предавати повинных. [...]

Прочее же речемъ и о сих, еже еретицы глаголютъ,— яко аще и подобаетъ судити или осужати еретики или отступники, но царемъ, и княземъ, и святителемъ, и судиямъ земъским, а не инокомъ, иже отрекошась мира и всехъ яже в мире, и подобаетъ имъ точию себе внимати, и никого же осужати, ни еретика, ниже отступника. К таковому убо сице речется, яко аще не подобаше инокомъ осужати ни еретика, ниже отступника, то како великий Анътоний осужаше ихъ? Глаголаше бо о еретицехъ, яко словеса ихъ лютейши яда змиина, ученики же своя всегда наказуя, яко да никоего же приобщения имутъ с мелетианы, и со арианы, и с прочими еретики. И святый Пафнутие исповедник на перьвом соборе, со святыми отцы обретесь и Ария в заточение осуди. Святый же Пахомие всегда осужаше еретики, глаголаше бо, яко приобщаяйся еретикомъ, и прочитая писания Аригенова, и Мелетиова, и Ариева, и прочих еретиковъ, во дно адово сходитъ.

Тако же и Великии Макарие сего ради ис пустыня изыде, яко да еретика осудитъ и ересь его утолит, еже и сотвори. Святый же Ефрем, яко услышавъ Аполинариева еретическая мудрования умъножающася,— сего ради оставляеть пустыню, и в Костянътинъград входитъ, и не токмо осужаетъ Аполинария, но и смерти злей благокозныимъ своим художеством предаетъ его. Дивный же Исакие Далъмацкий от самех пеленъ в пустыню вселись, и яко услыша Уалента ариеву ересь умножавшусь, приходит в Византию и не точию осужаетъ Уалента, но и огню предаетъ. Тако же и великии Еуфимие, аще и самъ не бысть на третиемъ соборе, но ученики своя посылаше на соборъ и повелеваше еретики осужати и проклинати. Святый же Авъксентие, многия ради старости и великихъ трудовъ не могий ити на соборъ святыхъ отець, егда собрашась на Несториеву ересь, повелевъ супругъ воловъ привести, и себе повести на соборъ, еретики осужати и проклинати [...]. Но и всех вселенъских и поместныхъ соборехъ приходяще иноцы, манастыря же и пустыня презирающе, и ко градомъ притичаше.

Тако же и князи и воеводы и простии людие мужие и жены и всякъ православный и со святители и со священники, еретики осужающе, и от святаго и животворящаго духа научени быша, и написаша божественная правила. Еще же и градъцкие законы сочетавъше божественым правиломъ, яко еже еретики не токмо осужати, но и проклинати и казнем лютым предавати.

Перевод

Слово против ереси новгородских еретиков, утверждающих, что не следует осуждать ни еретика, ни вероотступника. Здесь же дано рассуждение по божественному писанию о том, что еретика и вероотступника не только осуждать, но и проклинать следует, а царям, князьям и судьям следует отправлять их в заточение и подвергать жестоким казням

Поскольку теперь новоявленные еретики — протопоп Алексей, поп Денис, Федор Курицын[1] и многие другие, рассуждающие подобным образом,— сотворили много зла, которого ни высказать устами, ни описать словом, ни объять умом, такую хулу изрекли они на святую животворную троицу, на пречистую Богороди-

цу, на великого Иоанна Предтечу и на все святыни, и столько осквернений нанесли они святым божьим церквам, честному и животворящему кресту, всечестным иконам, — и, сотворив столько зла, устрашились они ревности православных о благочестии, чтобы, увидев такое зло, не осудили те их на соборе в согласии с божественными установлениями на окончательную гибель в этой жизни и в будущей, — поэтому-то и приложили они все силы к тому, чтобы ввести в заблужденье православных и в намерении запугать истинно верующих изрекали такие речи, что, дескать, не нужно осуждать ни вероотступника, ни еретика, ссылаясь в качестве свидетельства на слово господа, который сказал: «Не осуждайте, чтобы и вас не осуждали», и святого Иоанна Златоуста, который говорит, что никого не нужно ни ненавидеть, ни осуждать — ни неверного, ни еретика, и не нужно также еретика убивать, но если необходимо, то пусть его судят по царским и гражданским законам и не монахи, да и не миряне, если не имеют они отношения к суду.

Кто хочет точно уяснить себе слова господа: «Не осуждайте, чтобы и вас не осуждали», пусть прочтет свидетельства божественных сочинений, что об этом писали святые и богоносные отцы наши — святой Иоанн Златоуст, Василий Великий, божественный Афанасий Великий и многие другие отцы наши. А достойнейший и превосходный преподобный отец наш Никон[2] из этих сочинений сделал выборки и изложил в своей большой книге в тридцать девятом слове.

Мы же теперь побеседуем о том, что говорит божественный Иоанн Златоуст. Говорит он, что нельзя творить зло или ненавидеть какого бы то ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика. Этот великий и равный апостолам муж говорит и указывает, что эти повеления связаны со временем. Не было божьей воли, чтобы так было всегда, как свидетельствует сам великий Иоанн Златоуст, говоря, что нельзя творить зло или ненавидеть какого бы то ни было человека, хоть нечестивого, хоть еретика, пока не приносит он вреда нашей душе. Ведь так поступают и пастухи: до тех пор, пока дикие звери не доставляют им забот, расположившись под дубом или под кедром, играют они на дудке, позволяя всякой овце пастись на воле. Но как только заметят они, что приближается волк, тотчас, отбросив дудку, хватают пращу и, забыв о свирели, вооружаются дрекольем и каменьями, — встав впереди

стада и издавая угрожающие крики, зачастую еще до нападения отгоняют они зверей. Точно так и нам, пастырям и учителям, насущим стадо Христово, следует поступать. Ведь если увидят они неверного или еретика, никакого вреда не приносящего душам верных, то, вбирая мудрость на лугах книжных сказаний, с миром и кротостью пусть поучают неверных и еретиков. Но если увидят они проклятых еретиков, более коварных, чем все волки, стремящихся погубить Христово стадо и растлить его еретическим иудейским вероучением, следует им тогда высказать ревность и старание, чтобы ни одна овца стада Христова не была похищена дикими зверьми. Вот так говорит об этом священный Иоанн Златоуст. Когда не обольщают никого из православных неверные и еретики, не следует тогда творить им зло или их ненавидеть, но когда мы видим, что неверные и еретики хотят обольстить православных, тогда следует не только ненавидеть их или осуждать, но и предавать проклятию, наносить им раны и тем освящать свои руки.

Как тот же святой Иоанн Златоуст сам указывает, так говоря: «Раз была у нас речь о хуле, что на единородного сына божия, хочу я просить у вас одного только подарка, чтобы наказывали вы всех в городе хулителей. Если услышишь, что кто-нибудь на перекрестке или на площади среди людей хулит Христа-господа, подойди и пресеки. Если и насилие над ним совершить придется, не избегай — ударь по лицу, дай пощечину, освяти руку свою. Если и схватят тебя, если и в суд поведут — иди. Если спросят на суде, то есть допрашивать будет судья, отвечай не робея, что хулил тот ангельского царя: ведь если наказывать нужно тех, кто хулит земного царя, то тем более тех, кто хулит царя небесного [...]».

Если же кто-нибудь скажет, что святые апостолы и преподобные отцы велели, чтобы цари, князья и владыки отмщали злодеям — то есть убийцам, прелюбодеям,— воровство, разбой и другие прегрешения совершающим, но не еретикам и вероотступникам,— то ведь если велено это в отношении убийц, прелюбодеев и совершающих другие преступления, гораздо нужней, чтоб было так с еретиками и вероотступниками, как свидетельствуют об этом божественные тексты. Так, в тех божественных правилах, которые являются гражданскими законами, говорится о неверных и еретиках вот что: «Кто удостоился святого крещения и отступил от православной веры,

стал еретиком или приносил языческие жертвы, тот подлежит смертной казни. Если иудей осмелится растлить христианскую веру, то подлежит смертной казни. Манихеи или иные еретики, бывшие христианами и ставшие затем на путь ересей и толков, будут казнены мечом, кто знает таких и не доносит о них властям, подлежит смертной казни. Если какой военачальник или воин, или начальник общины, обязанный заботиться об этом, узнает, что кто-нибудь уклоняется в ереси и толки и не выдаст такого, примет смертную казнь, хоть и сам будет правоверный».

Где они, говорящие, что нельзя осуждать ни еретика, ни вероотступника? Ведь очевидно, что следует не только осуждать, но предавать жестоким казням и не только еретиков и вероотступников: знающие про еретиков и вероотступников и не донесшие судьям, хоть и сами правоверны окажутся, смертную казнь примут.

А если кто скажет: «Это гражданские законы, а не апостольские и не писания отцов», пусть послушает он, что преподобный отец наш Никон говорит о гражданских законах в своих боговдохновенных сочинениях: «Потому что поклоняемый дух святой наполнил божественных отцов на святых соборах, расположили они божественные правила, которые от духа святого, изложили божественные законы и слова святых и богоносных отцов,— а святые заповеди сказаны были устами самого господа,— так что уж в древности божественные правила перемешались с гражданскими законами и положениями». Так была создана книга «Номоканон»[3], то есть правило законов. Весьма сильно перемешались по божьему промыслу божественные правила с заповедями господними и изложенными святыми отцами, а также с самими гражданскими законами,— так возникла вышеназванная книга.

Если святые отцы, бывшие на Вселенских и поместных соборах и наставляемые святым и животворящим духом, расположили божественные правила, и законы, и слова святых отцов, и святые заповеди, которые от уст самого господа, то сами же святые отцы соединили в древности со всем этим и гражданские законы. И кто осмелится их устранить или похулить, когда приняты они были святым духом и святыми отцами и соединены со всем божественным писанием?

В согласии с этим говорит и Афанасий Великий, что те, кто утверждает, что нельзя осуждать совершающих смертные грехи — еретики. И когда бы было так, как они ут-

верждают, не осудил бы праведный Ной ругателя Хама быть рабом братьям его[4]. И Моисей велел изрубить мечами три тысячи человек, поклонявшихся тельцу, а собиравшего в субботу дрова велел побить камнями. А Иисус Навин за воровство истребил Ахара со всем его домом. А Финеес за распутство уничтожил Замврия, а Самуил перед господом убил царя Агага. Илья же ложных пророков у ручья заколол, как свиней. Елисей же осудил Гиезия за мздоимство, проказой наказал его. А Даниил, осудив блудливых старцев по Моисееву закону, убил их. Принявший ключи царства небесного, святой апостол Петр осудил Анания и жену его, утаивших часть своего дохода, и сделал так, что они испустили дух. А Павел предал дьяволу кузнеца Александра и Именея с Филитом, чтобы они отучились от хулений. И все эти судившие, а сами не осужденные, были праведны, более того — избранники, избранные на духовное служение. [...]

Следуя этим божественным пророческим и апостольским текстам и преданию, благочестивые и православные цари и иерархи отправляли в заключение и подвергали жестоким казням вероотступников и еретиков. Впервые великий цесарь, равный апостолам, Константин, установил в своем государстве закон, чтобы предавать насильственной смерти того, кто не верит в святую и животворящую троицу, а собственность его отдавать на разграбление. И святые отцы на первом соборе не воспрепятствовали, чтобы так было. А святой Александр, Константинопольский патриарх, добился своей молитвой, что Арий рассыпался. А великий чудотворец Епифаний Кипрский словом заставил еретика Аэция онеметь и на седьмой день предал его смерти. И благочестивый царь Маркиан на смерть осудил еретика Диоскора, Александрийского патриарха, но не мечом его убил, а сослал на остров Ас, где никто не может прожить и года, но мучительно умирает от губительных ветров. Там и Диоскор со всеми, разделявшими его заблуждение, в муках испустил дух. И святые отцы на четвертом соборе не препятствовали тому, чтобы это случилось. Благочестивые цесари Юстин и Тиверий отрубили голову наместнику Адду и военачальнику Елевферию, защитникам ереси, и великий чудотворец Евтохий, Константинопольский патриарх, не препятствовал им. Великий цесарь Ираклий велел убивать иудеев, не желавших креститься, и многие бывшие тогда патриархи, архиереи и преподобные не препятствовали

ему это сделать. А святой Порфирий, епископ Газы, молитвою сделал немыми и безмолвными сторонников манихейской лжи, а потом и смерти их предал. А святой Феодор, эдесский епископ, словом лишил дара речи иудея, хулившего господа нашего Иисуса Христа, а затем обратился с просьбой к вавилонскому царю, и тот, послав в Эдессу войско, велел изгнать из города еретиков, имущество их захватить, а некоторым из них вырвать языки. Святой же Феодор не препятствовал, чтобы так было. Так и святая царица Феодора с сыном своим Михаилом отправила в заточение еретика Анния, Константинопольского патриарха, и там велела, привязав, бить его ремнями. И блаженный патриарх Мефодий и многие преподобные отцы наши и исповедники не препятствовали тому, чтобы так было. А святой Лев, епископ катанский, сделал так, что еретик Илиодор сгорел в огне.

Смотри же, как святые пророки и праведники Ветхого завета отступников от господа бога одних молитвой и полученной от бога благодатью предавали смерти, других оружием убивали и подвергали суровым наказаниям. Но святые апостолы, божественные святители и преподобные и богоносные отцы Нового завета оружием еретиков не убивали, а молитвами и силой, данной им всесильным и животворящим духом, жестоким наказаниям и смерти предавали.

Если же кто скажет, что молитвою предать смерти — это одно, а оружием убивать заслуживших смерть — это другое, тому будет так сказано: это одно и то же, что молитвой смерти предать, что оружием убить виновного. Именно так пишет Афанасий Великий в «Слове о совершающих смертные грехи». Вначале он напоминает о ветхозаветных пророках и праведниках, убивших оружием или предавших казням виновных, потом называет святых и верховных апостолов Петра и Павла. Ведь Петр словом и силою, которую дал им святой дух, предал смерти Анания и Сапфиру, а Павел словом предал смерти Елимуволхва, кузнеца Александра, Именея и Филита. Видишь, что Афанасий Великий не делает никакого различия между убийством оружием и преданием виновных казни или смерти с помощью молитвы. [...]

Теперь скажем и о том, что говорят еретики,— что если и следует, дескать, судить и осуждать еретиков и вероотступников, то лишь царям, князьям, иерархам и правителям областей, а не монахам, которые отреклись от

мира и всего, что в мире, а им следует только собой заниматься и не судить никого — ни еретика, ни вероотступника. Но вот что сказано будет такому: если не должны монахи осуждать ни еретика, ни вероотступника, то как Антоний Великий осуждал их? Говорил он о еретиках, что слова их страшнее змеиного яда, поучая всегда учеников своих, чтобы ни в какое общение ни с мелитианами, ни с арианами, ни с другими еретиками не вступали. А на первом соборе среди святых отцов оказался святой Пафнутий — исповедник, и он осудил Ария на заключение. Всегда осуждал еретиков святой Пахомий, говоря, что тот, кто общается с еретиками и читает сочинения Оригена, Мелетия, Ария и других еретиков, в бездну ада сходит. Так и Макарий Великий: для того он вышел из пустыни, чтобы осудить еретика и пресечь его ересь, что и исполнил. А когда услышал святой Ефрем о распространении еретического лжеучения Аполлинария — оставляет он по этой причине пустыню, входит в Константинополь, где не только осуждает Аполлинария, но хитроумным своим искусством предает его мучительной смерти. От самого младенчества жил в пустыне чудный Исаак Далматский, но когда слышит он, что Валент распространяет арианскую ересь, приходит в Византию и не только осуждает Валента, но и предает его огню. Так и Великий Евфимий: хоть сам не был на третьем соборе, но послал на собор учеников своих и велел им осудить и проклясть еретиков. Хоть не мог святой Авксентий из-за глубокой старости и великих своих трудов пойти на собор святых отцов, когда собрались они против ереси Нестория, но велел он запрячь упряжку волов и повезти себя на собор, чтобы проклясть и осудить еретиков[...]. Да и на все Вселенские и поместные соборы приходили монахи, забывая свои монастыри и пустыни и поспешая в города.

Таким образом, князья и военачальники, частные лица — мужчины и женщины — и каждый православный, осуждая вместе с архиереями и священниками еретиков, составили божественные правила, наставляемые живым и животворящим духом. К тому же и гражданские законы прибавили они к божественным правилам, по которым еретиков не только осуждают, но подвергают проклятиям и жестоким казням.

Вассиан Патрикеев
Слово ответное

Слово ответно противу клевещущих истинну еуангельскую и о иноческом житии и устроении церковном

...Аще убо въистинну правду глаголете, праваа судите сынове человечестии,— рече негде блаженный Давид, аки укаряя неких человеков неправду, юже спротивляются божией правде, их же зубы оружиа и стрелы, и язык их мечь осътр, иже ищуще поставити правду свою, правде божией не покоришася, ниже бо могуть. Мудрования бо их не божиим духом водяться, но в тине земных вещей валяющеся, не духа плодов, но влъчецъ паче и тръний прозябають, сиречь учительства неполезнаа и заповеди человеческыа и житие, в слове токмо и внешним образе честность имуще. Их же, егда нецыи от благоговейнейших о опастве житиа еуангельскаго въспросят, видети есть к ответом убо изнемогающих и рыб безгласных сущих по притчи, яростию же бесовъскою обдержимых, абие укоризнами многами облагают с вопрошающих, а о взыскании истинны ниедино слово творят.

Сицево нечто ныне случилося и тебе, иже аще веси,

и лепо тебе изъявити, где в еуангельскых и апостольских и отечьскых преданиш велено есть иночьскому житью преизобилии стяжаниї, сиречь, села многанародна стяжавати и порабощати кристиан, братии, и от сих неправедне сребро и злато събирати, подобне в мире еще обращающихся. Ты же кто ни буди еси, сие оставив,— аки невеликому попечению явльшееся тебе достойно, на укоризну яже на мя и клеветы безстрашным языком весь обратился еси, забывся, яко с иными и досодителем затвори божественный Павел царьство небесное — но тако же и праведную ревность нашу о иночьском житии истинне, сю же праведне и обличаем вы, преступающиа иночьская обещаниа и непокаряющихся убо истинне, послушающих неправде, яко же рече блаженный Павел: Презорьство нарицаеши и безстудьство и гордыню. И недивно: ниже бо съдержимии умным иступлением добре глаголютъ врачующих их, ниже бо могут познати подаемую себе от них помощь.

Тожде и вам случилося, мирьским паки попечением предавшимся и лихоиманию и хищенми убогих веселящимся. Сребролюбием и славолюбием очеса ваша разумная омрачивше, не хощете отнудь разумети приводимаа вам от целомудреных духовная врачевания, но уподобистеся, псаломскы рещи, аспиду глухому и затыкающу уши своа, иже не слушает гласа обавающих[...].

Испытуйте и уразумейте, кто от восиавших в святыни и манастырей съоруживших попечение створи, когда села приложити своему манастырю, или царю, или князем моление створи о лготе или о обиде подлежащих ему селянех, или прю име к неким о пределех земных, или бичем мучи плоти человечьскыа, или юзами сих обложю, или о истязании лихв имениа их отъять, яко же ныне дръзають без страха, иже святых и чюдотворцев мнящеп себе? Рците нам, аще имате. Но не можете рещи. Ниже бо Пахомий, ниже и Еуфимий, ниже Сава, ниже Феодосий, ниже Герасим, ниже и в Афоньстей горе яко же аггел восиавый в святыни Афонасий[1], ниже сами удръжаша сицевое что, ниже бывшим по себе повелеша, паче же спротивно. Аще и трудолюбно в житиа их приникше, обрящеши их последну нищету возлюбивших, яко многажды и дневнаго хлеба оскудевших; и обаче сице скудне имевших николи же запустеша священии их манастыри, скудости ради нужных, но и паче возрастаху и поспешествоваху во всех и умножахуся, своими руками тру-

жающеся и хлеб свой ядуще в поте лица своего, по заповеди, а не в чюже руце возряху, и христианьскими кровьми себе утучняху, ниже лихвами съкровиствоваху себе съкровища на земли, яко же ныне творящеи себе чюдотворцов законопологають, не стыдящеся, ниже боящеся страшнаго суда божиа. [...]

Что убо безмилостивно и спротивно святым писанием сътворяю, аще о сицевых беседую с боголюбивыми князи[2], плачася и рыдаа церковное нестроение? Или в стужение вам есть слово истинны? И аще слово просто не приемлете, въводящее вас в исправление преступлений ваших, како имате дело приимати? И убо аще праведных себе мните вяшщей подобает вам ползующих духовне взысковати. Сие бо знамение Соломан мудрый приложи праведным, рек: Обличай мудра, возлюбит тя; и даждь вину мудрому, и мудрейши будеть; скажи праведному, и приложит приимати. Вы же не приемлюще слово учителное от святых писаний, кому уподобитеся? Соломан изъяви: Не обличай, рече, злых, да не возненавидит тя. Не развращаю убо аз христолюбивыа князи словом божиим, но преступающеи божиа заповеди и последующеи человеческым преданием и языческим обычаем, ими же имя божие хулимо есть, тии съблазняют и смущают людей божиих: яко же бо от благых дел наших бог прославляется, сице и от злых хулим бывает. Аще же стужаетеся о проповеди слова истинны, уже воистину сами себе уподобисте рекшим древле к апостолом на соборище[3]: Не заповедию ли заповедахом вам не учити о имени сем. И се исполнисте Иерусалим учениа вашего. Но сей ваш съвет не пребудет, но истребится отнудь силою противляющагося гордым, смиреным же дающего благодать.

О них же убо глаголете, яко еретиков, един аз заступаю и о сих побораю не по закону, и сими разум есть ваш осудити неповиннаго. Но и о сем, якоже о инех, лжете явьствене. Ничто же бо о бозе или мудроствовати или судити изволисте, но единою диавольскую удицу поглотивше, и вместо смирениа Христова мирьскую гръдость восприемше, во всех равне погрешаете и ничто же в вас здраво — ни слово, ни дело, ни умышление. Аще бо был в вас разум здрав и суд прав, уразумели бысте, яко не еретическую злобу заступающе, но о спасове заповеди и правилном учении поборающе, правилне, глаголем, казнитися им, а не во главу, яко же вы хощете, паче от святых отець уставлений мудроствующе, от чрева вашего, а не от писаний

глаголюще, не приемлюще в разум еуангельскую притчю, яже не попусти слугам владыкы дому оттръгнути превсеаны плевелы лукавым в чистой пшеници, но оставити и повеле им до времени жатвы[4]. От неа же убо притча возбраняем богоноснии отци наши, не токмо оне сицево, что на еретиков не повелеша бывати, но и христолюбивии царие, священым отцемь съглашающе, в заточение их отсылаху, умерене пръвие бьенех бывших и безчестно на верьблюдех обведеных по граду, яко же является в житии святаго Амфилохиа. Что же ли по вас и блаженный Иван Златоуст зазрению великому и осужению достоин, возбраняя еретическую смерть, в них же изъявляет притчу плевелную? Рече бо сице яве: Не подобаеть убо убивати еретика, занеже брань неумирима хотяще в вселенную въводитися. Или сие и глаголеть, яко аще хоцете оружиа взимати и закалати еретиков, нужа и многым святым с ними погублятися. Или яко от тех же плевелех многым мощно прелагатися и быти пшеници. [...]

Перевод

Слово ответное против клевещущих на учение евангельское, и о монашеской жизни, и об устройстве церковном

«...Если вы воистину правду любите, то судите по правде сынов человеческих»,— сказал некогда блаженный Давид, словно укоряя за грехи неких людей, противящихся божией справедливости, людей, у которых язык — острый меч, которые стремятся все поставить по-своему и повелениям божиим не покоряются. Помыслы их не божиим духом предводимы, но в тине земной погрязли, не в ароматах плодов, но в колючках и терниях прозябают. Я говорю о напутствиях бесполезных, о заповедях и жизни людей, стремящихся к показной честности, на словах только достоинство ищущих. Когда некоторые из благочестивейших спросят их о страхе перед жизнью евангельской, нет у них слов для ответа и напоминают они рыб безгласных из притчи. Но в то же время одержимы они яростью бесовскою, тотчас с укоризнами многими под-

ступают к вопрошающим, а о взыскании истины не говорят ни слова.

Нечто подобное ныне случилось и с тобой, ведь если бы ты не знал, то следовало бы тебе объяснить, где в евангельских и апостольских, и отческих преданиях повелевается быть монашеской жизни, преизобильной богатством, то есть позволять монахам стяжать села многолюдные и порабощать крестьян — братьев, и у них отбирать серебро и золото неправедное, в миру еще обращающееся. Ты же, кто бы ты ни был, забыв про это, как дело незначительное, тебя недостойное, набросился на меня с укорами, дерзким языком весь к клевете обратился ты, забыл, как перед другими обидчиками затворил божественный Павел царство небесное, не вспомнил ты и праведную заботу нашу о подлинной иноческой жизни, которой справедливо упрекаем сейчас вас, нарушающих монашеские обеты, непокоряющихся правде, слушающих клевету. Как сказал блаженный Павел: «Высокомерие означает и бесстыдство и гордыню». И не удивительно: ведь не говорят хорошее о врачах своих те, кто не имеет власти над своим рассудком,— не могут они оценить дарованную им помощь.

То же и с вами случилось, когда предались вы только мирским заботам, когда возвеселились вы от грабежа и обирания убогих. Сребролюбием и славолюбием очи разума вашего омрачились, не захотели вы совсем слушать слов целомудренных, исцеляющих душу, но уподобились, говоря по псалтири, аспиду глухому, затыкающему уши свои, чтобы не слышать голоса заклинающего[...].

Разузнайте и подумайте, кто и когда из воссиявших в святости и заботящихся о сооружении монастырей стремился присоединить села к своему монастырю, когда обращался он к царю или князьям с просьбой о льготах или с жалобой на обиды подвластных ему селян, или спор имел о наделах земных, или кнутом мучил тело человека, или веревками его связывал, или взыскивал проценты с имущества, как ныне некие делают без страха и мнят еще себя святыми и чудотворцами! Скажите нам, кого вы знаете? Но не сможете вы ответить! Ни Пахомий, ни Евфимий, ни Савва, ни Феодосий, ни Герасим, ни просиявший в святости, как ангел в Афонской горе Афанасий[1],— и сами не терпели ничего такого, и тем, кто после них оставался, строго запретили это. Если с усердием к житиям их приникнешь, то узнаешь многое о них, возлюбивших крайнюю нищету, почасту отказывающихся

даже от дневного хлеба! Однако, несмотря на их подвижничество и постничество, не запустели священные монастыри из-за скромности их, приличествующей сану, но еще более возросли, помогали всем и множились, иноки в них сами трудились и хлеб свой добывали в поте лица своего, как заповедано, а не заглядывали в чужие руки, не наживались на крови христиан, не собирали грабежом себе сокровищ на земле, как ныне делают это почитающие себя чудотворцами, но ни стыда не имеющие, ни страха перед ужасным судом божьим! [...]

Неужели я что-либо жестокое и враждебное совершаю против святого писания, беседуя об этих делах с боголюбивыми князьями[2], плача и рыдая о церковном неустройстве? Или стыдитесь вы слов истины? Но если не хотите слушать вы даже слов, могущих отвратить вас от преступлений ваших, то последуете ли за делами добрыми?! А если праведниками себя считаете, то тем более подобает вам строго взыскивать с тех, кто должен приносить пользу духовную. Это качество мудрый Соломон дал праведным, сказав: «Укажи на ошибки мудрому, и он возлюбит тебя, дай наставление мудрому, и он будет еще мудрее, выскажи все праведному, и он постарается все понять». Вы же, не приемлющие слов учительных от святых писаний, кому уподобляетесь? Соломон толковал: «Не обличай,— говорил,— злых, и не возненавидят они тебя». Не я развращаю христолюбивого князя, произнося слова, богу угодные, но те, кто преступает заповеди божии, следуют людским правилам и языческим обычаям, те, кто хулит имя божие, кто соблазняет и смущает людей божиих. Ведь в добрых делах наш бог прославляется, а в злых — хулим бывает. И если вы стыдитесь, когда провозглашаются слова правдивые, то воистину сами себя уподобляете тем, кто сказал вдревле апостолам на сборище[3]: «Не запретили ли мы вам накрепко учить об имени этом? И вот наполнили вы Иерусалим учением вашим». Но этот ваш суд не состоится, но истребится силой противящегося гордым, дающего благодать смиренным.

О тех вы говорите, как о еретиках, и один только я заступаюсь за них и забочусь о них не по предписаниям, а по справедливости, заботясь, чтобы не осудили вы невинных. Ибо и в этом, как и в другом, вы лжете явственно. Не по богу рассуждаете и судите вы, но так, как будто дьявольскую наживку проглотив, вместо смирения Христова мирскую гордыню восприняли. Во всем в равной мере

грешите вы, и ничего чистого в вас — ни слова, ни дела, ни мысли! Если бы был в вас разум здрав и суд ваш прав, то уразумели бы вы, что не за еретическую злобу я заступаюсь, но забочусь о заповедях Спасителя и его правильном учении. Правильно было бы, говорю, наказывать их, а не умерщвлять, как вы хотите, мудрствуя больше от чрева вашего, чем от установлений святых отцов, говоря не по писанию и не принимая в разум своей евангельскую притчу, в которой не позволил владыка слугам своим прополоть плевелы, посеянные лукавым в чистой пшенице, но оставил их до времени жатвы[4]. По этой притче возбраняли богоносные отцы наши делать с еретиками то, что не велено было; и христолюбивые цари, во всем соглашаясь со священными отцами, в заточение отсылали еретиков, умеренно наказав их вначале и для бесчестья на верблюдах повозив их по городам, как все это показано в житии святого Амфилохия. Что же, по-вашему, и блаженный Иван Златоуст порицания великого и осуждения достоин за то, что был против казни еретиков, объясняя притчу о плевелах. Ясно сказал он: «Не подобает убивать еретика, ибо вражда непримиримая с тем в мире начнется». И так говорил, что если захотите взять оружие и убить им еретиков, то неизбежно и многие святые с ними погибнут,— многие ведь из тех плевел еще могут перемениться и стать пшеницею[...].

Послание старца Филофея царю Ивану Васильевичу

Послание старца Филофеа Псковскаго Елизарьевы пустыни к царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Русии

Благаго убо и преблагаго бога нашего и царя, овии сут тому друзи, инии же верпии раби, друзии неключимии; инии же всячески утождени. Другы убо мню освященнаа главо, безтелеснаа аггельская существа, верныя же рабы, иже волю божию безпрестани творящая, неключимыя же, иже верою крещени мнящееся, делы же отмещутся. Утужденни же иже не токмо сами не хотяще праведно жити, но иже по бозе живущих крепце ратующе. О тех бо Павел к Тимофею пиша рече: «Чадо Тимофею, се виждь, яко в последняа дни настанут времена бедна, будуть человеци жестосерди, любители злату, сребролюбцы, а не боголюбцы; имуще образъ благочестия, крестившеся, обещавшеся богу, а диаволю волю творят, всегда учашеся, а николи же могуть в разумъ истинныи прийти. Ты же, чадо, сих отвращайся, не твори тако, якоже они безаконнии, погибел бо их ведома будет всем, якоже прежде и инех не боящихся бога». О таковых убо

пророкъ Иеремиа рыдаа глаголаше: «Кто дасть главе моеи воду и очима источникъ слезъ, яко да плачю к достоянию Израиля». Такоже и Давидъ пророкъ глаголеть: «Творяи неправду ненавидит своеа душа[...]». Да не презираем божественых правил! Да не како отпаднемъ и горе наследуемъ, яко видимъ и слышим и в прочих странах преступльших божиа заповеди: не разсея ли ны богъ по лицу всея земля, не взяты ли быша грады наша? Не падоша ли сильныа князи наша остреемъ меча? Не запустеша ли святыа божиа церкви, якоже въ царьствующем граде съдеяся?! Не томими ли есмы от безбожных поганъ? Не поведени ли быша въ пленъ чада наша? — Сиа вся бывают нам грех ради наших, зане не съхранимъ заповеден правилъ святыхъ отець, яко не сребром, ни златом искуплени быхомъ от суетьнаго сего житиа, но драгою кровию непорочнаго агньца божия пречиста Христа. [...]

Глаголет убо възлюбленный богословесныи Иоанн[1], иже на тайнеи вечери възлегыи на перси господня и оттуда почерпъ неизреченныа тайны. Въ своемъ откровении пиша рече: «Видех се знамение велие явися на небеси: жена облъчена въ солнце и луна под ногама еа и на главе еа венець от звездъ. 12 въ чреве имущи, вопиетъ болящи, стражущи родити. Се змий великъ черменъ, имея главъ 7 и рогъ 10, на главах, 7 венець и хобот его влекии третьюю часть звездъ небесных. Змии стояще пред женою, хотящею родити, и егда родить, да чадо еа снесть. И даны быша жене обе криле великаго орла, да бежит в пустыню в место свое. Змии же пусти изъ устъ своих воду, яко реку, да еа в реце потопит». Толкование: жену, глаголеть, святую церковь, оболчена въ праведное солнце — въ Христа, луну же под ногама имущу — ветхии законъ, на главе еа венець — обою на десят апостолу учение, болящи ражающи — претворяющи святымъ крещениемъ плотьскаа чада в духовнаа. Змиа же — диавола, глаголеть, чермность, убииство его и кровопийство, 7 глав — злыя его противныя силы, 10 же рогъ потребление царством назнаменует, аже ромеиское и костантинопольское, египетское и прочаа. Чадо жены змии хотяше пожрети — поражаемыа человеки от святыа церкви святым крещениемъ, влагает диавол въ оскверненна по святом крещении, влекии въ свою погибель; бежание жены в пустыню от старого Рима опресночного ради служениа, понеже весь великыи Рим падеся и болит невериемъ аполинариевы ереси неисцелно[2]; в новыи же Римъ бежа, еже есть Кос-

тянтинь град, но ни тамо покоя обрет съединенна их ради с латынею на осмом съборе[3]; и оттоле Костянтинопольскаа церькви раздрушися и положися в попрание, яко овощное хранилище. И паки в третии Римъ бежа, иже есть в новую великую Русию. Се есть пустыня, понеже святыа веры пусти беша и иже божествении апостоли в них не проповедаша, но последи всех просветися на них благодать божиа спасительнаа, его же познати истиннаго бога. И едина ныне съборнаа апостолскаа церковь въсточнаа паче солнца въ всеи поднебеснеи светится и единъ православныи великии руский царь въ всеи поднебеснои, якоже Ной в ковчезе, спасеныи от потопа, правя и окормяа Христову церковь и утвержаа православную веру. А еже змии испусти изъ устъ своих воду, яко реку, хотя жену в воде потопити, видиши ли, яко вся царства потопишася невериемъ, новыя же Русиа царьство аще и стоитъ верою въ православии. [...]

Перевод

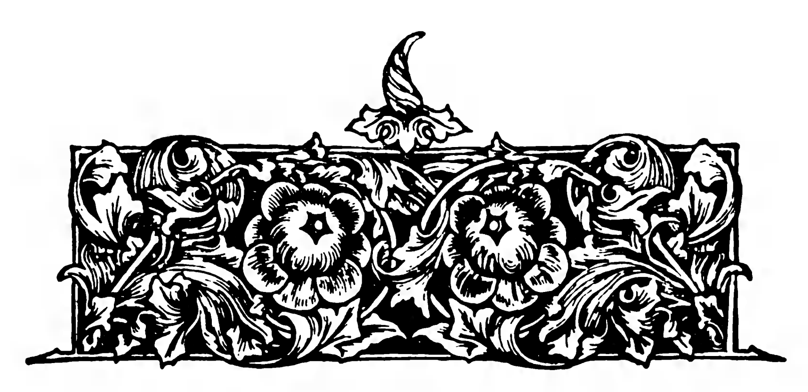
Послание Филофея, старца Псковской Елизарьевой пустыни, к царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси

У доброго и предоброго бога нашего и царя есть друзья и верные рабы, но есть в государстве и люди недостойные и враждебные царю. Под друзьями понимаю я освященную церковь, бестелесные ангельские существа; верные рабы — это те, кто волю божию беспрестанно исполняет; недостойные те, кто хотя и является христианином, но от дел добрых отстраняется; а враги те, кто не только сам не хочет праведно жить, но жестоко борется против тех, кто по божиим законам живет. О таких Павел к Тимофею в послании сказал: «Знай же, чадо Тимофей, что в последние дни настанут времена тяжкие, будут люди жестокосердны, возлюбят они золото, станут сребролюбцами, а не боголюбцами. А имеющие благочестивый вид, крестившиеся и давшие обет богу, сами по дьявольскому наущению живут, всегда учатся, но никогда не смогут найти истинную мудрость. Ты же, чадо, от таких отвращайся, не делай того, что они творят, беззакон-

ники, ибо погибель их известна будет всем, как и прежних других, не боящихся бога». О таковых пророк Иеремия, рыдая, говорил: «О, кто даст голове моей воду и глазам моим — источник слез, чтобы плакал бы я об участи Израиля». Также и Давид-пророк говорил: «Творящий неправду ненавидит свою душу[...]». Так не будем презирать мы божественные правила, чтобы не отпасть нам от веры и не наследовать горе, которое видели мы и о котором слышали в других странах, преступивших божьи заповеди. Не рассеял ли бог такие народы по лицу всей земли? Не взяты ли были города наши? Не погибли ли сильные князья наши под ударами меча? И не томимы ли мы были от безбожных татар? Не уведены ли были в плен дети наши? Все это бывает из-за грехов наших, потому что не следуем мы правилам, установленным святыми отцами, забыли мы, что не серебром, не золотом искуплены были от суеты сей жизни и первородного греха, но кровью дорогою непорочного агнца божия пречистого Христа. [...]

Говорит ведь возлюбленный наш богословесный Иоанн[1], который на тайней вечере бросился на грудь господа и оттуда почерпнул неизречимые тайны. В своем откровении писал он: «Видел знамение великое на небе: жену, облеченную в солнце и луну под ногами ее, и на голове ее венец из 12 звезд. Она имела в чреве и кричала от болей и мук родов. И вот явился змей, большой и красный, с 7 головами и 10 рогами, и на головах его 7 диадем, и хобот его увлек с неба третью часть звезд небесных. Змей стоял перед женою, которой надлежало родить, и хотел сожрать родившегося младенца. Тогда были даны жене два крыла большого орла, и улетела она в пустыню в приготовленное место. И пустил змей из пасти своей воду, как реку, чтобы потопить жену в реке». Толкование: жена — святая церковь; облечена в праведное солнце — в Христа; луну имеет под ногами — Ветхий завет; венец на голове ее — двенадцати апостолов учение; с болью рожает — святым крещением преобращает плотские чада в духовные; змей же — дьявол, как говорится, краснота — жестокость его и кровопийство; 7 глав — злые его, супротивные силы; 10 рогов знаменуют истребление царства, как раньше пали арамейское, константинопольское, египетское и прочии. Дитя жены, которое змей хотел сожрать,— те люди, что рождены были заново в святом крещении, но влечет их и после крещения дьявол к осквер-

нению, подвигая к погибели; бегство жены в пустыню из старого Рима — из-за служения на опресноках, так как весь некогда великий Рим пал и болен неисцелимым неверием — ересью аполлинариевой[2]. В новый Рим бежала, то есть в Константинополь, но и там покоя не обрела из-за соединения православных с латинянами на восьмом соборе[3], потому и была разрушена константинопольская церковь и унижена была, и стала подобна она хранилищу овощей. И наконец, в третий Рим бежала — в новую и великую Русь. Это тоже пустыня, так как не было в ней святой веры, не проповедовали там божественные апостолы, после всех воссияла там благодать божия спасения, с ее помощью познали мы истинного бога. Единая ныне соборная апостольская церковь восточная ярче солнца во всем поднебесье светится, и один только православный и великий русский царь во всем поднебесье, как Ной в ковчеге, спасшийся от потопа, управляет и направляет Христову церковь и утверждает православную веру. А когда змей испустит из уст своих воду, как реку, желая жену в воде потопить, то увидим, что все царства потопятся неверием, а новое же русское царство будет стоять оплотом православия. [...]



СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

Слово печальное...

Инока Максима Грека слово, пространие излагающе, съ жалостию нестроения и безчиния царей и властей последняго жития

Шествуя по пути жестоце и многихъ бедъ исполненнемъ, обретохъ жену, седящу при пути; и наклонну имущу главу свою на руку и на колену свою, стонящу горце и плачущу безъ утехи, и оболчену во одежу черну, якоже обычай есть вдовамъ — женамъ, и окрестъ беша звери, львы и медведи, и волцы и лиси. И ужасохся о странномъ ономъ и неначаемомъ сретении. Обаче дерзнувъ приступихъ къ ней и еже: «миръ тебе, о жено»,— рекъ ей, спрошахъ ея, да речетъ ми: кто убо есть и каково имя ей, и чесо ради при пустемъ семъ пути седитъ, и кая вина плача и скорби есть?

Она же, тяжко воздохнувши, отвещала мне, глаголющи: вскую труды даеши мне, о путниче, молю тя, премини мене молчаниемъ; моя бо безгодная не токмо неудобь сказаема суть, но и отнюдъ неисцельна отъ человековъ; не ищи убо слышати сихъ, ни единъ бо успехъ будетъ ти отъ слышания сихъ, паче же сопротивное въ бедахъ

себе ввергнеши. Къ прочимъ бо многимъ моимъ неисцельнымъ безгодиемъ правящии ныне мене, отъ многия ихъ жестости, ниже мало общеполезное советование примаютъ доброхотныхъ ихъ, еже и паче иныхъ прозябшихся въ нихъ страстей, мене убо неключиму и поругаему сотворили, себе же самехъ удобь пленяемыхъ показали живущихъ окрестъ ихъ. Сего ради, о преходниче, иди, радуяся, путемъ твоимъ и не взыскуй всуе, яже о мне, не можеши бо притворити мне ни едино исцеление, ниже пользу.

Мне же крепце належащу и виновное печали ея ведети, молящу ея и глаголющу: «О, честнейшая въ женахъ! Аще и не едино исцеление ни пользу могу притворити тебе, но сама убо облегчишися малымъ чимъ отъ томящия тебе болезни, открыющи ея, семъ же и иже по мне сия слышащеи, объимемъ пользу немалу; обыче бо человеческий родъ якоже слыша чюжая доброхвальная исправления, тщится ревновати я, сице паки чужими безгодии твердити себе, да не въ техъ же лютыхъ паднуть; сего ради, молю тя, глаголи со дерзновениемъ, ничесо же утаиши, яже о себе».

Сими она умолена бывши, восклонила мало главу свою и, воззревши на мя, рече: «Азъ бо ленихся поведати тебе, о преходниче, яже о мне, да не сия писанию предана бывши тобою, напасть некую и ненависть воздвигнутъ на тя отвращающимися истины и поучение старческое ненавидящими, еже, паче всякого иного градскаго недугования, конечную наводитъ погибель человеческимъ начальствомъ и властемъ; обаче, всехъ содетеля и владыки человеколюбию и благости возложивши, все повествую тебе, вся виновная печали моея, негли, богу человеколюбствовавшу, елико нецыи благоразумнейши слышавше и раскаявшеся, отступятъ толь великого своего нечуствия и безобразия, и изберутъ угодная вышнему и славу, и честь, и возрастение державы ихъ приносящая, слыши убо внятно, елика желаеши слышати отъ мене.

Азъ убо, о преходниче, едина есмь отъ благородныхъ и славныхъ дщерей всехъ царя и содетеля и Владыки, отъ него же сходитъ всяко даяние благо и всякъ даръ совершенъ на сыны человеческия, ищущихъ его всякими праведными деянии и чистымъ житиемъ, отъ него же всяко отечествие на небеси и на земли, имя же мне не едино, но различно: и начальство бо наричуся и власть, и владычество и господьство, суще же мне имя, аки об-

держительне предреченныхъ, Василия, имя есть мне. Сие изряднее имя получивши отъ вышняго, понеже владеющии мною должни суть бывати крепость и утвержение сущимъ подъ рукою ихъ людемъ, а не па҃губа и смятение безпрестани; сице бо толкуется греческимъ языкомъ наречение Василиево, его же множайшии не разумевше и недостойне царскаго наречения моего вещи подручниковъ устроивше и мучители вместо царевъ бывше, и мене обезчествоваша и себе въ последнихъ лютыхъ и болезнехъ ввергоша, достойно своего безумия и летости восприемше отъ вышняго возмездие».

Азъ же сихъ слышавъ, падъ предъ честную ногу ея, поклонихся ей съ приличнымъ стыдениемъ и благоговеинствомъ, прося у нея, да проститъ мене, о немъ же по неведению, не воздалъ есмь ей изначала должную честь царемъ, вкупе же и молилъ ея, да и виновное печали своея и седанию, еже на пути пусте, скажетъ ми пространнее, да разумею, яже о ней, явственнее. И она, радостне устроившися ко мне, рече: «Елма, о преходниче, вижу тя ревностию по бозе и любовию нелицемерною, яже къ роду вкупо родныхъ тебе человековъ желающа ведети от мене, яже о мне, да всяко нецыи пользу приимутъ прилежнымъ взысканиемъ твоимъ, слыши прочее и тобою вси елико истиною благоверни суть и вышнему угодити желаютъ и безконечнаго царствия его получити.

Мене, о преходниче, дщерь сущу, якоже предрекохъ ти, царя и содетеля всехъ, вси вкупе, елицы славолюбцы и властолюбцы суть нравомъ, подручити себе тщатся, мало же зело суть сущии истиною мои рачители и украсителе, иже достойне отца моего и царскаго наречения устрояющеи вещи живущихъ на земли человековъ, множайши бо подручниковъ моихъ, сребролюбиемъ и лихоимствомъ одолеваеми, лютейше морятъ подручниковъ всяческими истязании, денежными и нужными строении многоценныхъ домовъ[1], ничимъ же пособствующи ко утвержению державы ихъ, но точию на излишнее угожение и веселие блудливыхъ душъ ихъ[...]. ,Сущии во властехъ беззаконно и богопротивно ныне пируютъ, гусльми и сурнами и тимпаны и смехотворении всяческими, скверныесловии же и буесловии себе обливающе, забывше божия пророка, окаивающаго таковыхъ и глаголющаго: «Горе, востающимъ утро и сикеру прилежно ищущеи, дневнующии въ пиянстве и вечеръ ждуще; вино бо ихъ сожжетъ съ гусльми бо и псалтырею и тимпаны и сурнами пиютъ вино, дела

же господня не смотрять и дела руку его не разумевають». Совершаемая сице пированія языкомъ суть безверникомъ и не знающимъ бога, ни страшный его судъ и горькия и вечныя оны муки, ихъ же наследствують прогневающии горце вышняго сицевыми своими богомерзкими пированиии; такова бо пированния ничтоже разликують пиянства и скверноубийства Иродова, иже аще бы не преже растлелся царскимъ умомъ отъ беззаконнаго преблудства и безмернаго винопития, не бы убо усекнулъ священную главу божественнаго Предтечи и крестителя Иоанна, и отроковицы пляшущей мзду не далъ бы[...].

Такова возмездия и почести случитися обыче презирателемъ законъ и уставовъ всехъ царя и владыки и сицевыя плоды присно объемлють, иже лихоимствомъ всяческимъ и пиянствомъ и плотскимъ нечистотамъ себе вдавають царие и князи и елицы сребролюбию рачителе неистови суть; къ симъ же неразумие божие, забвение смерти, яже по смерти соблюдаемыхъ мукъ нечестивымъ и грешникомъ, къ симъ же прибываеть безмыслие и безумие и гордость сатанинска и ума изступление и еже есть последнее всехъ страстей самоволие и самоугодие [...]. Въ толикихъ лютыхъ ввергнуть себе всегда и толь лютымъ мукамъ подлежать, иже ложне обложени суть моимъ царскимъ саномъ отъ многаго своего безумия же и безчувствия. Уже слышалъ, о преходниче, еже желаше слышати отъ мене, ныне убо шествуй, радуяся путемъ твоимъ, аще и отнюдь летъ есть тебе радоватися, слышавшу толикими лютыми обдержиму вселенную».

И азъ о сихъ поболевъ, якоже лепо бе, помолилъ есмь ея, глаголя: «Не ленися, госпоже моя, молю тя учити мене малыми: чесо ради при пути семъ пусте седиши, обступаема толь лютыми звери?» — И она паки ко мне: «Пусть убо путь сей, о преходниче, окаяннаго века сего последняго образуеть, аки лишена ужъ и пуста суща отъ царей благоверномудренныхъ и ревнителехъ отца моего небеснаго, вси бо своихъ си ищуть, а не вышняго, не яко да его прославять праведными деянии и благотворении и противоополчении къ тщащимся выну истребити отъ лица земли, юже въ него, божественную и поклоняемую веру, но яко да себе расширять пределы державъ своихъ, другъ на друга враждебне ополчашеся[2], другъ друга обидяще и кровопролитию радующеся вкупе верныхъ языкъ, другъ друга наветующе, аки звери дивии всяческими лаянии и лукавствии, о поклоняемей же церкви Спаса Христа, люте

растерзаеме и наветуеме различными образы отъ христиа-ноборныхъ измаильтянъ, ни едино попечение есть имъ. Како убо, не праведне ли прикладается пути пусту треокаянный сей векъ, а сама вдове жене, и вдовства ризами одеяна сижу, отъ дивиихъ зверей объемлема, и отъ нихъ растерзаема, якоже преже малыми сказахъ тебе, и, еже паче иныхъ въ печаль последнюю ввержетъ мене, яко не имамъ побораюшихъ по мне, по ревности божии, и исправляющихъ обручники моя безчинствующихъ, яцехъ же имехъ древле. Не имамъ Самуила великаго, иерея вышняго, противоополчившагося со дерзновениемъ Саулу преступнику; не имамъ Нафана, исцелившаго благокозненною притчею Давида царя и отъ падения оного лютаго избавивша; не имамъ подобныхъ ревнителехъ Илии и Елисею, не стыдившихся беззаконнейшия насильники царя самарийския; не имамъ Амвросия чуднаго, архиерея божия, не убоявшагося высоты царства Феодосия великаго; не имамъ Василия великаго, во святости и во всякой премудрости возсиявшаго, и премудрейшими учении ужасивша моея сестры гонителя Уалента; не имамъ Иоанна великаго[3] и златаго языкомъ, среброл юбиву и лихоимницу царицу Евдоксию изобличившаго, не стерпевша презрети теплыя слезы бедныя оны вдовы. Како неправедне ли, вдовеющей жене подобна сежу, при пути пусте, окаяннаго, глаголю, нынешняго века, таковыхъ поборниковъ и ревнителей лишена. Сицева убо безгодная моя, о преходниче, достойна рыданий многихъ; ты же сихъ слышавъ, непрестанно моляся всехъ царю и владыце, да по его человеколюбию и благости неисчетней, благоизволитъ отверсти къ нимъ человеколюбныя утробы благости своея, да восприимутъ правду и всякого богоугоднаго жительства и щедроты подручникомъ, и отступятъ всякия злобы и неправды, да сподобятся, праведною и богоугодною ихъ властию земскою, получити безконечнаго царствия небеснаго со всеми, иже благоверно и богоугодно устроиша земскую сию царскую державу, о Христе Иисусе, господе нашемъ, ему же слава, честь и поклонянпе въ безконечныя веки, Аминь.

Перевод

Инока Максима Грека слово печальное, пространно излагающее несогласия и бесчинства царей и властей нашей жизни

Идя по пути трудному, исполненному многих страданий, увидел я женщину, сидевшую при пути. Склонив голову на руки и опершись ими о колени, она горестно стонала и безутешно плакала. Одета была в черную одежду, а вокруг нее были звери: львы и медведи, волки и лисицы. Ужаснулся я странной и неожиданной этой встрече, однако осмелился подойти к женщине и приветствовал ее словами: «Мир тебе, о женщина», и спросил ее, кто она, и каково ее имя, и почему она сидит на этом пустынном пути, почему плачет, и в чем причина ее скорби?

Тяжело вздохнув, она так отвечала: «Напрасно утруждаешь меня, о путник, прошу тебя: молча пройди мимо, ибо все мои невзгоды нельзя пересказать и ничем люди не помогут исцелить их. Не спрашивай — никакой пользы не будет тебе от того, что ты хочешь узнать, напротив, только сам в беду себя ввергнешь. К моим неисцелимым недугам ныне присоединились и другие: властвующие надо мною из-за своей великой жестокости совсем не слушают полезных советов своих доброжелателей и от этого больше, чем от других развившихся в них страстей, подвергают меня поруганию и сами легко и поспешно становятся пленниками живущих окрест них. Поэтому, о странник, иди спокойно своей дорогой и не старайся разузнать обо мне, это тщетно — ты не сможешь принести мне ни исцеления, ни пользы».

Но я настаивал и, желая узнать причину ее печали, просил ее, и говорил: «О, честнейшая среди женщин! Пусть не смогу я ни помочь тебе, ни дать исцеления, но ты сама облегчишь немного томящие тебя страдания, если откроешь их; и я сам, и все, кто услышит от меня об этом, получим немалую пользу; ведь если люди, слыша о чужих достойных похвалы делах, стараются подражать им, то тем более чужие невзгоды заставляют их остерегаться, чтобы избежать тех же бедствий. Поэтому молю тебя, говори смело, не скрывай ничего о себе».

Растроганная этими словами, приподняла она голову и, посмотрев на меня, сказала: «Я не хотела рассказывать о себе, о путник, чтобы мой рассказ, записанный тобой, не навлек на тебя напасти разные и ненависть со стороны тех, кто отворачивается от истины и ненавидит поучения мудрецов, ибо это больше всякого другого мирского недуга приводит к гибели начальства и власти людские. Всю надежду возложив на бога, создателя всего и владыку человеколюбия и благости, все поведаю тебе, открою причины моей печали, чтобы по человеколюбию божию некоторые благоразумнейшие услышали и раскаялись, чтобы отказались от равнодушия и безобразий, столь сильных в них, чтобы предпочли, наконец, то, что угодно вышнему, что приносит славу и честь, что поможет росту их державы! Слушай же внимательно то, что ты желаешь услышать от меня!

Я, о странник, одна из благородных и славных дочерей царя и творца всех и владыки, от которого исходят всякие деяния добрые и всякие дары совершенные сынам человеческим, ищущим милости его разными праведными делами и безгрешной жизнью, от которого все законы и на небе и на земле. Имя у меня не одно, а несколько: зовусь я начальством и властью, и владычеством, и господством, имя мое, содержащее смысл всех названных имен — Василия. Таково мое имя! Это достойное имя получила я от вышнего, ибо владеющие мною должны способствовать укреплению и утверждению подвластных им людей, а не пагубе и беспрестанному смятению. Так толкуется греческим языком имя Василия. Но многие не понимают этого и управляют делами недостойно моего царского имени, являются мучителями, а не царями, и тем самым и меня опозорили и себя крайним бедствиям и болезням подвергли, получив от вышнего возмездие за свое безумие и леность».

Слыша это, припал я к ее ногам, поклонился скромно и благоговейно, прося простить меня, что по неведению не воздал ей почести, подобающие царям, и вместе с тем молил ее рассказать подробнее о причинах ее печали и о том, как она оказалась на этом пустом пути, чтобы я мог понять все, что касается ее. И она, приветливо обратившись ко мне, сказала: «Я вижу, странник, что ты ревностен в боге и полон любви нелицемерной к роду человеческому, родному тебе, и хочешь ты узнать обо мне, чтобы принести всяческую пользу другим своей прилеж-

ной пытливостью. Так слушай дальше, и пусть с тобою услышат все, кто истинно благоверен и желает угодить вышнему, кто стремится к вечному царству его.

Меня, о странник, как представилась я, дочь царя и создателя всех, стараются подчинить себе тщеславные и властолюбивые люди; и очень мало вижу я других — тех, которые истинно заботились бы обо мне и украшали бы меня, кто устраивал бы дела людей, живущих на земле, достойно отца моего и царского моего имени. Больше среди тех, кто окружает меня, таких, кого одолело сребролюбие и лихоимство, жестоко изнуряют они подвластных им людей всяческими поборами денежными и принуждают их работать на постройках дорогостоящих домов[1], нисколько не способствуя тем укреплению государства, а заботятся они только о себе — ублажении и увеселении своих развратных душ[...]! Власть предержащие беззаконно и богопротивно ныне пируют, развлекаются гуслями и сурнами, и шутками смешными, сквернословят, произносят безрассудные дерзкие речи, забыв слова божиего пророка, осуждающего таковых и сказавшего: «Горе тем, кто с раннего утра настойчиво ищут сикера, кто день проводит в пьянстве и вечер ждет для пьянства, вино сожжет их с гуслями и псалтырью, и тимпанами, и сурнами; пьют они вино, а на дела господа и не взирают, и о деяниях рук его не помышляют». Такие пиры пристойны язычникам, не знающим ни бога, ни страшный суд его, ни горьких и вечных мучений, которые навлекают на себя, тяжко прогневившие бога своими богомерзкими пирами. Такие пиршества нисколько не отличаются от пьянства Ирода и его мерзких убийств, ибо, если бы изначала не растлился бы царский ум от грешного прелюбодейства и безмерного винопития, то не отрубил бы он священную голову божественного Предтечи и крестителя Иоанна, не дал был ее в награду девице пляшущей[...].

Такие возмездия и вознаграждения обыкновенно бывают тем, кто презирает законы и уставы царя всех и владыки, такие плоды всегда получают те, кто предается всяческому разбою и пьянству, и плотским излишествам — цари и князья, и неистовые рачители сребролюбия; прибавь к этому еще нежелание познать бога, забвение смерти и мук, ожидающих после смерти нечестивых и грешников, к этому же присоединяются еще глупость и безумие,

и гордость сатанинская, и исступление ума, и, наконец, худшие из всех страстей — самоволие и угождение самому себе[...]. В такое зло всегда повергают себя и таким жестоким мукам подлежат те, кто ложно облечен моим царским саном из-за своего безумия и равнодушия. О странник, ты услышал уже все, что хотел узнать от меня, продолжай спокойно свой путь, если только ты можешь оставаться спокойным, узнав, каким злом одержима Вселенная».

Поскорбев об этом как подобало, я стал молить ее, говоря: «Потрудись, госпожа моя, еще немного мне объяснить: почему сидишь ты при этом пустынном пути, окруженная такими лютыми зверями?» И она опять отвечала мне: «Пустынный путь этот, о путник, знаменует собой окаянный век сей нынешний, а лишен всего и пуст он оттого, что нет на нем царей благоверномудрых, ревнителей отца моего небесного, ибо все только о своем заботятся, не думая о вышнем,— о том, чтобы прославить его делами праведными, благотворением и борьбой с теми, кто хочет истребить с лица земли божественную и достойную поклонения веру, кто стремится расширять пределы держав своих, кто друг на друга враждой ополчается[2], друг друга обижает и радуется кровопролитию христианских народов, кто клевещет друг на друга, как дикие звери, всяческой бранью и хитростью; а о достойной поклонения церкви спасителя Христа, жестоко терзаемой и различным наветам подвергшейся от борющихся с христианством измаильтян, нет у них никакой заботы. Разве не справедливо сравнить треокаянный сей век с пустым путем? И я сама, уподобляясь вдове, одета во вдовьи одежды, сижу, окруженная дикими зверями и, как сказала тебе уже раньше, терзаемая ими. И что больше всего повергает меня в печаль крайнюю, так это то, что не имею я помощников, проникнутых ревностью божией, которые защитили бы меня от бесчинствующих женихов моих; нет у меня защитников, которых я имела раньше: нет у меня Самуила Великого, иерея вышнего, дерзновенно ополчившегося на Саула-преступника; нет Нафана, исцелившего мудрой притчею Давида-царя и избавившего его от страшного падения; нет ревнителей, подобных Илье и Елисею, не устыдившихся беззаконных насильников — царей самарийских; нет Амвросия, достойного удивления божия архиерея, не убоявшегося величия царской власти Феодосия Великого; нет Василия Великого, воссиявшего свя-

тостью и мудростью, устрашившего премудрым учением своим моей сестры гонителя Валента. Нет Иоанна Великого[3], Златоустого, изобличившего сребролюбивую и лихоимствующую царицу Евдокию, не пренебрегшего теплыми слезами бедной той вдовы. Не справедливо ли уподобляюсь я вдовствующей женщине и сижу на пустынном пути окаянного нынешнего века, лишенная защитников и ревнителей. Таковы, о странник, бедствия мои, причина рыданий многих. Ты же, услышав об этом, непрестанно молись царю и владыке всех, да благоволит он по своему человеколюбию и доброте бесконечной обратить к ним помыслы человеколюбивой милости своей, чтобы восприняли они правду, избрали богоугодную жизнь, проявили щедрость к подвластным и отступили бы от всякой злобы и неправды, чтобы праведной и богу угодной земной их властью сподобились получить бесконечное царство небесное со всеми, кто благоверно и богоугодно устроил земную эту царскую державу. О Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава и честь, и поклонение в вечные времена. Аминь.

Послание царю Ивану IV

Да исчезнет от всякыя благочестивыя мысли лъжа и ласкание, и завистливъ нравъ, такожде да исчезнет всяко неправодейство и лихорадство, да множит же ся всяко праводейство и истина, и християнолепенъ нравъ и кротост, в них же ими же изрядно украшаеться иже по образу и подобию божию рукою божиею създаный изначала человекъ, о нем же премудрейше речено быст пророкомъ и богоотцомъ: «И человекъ въ чест быв не разуме, приложися скотом несмысленым и уподобися имъ», сиречь нетлениемъ и безсмертиемъ и всякою премудръстию и разумом преукрашенъ бывъ, не разуме изрядную высоту даровъ небеснаго сана ему отъ създавшаго его, прельстився словесы льстивыми жены легко-

умныя, его же ради приложися скотом несмысленым и уподобися имъ, смертенъ бывъ от безсмертнаго и тлененъ от нетленнаго [...].

Яко же повышше предрече ми ся, и ныне глаголю: «Да исчезнет от всякыя благоверныя мысли всяко ласкание и лъжа и завистливъ обычай, истину же и правость нрава да любит всякъ, и нарочитая и достохвалная исправлениа царствующих благоверно и якоже богу благоугодно ест не млъчаниемъ миновати, ни забвению предати, завистию побежаем, но да хвалит я у себе и иным ведома да творит, да презелне въспеваемъ бываетъ и славится царь царствующихъ и господь господствующихъ, от него же учинени сут по божественному апостолу сущая на земли власти, от нихъ же едина ест изрядна и светлейша царствие твое, еже по отческому жребию многолетному дошедше даже до твоего благоверна, благочестивейший самодерьжче всея Руси, государь княз великий Иване Василиевич, ему же вручену бывшу ти от вышняго богоначалиа, правишь е всякою правдою и правосудиемъ, очищая е премудрейшими умышлении и строении от всякого неправдования разбойничества же и кровопролитиа неправеднейших и клеветникъ бездушнейших и влъшебныа прелести и всяческых сатанинськых играний чювественых бесовъ, слуговъ антихристовыхъ, пленящих душя верных въ всякых богомрьзкых блужении, яко и нам съ необиновениемъ мощи глаголати и о твоем царствии речи пророчьскыя молитвы, глаголюща: «Боже суд твой цареви нашему далъ еси и правду сыну цареву, яко судити людемъ твоимъ правдою и нищим твоим судом и избавляти сыны убогых от насильствующих я и обидящих люте», темь же никто же толь готовъ и усерденъ, якоже избранный твой царь и защититель нашъ въ еже пособляти обидимымъ и отмъстити насилничаемых, поминая добре молящагося тебе пророка и царя и глаголющаго: «Сътворих судъ и правду, не предажь мене обидящим мя видимым и невидимым врагом». Утишилася земля древле убо, яко же слышимъ, при пресловутых царехъ Александре Македоньствем и Августе кесаре. Утишила же и при тебе, благовернейший самодеръжче нашъ от различныя злобы и неправодельства велеименитаа страна всея Руси, управляема предобрейше твоими премудрыми умышлении и велении, по их же уповаемъ известно, яко и горы словении въсприимут людемъ съвръшеный мир и холми сущеи о благоверней дръжаве твоей славнии князи и велможи

възлюбят всяку правду, повинующеся твоим праведнейшим уставом и велением взирающе на твое человеколюбнейше изволение, якоже на доброту одушевленую и образ самыа божественыа благости, из нея же невидимо озаряемъ велемудреный и быстрейшый умъ твой царскый. Всехъ преимееши и всехъ одолеваеши яко же царскымъ саномъ, тако же превъсходиши всехъ разумом и премудростию божественою и благостию къ всемъ требующимъ твоея благолепныя помощи царскыя, ея же да сподоблюся получити и азъ, окаянный, лета ужь доволна удръжимъ и различными обьстоянии озлобляемъ и якоже лодиа въ пучине безпрестанно обуреваемъ всякыми треволнении[1]. Ущедри мя, благовернейшый царю, и многолетнаго озлоблениа благоизволити избавити мя щедротъ ради всемилостиваго бога [...].

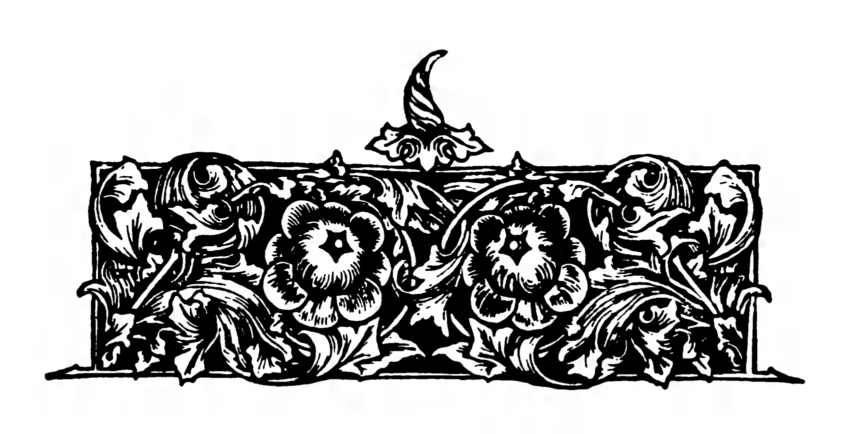
Перевод

Пусть исчезнут из благочестивых мыслей ложь и льстивые увещания, пусть исчезнут также несправедливость и злорадство, пусть умножатся справедливость и истина, и нравы, достойные христианина, и кротость, ибо в них и ими изрядно украшается созданный по образу и подобию и рукою божиею человек. О нем премудрейшим сказано было пророком и богоотцом: «И человек, удостоенный великой чести, не оценил этого, сравнялся со скотиной неразумной и уподобился ей». Это значит, что человек нетленностью и бессмертием, и всякою премудростью, и разумом преукрашен был, но не оценил он необыкновенную высоту даров небесного призвания своего создателя, прельстился словами коварными женщины безрассудной и, послушав их, сравнялся со скотом несмысленым, и уподобился ему, лишился бессмертия, стал тленен из нетленного. [...]

Как уже выше сказал я, так и теперь говорю: пусть исчезнет из всякой благоверной мысли любая ложь и лесть, и зависть, пусть возлюбит каждый истину и справедливость, и славные, достойные всяческой похвалы правила царствующих благоверно. Если богу угодно, то ни молча-

нием обойти, ни забвению предать, ни завистью победить не удастся, и да восхвалит каждый у себя и другим сделает известным, и громко воспеваем пусть будет и прославлен царь царствующих и господь господствующих, от которого, по заповедям божественного апостола, вся сущая на земле власть, и от нее одно есть достойное и светлейшее царствование — твое, по отческому жребию многолетнему дошедшее до твоего благоверия, благочестивейший самодержец всея Руси, государь и князь великий Иван Васильевич! Тебе вручено оно от вышнего богоначалия, так управляй им согласно с правдой и правосудием, очищай его премудрейшими замыслами и законами от всякой несправедливости и грабительства, и кровопролития неправеднейших, клеветников бездушнейших, и колдовских, обманных соблазнов и всяческих сатанинских игрищ чувственных бесов, слуг антихриста, завлекающих души верных во всякие богомерзкие заблуждения. Тогда и мы сможем правдиво и искренно о твоем царствовании сказать словами пророка: «Боже, даруй царю суд твой и сыну царя — твою правду. Да судит он праведно людей твоих и нищих твоих на суде и спасет сынов убогих от насильствующих и жестоко притесняющих», потому что никто другой так не готов к этому и так неусерден, как избранный наш царь и защитник наш, ибо он избавит угнетенного и отомстит за обиженного. Вспомнит он слова молящегося царя и пророка, сказавшего: «Сотворил я суд и правду, так не предавай меня обидчикам, видимым и невидимым». Укрепились, успокоились страны в древности, как ты слышал уже, при пресловутых царях Александре Македонском и Августе-кесаре. Успокоилась наша страна и при тебе, благовернейший самодержец наш, избавилась от всевозможной вражды и несправедливости. Многославный народ всей Руси управляем предобрейше твоими премудрыми мыслями и указами, и от них совершенный мир установится для людей на горах славянских и на холмах — благочестивое владычество твое славное. Князья и вельможи возлюбят правду, повинуясь твоим праведнейшим указаниям и повелениям, взирая на человеколюбивейшие твои устремления как на саму доброту одушевленную и образ божественной благости, которая невидимо озаряет многомудрый и пребыстрый ум твой царский. Как своим саном ты выше всех людей и всех подчиняешь себе, также превосходишь ты всех разумом и мудростью божественной, и милостью ко всем нуждающимся в твоей

помощи благолепной царской. Ее же надеюсь получить и я, окаянный, довольно уже лет преодолевший, различными трудностями озлобляем бывший, как ладья, попавшая в пучину, беспрестанно обуреваем всякими треволнениями![1] Окажи мне милость, благовернейший царь, избавь меня от бедствий, которые терплю уже много лет, окажи мне милость ради щедрот всемилостивого бога [...].



Федор Карпов
Послание к митрополиту Даниилу

Высокиа книжности разуму уроженному, святейшему господину Даниилу, митрополиту всеа Руси, рабъ святыни[1] твоеа Феодорець Ивановъ сын Карповъ челомъ бьетъ

Право убо и достойно есть естеству, и писанию повелевающу, такова престола отца и добре прилежаща учительству в сугубей чести и в бесчисленомъ хвалении имети подобаеть, наипаче разумнихъ ученыхъ и мудрыхъ, сего ради не оскудееть отъ внутрь сердца моего любовь ниже отъ арганъ гласа хвала, ниже отъ помысла честь величества твоего, но всегда честь и имя твое и хвалы прибыти желаю, донеле вещей естество в сем веце пребудеть, отъ коихъ убо всехъ, якоже отъ словесъ епистолии твоеи, пресветлеише, научаюся. Пространее и полнее во иное время благополучное слово изрядно тебе и твоимъ добродетелемъ пригодно сотворимъ, но ныне же, в настоящихъ, первая вина еже запинаеть писати многаа, зане великими скорбьми одръжимъ есмь. Увы, ныне несть мне время епистолей слагати, но время належитъ рыданию, не бо плачевнаа книга Иеремеи[2] на толикихъ рыдании исполнена быти можеть, елико моа худая епистолиа. Вто-

рая вина есть: аще хощеши, рече, иного да млъчить — первие самъ умлъчи, и язъ ныне о техъ, яже умыслилъ, млъчание устомъ моимъ налагаю.

Ныне убо что отвещаю тебе, и како пресветлейшей епистолии твоей конець наложити возмогу, како бо возможно есть мне не свершеному отъ свершенныхъ и вышнихъ вещехъ свершенейшему тебе отвещати, светлеишая бо твоа епистолиа ползовати мне тебя пишеть, но како солнце небесныи светъ просить блистаниа отъ мирскиа вещи, море, водамъ мати, желаеть речныа капли, елико звезды отстоятъ отъ земли, и елико западъ отъ въстока, и светъ отъ тмы, и сладкое отъ горкаго, и белость отъ черности, толико исповедую моему несвершению отстоати отъ твоего съвръшениа. Что убо напишу, или что тебе подати не вемъ, обаче да не безъблагодаренъ твоимъ благодеяниемъ обрящуся, да не глухъ противу честныхъ писаний твоихъ буду. Пакы перо на похвалу, образцу добродетели зерцалоименуа тебя, и поучениа златаго сладчайши арганъ написую тебе славнейша света учителю, не сумнюся убо и звездою светлою нарищи тебе, отъ нея же лучи злаго слуха не исходятъ; ты светилникъ горящъ, иже тмы омрачениа не весть; ты благовонный цветъ добродетели, иже смрада оклеветателнаго гнушается; ты бисеръ всехъ благыхъ, ты светъ учителемъ, ты уста Христова, ты гласъ небесный, ты книжникъ живота, иже о мне, мне и не хотящу, славиши мя честию, ей же убо не достоинъ есмь, везде о мне проповедаеши и писании твоими угоднейшими мене чествуа, поздравляеши, в нихъ же пакы ты, славны православныа церкви светъ, солнца яснее, мой темныи умъ мракомъ неведениа омраченъ къ осианию вечнаго света призываеши она и вышняа лепота человеческие жизни светомъ премудрости просвещеная путь нравомъ писаниа таиньствомъ, правила живота, светилникъ блудящимъ ногамъ моимъ на рекахъ вавилонскихъ[3] [...]. Твое бо учение светлое темнаго Феодора просвещаетъ, и по сихъ многая благодарениа воздаю тебе за твоа благодеаниа, да безъ благодарьствиа порокъ убежати возъмогу, безъблагодарство бо врагъ есть души, испражнение добродетелемъ, силамъ душевнымъ разсточение, добродействомъ пагуба, и ветръ жгомы изсушаа источникъ милости росу благоутробиа, и потокъ благодати смущая. Сея ради вины прилеженъ бехъ и прилежнее буду повелениемъ твоимъ всегда повиноватися, и благодарение отъ себе благотворящимъ воздати, понe бо и зверие порокъ безъбла-

годарства бежати видимъ и с причастимые пищи хранити память. Азъ бо желаю, дабы писанеицо сие неученное твоимъ ученнымъ ушесамъ тако бы сладко было, якоже устомъ моимъ сладка твоа рыбица, туне поданная.

По предиреченныхъ же веледушна мя твориши к терпению даже до конца светлейшими епистолии твоей совещаниа во скорбехъ и противствехъ моихъ, но зане человеци в семъ мире скорбемъ подлежашие възранныхъ чинехъ плавають, сего ради за провожение долгаго времени в настояшихъ такоже умыслихъ нечто тобе отъ малыхъ написати, и за разумъ тех спригодно то видящеся последующи, сподвигнути слово или дело народное или царьство или владычьство къ своеи вечности, паче приемлетъ правду или тръпение. Аще речемъ, яко тръпение паче есть потребно к соблюдению владычества или царства, тогда вотще сложены суть законы [...]. Аще бо подъ тръпениемъ жити уставиши, тогда несть треба царьству или владычьству правители и князи; престанетъ убо начальство, владычьство и господьство и живется безъ чину: с молвою силный погнететъ безсилнаго, да тръпение имать. Ниже треба будетъ судеи въ царстве имети, иже коемуждо правду учинят, зане тръпение вся исполънитъ, идеже въ тръпении жити будетъ.

Аще же речемъ, яко правда есть потребна во всякомъ градскомъ деле и царстве къ прибытию царства поне иже единому комуждо еже свое есть въздается свято и праведно живется, тогда хвала трпения погибнеть. Внегда глаголется «въ тръпении вашемъ стяжете душа ваша», къ разрешению сеа речи ведомо есть, яко ин есть судъ въ духовныхъ лицехъ, а инъ въ мирьском начальстве, всемъ бо христовернымъ имеемо есть терпение, такоже подъ заповедью и еуаггельскимъ советомъ овемъ боле, овемъ менши по разчинию лицъ и дела и времени. В монастырехъ бо отъ братии никогда подобаеть оскудети тръпению, в мирском же начальстве истязуютъ, многа бо подовластныхъ, овогда убо слугъ, иногда оружии, другоіїци коней, иногда одежъ красныхъ, иногда инакоя състоятся сребромъ пенязьми; и аще реку: азъ тръплю, не имея же предъреченныхъ, въ что вменится мое тръпение, разве оставится отъ отечества, изгонится отъ службы честны, причтется нищь ко службе непотребне и некако по его отечьству къ тому же и домовная потреба много стужить, зане тръпениемъ отягчени зелнымъ таци. Дело народное въ градехъ

и царствехъ погибнетъ длъгодушьствомъ тръпениа, долготръпение в людехъ безъ правды и закона общество добро разърушаетъ, и дело народное ни во что низводитъ, злыа нравы въ царствехъ вводить, и творитъ людей государемъ не послушныхъ на нищету. Сего ради всякъ градъ и всяко царьство, по Аристотелю, управлятися имать отъ началникъ въ правде и изъвестными законы праведными, а не тръпениемъ, зане мы, человеци, иже естьмя в сем мори велицемъ, в немже бури бедны, требу имамы жити подъ цари, иже насъ въ царьствехъ и градехъ своихъ по коегождо сподоблению праведне пасуть, неповинныхъ защищаютъ, вредимыхъ разърешаютъ, вредящихъ и озлобляющихъ казнят, неисцелныхъ же весма отъ среды благыхъ возъмутъ. Темже въ всякомъ языце и людехъ треба есть быти царемъ и началникомъ, иже подобають имети подобие гуслей игреца Давида в себе. Якоже бо гусленикъ струны блудящие соединяеть къ согласию, и къ соединению сладости бряцаниа, касая, приводить, тако началникъ всякаго самодръжства блудящихъ и врежающихъ грешникъ понудити имать на согласие благыхъ грозою закона и правды, а добрыхъ подвластныхъ беречи своимъ жалованиемъ и уроженною милостью и раздражати къ добродетелемъ и добрымъ деломъ мъздами и сладкими и благыми словесы умягченными вещании, злых же казньми полутшати, и прещении обличати, и отъ лихости на добро царскыми воспоминании приводити, не насыщаемыхъ же и злыхъ, иже лечьбы полутшения приняти не хотятъ, ниже бога любити, отнюдь истребити. Якоже полнее философъ нравоучителны Аристотель беседуетъ во своей 10 книзе Нравъ[4].

Сиа же вся, аще началникъ не сотворитъ, ниже прилеженъ въ попечении своихъ подвластныхъ будеть, но неповинныхъ отъ силныхъ погнестися попуститъ, тогда грехи и насильства погнетающихъ своа творитъ и за тая ответъ въздати велиему судьи доляенъ, да аще в сихъ себе еще не полутшаеть, тогда за техъ казнится, якоже и про своа грехи по глаголу апостола Павла къ римляномъ 10 глава: «достойни суть смерти не токмо творящии, но и иже попускають творящимъ» и «кровь его отъ руку твоею взыщу»,— глаголетъ господь въ Езекииле 33 глава. Но увы, ужо в нынешные времена мнози началники на своихъ подвластныхъ и сирыхъ не призираютъ, но ихъ подъ неверными приказъщики погнетатися попускаютъ, о стражбе должной стада порученнаго нерадяще,

подъ тяжкою работою терпениа жити своихъ попускають, и не расматряють, яко человечьский родъ немощенъ есть и паче похотению последуеть чювственому, неже правому словества суду. Сего ради нужа бе человекомъ по вся времяна подъ законы жити: первое, въ время естества, подъ закономъ естественнымъ: второе, во время закона[5], подъ закономъ Моисейскимъ; третьее, и ныне, во время благодати, подъ закономъ Христовымъ, зане въ всяко время отъ пръваго зла Каинова дажь до последняго зла человеци в семъ смертномъ мире всегда будуть злии межъ добрыхъ смешны, и всегда добрии постражуть спротивъства отъ злыхъ. Сего ради закономъ быти нужа бе, да техъ страхомъ человеческая дерзость запретится, и опасно будеть межъ неключимыхъ неповинство. Того ради даны законы, да не кто силне вся възможеть [...].

Отъ сихъ ужо уразумелъ еси, яко тръпенна не отвергохъ, но показахъ токмо, коль потребна суть во всякомъ гражданьстве правда и законы ко исправлению неустроиныхъ, по глаголу Павла апостола къ фесалоникеемъ 5, егда глаголетъ: «Молим же вы, братие, обличайте неустроиныхъ, утешайте малодшъныхъ, приемлите немощныхъ, терпеливи будете къ всемъ». И сиа вся бывають правдою и милостью и истинною. Ради милости бо предстатель и князь отъ подвластных велми любится, а истинны ради боится. Милость бо безъ справды малодушьство есть, а правда безъ милости мучительство есть, и сиа два разрушають царьство и всяко градосожительство. Но милость правдою пострекаема, а правда милостью укрощаема сохраняють царя царство въ многоденьстве. О семъ, владыко, прети и моли, да богу поспешъствующу, сиа исправятся по апостолу: «яко дние злие суть», мню, концы векъ достигоша.

Сиа прочетши, и добре уразумевъ, доволне отвещано быти узриши. Множайша тебе о семъ существе сложилъ бы, аще бы любезное и плодовитое было лето, в немъ же въ птичьихъ песнехъ писати услажаеть писца. Ныне же врази животу, мразъ, студенъ снегъ и дымъ[6] разумъ смущають, перъсты стесняють, очи слезити понужають, чернило мръзнеть, харатью сажею опорочають, коя вся писцу спротивна быти видятся, и аще зде могу сей епистолии конецъ правымъ чиномъ наложити, обаче зане мужъ еси желаниа и попечение вся испытуа, боюся да не како мене скупа отвещателя къ вопрошениею твоему назовеши, зане убо сиа доволна видятся, и аще реку множаица, тогда

нечто тая языческая[7] и чюжа быти речеши. Вемъ, что сътворю сиа предрекши некаа тебе новаа составлю. Благословеснеишии еуаггелисть Иоаннъ «весь миръ во зле лежити» пишеть. «Златыа веки суть въ истинну ныне: много златомъ приходитъ санъ, златомъ съветуетъся любовь»; «въ цене цена ныне есть: даеть кенсонъ саны, кенсонъ дружбы, убогий везде лежитъ празденъ»[8]. Такъже и Петръ апостольский началникъ днесь аще съ тефолопею[9] и разныхъ силъ с чюдесы приидеть, аще ничего не принесетъ, дверемъ затвореньмъ, извержется вонъ. Никоторый порокъ не скуденъ, и грехъ похотный, отъ негоже дело опщее человеческое падаеть. Много ныне в мире в наши времена льстеи и лукавьствы; ныне кто вредилъ перваго, хощеть мощи вредити втораго, ныне умъ строптивы злыхъ не поучается ползу чинити, но и не боится беспамятенъ взятаго быти добра; въздати радуется человекъ лукавый за медъ ядъ, за плодъ пеню, за благость лесть. Ныне брани везде, «ныне живутъ от похищениа, несть гостиникъ отъ гостя безъ боязни, несть тесть отъ зятя, и братская убо любовь редка есть»[10]. Належитъ пагуба: вземляи ризу, хощеть взяти и срачицу; украдый овцу, мыслитъ отвести и корову, ниже в томъ конець поставляетъ, но аще можетъ, все прилежитъ ближняго похитити, ниже в томъ почиетъ донеле последи тогоже ближняго своего отъ сего житьа отовлечеть.

Годе ужо да почиетъ трость путь злыхъ пища в сомъ бедномъ животе, о нем же ко мне гаданиемъ писалъ еси възвещати. Отъ сихъ бо цело уразумелъ еси, коль вредъными и не угодными стезями, хромыми ногами, слепыми очима она земная власть и все естество человечьское ходить ныне. По сихъ по чину да господь богъ вся твоа и тебя добре въ благодати своеи устроитъ, душу твою святую къ славе да сохранитъ, тело упасетъ, умъ в земныхъ действуемыхъ да исправитъ, разумъ и внутреняго твоего человека къ зрению божественаго писани да воставитъ, да скончавъ настоящихъ мирскихъ летъ число, взыти въ обою человеку възможеши ко обетованной земле живыхъ, в нейже часы не начинають днеи, восхода и захода не имеютъ, годоваго предела не стяжутъ, старость младеньства не пременяеть, немощь здравиа не озлобляеть, смерть живота не скончеваеть, времена несчастиа тамо не чаются, тамо вся красна, ничто не благо, вся добра, ничто спротивно, несть труда телеснаго или мысленаго, но всегда бес конца тихии покой, никоего неразумиа, но всевечна

премудрость, благочестенъ онъ, кои къ толь благочестну отчеству направляеть шествие свое отъ младеньства подъ благим игомъ и легкимъ бременемъ господа нашего Исуса Христа, ему же слава всегда, ныне присно и в веки векомъ, аминь.

Перевод

Разумением высокой книжности от рождения наделенному святейшему господину Даниилу, митрополиту всея Руси, раб святыни[1] твоей Феодорец Иванов, сын Карпов челом бьет

Правильно ведь — природе свойственно и повелениям писаний — такого престола отцу, весьма склонному к учительству, особые почести и бесчисленные похвалы воздать,— тому, кто превыше всех разумных ученых и мудрых людей. И потому не оскудеет любовь в сердце моем, не умолкнет торжество похвалы в голосе моем, не освободятся мысли мои от преклонения перед величием твоим — всегда я славу и имя твое и похвалы тебе преумножать желаю. Пока миропорядок природы сей остается неизменным, буду стремиться я во всем к просвещению ума своего, научаюсь я и от словес послания твоего пресветлейшего. Более пространное и полное слово в другое время — часы благоприятные — сотворю, чтоб было оно тебя достойно и добродетелям твоим прилично; теперь же в нынешнем одержим я великой скорбью, и это главная причина, которая мешает написать мне столько, сколько я желаю. Увы, сейчас не время слагать послания, наступило время страдания и даже печальная книга Иеремии[2] не исполнена таких рыданий, как моя простая епистолия. А другая причина такова: известно, если хочешь, чтобы другой молчал, сначала сам замолчи, так и я ныне, о тех, о ком думаю, молчать своим устам приказываю.

Ныне что я смогу ответить тебе на пресветлейшее послание твое, как смогу я, недостойный, писать тебе, предостойнейшему, о предметах возвышенных и полных совершенства? В светлейшем твоем послании ты просишь

меня о помощи, но как может солнце, небесный свет просить блеска у земли, а море — мать вод — желать речной капли?! Насколько звезды далеко отстоят от земли, запад от востока, свет от тьмы, сладкое от горького, а белое от черного, настолько далеко, открыто признаю я, моему несовершенству до твоего превосходства. Что я могу написать или какой совет тебе подать — не знаю. Однако не останусь я неблагодарным к твоим благодеяниям и не буду глух к твоим драгоценным писаниям! И вновь перо на похвалу обращу, зеркалом добродетели тебя назову, сладкоголосым инструментом поучений многоценных, учитель наш преславнейший на свете. Не усомнюсь и звездою яркою назвать тебя, от которой лучи зловредные не исходят; ты — горящий светильник, не знающий тьмы мрака, ты — благовонный цветок добродетели, гнушающийся смрада клеветы, ты — жемчуг, украшающий всех добродетельных, ты — свет, сияющий учителям, ты — уста Христовы, ты — глас небесный, ты — наставник в жизни. Ты — даже меня, вопреки моему желанию прославляющий почестями, которых недостоин я,— ты везде обо мне славословишь и писаниями твоими приятнейшими меня чествуешь и поздравляешь. Во всем этом опять ты — славный свет православной церкви, сияющий ярче солнца, мой темный ум, мраком заблуждений омраченный, под лучи вечного солнца направляющий, ты — высшая красота человеческой жизни, светом премудрости просвещенная, ты — путь верный для нравов, ты — смысл таинств, правило жизни, светильник для меня, заблудившегося на реках вавилонских[3] [...]. Твое учение светлое темного Федора просвещает, и потому я многократные благодарности воздаю тебе за твои благодеяния. Ведь без достойной тебя благодарности не избегу я порока, ибо неблагодарность есть враг души, потеря добродетелей, душевным силам расточение, хорошим делам погибель, ветер жгучий, иссушающий источник милостыни, росу доброты, поток благодати смущающий. По этой причине я прилежно повиновался тебе и еще прилежнее повиноваться буду повелениям твоим и благодарность свою воздавать буду всем творящим добро. Видим мы, что даже звери избегают быть неблагодарными и помнят о том, кто их кормит. Вот и я желаю, чтобы писаньице мое незамысловатое твоему ученому слуху было столь же приятно, как для уст моих сладка была твоя рыбка, в дар мне посланная.

Своим посланием ты призываешь меня великодушно к терпению до конца, светлейшей епистолии советами наставляешь ты меня в печалях и несчастьях. Но так как люди, скорби подверженные, в этом мире в разных чинах и положении пребывают, то решил я сейчас для долгого времяпрепровождения написать тебе нечто краткое о уразумении правильности вопроса, который видится мне в твоих писаниях: что является опорой дела народного, царства, владычества — правда или терпение? Если мы скажем, что терпение важнее всего для сохранения власти или царства, тогда напрасны все законы [...]. Ведь если установить во главе всего терпение, тогда не нужны царству или власти правители и князья, тогда не будет начальства, власти и господства, не будет порядка в жизни, в буйстве сильный начнет угнетать бессильного — пусть тот все стерпит. Не нужны в таком государстве станут и праведные судьи, потому что все стерпят там, где в терпении жить будут.

А если же мы скажем, что правда необходима во всяком государственном деле и царстве для укрепления могущества его, тогда каждому воздастся по заслугам его и будут жить все свято и праведно, и похвалы терпению тогда прекратятся. Когда говорят: «Терпением вашим спасете души ваши»,— то для понимания этих слов надо знать, что один суд существует для духовных лиц и другой — для мирян. Всем христианам надо иметь терпение по заповедям и евангельскому учению, но одним больше, а другим меньше, в зависимости от лиц, обстоятельств и времени. В монастырской братии никогда не должно оскудеть терпение, а в мирской жизни многое иное от подданных требуется: иногда слуги, иногда оружие, в другой раз кони или одежды красивые, иногда другие вещи, которые покупают за серебро, за деньги. И если я скажу: я терплю и не имею этого богатства,— то к чему приведет мое терпение, кроме того, что останется такой человек без отечества, изгнан будет со службы честной, приставлен нищим к службе негодной и недостойной его по происхождению его, к тому же и домашним делам много вреда принесет терпение, потому что бременем ляжет оно на людей. Дело народное в городах и царствах погибнет из-за долгого и излишнего терпения; долготерпение без правды и закона общественного в людях доброе разрушает и дело народное в ничто обращает, дурные нравы в царствах сеет, из-за нищеты делает людей не-

послушными государям. Поэтому всякий город и всякое царство, по Аристотелю, управляться должны начальниками, стремящимися к правде и следующим известным законам праведным, а не терпению. Все люди, живущие в этом море великом, где случаются бури бедствий, нуждаются во власти царей, которые бы нас в царствах и городах своих пасли бы по законам праведным так, как каждый того заслуживает, чтобы защищали они невиновных, освобождали страдающих, казнили вредоносных и угнетающих, удаляли больных неизлечимо из среды здоровых людей, Поэтому всем странам и народам нужны цари и начальники, которые должны быть подобны гусляру и поэту Давиду: как гусляр струны расстроенные приводит в согласие и, возлагая руки, извлекает сладостные для слуха звуки, так и самодержец всякого царства заблуждающихся и зловредных грешников принуждать должен к согласию с добрыми людьми грозою закона и правды, а верных подданных оберегать своим жалованьем и милостями, достойными их рода, и побуждать должен к добродетелям и добрым делам наградами и сладостными добрыми словами, ласковыми речами. Злых же нравы надо стремиться наказаниями исправлять и угрозами от порока отвращать, зло к добру царскими напоминаниями приводить, а ненасытных и жестоких, которые ни от лечения лучше не становятся, ни бога возлюбить не желают, надо совершенно истребить. Пространнее об этом говорит наставляющий людей в жизни философ Аристотель в своей десятой книге о нравах[1].

Если же все это начальник не сделает и не будет он прилежен в заботе о своих подданных, то допустит он угнетение неповинных сильными и возьмет на себя он грехи и насилие угнетающих, и должен за них будет дать ответ великому судье. Если при этом он и сам не делается лучше, тогда за грехи других будет он наказан так же, как за свои, по словам апостола Павла к римлянам, 10 глава: «Достоин смерти не только делающий, но и попустительствующий делающим» и «кровь его от руки твоей взыщу»,— говорит господь в книге Иезекииля, 33 глава. Но, увы, уже в нынешние времена многие начальники о своих подданных и сиротах не заботятся, позволяют угнетать их лживым наместникам, об охране должной препорученного им стада не радеют, под тяжким бременем терпения жить своих подданных оставляют. Не думают они о том, что слаб человеческий род и скорее

поддастся он влечению чувственному, чем справедливому суду разума. Поэтому должны были люди во все времена жить согласно законам: в давние времена, в период бытия природного — по законам естественным, на второй ступени, во время закона[5],— по завету Моисееву, на третьей ступени и теперь, во времена благодати,— по законам христианским, ибо во все времена от первого злодеяния Каинова и до последних зол всегда непорядочные люди в сем бренном мире с добродетельными будут смешаны, и всегда добрые будут страдать от преступлений злых. По всему этому законы всегда нужны были, чтобы страхом наказаний обуздать человеческую дерзость и чтобы опасно стало для недостойных своеволие. Именно ради того даны законы, чтобы не одолел всех тот, кто сильнее [...].

Из всего сказанного ты понял уже, что не терпение я отвергаю, но стремлюсь показать только, насколько необходимы во всяком государстве законы и правда для исправления бесчиния своевольных, по словам апостола Павла к фессалоникийцам в главе 5 сказанные: «Умоляем же вас, братья, обличайте бесчинных, утешайте слабых, помогайте немощным, будьте терпеливы со всеми». И все это должны сотворить правда и милосердие, и справедливость. За милосердие наместник и князь бывает любим своими подданными, а за приверженность к справедливости его боятся, ибо милость без правды есть малодушество, а правда без милости — мучительство, и оба в отдельности разрушают царство и всякое городское общежитие. Но милость, на правду опирающаяся, и правда, милосердием украшаемая, сохраняют для царя царство на многие дни. Об этом, владыка, проси и моли, чтобы с божьей помощью все устроилось по словам апостола: дни тяжелые настали, думаю, что конец века близится.

Прочитав все это и хорошо уразумев, ты увидишь, что я довольно полно ответил; я бы и больше того об этом предмете написал бы, если бы приятным и плодородным было лето и песни птичьи услаждали бы труд писца. Но теперь враги жизни моей — мороз, холодный снег и дым[6], они путают мысли, сводят пальцы, заставляют слезиться глаза, морозят чернила и бумагу сажей засыпают,— все это мне видится сильной помехой писцу. Мог бы я в сем месте по всем правилам завершить мою епистолию, но знаю, что ты муж пристрастный и с усердием все постигаешь, боюсь я, как бы ты не назвал мой ответ на вопрошание твое слишком скудным. Мне же все это представляется доста-

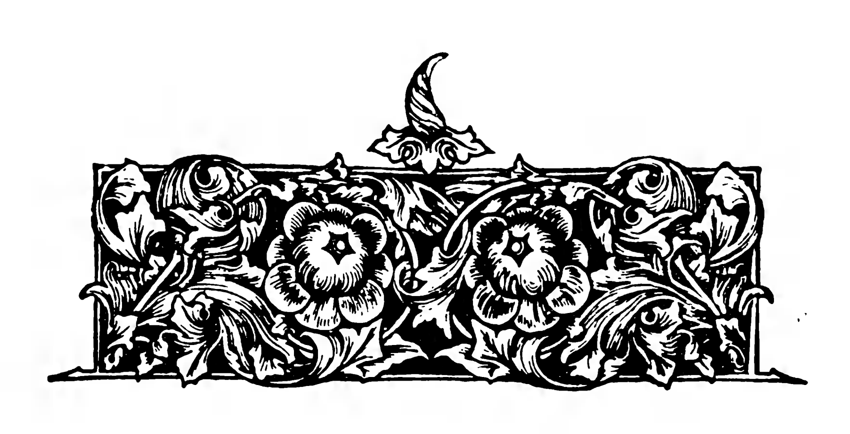
точным, а если я скажу больше, тогда ты можешь счесть это языческим[7] и чуждым. Знаю я, что надлежит сделать: после сказанного напишу тебе нечто новое. Благословеснейший евангелист Иоанн пишет: «Весь мир во зле лежит»:

> «Истинно, век наш есть век золотой! Покупается ныне
> золотом — почесть и власть, золотом — нежная страсть».
>
> «Деньги ныне в цене: почет достается за деньги,
> дружба за деньги, бедняк людям не нужен нигде»[8].

Даже если сам Петр, апостольский начальник, с теологией[9] и чудесами разными подойдет к воротам храма, не имея более никаких приношений, то найдет он двери затворенными и сам будет изгнан вон. Никакой порок не уменьшается ныне, в том числе и грех похоти, от которого дело общечеловеческое приходит в упадок. Много ныне в мире нашем лести и коварства: кто навредил одному, стремится навредить и другому, ум непокорных не желает учиться приносить пользу, но без боязни забывает о том хорошем, что получено им, радуется коварный человек, если сможет отплатить за мед ядом, за плод штрафом, за благо обманом. Ныне распри везде: «Люди живут грабежом; в хозяине гость не уверен, в зяте — тесть, редка приязнь и меж братьями стала»[10]. Приближается гибель: берущий платье хочет взять и рубашку, укравший овцу — увести хочет корову, но и на этом не останавливается, все похитить старается у ближнего и не успокоится, пока, наконец, не сживет ближнего со света.

Довольно уже, пусть отдохнет перо, описав путь порока в сей бедной жизни. Это то, о чем намеком ты просил меня поведать. Из писания моего ты до конца уразумел уже, сколь вредными и дурными дорогами, хромыми ногами и вслепую бредет ныне земная власть и весь род человеческий. Так пусть, как подобает, господь бог все твое и тебя самого по благодати своей устроит, пусть душу твою святую сохранит для славы, тело спасет, ум в земных деяниях исправит, разум и сокровенные помыслы твои к пониманию божественного писания направит, чтобы, исчерпав число лет в настоящей мирской жизни, ты телом и духом мог взойти к обетованной земле живых, в которой часы не начинают дней и нет там восхода и захода, не достигают дни пределов года, старость молодость не сменяет, немощь здоровья не разрушает, а жизнь не заканчивается смертью, времена бедствий там не приходят, там

все прекрасно, нет ничего дурного, все доброе, ничего не приятного, нет трудов телесных или мысленных, но всегда без конца тихий покой, никакого безрассудства, но всевечная мудрость. Благочестив тот, кто к столь благой цели направляет свои стопы, с младых лет идет по жизни под доброй властью и легким бременем господа нашего Иисуса Христа, ему же слава всегда, ныне и вечно и во веки веков, аминь.



Валаамская беседа

[...] Обличение на еретики и на неверныя вся, победа и одоление на царевы враги, и попрание на вся премудрости их. Беседа и видение преподобных отец наших, игуменов Сергия и Германа Валаамскаго монастыря началников [...]

...Аггельское житие на небесех свет показует, а священническое и иноческое житие доброе и образ их на земли верным человеком свет являет. Сего ради молим вас, возлюбленнии отцы и драгая братия, покаряйтеся благоверным царем и великим князем руским, радейте и во всем им прямите, и бога за них молите, аки сами за собя, да таковыя ради молитвы и мы помиловани будем. И добра государем своим во всем хотите, и за их достоит животом своим помирати и главы покладати, аки за православную веру свою, да ни влас глав наших не погибнет за таковую к богу добродетель. Богом бо вся свыше предана есть помазаннику царю и великому, богом избранному князю. Благоверным князем руским паче всех дана есть богом царю власть надо всеми, и за весь мир царства их во оном веце праведный и страшный царь небесный Христос бог наш на них всего много испытает и ко ответу за всех

поставит, такоже по них воздаст общий суд миру всему, комуждо по делом его.

Добро убо, добро, и паки речем добро, любимицы отцы и братия, честно есть и похвально пред пречистою нашею богородицею и приснодевою Мариею и пред всеми святыми лики от бога мздовосприятие. Иноков не гневати и не осужати, и почитати их честно, и милостыни им давати, и обители им сооружати, иноком на прибежище и християном на душевное спасение. А у иноков ничтоже примати в домы своя, кроме прощения и благословения,— то бо есть от бога дано им на помощь всем християном. А царем и великим князем достоит из миру всякия доходы своя с пощадою збирати и всякие дела делати милосердно с своими князи и з боляры и с протчими миряны, а не с ыноки. Милостив человек есть царь, милость показа к миру, уподобися милостивому богу. Такоже подобает всякому милостивому быти друг ко другу и давати иноком не волости со крестьяны. Подобает иноком приимати годовая урочная милостыня всему иноческому и священническому, и нищескому чину. А прочии святии собирали что ясти, а не на век запасали, тако иноком всем и везде, от перваго и до последняго. А вотчин и волостей со християны отнюдь иноком не подобает давати. То есть иноком душевредно, что мирскими суетами мястися, того всего мирскаго по указу отреклися иноцы сами своею волею, тако им подобает. А царем иноков селы и волости со християны жаловати не достоит, и не похвално есть царем таковое дело. Таковые воздержатели сами собою царство воздержати не могут и отдавают мир свої, богом данної, аки поганых иноземцов, в подначалие. Бог повеле ему царствовати и мир воздержати, и для того цареви в титлах пишутся самодержцы. Таковым царем не достоит ся писати самодержцем ни в чем, понеже с пособники богом данное царство и мир воздержати, а не собою, ниже с своими приятели с князи и с боляры, но не с погребными владеет, с мертвецы[1] беседует таковый царь. Лучше степень и жезл, и царский венец с собя отдати и не имети царскаго имени на собе, и престола царьства своего под собою, нежели иноков мирскими суеты от душевнаго спасения отвращати. То есть царское ко иноком не милосердьство, но душевредство и бесконечная погибель, что иноком княжее и болярское мирское жалование давати, аки воином, волости со християны. Не с ыноки господь повелел царем царство и грады, и волости держати, и власть имети —

с князи и з боляры, и с прочими с миряны, а не с иноки. Иноком повеле господь за царя и за великих князей в смиреном образе бога молити.

Много было изначала века сего тщилися во иноцы из великих животов на душевное спасение, от славы и от всея прелести мира сего, и от богатьства бегали в пустыни, и в пропасти земныя для душевнаго спасения, а не для славы и суеты мира сего, но бегали за царя и за весь мир бога молити о тишине и о устроении мира сего. А кто их изобидит, и оне за ненавидящих и обидящих паче себя за них бога молят непрестанно. Таков образ имели на себе и на то обещалися. А нам, грешным, господь такоже повеле тот обычай и образ на собе носити, и во всем быти таковым же, на всякую смиреную мудрость и добродетель, а не на злобу, ниже на сесветную славу и высокоумие. А при последнем времени будут человецы и изволят быти мнози во иноцех, и сряжаются во образ той, аки женихи на женитву, а не для ради смиреномудрия и душевныя мзды, но для ради высокоумныя их и величества. [...]

И сего ради при последнем времени начнут люди напрасными бедами спасатися, и по местом за таковыя грехи начнут быти глады и морове частые, и многие всякие трусы и потопы, и межеусобные брани и воины, и всяко в мире начнут гинути грады, и стеснятся, и смятения будут во царствах велика, и ужасти, и будут никим гоними. Волости и села запустеют, домы християнския, люди начнут всяко убывати, и земля начнет пространнее быти, а людей будет менши, и тем досталным людем будет на пространной земле жити негде. Царие на своих степенех царских не возмогут держатися и почасту пременятися за свою царскую простоту и за иноческие грехи, и за мирьское невоздержание. Тогда Исаино пророчество начнет во всем мире яве збыватися[2] царей и великих князей небрежением и неразсужением, и святых божественых книг невниманием, мало посмотря и мняще святое писание ни во что же. И хотяще оне, государи цари и великии князи, исправляти и здержати: и мужают грады и царства свои могущими воины, получают мимотекущую и суетную славу мира сего бранию и мужеством храбрости своея,— тако и достоит царю грозну быти [...].

А царю достоит не простовати, с советъники совет совещевати о всяком деле, а святыми божествеными книгами сверх всех советов внимати и беседы Иосифа Прекрасного повести дозирати[3]. Много множество без числа

царие спроста простотою отвращают иноков от душевнаго спасения и вводят иноков в великую и безчисленую погибель по иноческому к царю ложному челобитию. Господь иноков устави на исполнение десятого аггельскаго чина[4]. А малосмысленнии цари, Христу противницы, иноков жалуют и дают иноком свои царские вотчины, грады и села, и волости со християны, и отдают их из миру от християн своих завидная и вся лутчая в монастыри иноком. Отнюдь то иноком не надобно и не потребно, и не подобает, и всего того отреклися иноки и мира сего и вся, яже в нем. [...]

Увы нам грешным, увы! Велика скорбь, велика беда, велика бесконечная погибель! Кто нас выручит и кто нас избавит от огня негасимого и муки вечные? Отреклися окаянии мира сего и прелести в нем, и паки отрекшися во иноцех, таже суетная восприяхом, аки пси возратихомся на своя блевотины, и аки плюнутую слину от земля восприяхом и во уста своя вложыхом. Тако же и мы многогрешнии иноцы возлюбили иночество, отреклися мира и вся, яже в нем. И носим на себе образ иночества, а имеем в себе действеника лукаваго и творим дела вся угодная ему, а не господеви. Во иноческом образе строим каменные ограды с полаты и позлащенные узоры с травами многоцветными, аки царские чертоги, украшаем себе в келях, и везде лучшая и завидливая вся, и покоим себе пиянством и брашном от тружающихся нам, от мирян вся лучшая именуем, брацкую пищу и питие себе, а не тружающимся на нас, ниже милующих и питающих нас. Зависти ради лишаем белцов от брашна своего лучшаго, а по достоянию подобает пища и питие, лучшее все мирянам и тружающимся на нас, а не нам, иноком, не нам, и паки речем, не нам! [...]

Аще где в мире будет власть иноческая, а не царских воевод, ту милости божия несть. Таковые властующе иноки не богомолцы, но гневители. Горе иноком, возлюбившим мир и яже в нем. Горе иноком, возлюбившим суету света сего и не сохранішим заповедей иночества и умершим не в покаянии царскою простотою! Всем владети уставлено и повелено, заповедати о всем царем и его в мире везде властем мирским владети, а не святительскому, ниже священническому и иноческому чину [...].

Перевод

[...] Обличение еретиков и всех неверных, победа и преодоление врагов царских, попрание учения их. Беседа и видение преподобных отцов наших игуменов Сергия и Германа Валаамского монастыря начальников [...]

...Ангельская жизнь на небесах свет распространяет, а священническая и монашеская жизнь добрая, и пример ее верным людям на земле свет являет. Ради этого умоляем вас, возлюбленные отцы и дорогие братья, покоряйтесь благоверным царям и великим князьям русским, заботьтесь о них и во всем им навстречу идите; и бога за них молите, как за самих себя, и больше даже, чем за себя. За такие молитвы и мы помилованы будем. Желайте добра государям своим во всем,— и жизнь свою за них надлежит вам отдать, и головы свои сложить, как за православную веру свою; пусть и волос не упадет с голов ваших за такие добрые дела перед богом. Ибо свыше, самим богом все отдано помазанному царю и великому, богом избранному князю. А благоверным князьям русским и царю больше всех дана власть надо всеми; за всю державу царства с них в другой жизни взыщет праведный и страшный царь небесный Христос, бог наш, о них все разузнает и к ответу за всех призовет, по их делам будет судить весь мир, каждому воздаст по делам его.

Хорошо ведь, хорошо, и снова скажем — хорошо, любимые мои, отцы и братья, честно и похвально пред пречистою нашею Богородицею вечно девою Марией и перед всеми святыми ликами от бога награду получать. Иноков бранить и осуждать не подобает, а надо почитать их честно и милостыню им подавать, и обители им сооружать — монахам для прибежища, а христианам для душевного спасения. А от иноков ничего не надо принимать в дом свой, кроме прощения и благословения, то есть того, что богом дано им на помощь всем христианам. А царям и великим князьям с мирян всякие налоги следует собирать с жалостью и всякие дела делать милосердно, советуясь со своими князьями и с боярами, и с прочими мирянами, а не с иноками. Милостивый человек царь, милость свою показал миру, сам уподобился милостивому богу. Так подобает и каждому быть милосердным к другому и одаривать иноков не вотчинами с крестьянами, а следует

инокам принимать в год определенные подати для всей братии, и священников и низших. И другие святые собирали только для того, чтобы кормиться, а не запасали на век, так и должно быть везде и для всех иноков от первого до последнего. А вотчин и волостей с крестьянами инокам ни в каком случае не следует давать. Это душам иноческим вредно, не пристало им в мирской суете вращаться; от всего мирского по уставу отреклись иноки сами своею волею, так как им подобает. Царям села и волости с крестьянами инокам не надо жаловать, не похвально для царей такое дело. Такие правители сами не могут управлять своим царством и отдают народ свой, богом им данный, как иноверных иноземцев в подчинение. Бог повелел царям царствовать и страной управлять, потому в титлах и пишутся они самодержцами. А таким царям не следует себя именовать самодержцами ни в чем, ведь управляют они богом им данным царством с помощниками, а не самостоятельно и не со своими близкими — князьями и боярами, а с непогребенными правят, с мертвецами[1] беседуют такие цари. Лучше сан и жезл, и царский венец с себя сложить и не иметь царского имени и престола, царства своего под собою, чем иноков мирской суетой от душевного спасения отвращать. Это не царское к инокам расположение, а душевредительство и вечная погибель — выплачивать монахам княжеское и боярское мирское жалованье и, как воинов, награждать волостями с крестьянами. Не с иноками господь повелел царям государством и городами и волостями управлять и власть делить, а с князьями и с боярами, и с прочими мирянами, а не с иноками. Инокам повелел господь в смиренном образе за царя и за великих князей бога молить.

Многие в начале жизни к тому стремились, чтобы стать иноками для великих подвигов и спасения души от славы и от всех обманов мира сего; и от богатства убегали в пустыни и ущелья для душевного спасения, а не для славы и суеты мира сего; уходили для того, чтобы за царя и за весь народ, и о тишине, и о порядке в мире сем бога умолить. А если кто и обидит монахов, так они за тех, кто ненавидит и обижает их, больше, чем за себя, бога молят непрестанно. Такой сан приняли на себя и богу поклялись. И нам, грешным, господь также велел тот обычай соблюдать и сан тот иметь, и во всем быть такими же для смиренной мудрости и добродетели, а не для злобы и тем более не для славы сего света и гордости. И в по-

следние времена будут такие люди, что захотят стать иноками и нарядятся в одежды сана того, как женихи к свадьбе, но многие из них сделают это не ради смиреномудрия и душевной пользы, а из-за гордыни и тщеславия. [...]

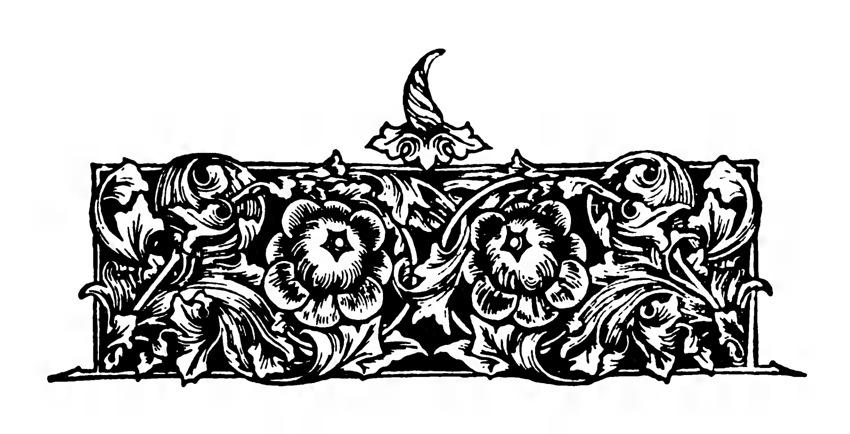
И потому в последние времена начнут люди гибнуть от внезапных бедствий, и в разных местах за такие грехи начнется голод и мор частый, и будут многие землетрясения, и потопы, и междоусобные брани, и войны, и по разным причинам начнут гибнуть города и притесняться, смятения будут в царствах великие и ужасы, и будет рок преследовать их. Волости и села, и дома христианские запустеют, род людской начнет убывать, на земле станет еще просторнее, и людей будет меньше, но тем оставшимся людям на общирном пространстве жить будет негде. Цари на своих царских престолах не смогут долго держаться и будут часто сменять один другого из-за своего царского неразумия и из-за грехов иноческих, и из-за мирского невоздержания. Тогда Исайино пророчество начнет во всем мире наяву сбываться[2] из-за беззаботности и безрассудности царей и великих князей, из-за невнимания к святым божественным книгам, в которые редко заглядывают из-за того, что ни во что не ставят святое писание.

А если захотят они, цари и великие князья, исполнить то, что им полагается и власть употребить, тогда укрепят они города и царства свои могучими воинами, добудут быстротекущую и суетную славу мира сего войнами и доблестью храбрости своей. Вот таким следует царю быть грозным! [...] Царю не следует быть простодушным и только у советников советы спрашивать, но подобает учиться сверх того у святых божественных книг, бесед Иосифа Прекрасного наставления[3] принимать во внимание. Много — бесчисленное множество царей без злого умысла, но по простоте своей отвращают иноков от спасения души и вводят иноков в великую несметную погибель, принимая иноческие лживые челобитные. Господь иноков предназначил для исполнения десятого ангельского чина[4], а неразумные цари, противники Христа, иноков награждают и дают им свои царские вотчины, города и села, и волости с крестьянами, отнимая все это у мира, у христиан своих, и отдают все завидное и самое лучшее в монастыри инокам. Отнюдь инокам всего этого не надобно и не требуется, и не подобает, потому что ото

всего отреклись иноки: и от мира сего, и от всего, что в нем. [...]

Увы нам, грешным, увы! Великая скорбь, великая беда, великая вечная гибель! Кто нас выручит и кто избавит от огня неугасимого и от муки бесконечной! Отреклись ведь, окаянные, от мира сего и от всех соблазнов его, и все-таки и в иноках к той же суете обращаемся, как псы возвращаемся на свои блевотины, выплюнутую слюну с земли слизываем и в свои уста вбираем. Так и мы, многогрешные иноки, возлюбив монашество, отреклись от мира и от всего, что в нем. Имеем мы чин иноческий, но сидит в нас черт лукавый, и творим мы дела, угодные ему, а не господу. В иноческом образе строим каменные ограды с палатами и украшаем свои кельи, как царские чертоги, позолоченными узорами с травами многоцветными, все лучшее и достойное зависти забираем себе и ублажаем себя пьянством и яствами, которые приносят те, кто трудится на нас, и миряне; все лучшее мы называем братской пищей и питьем, для себя все оставляем, а не для тех, кто работает на нас, не для тех, кто заботится о нас и кормит нас. По зависти отбираем у бельцов пищу самую лучшую, а ведь по уставу надлежит все лучшее отдавать мирянам и слугам нашим, а не нам, инокам, не нам и снова скажем не нам! [...]

Если где в мире будет власть иноческая, а не царских воевод, там не может быть божией милости. Такие власть имеющие иноки не богомольцы, а гневители бога. Горе инокам, возлюбившим мир и то, что в нем. Горе инокам, возлюбившим суету света сего и не сохранившим заповедь иночества и умершим не раскаявшимися из-за царского неразумия. Царям всем владеть установлено и распоряжаться всем велено, властям мирским всем в мире управлять положено, а не святительскому и иноческому чину [...].



Ермолай-Еразм Правительница и землемерие

Благохотящим царемъ правительница и землемерие

Премудрость Соломоня глаголетъ: «Слышите убо царие и разумейте, и навыкните судия концемъ ȝемли, внушите держащии множества, и гордящеся о народехъ языческихъ, яко дася от господа держава вам и сила от вышняго». Аще же убо верныхъ царь въ нынешнее время испытоваемъ, во всехъ языцехъ кроме русийскаго языка не вемы правоверствующа царя. Аще же убо верою правъ есть, достоитъ ему не леностно снискати разсматряя яже ко благополучению всемъ сущимъ подъ нимъ, не единеми вельможами еже о управлении пецщися, но и до последнихъ. Вельможа бо суть потребни, но ни отъ коихъ же своихъ трудовъ довольствующеся. Въ начале же всего потребни суть ратаеве, отъ нихъ бо трудовъ есть хлебъ, отъ сего же всехъ благихъ главизна: богови в службу безкровная жертва хлебъ приносится и въ тело Христово претворяется, потомъ же и вся земля отъ царя и до простыхъ людей техъ труды питаема. Сии же всегда въ волне-

нихъ скорбныхъ пребывающа, еже не единаго ярма тяготу всегда посяще. Подобно бы убо в лете единъ тяжательный яремъ носити симъ, яко бо всяка тварь: птицы, и зверие, и скоти единою летомъ изнемагаютъ линствомъ. Ратаеве же безпрестани различныя работныя ига подъемлютъ: овогда бо оброки дающе сребромъ, овогда же ямская собрания[1], овогда же ина. Елици иже отъ даропитательныхъ сихъ ради царскихъ собраний къ нимъ послани бываютъ, и сии убо подле царскаго уставления и себе съ нихъ многа збираютъ. Еще же сихъ ради посланий яждения ради конемъ въ ямская расточения много сребра расходящеся. Многа же и ина ратаемъ обида отъ сего, еже царския землемерительнии писарие яздяху съ южемъ деломъ мернымъ отделяюще царевомъ воиномъ землю, и меру земли вразнь всяку четверть[2] полагающе, и симъ много медлящим изъядаху многа брашна у ратаевъ. И многа убо царства прочтохомъ, и сего обычая не видехомъ.

Видехомъ же се. Егда бе Иосифъ въ Египте строяще все Фараона царя бытие, и во время гладу предержа неизглаголанное множество пшеници, отъ его же руку египтяня вси взимающе пшеница, сокровища вся своя издаяху ему, и уже никому же не имеющу что дати, Иосифъ даяше имъ пшеницу и таку дань возложи на нихъ, яко егда приидетъ жатва да приметъ кождо житъ сихъ четыре части, пятая же часть житъ ихъ да будетъ царю Фараону. И емляше у жнущихъ жита пятую часть, кроме же сего ничего не имаше. И после же сего во всехъ языцехъ кииждо человекъ своему цареви или властелемъ воздаетъ урок отъ приплодъ своея земля, идеже бо ражается злато и сребро, ту и воздаютъ злато и сребро, а идеже плодятся множество великихъ скотъ, ту и воздаютъ скоти, а идеже плодятся зверие, ту и воздаютъ зверие. Зде же въ рустей земли ни злато, ни сребро не ражается, ни велиции скоти, но благоволениемъ божиимъ всего дражайши ражаются жита на прекормление человекомъ. Достоитъ убо и дань у ратаевъ царемъ и вельможамъ всемъ имати отъ житъ притяжания ихъ пятую часть, якоже Иосифъ въ Египте учреди. Иосифъ бо пишется проданъ бысть въ Египетъ на тридесять сребряникъ во образъ господень.

Какоже правовернымъ царемъ и вельможамъ ихъ не достоитъ сему ревновати еже въ своихъ селехъ и весехъ имати отъ притяжания житъ у ратаевъ житомъ пятую

часть, кроме же сего ничесоже? Злата же и сребра ратаеве недоумеюще откуду притяжати. Аще же гладни лета, тогда убо мнози мучимы суть, ихъ же и видехомъ. Како бо о семъ мучению достойни, яко лето мала притяжания сподобльше. Ратаеве же мучими сребра ради, еже въ царску взимается власть и дается въ раздаяние вельможамъ и воинамъ на богатство, а не нужда ради. Нужда бо ради кийждо отъ вельможъ своя ратая имуть, и сими доволни будут, пятую чясть у коегождо ратая приемлюще и цареви от сего служаще, их же ратаем ничто же иного никому же не достоит подаяти, ни ямскаго собраниа своих ради велмож и воинов. Ямская же правлениа вся подробну достоит устраяти, от града по расписанию и до другаго града. Симъ елицыи во градех купующе и продающе и прикупы богатеюще достоит сим сий ярем межу всех градов носити, понеже сут стяжатели многа прибытка. Кроме же сего ярму, ничесо же никиих улишений да не сподобятся, но во вся грады безо всяких воздаяний, сиреч пошлинъ, купующе и продающе. И сего ради нарицаемая ямская правлениа от града до града по написанию исправляти сим достоит. Се убо всякого мятежа о земных умалится: писарем умаление, зборы престанут, мзды неправедныа отлучатся. А еже землемерителнии писарие, четвертию меряще и ратаем многу скорбь от объядания приносяще, о сем убо тако достоит разумети: скорости ради мерныя и вражды и тяжеб межных — мерити достоит и отделяти поприщми[3] [...].

Не достоит бо никому же боляром и воеводам и воином, своя ратая имуще, со инех же сребро имати. Аще бо кто предо инеми воины и велик ест, то по достоянию его болши ест земли вдано ему, и тако ратаев своих предо инеми воины болши стяжет, ового в двое, а инаго в трое, инех же в седмеро и в осмеро. Сей тако велик ест, аще и воеводствовати или болярствовати удобенъ, но неудоб же ест ему предо инеми воины яко государемъ быти. Се ест излишнее и богатество и гордост, еже у своих ратаев удобная доволствиа взимая, к сему же и с чюжих сребро взимаяти. Аще же убо комуждо на потребу удобь будет сребро, имат кийждо излишняя жита своя и се безпошлинно продая градцким жителем и елицы и хлеб купуют, и сим на потребу свою сребро притяжет. Како бо у ратаев сребра хотети и того ради их, яко же видим, муками томити? Сии бо сребра неззидают, но хлеб назидают. Сего ради у них хлеб достоит и примати по Иосифа Прекрасна-

го уставу пятую чясть, тако же и сена и дров пятую чясть достоит приимати.

Противу же ратным изходити достоит тако. Иже имат царскаго даяниа во одержании земли в долготу и впреки четверогранно поприще[4], сему подобает быти самому и с ним слузе во бронях. А прочим по тому же счетованию: на толицей бо мере земли 20 ратаевых полных жребий по 12 четвертей с осминою во всяком поле, кроме сена и лесу; сего ради десят единонадесятого к воинству сподобят. Аще же ли царь восхощет дабы воинество его противу ратным во един ден собиралос, подобно ест ему всем воином повелети в селех и в весех не жити, но жити во градех, яко да уставленное свое повелят привозити к себе ратаем и приемлют хлеб и сено и дрова у ратаев своих, сами же жителствуют во градех; сего ради, яко едина царева грамота о воинстве приидет к ним, и единаго часа вси, слышав, усрамятся друг друга отлучитися, но единомысленно и в един день вси грядут на порученную им службу.

Аще ли же самъ царь восхощетъ, дабы ему за всю землю не отвещати, якоже коемуждо человеку за свой домъ, рече бо господь, ему же дано боле и взыщется боле отъ него, и ему же дано множайши, множайши и просятъ от него. Глаголет же и апостолъ къ галатомъ: яко блудницы и прелюбодейцы царствия божия не наследятъ. Зде же видимъ, яко во граде нарицаемомъ Пскове и во всех русийскихъ градехъ корчемницы и блудницы. Въ корчемницахъ пьяницы безъ блудницъ никакоже бываютъ. Аще же не будутъ изведени корчемницы се есть сведомо еже есть, и блудъ хластымъ и прелюбодейство женатымъ, ответъ же будетъ о семъ иже симъ богатеющимъ. Но господь умилосердися и даждь цареви нашему вразумение, еже сия извести, и не едино же се, но и всяко пьянственное питие. Аще убо въ земли нашей не будет пьянство, не будет и мужатицам блуда, не будет и душегубства, кроме разбоя: разбой бо аще и умыслит кто злодей, и овогда получит, овогда же презорства ради и не получит. Сия же напаст не мысля погубляет и презорства не помнит.

Аще бо в земных обычаех снидутся ко пьянственному питию мужи и жены, приидут же ту нецыи кощунницы, имуще гусли и скрыпели и сопели и бубны и иная бесовскиа игры и пред мужатицами сия играюще, бесяся и скача и скверныя песни припевая. Сия же зря, жена и уже

сидяще от пьянства яко обуморена, крепост бо трезвеная изсяче, и быст ей желение сатанинскому игранию, мужеви же ея также ослабевшу и на иныя жены умомъ разслабевшу и бывше семо и овамо очима согляданне и помизание и кийждо мужъ чюжей жене питие даяше съ лобзаниемъ и ту будущей рукамъ приятие, и речемъ злотайнымъ сплетение, и связь дьяволь. Преже бо убо единаго искуса жена срамъ иматъ, егда же бывъ во искусе, к тому уже сраму не имать, обыкшей въ томъ блудницею бываеть. Первое бо всякой блуднице наветъ дьяволь бываетъ въ беседахъ пьянственныхъ.

Душегубство также во пьянстве. Преже бо пришедши въ пиршество восхощетъ всякъ сидети въ высочайшемъ месте, и егда неполучитъ и трезвъ молчитъ, но возненавидитъ брата своего въ честнемъ месте предъ собою седяща и преже положитъ на нь въ сердци си гневъ, и яко отъ пьянства уже изсупленъ ума бываетъ учнетъ мыслити срамотити, а и мещетъ на нь злыя речи, и аще сей претерпить онъ же паки съ досажениемъ. И той убо тако же отъ пьянства не умолчить, и бываетъ брань и потомъ единъ единаго ножемъ закалаетъ? Где бо есть слышано инако ножеваго убийства якоже въ пьянственныхъ беседахъ и играхъ, паче же о праздницехъ елины пьянством празднуют. Сиа бо две радости бесовскиа,— мужатицам и вдовам начинание блуда и душегубство — от пьянственых бесед.

Аще же кто любяи пьянство и сиа блядословит, аще не будет хмелю, то опресноцы служити,— таковый себе помогает, абы всегда емуваситися хмелем. Тесту же квас есть не от хмелю, но от дрождий всяких, а цыи и безхмелни суть, яко бо о служебнем хлебе писание сего не глаголет, еже бы преквасно, но дабы квасено. Святымъ бо апостолом Петром Марко евангелист поставленъ бысть во Александреи епископомъ, и от Марка и поднесь александреистии патриарси паствою не беша опустели николи же, но, друзе приемлюще, служаху квасенымъ хлебом от виноградных дрождий: тамо бо несть хмелю, но можетъ тесто каситися и безхмельными дрождиями.

Аще же богъ благоволитъ благочестивому цареви достоитъ по всемъ градомъ русийскимъ къ правителемъ наказати, абы строения хмелеваго заповедовали строити. Симъ бо душегубству и блуду и пьянству упражнение. Еще же душегубства ради заповедовати во всехъ странахъ ковачемъ, абы ножеве ковали притупо безъ концевъ, и

отъ сего бо душегубству упражнение, цареви же за се отдание согрешениемъ и воздаяние будущихъ некончаемыхъ благъ от господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, въ веки векомъ, аминь.

Перевод

Благохотящим царям наставления в землемерии

Премудрость Соломона гласит: «Услышьте, цари, и уразумейте, и узнайте судью всей земли от края и до края, осознайте, владеющие множеством людей и стоящие выше народов языческих, что от господа власть ваша и сила от вышнего!» Если вспомним всех нынешних настоящих царей, то во всех народах, кроме русского, не найдем среди них истинно правоверного царя. Ведь если в правде крепок царь, то следует ему, не ленясь, стремиться к тому, что способствует благополучию всех подданных его, должен он заботиться не об одних вельможах, но и о простых людях. Вельможи тоже нужны в государстве, но никто из них не кормится своим трудом. Поэтому прежде всего необходимы землепашцы — ратаи, их труд дает хлеб — вершину всех благ: хлеб приносится как бескровная жертва богу и превращается в тело Христово, хлебом от трудов крестьянских кормится вся земля — от царя и до простых людей. Но ратаи всегда в мятежах пребывают прескорбных, потому что лежит на них ярмо многих податей. Надо, чтобы они в году одну земледельческую повинность имели, а не несколько. Так и у всякой земной твари бывает: птицы и звери, и животные один только раз в году линяют. А крестьяне беспрестанно вынуждены терпеть бремя различных поборов: то взимают с них оброки серебром, то ямские сборы[1], то еще какие-нибудь. А некоторые люди, посланные к ним для пополнения царской казны, кроме установленного царем налога, забирают у крестьян много больше в свою пользу. Большие расходы крестьянские идут также на содержание лошадей этих сборщиков. И другие многие обиды есть у ратаев оттого, что царские землемеры и писари, отмежевывая земельные наделы для царских воинов, четвертями[2] ме-

ряют землю, делают это очень медленно и долго кормятся за счет крестьян. О многих царствах мы читали, но такого обычая нигде не встречали.

А видели мы вот что. Когда Иосиф в Египте управлял всей страной, то, имея в своих руках огромное множество хлеба, во время голода раздавал его египтянам, а те отдавали ему все свои сокровища. Если кто-то не мог ничего дать, то Иосиф все равно давал ему пшеницу, но обязывал во время будущей жатвы четыре части урожая брать себе, а пятую часть выплатить фараону. И брал он у жнецов хлеба пятую часть, а сверх того ничего не требовал. Потом у всех народов каждый человек платил своим царям или правителям подати плодами своей земли: где рождается золото и серебро, там приносят золото и серебро, а где плодится множество крупных животных, там отдают животных, где водятся звери, там платят зверями. Здесь же в Русской земле ни золото, ни серебро не рождается, нет в изобилье и крупного скота, но по божьему благоволению здесь родится хлеб для прокормления людей, что всего драгоценнее. Надлежит поэтому царям и вельможам у крестьян одну пятую часть их хлебного урожая забирать, как установил в Египте Иосиф, ибо написано, что Иосиф был продан в Египет за 30 сребреников по образу господню.

Как же правоверным царям и вельможам не заботиться о том, чтобы в своих селах и деревнях иметь пятую часть от урожая пшеницы, выращенной крестьянами, и кроме этого ничего не брать; ведь золота и серебра и сами ратаи не знают где взять. Когда голодные года наступают, многие страдают; таких и мы видели. Потому и мучения их настигают, что плохой урожай в году получили. А крестьян, кроме того, мучают еще и денежными сборами, которые изымаются царской властью и раздаются вельможам и воинам для их обогащения, а не ради насущных потребностей. Для удовлетворения нужды вельможи своих ратаев имеют и должны довольствоваться их трудом, взимая у каждого земледельца пятую часть урожая и на эти средства исполняя царскую службу. Этим ратаям никаких других податей, ни сборов ямских платить не следует из-за того, что они содержат вельмож и воинов.

Ямское же управление все обстоятельно надлежит устроить: от одного города и до другого по расписанию. В нем заинтересованы люди, покупающие и продающие в городах, живущие торговлей. Вот и следует ямские

повинности между всеми городами распределить, потому что получают торговые люди много прибыли от ямского сообщения. Но, кроме этих поборов, никаких других лишений на них не возлагать и разрешить им во всех городах безо всяких воздаяний, нарицаемых пошлинами, свободно покупать и продавать. И потому названное ямское управление между разными городами надо исправить, как написано. Если будет так, то всякие мятежи земные редкими станут: количество писарей уменьшится, поборы прекратятся, неправедные доходы осудятся. А что землемерные писари четвертями землю меряют и крестьянам много печалей приносят, кормясь за их счет, об этом так надо рассудить: ради быстроты в деле измерения земли и предотвращения вражды и тяжбы межевания земельного, надо мерить землю и отделять наделы поприщами[3] [...].

Не подобает никому из бояр, воевод или воинов, имеющих своих крестьян, с чужих собирать денежные подати. А если кто выше других воинов чином, то по его достоинству должно быть ему дано и больше земли, тогда и ратаев у него поболе будет: вдвое больше, чем у одного, втрое — чем у другого, в семь раз или в восемь — чем у третьего. Уже этим и возвеличен служилый человек, годный к воеводству или боярству, и нехорошо ему еще больше возвышаться над другими воинами, быть над ними как бы государем. Излишнее богатство стяжают и свое тщеславие показывают те, кто и со своих крестьян положенные налоги взимают, и с чужих серебро требуют. А если кому понадобятся деньги, то пусть продаст беспошлинно излишки урожая своего городским жителям, те хлеб его купят, а он для своих нужд деньги получит. Как же можно у ратаев серебро требовать и из-за этого их, как мы видели, тяжкими муками томить?! Ведь не серебро они делают, но хлеб выращивают; пятую часть хлеба и подобает у них брать по уставу Иосифа Прекрасного, а также пятую часть сена и дров.

С воинами следует поступать так. Каждый, кто получит от царя участок длиной и шириной в размер четверогранного поприща[4], должен явиться на военную службу сам и привести с собой слугу в броне. А с прочими быть по такому расчету: на какой земле 20 полных крестьянских наделов по 12 четвертей с восьмушкой на каждом поле, кроме сенокоса и леса, с того участка десять человек одиннадцатого должны в воинство снарядить. Если царь

хочет, чтобы воинство его против неприятеля в один день собиралось, должен повелеть он всем воинам жить не в селах и деревнях, а в городах; все полагающееся им должны привозить крестьяне; хлеб и сено, и дрова принимать у ратаев воины должны, жительствуя в городах. Тогда, как только царская грамота о выступлении в поход придет к ним, достаточно будет и одного часа для сбора, и люди, услышав об этом, постыдятся быть не все, как один, но с едиными мыслями, в один день выйдут на порученную им службу.

Если вдруг сам царь не захочет держать ответ за всю землю, как каждый человек отвечает за свой дом, то вспомним слова господа: «кому больше дано, с того больше и взыщется, а кому дано очень много, много и спросят с него». Сказал и апостол к галатам, что блудницы, прелюбодеи и пьяницы царства божия не наследуют. А здесь же видим мы, что в городе во Пскове и во всех русских городах корчмы и блудницы. В корчмах пьяницы без блудниц никогда не бывают. Если не будут уничтожены корчмы, которые, как известно, есть пособники для растления холостых и прелюбодейства женатых, ответ будут держать те, кто богатели на этом. Господи, умилосердись и вразуми нашего царя не только закрыть корчмы, но и запретить всякие хмельные напитки. Если в земле нашей не будет пьянства, тогда не будет и блуда среди замужних женщин, не будет убийств, кроме как в драке: драку если и замыслит какой злодей, то иногда начинает, а иногда и оставляет. Сия напасть без смысла губит и о гордости не вспоминает.

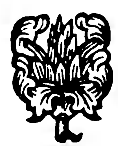
В обычаях земных: когда сходятся для пьянства мужчины и женщины, приходят к ним и некие кощунники с гуслями и скрипками, и сопелями, и бубнами, и другими бесовскими инструментами, играют они перед замужними женщинами, бесяся и скача, и непристойные песни распевая. Видя это, женщины, и так уже разомлевшие от пьянства, совсем теряют силу трезвую, и входят им в душу желания сатанинских игр; мужья их, также от пьянства ослабевшие, помыслами на других женщин обратились. И бывает тогда сплошь и рядом переглядывание, перемигивание, муж чужой жене питье подносит с лобзанием и рук ее касается, и речи злотайные сплетаются, и начинается связь дьявольская. До первого искушения жена стыд имеет, а после падения уж нет больше стыда у нее, привыкнув, скоро блудницей становится. Всякой

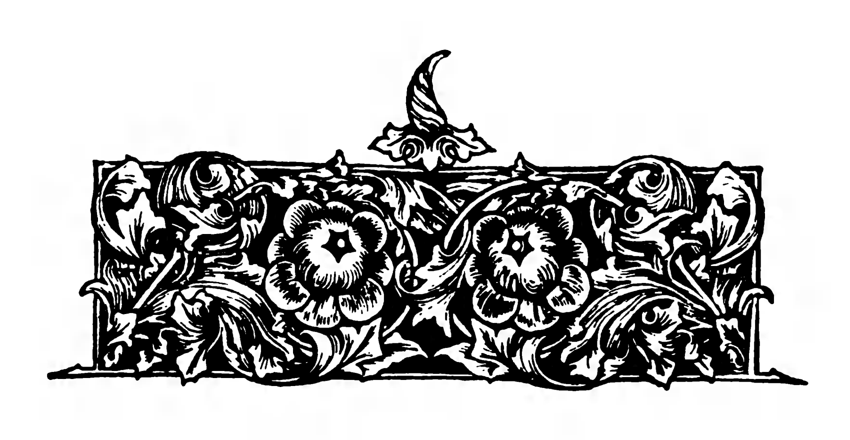
блуднице дьявол козни ставит впервые в пьяных разговорах.

Убийства также бывают из-за пьянства. Кто первым пришел на пиршество, желает сидеть на высоком месте, а если не удается ему это, то, пока трезвый, он молчит, но уже тогда ненавидит брата своего, сидящего пред собою на почетном месте, и ложится на его сердце гнев. Когда от пьянства ум его омрачится, задумывает он осрамить брата и обращает к нему злые речи, а если тот все это вытерпит, то с еще большим гневом нападает на него. И тот тоже от пьянства не смолчит, и начинается драка, а потом один другого ножом закалывает. Где вы слышали о других случаях убийства ножом, кроме как в пьяных беседах и играх и чаще всего в праздники, которые пьянством отмечают. Две радости бесовские: замужним женщинам и вдовам — пристрастие к блуду, и убийства; все от пьяных бесед.

Если кто из любителей пьянства болтает, что если не будет хмеля, то придется на опресноках служить, тот о себе заботится, чтобы самому всегда хмелем закваситься. Тесто ведь не от хмеля квасится, но от дрожжей разных, а те бывают и бесхмельные, ничего не сказано в писании о хлебе, употребляемом на службе, чтобы он перебродил. Святой апостол Петр поставил епископом в Александрии евангелиста Марка, и от него до наших дней Александрийские патриархи нисколько не обеднели паствою, но, наследуя друг другу, служили на хлебе, заквашенном виноградными дрожжами: нет в них хмеля, а тесто может кваситься и бесхмельными дрожжами.

Если бог благоволит, то следует благочестивому царю во всех городах русских отдать приказ правителям и запретить разведение хмеля и строения корчемные, ибо в них для людей упражнение в душегубстве, блуде и пьянстве. И еще, чтобы не было убийств, приказал бы во всех странах мастерам делать ножи с тупыми концами, ведь острыми ножами убийства совершаются. Так царь получит прощение за свои грехи и в будущем бесконечные блага от господа бога и спасителя нашего Иисуса Христа, во веки веков, аминь.





Наставление князьям

Наказание княземъ, иже даютъ волость и судъ не богобоинымъ и лукавымъ мужемъ

Рече пророкъ: «Боже, судъ твои цареви даждь и правду твою сынови цареву», храня истину въ веки и творя судъ обиденнымъ, отца сирыхъ и судья вдовицъ, и честь царя — судъ любить, и правда съ небеси приниче, еже есть Христосъ, божия сила и премудрость, по апостолу. Князь, любя судъ и правду, небо есть земное, а душа его — престолъ Христови, по Соломону, рече бо: «Душа праведныхъ — столпъ премудрости», и паки рече: «Бози будите и сынове вышняго». Князи и вся судья земския слуги божия суть, по Павлу. [...]

Писано есть: князь мира сего правда. И вы въ собе место поставляете властели и тивуны мужи не богобоїны, язычны, злохитры, суда не разумеюще, правды не смотряще, пьяни судяще, спешаще судомъ, а богъ повелелъ ни единемъ днемъ вещь испытати, грабители и мздоимцы, гордостью и величаниемъ вознесшеся, созидаютъ труды на повеление, и кто правъ, осуженъ отъ нихъ въ вину, при-

падаетъ къ князю, и князь не слушаетъ и. Како судилъ на его душу? Пилатъ руце умывъ, Иисуса предавъ, рекъ: что мне родъ твой? Жидове дали тя мне; кровь твою взяли на ся и на чада своя. Симъ Пилатъ не оправдася, и Тиверий царь возложи на душу его, повеле потяти Пилата и жену его[1]. О таковыхъ бо рече господь въ евангелии: «аще око твое соблазняеть тя, иstкни е, ли рука — отсецы ю, а не о гнилыхъ утехъ телесныхъ». Сдержаи истину въ неправде и не бояся небеснаго серпа, молвишь: како судилъ на его душу?

А не ты ли пустилъ, яко неистова пса, на Христовы овцы, или бешена человека отрешивъ и оружье давъ ему, и онъ не телеса режетъ, худо бы зло, но души губить? Что сдеетъ онъ, не на пустившаго ли душу? Тако и зде погубленный отъ твоего судьи: съ тобе, князю, плачутъ, а ты не мстишь, держа истину въ неправде, любя беззаконныя прибытки и техъ деля напустивъ злаго судню на люди. Писано есть: не добръ позоръ лисица въ курехъ, и нелепо льву въ овцехъ паставити; единь волкъ всю чреду смутитъ; одинъ тать на все стороны мерзитъ; царю неправедну — все слуги подъ нимъ беззаконны суть.

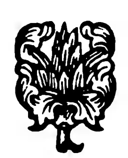
Перевод

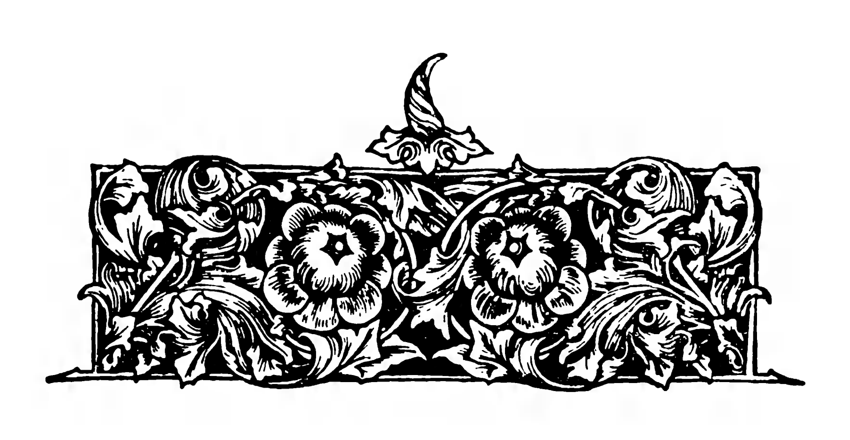
Наставление князьям, которые дают власть и право суда неблагочестивым и коварным мужам

Сказал пророк: «Боже, даруй царю твой суд и сыну царя твою правду», храня истину вечно, творя милосердие обиженным. Отец сирот, судья вдов и честь царя справедливость любит, и правда с небес спустилась, правда — это Христос, божия сила и премудрость, по словам апостола. Князь же, если он возлюбил справедливость и правду, небо есть земное, а душа его — престол Христу, ибо, как сказал Соломон: «Душа праведных — столп премудрости», и еще изрек: «Богами станьте и сыновьями вышнего». Князья и все судьи земные есть слуги божии, по учению Павла. [...]

Писано: «Властитель мира сего — правда». А вы вместо себя ставите в управители и тивуны мужей не богобоязненных, иноверных, коварных, справедливости не понимающих, о правде не заботящихся, спьяна судящих, в спешке выносящих приговоры; а ведь бог велел не в один день вещь испытывать! Грабители и мздоимцы, вознесшиеся в гордыне и тщеславии, раздают приказания, правый человек осужден ими бывает, а когда обращается он к князю, то князь не слушает его. Как судить душу князя? Пилат, умыв руки и предав Иисуса на смерть, сказал: «Что мне род твой? Иудеи отдали мне тебя, кровь твою взяли на себя и на детей своих». Но этим Пилат не оправдался, и Тиверий-кесарь обвинил в грехе душу его, велел убить Пилата и его жену[1]. О таких сказал господь в Евангелии: «Если око твое соблазняет тебя — вырви его; если рука — отсеки ее и все порочное в радостях телесных». Сохраняй истину и среди лжи, не бойся небесного серпа, молви: какой суд его душе?

А не ты ли его напустил, как неистового пса, на Христовых овец? Отпустил бешеного человека и оружие дал ему, а ведь он не тела режет, но хуже того — души губит! Что сделает он, если опустошена уже душа его? Так и этот, погубленный своим властелином, к тебе, князь, с плачем обращается, а ты его не защищаешь; принимая неправду за истину, возлюбив беззаконную прибыль, и ради нее напускаешь злых управителей на людей. Написано ведь: не хорошо видеть лиса среди кур и не следует льва пускать в овечье стадо: один волк все стадо испортит, один вор на все стороны смердит, а у царя неправедного и слуги закону не следуют.





Даниил, митрополит
Из 12-го слова

...Время есть въспрянути намъ отъ пианства, забвениа или помрачениа, или наче рещи, безумиа нашего. О, братие, утрезвимся и въспомянемъ обещание наше, яже обещахомся въ святемъ крещении, отрацающеся сатаны и всехъ делъ его, и вся службы его, и всехъ аггелъ его, и всего студа его. И сице съвлекохомся всего ветхаго человека и облекохомся в нового Адама, сиречь въ Христа, обновляемаго и возводящаго насъ въ отечество наше, сиречь въ рай и въ царство небесное [...].

Мы же христиане суще, порождьшеся божественнымъ крещениемъ, поганыхъ язык обычаемъ прилежимъ, другъ друга кусающе, другъ друга пожирающе, якоже рыбы, другъ друга укоряюще, поношающе. Господь убо заповеда, рекъ: «Блажени есте, егда поносятъ вамъ». Ты же, христианинъ сый, сопротивнаа творищи, и «аще тя кто ударитъ въ ланиту, обрати ему и другую», — ты же не точию не обращаеши другую, но и единой не терпиши, также и главу

хощеши отрезати. Сиа ли словеса обещаниа твоего въ святемъ крещении? Сиа ли есть заповеди святаго евангелиа, яже приалъ еси творити и хранити? [...] Веси ли что отрицание твое во святемъ крещении, кого отрекся еси, и кому обещался еси? Что зубы крежещешии сверепишися на мя, яко убити мя хотя? Рци, кого отречеся, и кому обещася? Отрекохся, рече, сатаны и всихъ делъ его и обещахъся Христу богу и сице верую во единаго бога отца вседержителя, творца небу и земли и прочая [...]. И аще убо так отвещеваеши, и тако веруеши и исповедуеши, яко христианинъ еси, Христу обещался и во Христа облечеся. и небесныхъ ищеши, и почто же, Христа оставивъ, къ сатане течеши, сиречь заповеди божия презревъ, на бесовскаа учениа и деаниа течеши, празднословиши и глумы твориши? Господь заповеда, рекъ: «Всякъ слово праздно, иже аще возглаголють человеци, воздадятъ о немъ слово въ день судный», и апостолъ: «Всякъ слово гнило изъ устъ вашихъ да не исходить». Ты же всегда беспрестани гнусная сътворяеши диавольскаа учениа. Господь рече: «Блажени плачущеи, и горе смеющимся ныне, яко възрыдаете и всплачете». Ты же сопротивнаа богу твориши, а христианинъ сый, пляшеши, скачеши, блуднаа словеса глаголеши, и инаа глумлениа и сквернословиа многаа съдеваеши, и въ гусли, и въ смыки, въ сопели, въ свирели, вспеваеши, многаа служениа сатане приносиши. Господь заповеда рече: «Бдите и молитися, яко не весте дне, ни часа, воньже сынъ человеческий приидетъ», и паки рече: «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть», и апостолъ якоже вопиа рече: «Непрестанно молитеся». Ты же непрестанно вся человеки съблажняеши, якоже самый той сатана, баснословиши, притчи смехотворныа приводиши, грохощеши, смеешися, всяку козньь, всякаа ухитрениа твориши смехотворнаа да человекомъ иже въ святемъ крещении отрекшимся сатаны и обещавшимся Христу богу, бесовскаа учениа приносиши.

Рци убо, которыа законы христианскиа твориши и храниши, а не паче ли диаволскиа? Господь заповеда рекъ: «Блюдите, да не отягчають сердца ваша обиадениемъ и пианствомъ». Ты же обиадаешися, яко скотъ, и пианствуеши день и нощь, многажды и до блевания, якоже и главою болети, и умомъ пленитися. Несть сие христианскаго закона, несть сие ищущихъ царства небеснаго. Господь заповеда рекъ: «Научитеся отъ мене яко кротокъ есмь и смренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ».

Ты же нимало сей заповеди хощеши научитися, но и не внимаеши и паче множае гордишися, и превозношаешися, рыкаеши, аки левъ, и лукавьствуеши, яко бесъ, и на диаволскаа позорища течеши, яко свинопасъ. Жены красны блудница, или ино лице женовидно краснеющеся видевъ, и светло и мягко тело обьюхавъ, и притекъ, объемъ, целуеши, мыззжеши и рукама осязаеши. И толико безстуденъ и безуменъ бывъ бесовьскою любовию восхотився к ней, аки бы ея внутрь себе вместити, сице помраченъ сый, якоже отъ безсловесныхъ бываа аки жребець некий слатнояростивый, рзая, и сластию распалаася, аки огнемъ горя, яко вепрь къ свинии своей похотствуа, и употевая, и пены испущаа, сице и ты, безсловеснымъ позавидевъ, словестное естество въ безсловестное поработивъ, о человеце [...]. Велий подвигъ твориши, угожая блудницамъ: ризы изменяеши, хожение уставляеши, сапогы велми червлены и малы зело, якоже и ногамъ твоимъ велику нужу терпети от тесноты съгнетениа ихъ, сице блистаеши, сице скачеши, сице рыгаеши, уподобляяся жребцу, благому же обычаю, простоте и кротости и смирению, якоже боголюбцемъ обычай есть, целомудренно и смиренно житие не мало хощеши навыкнути, но яко блудницамъ обычай есть, сицевъ нравъ твой уставляеши. Власы же твоя не точию бритвою и съ плотию отъемлеши, но и щипцемъ ис корене исторзати и ищипати не стыдишися, женамъ позавидевъ, мужеское свое лице на женское претворяши. Или весь хощеши жена быти? О помраченна сластей плотскихъ! О безумиа конечнаго! Свободное оставивъ, к работному течетъ: не хощу, рече, жена быти, но мужь, яковъ же и есть. Да аще еси мужь и не хощеши жена быти, почто брады твоеа, или ланитъ твоихъ власы щиплеши и ис корене исторзати не срамляешися? Лице же твое много умываеши, и натрываеши, ланиты червлены, красны, светлы твориши, якоже некая брашна дивно сътворено на снедь готовишися. Устне же светлы, чисты и червлены зело дивно уставивъ, якоже некимъ женамъ обычай есть кознию некоею ухитряти себе красоту, сице же подобно имъ ты украсивъ, натеръ, умызгавъ, благоуханиемъ помазавъ, мягцы зело уставляеши, якоже сими возмощи многихъ прельстити. Тело же свое не точию обнадении и пианствы, но и безчисленными измовении, и натрываніи и сице блистатися и светлитися устроаеши якоже велми дивенъ некий камень лучи светлый испущаа. Якоже бе прельщение рыбамъ удица, сице же и твоя плоть прельщение и

съблазнъ иже по образу божию созданнымъ человекомъ, за нихъ же сынъ божий и богъ волею своею страдание поносное потерпе даже до смерти, их же ты погубляеши, соблазняа, прелщаа, оскверняа, помощь даа сатане на погубление человеческаго рода. Рци ми, кий ответъ имаши пострадати о сихъ? Бедно убо имаши приати страдание о сих, всю свою крепость издавъ въ сласти плотьскиа, и о сихъ радуяся и веселяся забывъ писание радоватися о господе бозе и паче будущихъ благыхъ желаа блудныхъ сластей насыщатися, и о сих весь свой умъ непрестанно имея. Слугамъ же на блудная сиа бесовскаа деаниа много сребра и злата испощеваеши; и что много исщипати, всякаа мечтаниа и прелесть века сего, и всехъ учений бесовскихъ велие съкровище бываеши, къ плотьскимъ и мимотекущимъ весь преклонился, и присно къ блудницамъ зряй, и самъ себе многимъ блудницу сътвори.

И еще всего окаяннее, яко ни мала рыдаеши и плачеши, но яко чувьственъ пребываа, аки ничтоже зла сътворивъ, ничтоже съгрешивъ, аки свинна в кале увалявся жируеши. Умъ же имущии и о воззрении не подобномъ, не мало плачуще рыдають, и слезы изливають, ибо господь на сиа не мало осужение положи, всякъ бо, рече, иже воззритъ на жену, къ еже вжелети еа, уже любодействова съ нею въ сердци своемъ. Ты же сиа не во что полагаеши. И апостолъ Павел, имеа въ себе Христа заповедуя, рече, вся въ славу божию творите. Ты же вся въ бесовскую славу твориише: позорище, играниа, плясаниа събираеши, и къ симъ паче течеши неже къ божественнымъ церквамъ, и не точию се, но и домъ свой, к жене и къ детемъ приводиши скомрахи, плясцы, скверпословци, погубляа себе, и дети и жену, и вся сущая въ дому, паче потопа онаго; онъ бо потопъ, тело умертви, души же отреза нечестиа, сей же всезлый и окаянный потоп сугубо действуеть, душу купно съ теломъ погубляеть. Всему же злу ты бываеши ходатай. Ей, не азъ, рече, но они, плясци и глумотворци! Како глаголеши оны, все твое есть, аще бы ты не хотелъ, ни они бы глупотворили и плясали.

Но ныне убо возвратися отъ таковаго нечестиа, покайся, исповеждься, дондеже время имаши, и съблюдай христианския законы [...].

Наказание 12

Сиа събравше отъ божественныхъ писаний, предложихомъ любви вашей, братие, да внимаемъ кождо насъ себе, якоже рече премудрый Соломонъ: «Внимай себе, да избавишися яко серна от тенета, и яко птица отъ пругла». Без внимания бо вся стропотна и развращенна бываютъ. Аще бо кто не внимаетъ себе, сей не весть ни себе, ни иныхъ, внимай же себе, сей весть себе, и свою меру познавает же и свою немощь, и где уклоняется и привязается умъ его, и что любитъ, зритъ же и другихъ, и полезнаа отъ нихъ приемлетъ, «на пути же грешныхъ не станетъ, и на седалищи губительне сядеть», но отъ всехъ душа вредящихъ отвращается, се бо есть сзойствено христианомъ [...].

И аще хощеши прохладитися, изыди на преддверие храмены твоеа, и виждь небе, солнце, луну, звезды, облака ови высоци, ови же нижайше, и в сихъ прохлажайся, смотряа ихъ доброту, и прослави техъ творца Христа бога. Се бо есть истинное любомудрие. И аще хощеши и еще прохладися: изыди на дворъ твой, и обойди кругомъ храмины твоеа, сице же и другую и прочаа, такоже и дворъ твой, и аще что разсыпася, или пастися хощетъ съзидай, ветхаа поновляй, неутверженаа укрепи, прахъ и гной згребай в место, да ти къ плодоносию вещь угодна будеть. И аще хощеши вящше прохладитися, изыди во оградъ твой, и разсмотри сюду и сюду, яже къ плодоносию, и яже къ утверженију сътвори. Или аще не достало ти есть, изыди на поле селъ твоихъ, и вижь нивы твоя, умножающа плоды ово пшеницею, ово ячьмень и прочаа, и траву зеленующуся, и цветы красныа, горы же и холми, и удолиа, и езера, и источники, и рекы, и сими прохлажайся, и прославляй бога, иже тебе ради вся сиа сътворшаго.

Но доселе же стани, но взыди умомъ и въспять пути твоего, сиречь отъ чрева матере своеа, разсмотри лета и месяци, и дни, и часы и часци, и яже в сихъ что благо сотворилъ еси, утверди смирениемъ кротостию, да не разсыплетъ врагъ добродетели твоя, и обнажитъ тя царьскаго чертога. Аще же злаа и душепагубнаа сътворилъ еси, покайся, исповежьдся, плачися, рыдай: онъ убо день блудомъ съгрешилъ еси, въ другий же злопомнениемъ, во ин же пианством и обияденемъ, та же по семъ намизаниемъ ока, и

по семъ оклеветаниемъ и осужениемъ, и оболганиемъ, и роптаниемъ, и укорениемъ, и колика аще дни изживеши, прилагаеши къ ветхымъ грехомъ новыа грехи.

О семъ паче попецися еже не съгрешати, и положи начало: восприими себе перва день единъ еже ничтоже съгрешити въ немъ, та же сей претерпевъ и другий приложи къ нему, таже третий, и по малу по малу во обычай приходиши, еже не съгрешити и толика бегаа бежиши отъ греха, яко кто бежитъ от змиа.

И тако прохлажаа прохладишися, и радости многиа исполнишися и въ настоящихъ, въ будущемъ же вечныхъ благъ получиши, «яже око не виде и ухо не слыша и на сердце не взыде яже уготова любящимъ его», их же буди всемъ намъ получити благодатию и человеколюбиемъ господа нашего Иисуса Христа, ему же съ отцемъ и съ святымъ духомъ слава и держава въ веки векомъ, аминь.

Перевод

...Настало время воспрянуть нам от запоя, забвения или помрачения, или, иначе говоря, безумия нашего. О, братья, отрезвеем и вспомним обет наш, как обещали при святом крещении, отрекаясь от сатаны и от всех дел его, и от всей службы его, и всей мерзости его! Итак, освободимся от всего ветхого человека, примем облик нового Адама, то есть Иисуса Христа, возродившегося и вводящего нас в отечество наше, то есть в рай и в царство небесное [...].

Мы же, став христианами, ожив в божественном крещении, держимся обычаев языческих народов, друг другу боль причиняя, друг друга пожирая, как рыбы, друг друга укоряя и понося. Господь в заповедях сказал: «Блаженны вы, когда будут поносить вас...» Ты же, христианин, противоположное делаешь! А «если кто тебя ударит по одной щеке, обрати к нему другую», — ты же не только другой щеки не подставишь, но и одного удара не стерпишь, хуже — готов уже и голову тому отрезать. Это ли слова обетов твоих во святом крещении?! Это ли заповеди святого Еван-

гелия, которые ты принял, чтобы выполнять их и хранить?! [...] Понимаешь ли ты, что значит отрицание твое при святом крещении?! Знаешь ли ты, от кого отрекся и кому обет дал? Что ты зубами скрежещешь, свирепея, как будто убить меня хочешь? Говори: от кого отрекся и кому обещал? «Я отрекся от сатаны,— говоришь ты,— и от всех дел его и обет дал Христу-богу, и вот верую во единого бога-отца вседержителя, творца неба и земли, и прочая» [...]. Но если ты так веруешь и так исповедуешь, как христианин, если Христу обет дал и во Христа облекся, и о небесном мечтаешь, то почему же, оставив Христа, к сатане устремился, то есть, презрев заповеди божии, обратился к учению и делам бесовским?! Зачем празднословишь и глумишься? Господь в заповедях сказал: «За всякое праздное слово, которое произнесут люди, дадут они ответ в день судный», и апостол сказал: «Пусть никакое гнилое слово не сойдет с уст ваших». А ты всегда и беспрестанно гнусное творишь по дьявольскому научению. Господь сказал: «Блаженны плачущие, и горе смеющимся ныне; так возрыдайте и восплачьте!» Ты же противное богу делаешь: будучи христианином, пляшешь, скачешь, говоришь срамные слова и многие другие глумления и сквернословия совершаешь, и в гусли, и в смыки, и в сопели, и в свирели играешь — хорошую службу сатане служишь! Господь завещал: «Бодрствуйте и молитесь, потому что не знаете ни дня, ни часа, когда придет сын человеческий» и еще сказал: «Бодрствуйте и молитесь, да не впадете вы в беду», и апостол, также взывая, говорил: «Непрестанно молитесь!» Ты же непрестанно всех людей соблазняешь, как сам сатана, рассказываешь небылицы, приводишь смехотворные притчи, хохочешь, смеешься, всякие козни и хитрости смешные придумываешь; и людям, отрешившимся от сатаны и пришедшим к Христу-богу, бесовское учение предлагаешь.

Говори: христианские ли законы ты соблюдаешь и хранишь, а не дьявольские ли? Господь, повелевая, сказал: «Следите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и пьянством». Ты же объедаешься, как скот, и пьянствуешь день и ночь, часто и до рвоты, так, что болит голова и ум мешается. Это не христианский закон, это не для тех, кто ищет царства небесного. Господь в заповеди сказал: «Учитесь у меня, ибо я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам своим». Ты же нисколько этой заповеди не хочешь научиться, даже не внимаешь ей,

но еще больше гордишься, превозносишься, рычишь, как лев, и лукавишь, как бес, и спешишь на дьявольские зрелища, как свинопас. Завидев красивую блудницу или другое смазливое женское лицо, устремляешься туда, обнюхиваешь белое и мягкое тело, и обнимаешь, и целуешь его, и ерзаешь около него, и руками ощупываешь. И так бесстыден и безумен бываешь, разгоревшись бесовской любовью, что готов как бы в себя вобрать блудницу. И настолько помрачен ты, как только бессловесные бывают: как жеребец некий, сластнояростно ржет и похотью распаляется, как от огня сгорая; как кабан, совокупляясь со свиньею своей, потеет и пену испускает,— так и ты, подражая бессловесным тварям, человеческое естество животному подчинил [...]. «Великий подвиг» совершаешь ты, угождая блудницам: одежды переменяешь, походку изменяешь, сапоги надеваешь очень красивые и крайне тесные, так, что ногам твоим приходится терпеть великое неудобство от тесноты их и давку. И так красуешься, так скачешь, так рычишь и ржешь, уподобляясь жеребцу. Добрым же обычаям: простоте, кротости и смирению, как это принято у боголюбивых людей, целомудренной и смиренной жизни, нисколько не хочешь научиться,— к привычкам блудниц нрав свой приспосабливаешь. Волосы же свои не только срезаешь бритвою и даже с кожей, но и щипцами вырываешь из корня и не стыдишься выщипывать. Женщинам подражая, мужское лицо свое в женское превращаешь. Или весь хочешь женщиной быть? О, помрачение от сладострастия плотского! О, безумие полное! Свободное оставив, к рабскому устремляешься! Не хочу, говоришь ты, женщиной быть, но мужчиной, как и есть? Но если ты мужчина и не хочешь быть женщиной, то зачем волосы бороды твоей и щек твоих щиплешь и не стыдишься исторгать их с корнями, зачем лицо свое так часто умываешь и натираешь, и делаешь щеки свои красными, красивыми, яркими, как будто угощение дивное для пиршества приготовленное. Уста же светлые, чистые, красные очень странно складываешь. Как некоторые женщины привычку имеют разными ухищрениями наводить себе красоту, так и ты, подобно им, накрасил, натер, намял уста, намазал их благовониями, мягкими очень их сделал, желая прельстить ими многих. О теле своем заботишься не только обильным питанием и питьем, но и бесчисленными омовениями и натираниями. Так, блистая и красуясь, выглядишь как некий чудный лучезарный камень. Соблазн

рыбам — наживка на крючке, а твоя плоть — прелыщение и соблазн людям, созданным по образу божию, за них сын божий и бог по своей воле страдания позорные претерпел и смерть принял. Ты же им вред приносишь, соблазняя, прельщая, оскверняя их, оказывая помощь сатане в развращении человеческого рода. Отвечай мне, что ты можешь сделать для них, какие страдания принять? Мало ты можешь, истратив всю свою силу в сладострастии плотском,— только этому ты радуешься и веселишься, забыв писание, что радоваться надлежит только о господе боге. Больше будущих богатств желаешь насытиться ты удовольствиями разврата и думаешь об этом непрестанно. Ты слугам своим расточил много серебряных и золотых монет на эти непристойные бесовские дела. Да что долго перечислять всякие мечтания и прельщения века нашего, всех учений бесовских обширные храмины. Ты к плотскому и суетному весь склонился; всегда устремляясь к блудницам, сам себя для многих блудницей сотворил!

И хуже всего то, что ты нисколько не раскаиваешься — не рыдаешь и не плачешь, и не чувствуешь за собой никакого зла и прегрешений, как свинья в грязи, ты пребываешь в довольстве и благополучии. Люди, ум имеющие и иначе взирающие на жизнь, часто и горестно рыдают и слезы проливают, ибо господь осуждал, говоря: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем». Ты же это ни во что не ставишь! И апостол Павел, нося в себе образ Христа, учил, говоря: «Творите все во славу божию». Ты же все во славу бесовскую делаешь: зрелища, пиры и пляски устраиваешь,— ко всему этому больше стремишься, чем в божественные церкви. И не только это делаешь, но и в дом свой, к жене и к детям приводишь скоморохов, плясунов, сквернословцев, губя и себя, и детей, и жену, и всех в доме, хуже потопа: ведь потоп, умерщвляя тело, душу спасает от бесчестия, твой же всезлейший и окаянный потоп вдвойне действует — душу и тело губит. Всему злу ты бываешь виновник! Ой, не я, говоришь, но плясуны и скоморохи! Как же ты говоришь это, ведь все от тебя?! Если бы ты не хотел, они бы не совершали непристойностей и не плясали бы.

Отойди же ныне от такого бесчестия, покайся, исповедуйся, есть еще время, и соблюдай христианские законы [...].

Наказ 12

Собрал я все это от божественных писаний и предложил приязни вашей, братья! Вдумаемся, углубимся каждый в самого себя, ибо говорит премудрый Соломон: «Внимай себе и спасешься, как серна из ловушки, как птица из сети». Без сосредоточенности и внимания все строптивы и развратны бывают. Кто не прислушивается к самому себе, тот ни себя, ни других не знает! Внимай же себе, познай себя, познай свою силу и слабость, и от чего уклоняется, и к чему склоняется ум твой, и что любит. Тогда и других увидишь и пользу от них получишь, тогда «не встанешь на путь грешников и не сядешь на сборище развратителей», но от всякого вреда душа отвратится, как и должно быть свойственно христианам [...].

Если захочешь подкрепить свои силы, выйди на крыльцо дома твоего, посмотри на небо — ты увидишь солнце, луну, звезды, облака,— некоторые высоко, другие же низко,— погрузись в них, постигая их суть, и прославь творца всего этого, Христа-бога. Это и есть истинная мудрость! И если захочешь еще более отдохнуть, выйди во двор твой, обойди кругом дом твой и другие и прочие, а также и постройки твои, и если что рассыпалось или накренилось — поправь, ветхое поднови, шаткое укрепи, навоз и мусор сгреби в одно место, они полезны для урожая. И если захочешь еще более отдохнуть, выйди в сад твой, посмотри туда и сюда и сделай все, что плодоносию и укреплению способствует. А если и этого окажется тебе мало, выйди на поля земли твоей, посмотри на нивы твои, преумножающие зерна пшеницы, ячменя и прочих злаков, посмотри на траву зеленую и цветы прекрасные, на горы и холмы, и долины, и озера, и родники, и реки,— всем этим наслаждайся и прославляй бога, ради тебя все это создавшего!

Но не останавливайся на этом! Возвысь свой ум и обрати его к началу пути твоего, от чрева матери твоей, вспомни годы и месяцы, и дни, и часы, и минуты — какие добрые дела успел совершить ты? Укрепи себя смирением и кротостью, чтоб не рассыпал враг добродетели твои и не лишил бы тебя царского чертога! А если же ты злое и пагубное для души творил — кайся, исповедуйся, плачь и рыдай: в один день по блуду согрешил ты, в другой — злопамятством, в третий — пьянством и обжорством, потом

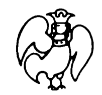
еще и подмигиванием и еще — клеветой и осуждением, и оболганием, и роптанием, и укорами. И сколько дней еще проживешь,— все прилагаешь к старым грехам новые грехи.

Больше всего позаботься о том, чтобы избегать греха. Возьми себе за правило: заставь себя не согрешить ни в чем один только день; вытерпев первый, и другой прибавь к нему, потом третий, и мало-помалу обычным это станет — не грешить и, уклоняясь, бежать от греха, как убегают от змеи.

И так отдыхая, ты отдохнешь, и радости многие познаешь в настоящем веке, а в будущем — вечные блага получишь, ибо сказано: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил бог, любящий его». Все предстоит нам получить благодатью и человеколюбием господа нашего Иисуса Христа, ему же с отцом и со святым духом слава и могущество во веки веков. Аминь.

„Душеполезное лекарство“

Памятники учительного красноречия (XII–XVII вв.)



Поучение епископа Белгородского

Поучение философа, епископа Белгородьскаго

Придете вси мужи вкупе и жены, попови и людье, и мниси, и белци, богати и убозии, домашнии и пришельци, сберитеся и послушайте мене, аще бо несмь пастырь вашь[1], но не ведь откуду рещи. Пастыри бо утроби прилежю, в пастыря бо место оставленъ есмь вамъ, да ничтоже чюжего творю, аще вся вижю закалаема и на земли оканьни падающа — и теку на помощь: да бы когда варило милосердие божие и мертви въскреснутъ, и богъ въ техъ прославится. но который рабъ во истину любить свой господинъ, видя и беществуема, ни во что же менима, не болезнуеть ли сердцемъ? И аще иного ничтоже не можеть творити, но обаче покажеть свой успехъ, яко не терпеть зрети толька приобидения и беславья своего господина? И вы же вси, елико васъ душю имуть человечьскую и несть отинудь зверообразни, егда видить коего домъ от пожара оступаемъ, ти яко хотящю ему уже погибнути, не успешно ли обема рукама востанеть и течеть, тщашеся угасити огня и пламя-

ни? Како убо видя азъ ни едины храмины, но весь градъ, не точью град, но и кроме града погарающа, вся ижьжена, не яко же огня древо, но от пламяни изгыбающе, то не болю ли душею, елико ми сила естъ потыщатися угасити пламень?

Кый ли то есть пламянь? Вы убо рчете ми, не то ли, егда пиете вино и медъ, или иное питие чрез сытость и наполняетеся и, то како мните внутрь себе имети, не яко от огня некоего изгараеть? Тако бо родомъ хмель: съгревая и распаляя вьнутрьняя, то бо есть убо душа погубьляяй пламяни. Пьяниде бо царьствия божия не приемлють, то не тако ли яве есть, яко всякъ пьяница погыбаеть, и от бога отлучаются, и в негасимый вечный огнь посылаеми бывають.

Азъ же, убо веру имете ми, ужасаюся, помышляя, како васъ беси ликують и сотона во васъ играеть и красуеться пьяньству, во васъ чтему, яко некоторого бога, всимъ имущимъ его, яко и дети ваша нудити покланятися пьяньству. И то мните праздникъ великъ, егда вси лежать, яко мертви от пьяньства, яко идоли уста имуще и язык не глаголющь, очи имуще и не видяще, нозе имущи и не ходяще. Кто достойно васъ оплачеть, тако умильно от пьяньства гыбьнущимъ? Несть человека, оканьнее пьянице: пьяница живота своего лишаеться и тамъ сущаго зде живота паче умерлъ есть и тамо живота не сподобится! [...]

Егда бо упиваетеся, тогда блудите и играете, плищете, поете, пляшете, в сопели сопете, завидите, рано пьете, обьедаетеся, упиваетеся, блюете, льстите, злопоминаете, гневаетеся, лаетеся, хулите, осержаетеся, лжете, горьдите, кощуняете, срамословите, кличете, сваритеся, море вамъ до колена, смеетеся, крадете, бьетеся, деретеся, празднословите, смерти не поминаете, спите много, осужаете, вадите, божитеся, укаряете, клеплете,— не по истинне ли святое крещение стужитъ си пьяньством вашимъ. А и плясавица есть сатанина невеста, супружница диавола, всемъ мужемъ темъ зрящимъ ее, жена скверно же и скаредно и своему мужу; образъ божиі нося, съ женою своею совокупитися во плясании,— аще и въ церковь входите!

Поведите ми, како убо вы бога прославите? Поведите ми, яко пьяного смрадомъ отрыгающа, богъ толма ненавидить, яко же мы пса мертва смердяща гнушаемся! Увы мне! Увы мне! Како сотвори господь богъ тако во дни, в няже не чаяхъ, яко вижу человеки, чтуща дела сатанина, и не стыдящася о томъ, но и паче хвалящеся?

Останите, братие, окаяннаго пьянства, яко на веселие намъ богъ питие далъ есть, и тожде в подобно время, а не пьяньство. Увы мне! Увы мне! Яко оставляете бога сотворившаго васъ и прилепяетеся пияньству горше идолъ. Рцете ми, чимъ есте отложени от неверныхъ, аще до пьяньства упиваетеся? Они бо служать зданию, а медъ что есть не здание ли божие? И глаголете, яко тогда имамъ праздникъ честенъ, егда по многи дни упиваемся. Разумейте сами, что глаголите, яко оставльше праздникъ, а диаволу угождаете! Окамени бо душу вашу сатана!

Иже что много глаголю? Покайтеся и лишитеся таковаго празднования, еже упиватися по праздникомъ, и плачитеся, кающеся о пьяньстве вашемъ, яко бо затворяетеся от небеснаго царьства пьяньства ради, аще же не покаетеся, ни останетеся таковаго творения, то мучими будете в бесконечныя веки в негасимомъ огни. Богу нашему слава и держава со отцемъ и святымъ духомъ ныне и присно и во веки векомъ. Аминь.

Перевод

Поучение мудреца, епископа Белгородского

Придите все мужи вместе и жены, священники и миряне, монахи и бельцы, богатые и бедные, местные и чужеземцы, соберитесь и послушайте меня, хотя я и не пастырь ваш[1] и не знаю, с чего начать. Но сердцем и мыслями я пастырь и вместо пастыря оставлен я вам. Да ничего плохого не сотворю я вам; если вижу убиваемых всех и падающих на земле грешной — тогда спешу на помощь. Ведь если предостережет милосердие божие, тогда и мертвые воскреснут, и бог в них восславится; и если раб действительно любит своего господина, то даже видя его в позоре и в пренебрежении, неужели не соболезнует ему в сердце своем? И даже если ничего иного не сможет он сделать, то все же покажет свою верность и пользу уже тем, что не стерпит он стольких обид и унижений своего господина. А вы же все, кто из вас имеет душу человеческую и не совсем еще стал звероподобен, если вы видите, что дом некоего охвачен пожаром и скоро может погибнуть, не спе-

шите ли вы со рвением, воздевая обе руки, стараясь погасить огонь и пламя?! Так и я, видя не одни только дома, но целый город, и не только город, но и все вокруг него горящим, видя все сожженным, не так, как от огня горит дерево, но погибающим в пламени, так не скорбит ли моя душа и не пытаюсь ли я, насколько хватает моих сил, погасить пламя?

Что это за пламя? Вы говорите мне: не то ли, которое приходит, когда вы пьете вино и мед или иное питье, чрезмерно им себя наполняя, так, что внутри вас как будто от огня все выгорает? Таков от рода хмель: согревая и разжигая нутро, душу сжигает как в пламени. Ведь пьяницы божия царства не получат,— не ясно ли, что каждый пьяница погибнет и от бога отлучен будет, и в негасимый вечный огонь послан будет.

Я же, поверьте мне, ужасаюсь, представляя, как бесы ликуют в вас, как сатана в вас играет и красуется в пьянстве, которое почитаете вы как некоего бога, подчинившего всех вас; даже и детям своим велите вы поклоняться пьянству. Считаете вы великим праздником лишь тот, когда все лежат, как мертвые, от пьянства, подобно идолам, которые рты имеют, а говорить не могут, глаза имеют, но не видят, ноги имеют, но не ходят. Кто достойно оплачет вас, так бесславно погибающих от пьянства? Нет человека несчастнее пьяницы: пьяница жизни своей лишается, но еще хуже — он более, чем умер, ведь и в загробном мире жизни он не сподобится! [...]

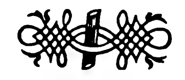
Когда вы напиваетесь, тогда блудите и играете, шумите, поете, пляшете, в дудки дудите, завидуете, пьете с утра, объедаетесь, упиваетесь, блюете, льстите, зло вспоминаете, гневаетесь, бранитесь, хулите, сердитесь, лжете, гордитесь, кощунствуете, сквернословите, кричите, ссоритесь, море вам до колена, смеетесь, крадете, бьете, деретесь, пустословите, о смерти не думаете, спите много, осуждаете и порицаете, божитесь, укоряете, доносите,— воистину святое крещение должно тужить о пьянстве вашем! Да и плясунья есть невеста сатанина, супруга дьяволу: когда все мужчины видят такую женщину, то для мужа ее это непристойно и отвратительно. Вы образ божий носите на груди и можете сойтись с женой своею в пляске! Еще и в церковь вы входите!

Расскажите мне, как же вы бога прославите? Поведайте мне о том, что бог так же ненавидит пьяного, смрадом отрыгивающего, как и мы сами гнушаемся пса мертвого,

смердящего. Увы мне! Увы мне! Почему сделал все это господь в те дни, когда не ждал я, что увижу людей, почитающих дела сатанинские и не стыдящихся этого, но даже гордящихся?!

Оставьте, братья, проклятое пьянство, ибо на радость и веселье бог дал нам хмельное питье и в надлежащее время, а не для пьянства. Увы мне! Увы мне! Зачем покидаете вы бога, сотворившего вас, и предаетесь пьянству, которое хуже идолов? Скажите мне: чем отличаетесь вы от неверных, когда упиваетесь до опьянения? Они ведь служат твари, а мед что есть? — не творение ли божие?! И говорите вы: только тогда праздник хорош, когда на много дней упьемся. Подумайте сами, что говорите: отвлекаясь от праздника, дьяволу вы угождаете! Окаменил душу вашу сатана!

Да зачем так много я говорю? Раскайтесь и откажитесь от такого празднования, что заставляет упиваться по праздникам; и восплачьте, раскаиваясь в пьянстве своем, ибо закроется от вас небесное царство из-за вашего пьянства. Если же не покаетесь, не оставите подобных привычек, будете мучимы в веки вечные в негасимом огне. Богу нашему слава и власть с отцом и со святым духом, теперь и всегда и во веки веков. Аминь.



Поучение о казнях божиих

...На праздникы же великия пиров не творити, пьянства бегати, испити мало и блюсти душа своеа, и стеречи часа, въ оньже богу молитися трезвымъ умом, а не пьяным. Якоже Петр апостолъ рече: «Братиа, будите трезви, якоже супостат вашь диавол ищеть пианых да я пожреть! О, горе! Паки реку, о, горе, пребывающим въ пианстве! Пианством ангела хранителя своего отгоним от себе и злаго беса привлачим к себе, и святаго духа далече есмы пианства ради и близъ ада и слова божиа не имуще въ устехъ своих, гнили ради пианьственныа. Беси бо ради бывают о нашем пианстве, и радующеся, приносят къ диаволу жертву пьянственную от пианиць. Диаволъ же радуяся, глаголеть: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвах поганых языкъ, якоже о пьянстве христианых: всяка бо дела моего хотения въ пьяницах суть. Писано бо есть: яко и поганыя набдить богъ, а пианиць ненавидит и отвращается от нихъ. Но толико супостат нашь радуется

о нашем пианстве, а искони бо не хощеть добра роду человечю и глаголеть: яко мои суть пьянии, а трезвии суть божии. И посылаеть диаволь бесы, рекъ: Идете, поучайте христианы на пианство и на всяку детель моего хотениа.

Ангели же святии, приходяще поведали се святыимъ отцамъ с печалию великою, да быша писаниемь отлучили христианъ отъ пианства, а не отъ питья: ино бо пианство есть злое, а ино питье в меру, и въ законъ, и въ подобно время, и въ славу божию. Святии же отци написавше честное сие свято правоверное учение, предаша христианомъ на провожение жизни сеа и на причастие вечныа жизни. Да кто послушаеть сего правила святых отець и поживеть лета своа творя волю божию, житель будет вечныа жизни; а не послушавшеи сих книгъ, осуженъ будет съ диаволом в муку вечную.

Се слышаще, братие, подвигнемся работати господеви, и заповеди его творити, и въ законе его поживем вся дни живота нашего. О Христе Иисусе, ему же слава с отцемь и с святым духомь, ныня и присно.

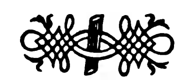
Перевод

...В большие же праздники пиров не устраивайте, избегайте пьянства, пейте мало и сохраняйте души свои, соблюдайте время, в которое надо молиться богу, и молитесь трезвым умом, а не пьяным. Как говорит апостол Петр: «Братья, будьте трезвы, потому что супостат ваш дьявол ищет пьяных, да и пожирает их! О горе! И снова скажу: о горе пребывающим в пьянстве! Пьянством отгоняем от себя ангела-хранителя своего и привлекаем к себе злого беса, пьянством удаляемся от святого духа и приближаемся к аду, не имея в устах своих слова божия из-за пьянственной гнили. Бесы рады бывают нашему пьянству и, радуясь, приносят дьяволу жертву пьянственную от пьяниц. Дьявол же, радуясь, говорит: «Никогда я так не веселюсь и не радуюсь жертвам язычников, как пьянству христиан, потому что в пьяницах все дела моих желаний». И написано: «Даже о язычниках печется бог, а пьяниц ненавидит и отвертывается от них». Только супостат наш радуется о нашем пьянстве, ибо изначала не хочет он

добра роду человеческому, и говорит так: пьяницы — мои, а трезвые — бога. И посылает дьявол бесов, говоря: «Идите, учите христиан пьянству и всему тому, что мне приятно».

Ангелы же святые, пришедши, поведали святым отцам с великою печалью, что они своими писаниями старались отучить христиан от пьянства, а не от питья: ибо одно дело — пьянство злое и другое — питье умеренное по закону и в положенное время и во славу божию. А святые отцы, написав это честное православное учение, передали его христианам для продления этой и на причастие вечной жизни. И кто исполнит это правило святых отцов и проживет свою жизнь, поступая по воле божией, тот наследует жизнь вечную; а кто не послушает этих книг, тот будет осужден с дьяволом на муку вечную.

Слыша это, братья, подвигнемся работать господу и исполнять заповеди его, и поживем по законам его все дни жизни нашей, о Христе Иисусе, ему же слава с отцом и святым духом и ныне и присно.



Слово о разуме и о помыслах

Слово о разуме, и о помысли, и о крепости, в коем месте в человеце лежать и како погибають

Крепость лежит у человека в чреслех. Да егда изнемогут чресла, тогда и крепость погыбнет и к тому не возвратится на свое место, но немощь вселится на то место. Добра же мысль живет у человека въ ушью сердециюю. Да егда ся обьясть человекъ многоразличного брашна, и начнет обьястивая утроба прогнетати сердцем и ребром, и тогда избегнет добрая мысль, не трьпящи тесноты, а злая вселится. Аще ли не отженеть от себе постом злаго того помысла, то добрая мысль не възвратится на место свое и будет человеку тому последняя горшиа первых.

Разум же живет во можьданех и въ хливинах служебных, а престолъ его межи мозгом и лбом и в главнем верху, занеже царь есть вси удом и самои тои души. Понеже бо добръ разумъ и душу спасает, и вси удови радуются о нем, а безразумье телу и души пагуба. И пророком бо во притчах глаголетъ: «Блажен человекъ, иже обрете муд-

рость и разум и до седии удержить». Давидъ рече: «Вразуми мя и живъ буду», и много глаголеть о том писанье.

Не се остану много глаголати, но онем же, начах преже сеи, скажема. Егда запьется человекъ, егда само питье идет во чресла, а воня его въ можьдяны. Разум же не тръпя злаго того смрада, избегнет вон и не возвратится на свое место, дондеже истрезвеет запойчивыи. Аще ли не исходити начнет из него злыи тои смрад, то к тому не возвратися добрыи разум, но злыи вселится и погубит человекъ того зле и сотворит его окаянна и горша идола. Идоли бо не могут деяти ни добра, ни зла, а пьяныи въ добра место зло творит, аще ся не отстанет таковыи зла того запойства. И пил бы в меру, добро бы то ему было. Аще бо согрешит пьяныи что, да не кается согрешенья того, а трезвии, аще согрешит, то да кается согрешениа и спасенъ будет, понеже трезвыи разум имат покаянье, а запойчивыи, аще ся не отстанет злаго того запойства, таковы и не имат покаяниа ни в живых, ни въ мертвых. Яко же писание глаголеть: «Пьяници царства божиа не наследят», и Паул рече: «Брате, не упивайтеся вином и всяким питьем, в нем же несть спасениа». Но наполнитесь разумом духовным постящеся, поюще во сердцех ваших господеви. Богу нашему слава.

Перевод

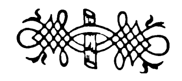
Слово о разуме, и о помыслах, и о силе, в каком месте в человеке лежат и как погибают

Сила человека — в теле его. И когда изнеможет тело, тогда и сила уйдет и не возвратится на свое место, но немощь вселится вместо нее. Добрая мысль живет у человека в сердце. И если наестся человек многоразличного брашна и начнет объевшаяся утроба давить на сердце и на ребра, то уйдет добрая мысль, не терпящая тесноты, а злая поселится. Если не отогнать от себя постом злых тех помыслов, то добрая мысль не возвратится на место свое, и покажется человеку будущее горше прошлого.

Разум же живет в мозгу и в извилинах его, а престол

его между лбом и теменем, в верху головы, потому что он царь над всеми членами и над самой душой, ибо добрый разум и душу спасает, и все члены радуются ему, а неразумие — и телу и душе погибель. Пророк в притчах вещает: «Блажен человек, который снискал мудрость и разум и до старости сохранил их». Давид сказал: «Вразуми меня, и жив буду». И много еще говорит о том писание.

Но я не стану вам все перечислять, а вернусь к тому, с чего начал. Когда напьется человек, тогда само питье идет в тело, а запах от него — в мозг. И разум, не терпящий невыносимого того смрада, уходит и не возвращается на свое место, пока не отрезвеет пропойца. А если не выйдет из него тяжелый тот смрад, то и не вернется к нему добрый разум, но злые мысли в него вселятся и погубят того человека без жалости, сделают его, окаянного, хуже идола: идолы ведь не могут делать ни добра, ни зла, а пьяный вместо добрых дел только злое творит, пока не отстанет от пагубного запоя. И пил бы в меру — хорошо бы то было! Если согрешит пьяный в чем, то не раскаивается он в грехе своем, а трезвый, если согрешит, то покается и тем спасется. Ибо трезвый ум имеет покаяние, а пьяный, до тех пор пока не избавится от злого запоя, не будет иметь покаяния ни среди живых, ни среди мертвых. Как говорит писание: «Пьяницы царствия божьего не наследуют»; и Павел сказал: «Братья, не упивайтесь вином и всяким хмельным питьем, в этом нет спасения». Наполнитесь разумом духовным, поститесь, воспойте хвалу в сердцах ваших. Господу богу нашему слава.



Поучение о лихоимстве и о пьянстве

Поученье святых отець о лихоимстве и о пьянстве

Да что есть несытьство неправедное: мнози бо работающе пьянству, укаряють богатыя и грабящая. Но яко же онъ работаеть пьяньству, а не богу, тако и лихоимець не сытъ неправеднаго именья, тако и пьяница несытьство иееть. Лихоимець богатьства многа любить, а сии многое питье; лихоимцю очи мьзда ослепляеть, а пьяници очи заслепляеть хмель; онъ глухъ не слышить вопля нищихъ скупостью, а сего душа глуха есть пьяньствомь и не слышить словесъ святыхъ почитаемыхъ. Оба работаета дьяволу, а не богу, яко же рече апостолъ Павелъ, их же, рече, чрево мысляще земная и слава студомь ихъ. Онемь богъ лихоимьство, а симъ богъ чрево. Лихоимець и пьяница брата си еста присная, сбоатилъ ею дьяволъ, онъ без оного не терпить, ни сии проче сего. Темь да не укаряеть лихоимець пьяници и да не осужаеть пьяница лихоимца, брата бо си еста, лихоимець бо грабительименуеть. Рече бо

Павелъ апостолъ, не наследить царства небеснаго грабитель и пьяница, оба волю неприязньну свершаета.

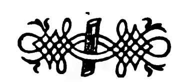
Да не мозете, братья моя, да не мозете, молю вы, дьяволу угажающе, лишатися въ святыя праздьникъ святаго комканья! И не мозите сласти деля плотьскыя, лишатися святыня, но честью и любовью великою примати тело и кровь Христова, трезвымь умомь, а не пьяпымь. [...]

Перевод

Поучение святых отцов о лихоимстве и о пьянстве

Что за ненасытность греховная! Многие пристрастившиеся к пьянству укоряют богатых и бесчестных. Но как пьяница поклоняется пьянству, а не богу и не знает он в этом меры, так и лихоимец не насытится, владея неправедно нажитым. Лихоимец богатство любит, а тот — хмельное питье; лихоимцу глаза мзда ослепляет, а пьянице глаза застилает хмель; один глух и не слышит стонов нищих по скупости своей, душа другого глуха из-за пьянства, и не слышит он поучений святых. Оба служат дьяволу, а не богу. Как сказал апостол Павел: о чреве все мысли их, о земном, и слава их — в сраме. Для одних бог — лихоимство, для других бог — чрево. Лихоимец и пьяница — два брата родные, и побратал их дьявол. Один без другого не может. Поэтому пусть не укоряет лихоимец пьяницу и не осуждает пьяница лихоимца, ведь братьями они называются, а лихоимец грабителем именуется. И сказал апостол Павел: «Не наследуют царства небесного грабитель и пьяница,— оба волю дьявольскую исполняют».

Пусть не лишитесь вы, братья мои, да не лишитесь вы, молю вас, ради угождения дьяволу святого причастия в святой праздник! И не лишитесь вы святыни ради утех плотских, но с честью и с любовью великою примите тело и кровь Христову, трезвым умом, а не пьяным. [...]



Антоний Подольский
Слово о пьянстве

Слово о многопотопномъ и прелестномъ пьянстве. Составлено смиренным Антониемъ Подольским

Срамъ есть царю во еже убожествомъ по нужди страдати: сице же и горнему нашему безплотному уму самовольне телесными омрачатися и мысленныя светлости чужду быти. И якоже мракъ противенъ есть солнцу, сице же и душевному умному свету мысленное омрачение, еже бываетъ отъ любопищнаго и пьянственнаго пребывания. И якоже въ мечтании зде тленное богатство и слава, сице же и тленное сие омрачительное уму пьянственное веселие. И паки вода, егда со брениемъ и каломъ смешаема, мутна и нечиста бываетъ, сице же и легчайший нашъ умъ, егда плотными омрачени паче же пьянствомъ одолеваемъ, нечистъ и дебелъ случается. [...]

Пьянство есть, еже отъ вина и сикера нам бываемое, но того убо бесованию, отчюждение отъ бога и отъ себе изступление, уму превращение, памяти отгнание, праву пременение, крепости разслабление.

Пьянство есть забытие смерти, безстрашие будущаго суда, невнятие преступлению, лености наставление, тщанию бремя, презорству отецъ и паки сынъ, безстудию подпора, безчинию стена, тщеславию крыло, гордости облакъ, дерзновению огнь, напастямъ источникъ, болезнь телу, самовольный недугъ, души тщета, всегдашняя тма, удомъ раздробление, мыслемъ расточение, разсуждению погубление, зрению ослепление, синета очесемъ, неблагообразие лица, сердечный червь, безвременная смерть, калъ души, молитве смрадный дымъ, блуду чрезъестественный питатель, скотское пребывание, кромеестественное дело, ко уверзению ровъ, мудрости поглощение, художеству потребление, дому раззорение, богатству тать, прибыткомъ моль, напрасная скорбь, бодрости сеть, убожеству ходатай, несрамление наготе, о будущихъ нечювствие, изгубление времени, пути претыкание, нечаемая беда, внезапная буря, многоволненное потопление, лихоимству понуждение, убивству стречение, жестокосердию вина, отчаяние отъ бога, грехомъ забытие, истребление добрыхъ делъ, старейшимъ детство, мудрейшимъ суесть, крепкимъ и разумнымъ чудное падение, отлучение вечнаго веселия, вождь къ будущему пламени. Пьяный воистинну есть скверна предъ богомъ, смрадъ ангеломъ, игралище бесомъ, другъ лжи, любви ножъ, копие другомъ и чюдо многимъ [...].

Воистинну многопотопна и прелестна страсть сия, и многи симъ недугомъ болезнующе, яко олово въ воде, зельне потопляются, отъ нихъ же первый есмь азъ. Утле древле сподобися пьяный; тогда бо яко въ сию въ себе вливая, безъ успеха трудяся и сокрушая си плоть и душу потопляя. Не того бо ради предано есть намъ пища и питие, во еже упиватися и объядатися невоздержне, но на укрепление тела и на веселие по время благоподобно. [...]

Аще ли же погубляетъ насъ вино, то далече сего бежимъ, да не обладани будемъ отъ него и не до конца погибнемъ! И якоже отъ малы скважни корабль потопляется, такоже и отъ малы искры огненны великъ пламень огня бываетъ и многи вещи сожизаетъ: сице же и отъ мала небрежения и слабости велико небрежение и презорство приходитъ. Ничтоже тако великимъ бедамъ ходатайствуетъ, яко нерадение и леность крепости погублениемъ, такоже и обретениемъ желаемымъ еже сопротивное. И сего

ради идеже многое падение бываетъ, ту крепости потреба и воздержания.

Преже бо бури подобаетъ пристанище стяжати и прежде подкопывания храмины сию укрепити и прежде нашествия рати вооружатися и укрепити стены, сиречь сердечныя затворы, глаголю же мужество, мудрость, правду и целомудрие, и тако стрещися пьянственнаго невоздержания, егда еще не въ порабощении того и егда еще во благосожитии. Аще ли не тако — нерадениемъ имаши пребывати, тогда уразумееши, егда приидетъ зима, не имети имаши покрова, где главы подклонити. И якоже мравии, такожe и пчелы не зимою, но во время летнее и красное въ трудехъ пребываютъ и уготовляютъ себе пищу, егда же зима и мразъ настаятельствуетъ, тогда безъ вреда пребываютъ и утешение приемлютъ: сице же и ты отъ сихъ да научишися притчи[...].

И паки три страсти падительны суть человеком: среболюбие, сласть и сщеславие, но ничто же от сихъ тако, якоже пьянство погубляетъ нас.[...]

И сего ради яко отъ некоего злаго душевнаго и телеснаго губителя, невоздержания ради нашего и слабости, вина и сикера подобаетъ воздержатися, разве точию великия нужда. И помяни паки, яко несть ти въ семъ пользы, но вредъ и всякая сладость временная горестию проженется, радостная же печалию покрывается и время точию вотще препровождается. Восприими же въ сего место умное вино — чтение божественныхъ писаний и ручное дело и молитву, наставляюща тя въ животъ вечный и въ радость нескончаемую и вечную и премени винное вожделение на любовь духовную и божественную, и тако первие съ мыслию своею, яко съ некимъ ратникомъ злымъ, крепостию и трудомъ да борешися, последи же возрадуешися о побеждении ихъ, и мысль незыблемую восприявъ возвеселишися, яко обретая корысть многу и уму некую сладость благодатию господа нашего Иисуса Христа, ему же слава со отцемъ и со святымъ духомъ, ныне и присно и въ нескончаемыя веки, аминь.

Перевод

Слово о многопогибельном и коварном пьянстве, составлено смиренным Антонием Подольским

Стыдно царю страдать в убожестве и нищете, так и высокому нашему бесплотному уму негоже омрачаться из-за своеволия тела и лишаться ясности мысли. Как мрак противен солнцу, так и душевному свету ума неприятно помрачение мыслей, которое бывает от чревоугодия и пьянства. И как тленны мечты о богатстве и славе, так же губительно омрачающее ум пьяное веселье. Как вода, смешиваясь с навозом и нечистотами, становится мутной и грязной, так и проворный наш ум под властью чревоугодия и пьянства нечистым и грубым становится. [...]

Пьянство от вина и сикера из-за буйства и необузданности пьяных есть отчуждение от бога, от себя отступление, ума совращение, памяти изгнание, нрава изменение, силы ослабление.

Пьянство есть забвение смерти, небоязнь будущего суда, непонимание греха, лени наставление, усердию бремя, высокомерию отец и сын, бесстыдству опора, бесчинству стена, тщеславию крыло, гордости облако, дерзости огонь, напастям источник, болезнь телу, добровольный недуг, души суета, всегдашняя тьма, членам расслабление, мыслям расточение, рассудку гибель, зрению ослепление, потемнение очам, неблагообразие лица, сердечный червь, безвременная смерть, кал души, молитве смрадный дым, блуда чрезмерного возбудитель, скотское состояние, неестественные поступки, в пропасть падение, мудрости поглощение, ремеслу конец, дому разорение, богатству вор, доходам моль, жестокая скорбь, бодрости сеть, нищете пособник, бесстыдство в наготе, беспечность за будущее, загубление времени, на пути препятствие, неожиданная беда, внезапная буря, многоволнное наводнение, к лихоимству понуждение, убийству встреча, жестокосердия вина, отлучение от бога, ошибок забвение, истребление добрых дел, старейшим детство, мудрейшим суета, сильным и разумным непостижимое падение, отказ от вечного веселья, вождь к будущему пламени. Пьяный воистину есть скверна пред богом, смрад ангелам, игрище бе-

сам, друг лжи, любви нож, копье на друга и диво многим [...].

Воистину многопорочна и заразительна страсть эта, и многие недугом сим болеют и, как олово в воде, быстро опускаются на дно; из них первый — я сам. Дырявой посудине уподобляется пьяный: как в нее, напрасно льет он в себя, разрушая тело и погубляя душу. Ведь не для того нам были даны пища и питье, чтобы упиваться и объедаться без меры, но даны нам для укрепления тела и для веселья во время благопристойно. [...]

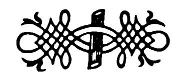
И если так губительно для нас вино, то давайте будем избегать его, чтобы не дать ему воли над собой и не до конца погибнуть от него! От малой щели корабль тонет, от малой искры большое пламя разгорается и многие вещи сжигает, так и от малой слабости большие беды бывают. Ничто так не способствует великим несчастьям, как нерадивость и леность, ослабляющие силу, заставляющие желать противное человеку. От этого много опасностей бывает для человека, чтобы избежать их, нужна сила и воздержание.

Прежде чем начнется буря, следует позаботиться о пристанище, прежде чем под домом рыть, надо дом укрепить, прежде чем нападет враг, надо вооружиться и воздвигнуть стены, иначе говоря — затворы сердца — я говорю о мужестве, мудрости, правде и целомудрии. И уже тогда надо бояться пьянства, когда еще не порабощены вы этим пороком, когда еще живете вы в мирѐ и согласии с самим собой. А если не так, если не позаботитесь заранее об этом, тогда и не заметите, как придет зима и вы не будете иметь надежной защиты, крова, где можно преклонить голову. Как муравьи и пчелы трудятся не зимою, но в летнее радостное время заготавливают себе корм, потому и невредимы бывают они, когда приходит зима и наступают морозы, живут они в довольстве. Так и ты поучись у них и прислушайся к этой притче [...].

Больше других три страсти губительны для человека: сребролюбие, сладострастие и тщеславие, но никакая из них не опасна для человека так, как пьянство. [...]

Поэтому надо воздерживаться от вина и от сикера, как от некоего злого губителя души и тела, приходящего из-за нашего невоздержания и слабости; разве только будет в них крайняя нужда. И вспомни снова, что нет в пьянстве пользы, но только вред, от него всякое наслаждение в горесть превращается, радость печалью покрывает-

ся и время бесполезно проходит. Прими же вместо всего этого умное вино — чтение божественных писаний и рукоделье, и молитву, направляющее к жизни истинной и к радости бесконечной и вечной; смени жажду к вину на любовь духовную и божественную, начни с желанием своим бороться силою и волею, как с неким ратником злым. Впоследствии возрадуешься ты о победе своей и, мысли незыблемые восприняв, возвеселишься, как будто прибыль получишь большую и умное некое наслаждение благодатию господа нашего Иисуса Христа; ему же слава с отцом и со святым духом, ныне и вечно и в нескончаемые веки, аминь.



Поучение к ленивым

Поучение святых отец к ленивым и не хотящим делати

Друзи и братия моя любимая! Не уподобляйтеся ленивым рабом — не долго спити, не долго лежите, вставайте рано, ложитеся поздно [...]. Лежа добра не видати, а горя не избыти и спасение не получити, бога не умолити и грехов не очистити, чести и славы не получити, цветных риз не нашивати, медвенаго пития не пивати и сладкого брашна не ядати! Безумному и ленивому и невостанливому добрым мужем не слывати, и господином в дому не бывати, и во власти себе не видати, к богу и ко князю и к государю милым не бывати. А еще беда его по голеням биет, а долг его в зашеек толкает, недостатки его в дому седят, а раны ему по плечам лежат; уныние его на главе, а посмех на браде; помысл на устех, оскомина на зубех; горесть на языце, печаль в гортани, в печенях его сухота, а во чреве алкота; убожество у него в калите и гнездо свило.

Такой человек ленивый и лежливый в дому не господин, жене не муж и детем не отец, и добрыми людми не знаем;

в деревне жити ленится, а на посаде не годится; в селе его не пустят, а во граде и места несть. Таковых, ходя по улице, скатаяся, и аки несытый пес, по окнам глядит, и аки оскорблая свиния о углы чешется, потому что привязалася к нему леность, аки пещер за плечами, а нищета у него в пазухе и гнездо свила, а скорбь у него по бедрам висит, а тоска и ноги связала.

О, люте! Привязалася к нему леность, как милая жена к мужу своему,— и часто воздыхает, а разстатися не хощет! Окаянные же беси, аки любовные друзи; а сон тяжкий, аки милый отец; злая же слабость, аки родимая его мати; а упрямство и непослушание любит и держится, аки брата и сестры не лишиться; а укоры и поносы, и безчестие ему воздают, аки снег на главу летитъ. И навыкнет, окаянный, чужими трудами кормитися, аки червь капусту ясти. И от многаго уныния спит без числа, и беси ему во сне сония кажут и видения являют; и убудився от сна, разрешает мечтание и умышляет горшую погибель и потом вечную муку наследит,— от нея же да избавит нас господь бог, молитвами пречистыя его матери и всех святых, всегда и ныне, и присно, и во веки веком. Аминь.

Перевод

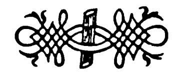
Поучение святых отцов к ленивым и не желающим работать

Друзья и братья мои любимые! Не уподобляйтесь ленивому рабу — не спите долго, не лежите долго, вставайте рано, ложитесь поздно [...]. Лежа добра не видать, а горя не избыть и спасения не получить, бога не умолить и от грехов не очиститься, чести и славы не получить, красивых одежд не носить, медового питья не пить и сладкого брашна не есть! Глупому и ленивому, и неповоротливому не прослыть добрым мужем и хозяином в доме не быть, и во власти себя не видеть, и у бога, князя и у государя в милости не бывать. А еще беда его по голеням бьет, а долг его взашей толкает, нужда в его дому засела, а болезни за плечами его лежат, уныние на его голове,

и насмешка — в бороде, желания его лишь на словах, а оскомина на зубах, горе на языке, и в горле — печаль, в печени его сухота, во чреве голод, нищета у него в кошельке гнездо свила.

Такой человек ленивый и полежать любящий — в доме не хозяин, жене не муж и детям не отец, добрые люди с ним не знаются. В деревне жить он ленится, а на посаде не годится, в село его не пустят, а в городе ему и места нет. И ходит он по улицам скитаясь, и как голодная собака по окнам глядит, и как шелудивая свинья об углы чешется, потому что привязалась к нему лень и висит, как сума за плечами, а нищета у него за пазухой уж гнездо свила, и скорбь у него на бедрах висит, а тоска ноги связала.

О, горе! Привязалась к нему лень, как милая жена к мужу своему! И часто вздыхает он, а расстаться не хочет. Окаянные бесы — как любимые друзья для него, а сон долгий — как милый отец, злая же вялость — как родная его мать, а упрямство и своеволие любит и держится за них — как будто брата и сестры боится лишиться! Укоры, брань и бесчестие, которые ему воздают, принимает, как снег на голову. И привыкает, проклятый, чужим трудом кормиться, как будто червь капусту точит. И от большой тоски спит без меры, а бесы ему во сне сны показывают и видения являют. Пробудившись ото сна, предается он мечтаниям и тем еще большую погибель навлекает на себя, наследует потом вечную муку,— пусть избавит нас от нее господь бог молитвами пречистой его матери и всех святых. Всегда и ныне и присно и во веки веков. Аминь.



Слово о молчании

Слово о умолчаньи нѣкоего черноризца къ духовному брату

Слма же требуеши, брате мои присный, словеси отъ мене о молчаньи бога ради, азъ же блядивыи и празднословесивый, присно сый въ неправде и злобе, что изнесу от нечиста сердца о толице добре, в нем же живеть именье всего добра и неизреченна скровища жизни вечныя! Молчанье [...] — велико есть дело [...], молчати бо велить богъ отъ всего зла — и дела, и словеси, и мысли, отверзати же уста точью къ богу единому; начало погибели — тщеславие. Темъ же господь запрещая, глаголеть: «Еже аще рекутъ человецы всяко слово праздно, отдадятъ о немъ слово въ день судный». То отъ сего разумей, како слово износити отъ себе и отъ которыхъ блюстится, ими же оправдимся. [...]

О, чадо! Колико ти есть молчание велико и честно предъ богомъ! Яко темъ богъ сына своего хвалить и ркый: «Молчалив есть и смиренъ, и смирениа ради не отверзаеть устъ своихъ». О, безумье наше! Колико добра лишаемся,

не имущи молчалива языка; ни затворяемъ устъ отъ всего лихоречья и плетениа словесъ, тем бо мерцы есте богу и къ человекомь. Многое глаголание во многы грехы вводит ны, а молчание отъ всякаго зла уклоняетъ ны [...]. О, языче мой, съпостате мой и правды моея погубителю! О, языче мой, губитель мой, друже сотонинъ, светниче дьяволь, повинниче бесомъ! [...] Тебе нарече Иаковъ, братъ господень: «Огнь сущь, зане ты пожагаеши родъ человечь и опаляя отъ огня геоньска; яко золъ еси, да к тому прогониши человекы, невъстязающая тебе, толми бешенъ еси, яко ядъ еси змиинъ. И яко всяка вещь умучается родомъ человеческымъ, тебе же, языче, не можетъ никто же умучити, ни сдолети тебе». Въ толикы грехы вводиши человекы, о, языче, сило греху, съваживая братью единомысленыя, о, разгонителю миротворець! Како тобою бога призову, како ли тебе попущю, да пространно бесишися, злыми словесы смущая братию, говейно живущая къ богу. О, языче, ты не изволе, молчати и тихо безъ мятежа жити — смиренно, умиленно, кротко. О, языче злодею, ты мя погуби, напрасный уде, мерзкословесный глаголниче! О, колика добра лиши мя! Молчанья бога ради и радости духовныя ты мя обнажи, враже мой; тобою ненавижу братья, тобою молитва моя не въсходитъ къ богу, тобою мой лихый трудъ неприятъ; ты бо мой умъ удали отъ бога, ты бо мою душу оскверни ненавистью, тобою облачихъ сердце мое. Ты бысть мне увражникъ ко всему роду человечю, тебе ради боюся срести всякаго человека: егда убо узрю кого, то твой страхъ, акы копиемъ мя въ сердце уязвить, рку бо тогда къ себе: «Безъ греха не минути ми сего человека божия, тобою бо, языче мой, устрелю его и аще онъ умолчить, то азъ не удержю тебе, ты же добра словеси не имаши въ себе». [...]

Тебе же, языче, повеле словеса истинная глаголати со всячемъ человекомъ и не кривити, ни лгати, ни льсти имети въ себе. Ты же исполнися всего зла, глагола о чистоте, лопоча дерзъ и борзъ, напрасно, мятежно, бурно, ветрено, пустошно, гневомъ, сваромъ, которомъ, хуленьемъ, руганьемъ, клеветами [...]. Ты страны свади, ты състави языкъ на языкъ, ты рати въстави въ человецехъ, ты божии страхъ отгониши отъ насъ, ты съветъ сътвори на господа, тобою развратници божия веры створишася, сынове человечьстии тобою кумира благословиша, тобою злогласованья мужьска и женьска взидоша до небесе, тобою сатана, ликъ сътворши, пля-

шеть въ всемъ мире[1], тобою всяка лесть вражия явися въ человецехъ [...].

Тем же паче всего хотелъ быхъ молчати съ дерзновениемъ, но не могу. Сего ради молюся всемогущему, всегда согрешая языкомъ, и прося избавления и исправления всему, глагола: «Господи, боже мой, троице единосущная, отче, сыне, святый душе, настави мя на истину твою и научи мя творити волю твою, и избави мя отъ всего злоглаголания и дай же ми меру словесную, яко погибаю языкомъ и ины осужаю и укоряю [...]».

Перевод

Слово о молчании некоего монаха к духовному брату

Хотя ты и ждешь, брат мой истинный, слов от меня о молчании бога ради, но что могу я, заблуждающийся и празднословный, всегда пребывающий во лжи и злобе, вынести из нечистого сердца о таком благе, в котором живет корень всего добра и невыразимые сокровища жизни вечной! Молчание [...] — великое дело [...], молчать велит бог при всяком зле: и делом, и словом, и мыслью! Обращать же речь следует только к богу единому, ибо начало погибели — тщеславие. Поэтому и господь, порицая нас, говорит: «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда». Так думай всегда о том, какое слово произнести и от какого уберечься, тем ты и оправдаешься. [...]

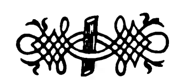
О, чадо, насколько же молчание велико и достойно пред богом! Вспомни, как бог сына своего хвалит и изрекает: «Молчалив и смирен, и смирения ради не отверзает уст своих». О, безумье наше! Какого блага лишаемся, не умея молчать! Ведь не закрываем рта из-за злых речей и плетения слов и потому становимся омерзительны и богу и людям. Говорливость во многие грехи вводит нас, а молчание от всякого зла удерживает нас [...]. О, язык мой, супостат мой, доброго имени моего погубитель!

О, язык мой, враг мой, друг сатаны, советник дьявола, подданный беса! [...] Тебя так называет Иаков, брат господа: «Ты — огонь, так как жжешь род человеческий, опаляя геенной огненной, так зол ты, что гонишь прочь человека, который не хочет тебе возражать, взбешен ты, как будто от яда змеиного. И если всякая тварь укрощается родом человеческим, тебя же, язык, никто ни укротить, ни одолеть не может». В какие только грехи не вводишь ты людей, о язык, капкан греха: ты ссоришь между собой братьев, единомышленников, о разгонитель миротворцев! Как тобою бога призову, как тебя направлю, если привольно бесишься, злыми словами смущая братьев, благочестиво живущих перед богом. О, язык, ты не хочешь молчать и тихо, безмятежно жить — смиренно, умиленно, кротко. О, злодей язык, ты меня погубишь, дерзкий член, мерзкословесный говорун. О, сколько добра ты отнял у меня, молчания бога ради, и радости душевной лишил ты меня, враг мой! Из-за тебя ненавижу братьев, из-за тебя молитва моя не доходит до бога, из-за тебя стал плох и неприятен мой труд; ты мой ум отвратил от бога, ты мою душу осквернил ненавистью, из-за тебя закрыто сердце мое. Ты делаешь меня враждебным всему роду людскому, из-за тебя боюсь повстречаться с любым человеком, ведь когда увижу кого-нибудь, то страх за тебя, как копьем, пронзает мое сердце, и говорю тогда себе: «Без греха не обойти мне человека этого божия; тобою, язык, уколю его, и если он промолчит, то не смогу удержать тебя — а ты добрых слов не знаешь!» [...]

Повелеваю тебе, язык, правдивые слова говорить всякому человеку и не кривить, не лгать, не льстить никому. Но ты исполнился всяческого зла, говоря о чистоте душевной, болтаешь дерзко и нагло, жестоко, сумбурно, вспыльчиво, ветрено, ничтожно, гневно, сварливо, с бранью, хулой, руганью и клеветой [...]. Ты сеешь раздор между странами, ты поднимаешь народ на народ, ты разжигаешь войны между людьми, ты страх божий отгоняешь от нас, ты заговор составляешь на господа, из-за тебя появились развратители божьей веры, сыновья человеческие тобою идола благословили, из-за тебя ссоры между мужчинами и женщинами дошли до небес, из-за тебя сатана, приняв другой облик, пляшет во всем мире[1], из-за тебя коварство враждебное появилось в людях [...].

Поэтому более всего хотел бы, преисполнившись реши-

мости, молчать, но не могу. И ради этого молюсь всемогущему; всегда согрешая языком, прося избавления и исправления, говорю: «Господи, боже мой, троица единосущная: отец, сын, святой дух, наставь меня на путь истины и научи меня исполнять волю твою, избавь меня от всего злоязычия и дай же мне меру словес, потому что погибаю из-за языка и других осуждаю и укоряю [...]».



Слово о женах о добрых и о злых

Луче жити в земли пусте, нежели с женою сварливою и гневливою и язычною. Яко же в ноздрех злат усерезь свинии, сице жене злонравие красота. Яко же бо во древе червь, сице мужа погубляет жена злотворна. Жена безумна и безоочива лишена хлеба будет, не направи своего ока к неи. Сыне, не внемли зле жене, мед бо каплет от уст жены блудница.

Жену добру аще кто обрящет, честнеиши есть камения многоценнаго таковая, дерзает о неи сердце мужа ея, таковая бо богатьства не лишится, делает бо мужу благая, а не злая всегда. Жена добра мужеви аки очи в теле, аки зеница во очех.

Жена своего мужа чтущи, мудра всем показует, а злая жена храмина диаволя есть, жилище сатанино. Бестудныи зверь, неукротимая ехидна — злая жена.

Злая жена подобна есть перечесу — зде свербит, а инде болить. Лучши есть болети трясцею, нежели со злою

женою жити. Яко же ржа железо есть, а злая жена мужа своего губит.

Что есть злая жена? Потопа души, а телу сухота, уму мятежь, рукам мозоли, а очем дым и языку горесть. Лучши есть чаша полыни испити, а со злою женою сахару не ясти. Лучши есть по морю во утле корабли плавати, нежели со злою женою правды поведати. Жена зла мужь честных душю уловляет, зла жена мужу за грехы дается [...].

Добрая жена мужа своего любит и доброхот во всем. А злая жена мужа своего по хрепту биеть немилостивно. А добрая жена по очемь целует и по устнам любовнаго своего мужа. А злая жена по очем ожегомь чернит и помеломь забрызгиваеть, чтобы ослепул. А добрая жена главу своему мужу гребнемь чешеть и милуеть его. А злая жена по рту и по зубам батогом бьеть, не отмахивая, злая жена. А добрая жена по шии руками своими обнимая, целует любовно. А злая жена по горлу ножемь колет мужа своего насмерть. А добрая жена по утробе гладить мужа своего не лестию. А злая жена по брюху обухомь биеть не на живот, но кормить его лихою ествою насмерть. А добрая жена по чреву нежить, аки истинная горлица, любовная ластовица. А злая жена по таиным удом ножемь колет насмерть. А добрая жена по ногамь гладить и ествою доброю питает его, мужа своего милого. Злая жена по голенемь топоромь сечет своего мужа, злая жена. А добрая жена по рукам своима рукама гладить нелестно и любовно. А злая жена по рукам и по ногамь коромыслом бьеть, злая лвица. А добрая жена, за шию обнимаяся, любезно целует и радостно, добрая жена. А злая жена за шею ужищем давит насмерть мужа своего, злострастница. А добрая жена мылню готовить мужу своему почасту, иная потешениа готовить, обед и вечерю. А злая жена на мужа своего мыслить по вся дни с каменемь в воду утопити. А добрая жена воистинну, братиа и друзи, мужу своему нелестная и правдивая, в дому своем добра хощеть детемь своимь и внучатом.

Видех у некоего мужа злая жена умираеть, он же начат плакатись и тужити по неи. И аз рекох ему,— о чем, брате, плачешь, по злои сеи жене? Он же отвеща ми,— о том, брате, плачю, да не будет злои, де не заправду умерла. Аще ли паки будет заправду умерла, иное бы ми бог другие паки не дал бы. Не глум, брате, злыя жены избывати. Аще ли ее бог избавит, то похвали бога.

Видех у коего мужа злая жена умирает. Он же начат

по ней дети свои продавати. И аз рекох ему,— о чем, брате, дети свои продаешь? Отвеща ми он,— аще взрастуть злыя жены дети, то мене продадуть. [...]

Видех некую жену злообразну, смотряющеся в зерцало, и аз рекох ей,— жено, что ся смотриши в зерцало, смотрися в дубову колоду[1].

Муж бо имать два ума, да сотворить или оставить, а жена злая на един день имать 15 умов и паче. Жена зла биема бесится, любима высится. Жена не человек есть, но на службу человеком дана есть от бога. Жена бо в любви подруга есть, а в делех горка. [...]

Ни мертваго излечити, ни безумнаго научити, тако же и того не научити, которого жена потворила, тако же с безумнымь дружба держати. Коли вода вспять поидеть, коли камень наверх воды попловеть, а рыбы посуху поидуть, тогда жена боле мужа будеть. Богу нашему слава ныне и присно и в веки веком. Аминь.

Перевод

Лучше жить в земле пустынной, чем с женой сварливой и гневливой, и бранчливой. Что золотая серьга в ноздре свиньи, то и красота злонравной жене. Дерево точит червь, мужа губит жена злотворна. Безумная, бесстыдная жена — пособница нищете, не обращай свое око к ней! Сын, не слушай злой жены, ибо мед источают уста жены-блудницы.

Добродетельную жену если кто отыщет, дороже камня драгоценного такая будет. Уверено в ней сердце мужа ее; она нажитого не утратит, воздаст мужу добром, а не злом во всей жизни своей. Добродетельная жена для мужа, что очи в теле, что зеница в очах.

Жена, почитающая своего мужа, всем мудрой кажется, а злая жена — это храм дьявола, жилище сатаны! Бесстыдное животное, неукротимая ехидна — злая жена.

Злая жена подобна чесотке — здесь свербит, там болит. Лучше от лихорадки страдать, чем со злонравною женою жить. Ржавчина железо ест, а злая жена мужа своего губит.

Что есть злая жена? Для души — буря, а телу — чахот-

ка, мятеж — уму, рукам — мозоли, глазам — дым и языку — горечь. Лучше чашу полыни испить, но со злою женою и сахару не отведать. Лучше на утлом корабле по морю плавать, чем со злою женой правду искать. Жена злонравна мужей честных души соблазняет, злая жена мужу за грехи дается [...].

Добрая жена мужа своего любит и потакает ему во всем, а злая жена мужа своего по хребту бьет немилостиво. А добрая жена в очи и в уста целует любимого своего мужа, а злая жена глаза сажей чернит и помелом забрызгивает, чтобы ослеп муж. А добрая жена своему мужу волосы гребнем расчесывает и милует его; а злая жена по рту и по зубам палкой бьет, не переставая, злая жена. А добрая жена, шею мужа руками своими обвивая, целует любовно; а злая жена по горлу ножом колет мужа своего насмерть. А добрая жена по телу гладит мужа своего не лживо; а злая жена по животу обухом бьет и кормит скверной пищей не на живот, а на смерть. А добрая жена по чреву ласкает, как истинная горлица, любвеобильная ласточка; а злая жена по тайным членам ножом колет насмерть. А добрая жена по ногам гладит и пищей хорошею кормит его, мужа своего милого; злая жена по голени топором сечет своего мужа, злая жена. А добрая жена по рукам мужа своими руками проводит искренне и любовно; а злая жена по рукам и ногам коромыслом бьет, злая львица. А добрая жена, за шею обнимая, целует любезно и радостно, добрая жена; а злая жена шею веревкой давит, желая смерти мужа своего, злострастница! А добрая жена баню готовит мужу своему часто и другие удовольствия, обед и вечерю готовит; а злая жена недоброе всякий день против мужа своего замышляет, хочет его с камнем на шее в воде утопить. А добрая жена, братья и друзья, поистине мужу своему предана нельстиво и правдиво, в доме своем добра желает и детям и внукам своим!

Видел, как у некоего человека злая жена умерла, а он начал плакать и тужить о ней. И я сказал ему: «Почему, брат, плачешь о злой сей жене?» Он так отвечал мне: «Потому, брат, плачу, что плохо мне будет, если она не взаправду умерла. А если же все-таки она и на самом деле умерла, то никакого другого блага у бога и не просил бы больше». Не весело, брат, избавляться от злой жены. И если от нее бог освобождает, то надо воздать хвалу богу.

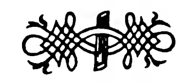
Видел, как у некоего человека злая жена умерла;

он же по смерти ее начал детей своих продавать. И я сказал ему: «Зачем, брат, детей своих продаешь?» Он же отвечал мне: «Когда подрастут злонравной жены дети, то и меня самого продадут». [...]

Видел некую жену злообразную, приникнувшую к зеркалу, и я сказал ей: «Жена, зачем смотришься в зеркало, тебе подобает смотреться в дубовую колоду!»[1]

У мужа две мысли: либо сделать дело, либо отказаться, а жена в один день 15 намерений имеет и больше. Жена злая, когда ее бьешь, бесится, когда любезен с ней — заносится. Жена не человек, но на службу человеку дана богом. Жена в любви подруга, а в делах мука. [...]

Ни мертвого нельзя излечить, ни безумного научить, так и того нельзя исправить, кого злая жена околдовала, — это все равно, что с безумным дружить. Коли потекут вспять реки, поплывет по воде камень, пойдут по суше рыбы, тогда и жена умнее мужа будет. Богу нашему слава, ныне и вечно и в веки веков. Аминь.



Нил Сорский
Слово о победе над злыми помыслами

Повесть преподобнаго Нила о победе на злыя помыслы

Аще хощеши, чадо, победити чревобесие, возлюби воздержание, сиречь: устави себе пищу и питие по едину меру скудную и имей пред очима сердца твоего страх божий, и победиши прелесть несытаго беса.

Аще хощеши победити блуд, возлюби глад и не пей, кроме единыя дневныя меры, юже приемлеши во время трапезы [...]. К сему же отнюдь не беседуй со женами, ни на одежду их не зри, ни личнеи доброте их внимай, но отнюдь бегай жен и отрочат младых [..]. И тако творя победиши страсть блуднаго беса.

Аще хощеши победити сребролюбие, возлюби нестяжание и худость ризную, и пищу, и питье скудное и победиши сребролюбиваго беса пристава.

Аще хощеши победити ярость, сиречь: сердитый, гневный, жестокосердый нрав, возлюби стяжати господнию кротость и долготерпение его [...]. Аще же лукавый враг советует ти о помысле. Много убо сей мне пакостит и

отпущах ему, и он не престанет. И ныне ищу, да к тому не озлобляет тя. Ты же помяни апостола Павла, глаголюща: «Не побежден бывай злым, но побеждай добродетелию злое [...]». И аще хотящи от бога помилован и прощен быти, престани от гнева и остави вражду. Занеже гневливый человек вражды ради оставляем бывает от бога и без его помощи ни коея добродетели сотворити не может. Гнев стрела есть сатанина, злопомнение же сеть и тенета суть вражия; ярость же чепь диавола. Гневливый и сердитый человек себе есть на вред и иным на пакость. Сердитый есть храмина диавола, гневливый же — и весь домъ сатанинъ: оба раби неприязненным духом, дерз и оплачив и горд — губитель нарицается, злопомнитель, жестокосерд, беззаконен и злообразен есть. И словеса божия не вмещаются в них, и скору погибель сами себе приводят. О них же писание свидетельствует.

Перевод

Беседа преподобного Нила о преодолении греховных помыслов

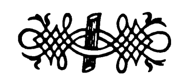
Если хочешь, чадо, победить обжорство, возлюби воздержание, то есть определи себе меру малую в пище и питье и имей перед очами сердца своего всегда страх божий, тогда преодолеешь ты соблазн прожорливого беса.

Если хочешь победить блуд, возлюби пост и не ней ничего, кроме одной дневной меры, и принимай ее во время трапезы [...]. К тому же ни в каком случае не беседуй с женщинами, и на одежду их не смотри, и на красоту лица их не обращай внимания, особенно избегай женщин и отроков [...]. Если так ты будешь делать, то победишь ты страсть блуда бесовского.

Если хочешь победить сребролюбие, возлюби бескорыстие, бедность одежд и питье скудное, тогда преодолеешь ты препоны сребролюбивого беса.

Если хочешь победить ярость, то есть сердитый, гневный, жестокосердный нрав, возлюби стремление к кротости

господней и долготерпению его [...]. Разве же не лукавый враг наставляет тебя в этом помысле? Много и мне он напакостил, и прогонял я его, а он не отпускает. И теперь стараюсь, чтобы не причинил он тебе зла. Вспомни апостола Павла, сказавшего: «Не давай побеждать себя злу, но сам побеждай добродетелью злое [...]». Если ты хочешь быть помилован и прощен богом, то победи гнев и прекрати вражду. Ведь знаешь ты, что вспыльчивого человека из-за его гневливости покидает бог и ничего хорошего он уже не может сделать без помощи божией. Гнев — стрела сатанинская, злопамятство — сети и ловушки вражьи, ярость — цепь дьявола. Гневливый и сердитый человек и себе на вред и другим — на пакость. Сердитый — храм дьявола, гневливый же — и весь дом сатаны: оба они рабы причастным ко злу духам. Дерзкий, надменный и гордый нарекается губителем, ибо злопамятен он, жестокосерд, неприятен, безобразен, и слова божии не доходят до него, сам себе он погибель ищет. О таких и писание свидетельствует.



Ораторское наследие „бунташного века“ русской истории

(XVII век)

Плач о пленении и о полном разорении Московского государства

Изъ Степенной писано[1] царство государя царя и великаго князя Василия Иоанновича Шуйскаго[2]. Месяца октября в 22 день. Плачь о пленении и о конечномъ разорении превысокаго и пресветлейшаго Московскаго государства, въ ползу и наказание послушающимъ

Откуду начнемъ плакати, увы, толикаго падения преславныя ясносияющия превеликия России? Которымъ началомъ воздвигнемъ пучину слезъ рыдания нашего и стонания? О, коликихъ бедъ и горестей сподобилося видети око наше! Молимъ послушающихъ со вниманиемъ: О христоименитии людие, сынове света, чадо церковнии, порожденнии банею бытия! Разверзите чювственныя и умныя слухи ваша и вкупе разпространимъ арганъ словесный, вострубимъ въ трубу плачевную, возопиемъ къ живущему въ неприступнемъ свете, къ царю царствующихъ и господь господьствующихъ, къ херовимскому владыце, съ жалостию сердецъ нашихъ, въ перси биюще и глаголюще: Охъ, увы, горе! Како падеся толикий пиргъ благочестия, како разорися богонасажденный виноградъ, его же ветвие многолиственною славою до облакъ вознесошася, и гроздь зрелый всемъ въ сладость неисчерпаемое вино подавая? Кто отъ правоверныхъ не восплачетъ, или

кто рыдания не исполнится, видевъ пагубу и конечное падение толикаго многонароднаго государьства, християнскою верою святаго греческаго отъ бога даннаго закона исполненаго и, яко солнце на тверди небесней сияющаго и светомъ илектру подобящася? И многими леты основанъ, вскоре приятъ разорение и всеяднымъ огнемъ погоре!

Весь благоприятный о Христе народъ весть высоту и славу великия России, како возвысися и коликъ страхъ бысть бесерменомъ, и германомъ, и прочимъ языкомъ. Преславна вещь зрящимъ бысть утворенна кафолическая соборная церковь и въ ней живописанныя святыя иконы, къ сему же и столпи благочестия, и по успении реки чюдесъ православнымъ изливающе. Колики быша царския многоценныя полаты, внутрь златомъ украшени и шары доброцветущими устроены! Колико сокровищь чюдныхъ, царскихъ диадимъ и пресветлыхъ царскихъ багряницъ и порфиръ, и камения предрагаго, и всякаго бисера многоценнаго бысть преисполнено! Какови быша доми благородныхъ двоекровныя и троекровныя, богатствомъ и честию кипящая! Симъ пресветлымъ и предивнымъ государьствомъ преславни быша велицыи царие, величашася благороднии князи; и во всемъ, дерзновенно рещи, толикаго учреждения бысть преисполнено, и светомъ и славою превзыде, яко невеста на прекрасный бракъ жениху уготована! [...]

О, како къ тому помышляю и возглаголю, яже въ насъ содеяшася и ныне деется, по смотрению божию, за неправды, и за горденние, и за грабление и лукавство и за прочая злая дела, о нихъ же плачевна глаголютъ и пророцы[3], и лукавая злоба откуду извалися покрыти сущу: «Обаче за лщения ихъ положилъ еси злая и низложилъ еси ихъ, внегда разгордети». Како быша въ запустение? Внезапу исчезоша и погибоша за беззакония своя, яко сония востающаго, яко погибоша благоговейнии отъ земли, яко правда въ человецехъ оскуде, и воцарися неправда, и всяка злоба и ненависть, и безмерное пиянство, и блудъ, и несытное мздоимание, и братоненавидение умножися; яко оскуде доброта и обнажися злоба, и покрыхомся лжею. Наведе бо на ны запустение, и прузи, и гусеницы, и гладъ, и пленение, и всякое зло, злобы же нашея не отсече. [...]

Начну же сице беседовати вкратце богоизбранному стаду, словеснымъ овцамъ беззлобиваго пастыря Спаса Христа. Сего ради падеся превысокая Россия и разорися толикий твердый столпъ. Сущии въ немъ живущии царие

вместо лествицы къ богу возводящеи спасителныхъ словесъ, еже раждаются отъ книгородныхъ догматовъ, прияша богоненавистныя бесовския козни, волшбу и чарование; и вместо духовныхъ людей и сыновъ света возлюбиша чадъ сатаниныхъ, иже отводятъ отъ бога и отъ неблазненаго света во тму, и не даша места умному видети своему слуху словеси правдива, но клевету на благородныхъ ненависти ради ясно послушающе, и крови многочисленнаго народа того ради, яко река, излияша [...]. Потомъ толикое наказание и гневъ воздвижеся, еже немалому удивлению, паче же и слезамъ достойно. И ни едина книга богословецъ, ниже жития святыхъ, и ни философския ни царьственныя книги, ни гранографы, ни историки, ни прочия повестныя книги не произнесоша намъ таковаго наказания ни на едину монархию, ниже на царьства и княжения, еже случися надъ превысочайшею Россиею.

Воста предтеча богоборнаго антихриста[4], сынъ тмы, сродникъ погибели, отъ чина иноческаго и дияконскаго, и преже светлый ангельский чинъ поверже и отторгнувся отъ части християнския, яко Июда, отъ пречистаго ангельскаго лика, и избежавъ въ Полшу, и тамо безчисленныхъ богомерскихъ ересей скрижали сердца своего наполнилъ, и тмообразную свою душу паки предая въ руце сатанины и вместо святыя христианския веры греческаго закона Люторскую треокаянную веру возлюбивъ и безстудне нарекъ себе царемъ Димитриемъ, приснопамятнаго царя Иванна сыномъ, глаголя, яко избеглъ отъ рукъ убийственныхъ, и испросивъ помощъ у Литовскаго короля, еже ити съ воинствомъ на великую Россию. Королю же Полскому, и паномъ раду, и кардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ велми о томъ радующимся, яко мечь на кровь христианскую воздвижеся,— понеже николи причастия несть тме ко свету, ни велияру ко Христу,— и вдаша сему окаянному въ помощь воинства Литовскаго. И дерзнувъ безстудне приити во область Московскаго государьства, во грады Северския, именова себе царемъ Димитриемъ[5]. [...] К его же злочестивому совету приста король Литовский, и посла бесояростное воинство свое[6], и многи грады и веси разори и святыя великия лавры разруши, и нетленная и честнейшая по успении телеса святыхъ отъ благочинне устроенныхъ ракъ извергъ и конечному обруганию предасть; и безчислено православныхъ народа мечю предани быша, и крове источники пролияшася. И не

единемъ симъ несытнымъ кровопролитиемъ великодержавная Россия въ погибель впаде, но мнози воздвигошася врази и тмочисленное излияся лукавство. И мнози отъ грабителей и несытныхъ кровоядцевъ царьми именоваша себе[7] и различная имена на ся возложиша: инъ наречеся Петръ, инъ Иваннъ наречиемъ Августъ, инъ Лаврентий, инъ Гурей; и отъ нихъ такожe многи крови излияшася и безчислено благородныхъ мечемъ скончашася...

Къ сему же восташа на православную веру христианскую домашнии врази[8]: отъ сигклита царска Михайло Салтыковъ, отъ рода купецка Федка Андроновъ, и инии съ ними, ихъ же множества ради писати прекративъ. И ради мимошедшия суетныя сея славы уличиша себе будущаго превечнаго живота и бесконечнаго веселия, и устроиша себе посланниками къ злочестивому королю, аки отъ царствующаго града просити на великую Россию державствовати сына королева, и золъ советъ устроиша, и епистолиями королевскими и своими злохищными глаголы царствующий градъ Москву прелстиша, обещавая королевича дати во крещении царствовати на великую Россию. И злояростнаго и бесодерзостнаго гетмана съ воинствомъ отъ короля подвигнуша[9], и крови христианския многи излияли, и подъ царствующий градъ Москву съ нимъ приидоша. Последователь же стопамъ антихристовымъ, иже царемъ Димитриемъ именова себе, по лукавому совету треклятого воинства Литовскаго нача многи места всеяднымъ огнемъ истребляти и насилие великое царствующему граду творити. Людие же, живущии въ велицей России, не уразумеша враждебнаго королевскаго лукавства, восхотеша прияти королевича на Московское государьство царствовати, и простотою и несовершенствомъ ума Богомъ избраннаго царя съ престола свергнули[10], и отъ царьства отлучили, и во иноческий чинъ насилиемъ облекли, и къ королю подъ Смоленескъ отслали, и гетмана Полскаго и Литовскаго съ воинствомъ его пустиша внутръ царствующаго града Москвы[11].

Непоколебимый же столпъ благочестия, предивный рачитель христианския веры, крепкий твердый адамантъ, человеколюбный отецъ, премудрый ерархъ, святейший Ермогенъ патриархъ[12], видя людей божиихъ иже въ велицей России, мятущихся и зело погибающихъ, много наказуя ихъ и полезная вещая имъ и глаголя: «Чада паствы моея, послушайте словесъ моихъ! Что всуе мятетеся и вверяете душа своя поганымъ полякомъ? Которое вамъ, словеснымъ

овцамъ, причастие со злохищными волки: вы кротцы о Христе, сии же дерзостни о сатане. Весте сами, яко издавна православная наша христианская вера греческаго закона отъ иноплеменныхъ странъ ненавидима: кими же правы примиримся со иноплеменники сими? Лучше бы было вамъ изыскати, что со слезами и съ рыданиемъ всенародно, зъ женами и съ чады, претещи къ неотсекаемой надежди, ко всемилостивому въ троицы славимому богу, и просити милости и щедротъ у богатодателныя Его десницы, да подастъ вамъ разумъ благъ, еже творити душамъ своимъ полезная и царствующему граду и окрестнымъ градомъ благостройная, а не мятежная».— Инии же отъ православныхъ христианъ сладце послушаша благихъ его словесъ, и инии мнози осуетишася помышленьми и противо дивнаго пастыря своего нелепая вещаюше. Нечестивымъ же полскимъ и литовскимъ людемъ лукавствомъ вшедшимъ въ царствующий и преимянитый градъ Москву, яко пагубнымъ волкомъ вкрадшимся въ оградъ Христова стада, и много насилие начаша содевати православнымъ християномъ, и внутрь царствующаго града костелы устроиша.

Потомъ же, горе, горе! Увы, увы! Охъ, охъ! Великая злоба содеяся и многомятежная буря воздвижеся, реки крове истекоша. Приступите, правоверпии людие, иже не видеша сицеваго великия России разорения, да поведаю вкратце боголюбезному вашему слуху таковое превысокаго и славою превознесеннаго царства падение и конечное разорение... И кто не исполнится отъ християнъ плача и рыдания? Кто не ужаснется толикую скорбь и язву слышавъ и присной по духу братии своей? Кто не накажется толикими бедами, и о имениях своихъ скорбяще, но о разорении святыхъ церквей и о погублении столпа благочестия, святыя християнския веры рыдающе? О благочестивии, христоподражателныя любве исполнении людие! Приклоните ухо ваше, и приимемъ страхъ божий въ сердца своя, и начнемъ просити милости у всещедраго бога съ неутешными слезами и воздыханиемъ и стенаниемъ, отягченное бремя греховъ нашихъ покаяниемъ и милостынями и прочими благими детелми разсыплемъ,— дабы премилостивый богъ нашъ, человеколюбия ради своего, пощадилъ остатокъ рода християнскаго и потребилъ отъ насъ враговъ нашихъ, и злолукавый советъ ихъ искоренилъ, и остатокъ бы Российскихъ царствъ и градовъ и весей миромъ оградилъ и всякия благодати исполнилъ.

И не предастъ насъ врагомъ въ расхищение и въ пленъ. [...]

Буди же всему словесному стаду великия Росии, православнымъ християномъ, о Христе миръ.

Перевод

Из Степенной книги выписано[1]. В царствование государя царя и великого князя Василия Иоанновича Шуйского[2], месяца октября, в 22 день. Плач о пленении и о полном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства для пользы и наставления слушающим

С чего начнем оплакивать, увы, такое падение преславной ясносияющей превеликой России?! Каким началом воздвигнем пучину слез рыданий наших и стонов? О, на какие беды и напасти вынуждены смотреть глаза наши! Умоляем мы слушающих со вниманием: о, христоименитые люди, сыновья света, чада церковные, возродившиеся в христианстве! Растворите внимание чувств и разума вашего, и вместе расширим орган слова, вострубим в трубу плача, возопим к живущему в неприступном свете — к царю царствующих и господу господствующих, к херувимскому владыке; с печалью сердец наших, ударяя себя в грудь и восклицая: Ох, увы, горе! Как рухнула эта башня благочестия? Как разорился богом насажденный виноградник, ветви которого многолиственной славой возносились до облаков, а грозди зрелые всем для наслаждения вино неисчерпаемое подавали. Кто из правоверных не восплачет, кто рыдания сможет сдержать, увидев погибель и совершенное падение такого многонародного государства, исполненного христианской верой святого греческого закона, от бога данного, как солнце сияющего на тверди небесной, светом янтарю подобного. Многие годы воздвигаемое царство в малый срок разорено было и всеядным огнем пожжено!

Все христианские народы знают могущество и славу величия России, как возвысилась, в каком страхе были перед ней басурманы и германцы и прочие народы. Преславное зрелище являла собой православная соборная церковь с живописными святыми иконами, столпами бла-

гочестия, изливающая посмертно на всех православных реки чудес. Какими были царские многоценные палаты, внутри золотом украшенные и красками яркоцветными расписанные! Какие сокровища дивные, царские венцы, пресветлые царские багряницы и порфиры, и камни драгоценные, и бисеры многоценные там хранились! Какими были дома благородных людей: под двумя и тремя кровлями, богатством и почестью возвышались! В этом пресветлом и предивном государстве преславны были и великие цари, величественные и благородные князья, во всем, смело можно сказать, было это государство таких сокровищ преисполнено, так сиянием и славой всех превосходило, как будто невеста разукрашенная для прекрасного брака с женихом! [...]

О, как о том подумаю и как выражу то, что с нами содеяно было и доныне делается по воле божией за неправды и за гордость, и за грабежи, и за хитрость, и за прочие злые дела, от которых с плачем предостерегали пророки[3], откуда появилась коварная злоба и все осилила? «За величанья их наложил на них кару, и низложил их, когда они возгордились». Как оказались мы в разорении? Внезапно пропали и погибли из-за беззаконий своих; как уходят сны поутру, так и до нас погибали на земле благочестивые люди за то, что правда оскудевала и воцарялась неправда и всякая злоба, и ненависть, и безмерное пьянство, и блуд, и ненасытное мздоимство. Множились распри между братьями, когда истощалась доброта, обнажалась злоба и покрывались мы ложью. И наслал на нас запустение и саранчу, и гусениц, и голод, и другие наказания, но грехов наших не пресек. [...]

Начну так беседовать кратко с богоизбранным стадом, словесными овцами беззлобного пастыря спасителя Христа: почему в упадок пришла превысокая Россия и был разрушен такой крепкий столп? Да потому, что живущие в России цари вместо возводящей к богу лестницы спасительных словес, рождающихся от книжных учений, начали строить ненавистные богу козни — волхвовать и чародействовать; вместо людей церкви и сынов христианства возлюбили они детей сатаны, которые уводят от бога и от чистого света во тьму и не дают умному услышать слова правдивые, по ненависти клевету возводят на благородных и кровь многочисленных народов, как воду, проливают [...]. Потом столькие кары и гнев божий обрушиваются на людей, что в немалое удивление и слезы их

ввергают. И ни одна божественная книга, ни жития святых, ни философские и царские книги, ни хронографы, ни истории, ни другие повествовательные книги не рассказали нам о таких наказаниях монархий, царств или княжений, какие постигли превысочайшую Россию.

Восстал предтеча богоборного антихриста[4], сын тьмы и спутник погибели, прежде бывший в чине монашеском и дьяконском, но отверг он светлый ангельский чин, отторгнул участь христианскую, как Иуда, отвернулся от пречистого ангельского лика, и бежал в Польшу, и там бесчисленными богомерзкими ересями скрижали сердца своего наполнил, темную свою душу снова предал в руки сатаны, вместо святой христианской веры греческого закона лютеранскую треокаянную веру возлюбил и бесстыдно назвал себя царем Дмитрием, сыном вечнопамятного царя Ивана. Рассказывал он, как якобы избежал рук убийц и попросил помощи у литовского короля, чтобы пойти ему с войском на великую Россию. Король польский и паны, и кардиналы, и архиепископы, и епископы весьма были рады тому, что поднимется меч на кровь христианскую,— ведь нет ничего общего между тьмой и светом, дьяволом и Христом,— и дали они сему окаянному в помощь войско литовское. Осмелился бесстыдный прийти в земли Московского государства, в города северные и назвал себя царем Дмитрием[5]. [...] К его злочестивому умыслу присоединился король литовский и послал бесояростное войско свое[6], многие города и села разорил, святые великие лавры разрушил, нетленные честные тела по успении святых из благочинно устроенных гробниц исторг и поруганию посмертному предал, бесчисленно народ православный мечом истребил, кровь, как воду, пролил. Но не только из-за одного этого ненасытного кровопролития великодержавная Россия к погибели подошла, а также оттого, что много поднялось на нее врагов, тысячечисленное излилось коварство. И многие из грабителей и ненасытных кровопийц стали царями именовать себя[7], разными именами себя называли: один нарекся Петром, второй Иваном по прозванию Август, третий Лаврентием, четвертый Гурием. От их злодейств также много крови пролилось, от меча скончалось бесчисленно много благородных [...].

Кроме того, восстали на православную веру христианскую свои враги[8]: из царского окружения — Михайло Салтыков, из рода купеческого — Федька Андронов и

другие с ними, о которых из-за их многочисленности мы не будем писать. Ради мимотекущей суетной этой славы лишили они себя будущей превечной жизни и бесконечной радости, стали посланниками к злочестивому королю, как будто от имени царствующего города просили в великую Россию на престол сына короля, злой совет устроили, грамотами королевскими и своими злодейскими словами прельстили царствующий город Москву, обещая привести королевича после его крещения царствовать в великой России. Злояростного и дерзкого, как беса, гетмана с королевским войском позвали[9] и много крови христианской пролили, когда пришли вместе с ним под царствующий град Москву. Последователь антихриста, называющий себя царем Дмитрием, по коварному совету треклятого воинства литовского начал истреблять всеядным огнем многие места и великое насилие совершил над царствующим градом. А люди, живущие в великой России, не поняли враждебного королевского обмана и захотели принять королевича на царство в Московском государстве, по глупости и простоте ума своего свергли с престола богом избранного царя и от царства его отлучили[10], и в иноческий чин насильно постригли, и к королю под Смоленск отослали, а гетмана Польского и Литовского с воинством его впустили внутрь царствующего града Москвы[11].

Непоколебимый столп благочестия, предивный рачитель христианской веры, крепкий, твердый алмаз, христолюбивый отец, премудрый иерарх, святейший Гермоген-патриарх[12], видя людей божиих в России мятущихся и близких к гибели, часто поучал их, речи полезные обращая к ним, так говорил: «Дети паствы моей, послушайте мои слова! Что за смятение бесполезное обуяло вас? Зачем вверяете вы души свои поганым полякам? Что общего вы, духовные овцы, имеете со злохищными волками: вы кротки во Христе,— те дерзки, как сатана. Подумайте сами: ведь издавна православная наша христианская вера закона греческого ненавидима иноплеменными странами; почему же вы стремитесь примириться с пришельцами этими? Лучше бы вам было со слезами и рыданиями всенародными, с женами и с чадами вашими приблизиться к неиссякаемой надежде — ко всемилостивому, славимому в троице богу и просить милости и щедрот у его богато одаряющей десницы. Да подаст он вам добрый разум, и душам вашим пользу принесет, и царствующему городу

и окрестным городам — благоустройство, а не мятеж». Некоторые из православных христиан с удовлетворением слушали его справедливые слова, но многие другие замыслили дурное и начали говорить нелепое против дивного пастыря своего. А нечестивые поляки и литовцы, хитростью вошедшие в царствующий и преславный град Москву, как преступные волки, вокравшиеся в ограду Христова стада, многие притеснения начали делать православным христианам и в царствующем граде костелы устроили.

Потом же горе, горе! Увы, увы! Ох, ох! Великое преступление совершилось, и многомятежная буря воздвиглась, потекли реки крови. Подойдите, правоверные люди, не видавшие такого разорения великой России, поведаю вкратце боголюбезному слуху вашему об этом падении превысокого и славой превознесенного царства, о его гибельном разрушении... И кто из христиан не преисполнится плачем и рыданиями? Кто не ужаснется, услышав о такой скорби и бедствиях близких по духу братьев своих? Для кого не станут поучительными столькие беды и кто, печалясь о своих имениях, не возрыдает и о разорении святых церквей и о погублении столпа благочестия — святой христианской веры? О благочестивые, христианской любви исполненные люди! Приклоните слух ваш и примите страх божий в сердца свои, да начнем просить милости у всещедрого бога с неутешными слезами и вздохами и стенаниями! Отягченное бремя грехов наших разобьем покаянием и милостынями, и прочими благими действиями, чтобы премилостивый бог наш ради своего человеколюбия пощадил остаток рода христианского, избавил нас от врагов наших и злолукавый умысел их искоренил, и остаток российских царств и городов и сел от бедствий бы оградил, и всякой благодати наполнил. Да не предаст он нас врагам нашим на расхищение и плен! [...]

Пусть же будет всему духовному стаду великой России, всем православным христианам мир во Христе.

Иван Хворостинин
Наставление о воспитании чад

Слововещания ко читателемъ, имуща нечто к родителемъ о воспитании чадъ

...Да услышите убо глаголюша мною, отцы и братия, не сана ради глаголющаго, но благослышания ради сия воспису ю воспоминающаго раба оного, скрывшаго господьскии талантъ и прибыли имъ не сотвориша. Азъ бо слышахъ, никакож не могу таити. [...]

Свирепо есть человеку неучение, яко конь и мскъ не имуще бразды востегновение. Седина есть человеку мудрость, а возрастъ старость житие нескверно, яко же рече премудрый Соломонъ. Такоже рече и великий Василей: «Не иж возрастъ младъ, но иже умомъ несовершенъ, се юнейший есть». Такожде и Григорей тезоимянитый богословъ рече: «Единъ есть благочадия пределъ добродетел уподобление, чадная добродетель есть отчая слава». Иоанна Златоустаго свидетелство: «Седина есть не власы, но добродетель душевная мужества и учения». Отцы убо, иже о благочестии не обыкаютъ и не радяще о своихъ детяхъ во учении, лютому осуждению предаются; таковии детем своимъ убиицы бываютъ и своей душе, что равно,

еже устроити душу и назидати юнпаго мысль, ибо всякаго живописца и образотворца, иже таковое умеющему художество, опаснейши прилежати подобаетъ, но мы ни единож о семъ творимъ слово. [...]

Аще навыкнетъ философ быти изначала, богатство стяжалъ есть всякого богатества болши и славу множественную, ищутъ вси бо его, почитати будутъ. Аще пред богомъ праведенъ будетъ, учения благоразумия не может згараема быти, несть бо таковому утаитися, во многихъ убо нездравствующихъ не утаится здравый, во многих страждущихъ не может сокровенъ быти. Егда единъ здравствуя, будетъ вскоре о немъ слава вслухъ; аще царю мудру притечетъ и надо многими его поставит языки. Царь же осмотря благоверия и премудроствепое попечение, много имеетъ об немъ суетства, не может убо градъ верху горы стоя укрытися. Поистинне всякъ крепкий всеученый, всяк единомышленный градъ прославленъ есть благоразумеющему владыце; безумен же не внимает сего.

Того ради да не убо смотряемъ, яко да богатыя оставимъ дети, но яко да добродетелны и праведны богу представимъ. Аще бо на богатство надеятися будутъ, то ни о чесомже прилежати будутъ другим, яко имущу покрыту сущу своих нравовъ злобу ото изобилия сребра, егда же уведятъ себе, яже отнюду утехи сущихъ пустых ничто соделати имут, дабы добродетелию многою нищете утеху обрести. Да не убо оставиши богатейство, да оставиши же добродетель, ибо последнего безумия есть богатство [...], в страшный же день бесконечную принесет беду.

Подобаетъ убо царямъ и владыкамъ призывати мудрыя [...], того ради подобаетъ князем разсмотряти сущая под ними, воеводамъ же воины, царемъ убо мужи словесныя, точию благочестиемъ украшающеся и мудростию вся исправляюще. Аще ли не таковии советницы владыкомъ бывают, но ничто праведно и не благолепно бываетъ: точию безумный наполняется пищею, разширяюще тукомъ чресла свои, вином попаляюще умныя очеса и готови бываютъ во бранех к небраннымъ противлениемъ творяще, нощь в день нарицая и день в нощь пременяя, прозывающе горкое слаткимъ и слаткая горкимъ; ослеплени бо суть их умныя очи [...].

Поистинне убо учение истинна есть и истиннии восхищаютъ его, от него же бываетъ всяка правда и благоразумие. Учение есть благоразумие просвещая очи сердечныя, опаляя неистовство самохотных стремлений; свеща

бо ото огня просвещенна есть входящая озаряет в храмине; очи благоученныя просвещаютъ всякого к добродетели грядуща, и языкъ праведенъ влечет ко спасению. [...]

Перевод

Словесное наставление к читателям, содержащее нечто и к родителям о воспитании чад

...Услышьте, что говорю я вам, отцы и братья, услышьте того, кто говорит не по должности своей, но только ради пользы вашей вспоминает в этих строках раба, спрятавшего талант, полученный от господина и не принесший ему прибыли. Я же, познав многое, ничего не хочу утаить. [...]

Вредно для человека невежество, как для коня и мула — отсутствие узды, сдерживающей их. «Мудрость — в седине человека, а взрослость — в безгрешной жизни по старости»,— как сказал премудрый Соломон. Так же говорил и великий Василий: «Не того, кто годами молод, называем незрелым, но того, у кого знания несовершенны». Так же и Григорий, по имени Богослов, сказал: «Большая польза в многочисленном потомстве, ибо добродетели детей приносят и отцу славу». Иоанн Златоуст свидетельствовал: «Седина здесь не волосы, но добродетель душевного мужества и учения». Те отцы, которые к благочестию не привыкают и не заботятся о том, чтобы отдать в учение своих детей, должны быть преданы суровому осуждению. Такие отцы детям своим хуже убийц бывают и своей душе вред приносят,— ведь это равно: совершенствовать душу и направлять мысль юного. Опасным становится усердие всякого мастера и воспитателя, кто в худых делах навык имеет. Но мы не только об этом сотворим слово. [...]

Кто привыкнет с самого начала к учению, тот приобретет ценности больше самого большого богатства и славу всеобщую и всем будет надобен, и почитать его будут. А если и пред богом праведным останется, то не сгорят в огне наставления его благоразумия и не останутся в безвестности, как не скроется среди многих больных

один здоровый и среди многих страдающих не спрячется он. Если кто-либо приносит исцеление людям, то вскоре пойдет о нем громкая слава и мудрый царь обратит на него внимание свое, и над многими его поставит народами. Ради благоверия и распространения премудрости царь будет о нем заботиться, ведь не может город на вершине горы остаться незамеченным. Поистине каждый настоящий мудрец, каждая дружественная крепость прославляются благоразумным владыкой. Глуп тот, кто не понимает этого.

Поэтому давайте не о том будем заботиться, чтобы богатыми сделать детей своих, но о том, чтобы их добродетельными и праведными богу представить. Если они на наследство надеяться будут, то ни к чему другому не приложат усилий, кроме того, чтобы покрыть обилием серебра злобу нравов своих, и скоро узнают они, что радости эти пустые, и ничем не помогут им тогда, когда нужны полезные дела многие, чтобы победить бедность. Так не оставляй богатство, лучше оставь после себя ремесло, ибо только от крайнего безумия оставляют детям богатство [...], в день Страшного суда принесет оно беду нескончаемую.

Подобает царям и властителям призывать к себе мудрых [...], только украсив себя благочестием и мудростью, восстановив правду, подобает князьям судить подвластных себе, воеводам — воинов, а царям — всех мужей разумных. А если не такие советники владык земных окружают, то ничего праведного и красивого в их жизни быть не может: ведь только безумные объедаются пищею, расширяют жиром чресла свои, вином обжигают духовные очи, готовы идти войной на тех, кто не враждебен им, ночь днем называют и день в ночь превращают, прозывают горькое сладким и сладкое горьким, ибо ослеплен разум их [...].

Поистине учение необходимо, и праведные постигают его, от него бывает всякая правда и благоразумие. Учение — это и мудрость, просвещающая очи сердечные, опаляющая неистовство самовольных устремлений; зажженная свеча освещает храм входящим,— разум образованного человека наставляет каждого на пути к добродетели, и слово праведного влечет к спасению. [...]

СОЧИНЕНИЯ АВВАКУМА ПЕТРОВА

Обращение к «чтущим» и «слышащим» и похвала «русскому природному языку»

По благословению отца моего старца Епифания писано моею рукою грешною, протопопа Аввакума, и аще что реченно просто, и вы, господа ради, чтущии и слышащии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обыкъ речи красить, понеже не словес красныхъ богъ слушает, но делъ нашихъ хощет. И Павел пишетъ: «Аще языки человеческими глаголю и ангельскими, любви же не имам — ничто ж есмъ».

Вотъ, что много разсуждать: не латинъским языком, ни греческимъ, ни еврейским, ниже иным коим ищет от нас говоры господь, но любви с прочими добродетельми хощет, того ради и я не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго. Ну, простите же меня грешнаго, а вас всехъ, рабовъ Христовых, богъ проститъ и благословит. Аминь.

Из «Книги бесед»

Введение

Книгу святую собрал от святого писания протопоп Аввакум на крестоборную ересь никониянскую[1] и на протчая их коби[2]

Беседа человека грешна, человека безобразна и бесславна, человека не имуща видения, ни доброты, ниже подобия господня. Поистинне рещи, яко несть и человек. Но гад есмь или свиния; якоже и она питается рожцы, так и я грехми. Рожцы вкус имут, в гортани сладость, во чреве же бредкость. Тако и аз, яко юнейший блудный сын, заблудих от дому отца моего, пасяхся со свиниями[3], еже есть с бесы, питаюся грехми, услаждая плоть, огорчеваяй же душу делы, и словесы, и помыслы злыми [...].

Но не я, окаянный Аввакум: я и сам сижу в рове[4], душею и телом обнажився, сам пят, с нагими же.

[...] Ныне нам подобает плакати в настоящее время. Увы, увы мне! Мати кого мя роди? По Иову, проклят день, в оньже родихся, и нощь она буди тьма, иже изведе из чрева матере моея. Понеже антихрист прииде ко вратом двора[5] и народилось выблятков его полна поднебесная. И в нашей русской земли обретеся чорт большой, ему же мера — высоты и глубины — ад преглубокий. Помышляю, яко, во аде стоя, главою и до облак достанет. Внимайте и разумейте вси послушавшии, даст бо вам господь разум о всем.

Беседа третья

Об иноческом чине

...Бысть в лета наша в руской земли божие попущение, а дияволе злохитрие: изникоша из бездны мнися, нареченныя монахи, имеюще на себе образ любодейный: камилавки — подклейки женския и клобуки рогатыя[1]; получиша себе сию пагубу от костела римскаго. Бысть в Риме, прежде собора Фларенскаго, на престоле в папах баба еретица[2]. В Римской церкви, по пущению божию, устроила себе клобук на подклейки,— сицевым образом, яко же Никон, еже носят и ныне прельщении тамо и здесь. Идущу, ей, любодейце, за кресты, в ходу родила, на пути идучи, младенца выблядка. Разумевше же римстии людие, извергоша от сана святительства, яко на Москве врага божия, патриарха Никона; клобук же ея и всяко мудрование в церкви не изриновено бысть. И от тогда в церкве их слабость быстрь велия: жены и девы во олтарь входяща[3], за престолом, на горнем месте, саждахуся; людие же ослабеша и не брегуще о сем, понеже ереси одоле благочестие. И егда умножися грех, ту преизбыточествова благодать. При Евгении, папе Римстем, воздвижеся род християнский от простаго чина, изгнаша еретика, папу Евгения, в Базилийский град. На месте же его в Риме возведоша папу именем Феликa[4]. И бысть распря в народе между большими и меньшими, понеже большии поборающе по Евгении, а меньшии народи по Фелике. Понеже Фелик держа во церкви старое благочестие и за сие дело любим бысть народу; а Евгений еретик мздою великих ударил. И того ради бысть в них разделение. И увещаша вельможи народ, даже соберут вселеньский осмый собор на исправление падения своего. Богу же попущающу, по начинанию сердец их, а врагу действующу, собрашася на сонм той лукавый царь, и патриарси гречестии, и весь Восток и Запад, от всех стран; и наш митрополит Исидор Московский таможе бысть. И сотвориша во Флоренце граде собор[5], яко и у нас бысть ныне при вселенских в Москве такая же лукавая сонмища; утвердиша прелесть свою паче прежнего. Не приста же

совету и делу их епископ Марко Ефесский[6]. И осудиша его в заточение смертное, якоже и нас, бедных, здесь. Да воздаст им господь по делом их! Тогда Фелик, видя свое изнеможение, уступи папство Евгению. Он же, Евгений, прииде на собор в прежереченнем рогатом клобуце, управляяй правило и уставляяй законы и предания новая, а старая вся, отеческая, отмещуще. И приписаша царь и власти гречестии к нему, лукавому собору, руки своя. Сия уставы и в Царьград пришли: оттоле и греки развратилися; клабуки такия вздели на себя и иныя догматы Флоренскаго собора учиниша в церквах своих. Тому времени 282 года[7], как бысть Фларенский собор. Писано в летописцах латынских, и в летописцах руских помянуто. Оттоле в Риме и повсюду нача болезнь болети болезненно и распространятися гной по вселенной всей [...]. А и у нас на Москве той нехуже тово. Мне царя тово беднова жаль[8] пуще всех греческаго; здешняя и вечная вся погубил! Посем брата ево роднова, Констянтина царя[9], предал бог за отступление-то сие Магнету[10], турскому царю, и все царство греческое с ним. А на Русь было напряг в мимошедшем году. Да еще удержа молитвы сидящих по темницам и тюрьмам, вопиющих к богу день и нощь. А никонияне пущи устремишася на зло, чают добро творят, еже пожигают Христовых людей. Бог ожидает обращения их и дает время на покаяние их, пострашает тем и сем; а им мнится — ради достоинства их терпит. Увы, ослепил сатана! Водимы духом противным, и сами не сведят, камо грядут. Токмо жги да пали, секи да руби единородных своих! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидетели нашей крови изливающейся. Толико наша великая вина, еже держим отец своих предание неизменно во всем! Аще мнится имя извергнути от памяти преже бывших царей и патриархов и всех, на что оне нам после себя оставили книги сия, за них же мы полагаем душа своя! Аще ли им памяти честне творят и святых руских почитают всех, их же мы уставы и предания неизменно держим: за что же нас мучит и губит? Али не правду говорю? Отвещай ми! Что задумался? «Безумне, в сию нощь ангел душу твою истяжет от тебе, а яже уготова, кому будет?» Разве турскому царю? Ох, ох, затмение ума! А все-то блюдолизы римские устроили с Никоном врагом гонение сие на христан. Да воздаст им господь по делом их! Мы же со Христом не боимся ваших гроз, любим сию старину, преданную от святых, и не изменяем риз священных и

простых, понеже изменения ради риз гнев божий на люди живет. Почти себе пророка Софония 3 главу; он тебе повестит, что случается от бога изменяющим ризы не токмо священныя, но и простыя на себе. А то малое ли дело: богом преданное скидали с голов, и волосы расчесали, чтобы бабы блудницы любили их; выставя рожу свою да подпояшется по титькам, воздевши на себя широкий жюпан! Так-то святыя предали смирения образ носить? Почти-тко, никонияи, как Василий Великий научает. Не ведаешь? А где тебе ведать. Всегда пиян и блуден,— прости, не то тебе на ум идет, как душу спасти. Василий Великий иноку повелевает мало и на небо глядеть, но всегда землю зри. А егда за трапезою с братиею ясти сядешь, тогда и паче клобуком лице свое накрой, да же не видят друг друга, како ядят.

[...] Подобает истинному иноку делы Христу подобитися, а не словесы глумными, и так творить, якоже святии. Помнишь ли? Иван Предтеча подпоясывался по чреслам, а не по титькам, поясом усменным, сиречь кожанным: чресла глаголются под пупом опоясатися крепко, даже брюхо-то не толстеет. А ты что чреватая жонка, не извредить бы в брюхе робенка, подпоясываесе по титькам! Чему быть! И в твоем брюхе том не меньше робенка бабья накладено беды тоя,— ягод миндальных, и ренсково, и романеи, и водок различных с вином процеженных налил: как и подпоясать. Невозможное дело, ядомое извредить в нем. А сей ремень на тебе долог! Бедные, бедные! Так-то Христос приказал жить и святии научиша! Увы, погибе благоговейный от земля и несть исправляющаго в человецех. Ну-су полно браниться — тово нам. Приимите вы первыя наши святыя и непорочныя книги, их же святии предаша, и обычая свои дурныя отложите: мы станем пред вами прощатися о Христе Исусе, господе нашем. Писал протопоп Аввакум своею рукою.

Беседа пятая

О внешней мудрости

...Альманашники, и звездочетцы, и вси зодейшики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися богу своею мудростию начинающе, якоже первый блядивый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любоденица[1], о них же Гронограф и вси кронники[2] свидетельствуют; таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин[3]: вси сии мудри быша и во ад угодиша, достигоша с сатаною разумом своим небесных твердей, и звездное течение поразумевше, и оттоле пошествие и движение смотрях небеснаго круга, гадающе к людской жизни века сего,— настоящей, или тщету, или гобзование,— и тою мудростию своею уподобляхуся богу, мнящеся вся знати. Якоже древле рече диавол: «Поставлю престол мой на небеси и буду подобен вышнему», тако и тии глаголют: «Мы разумеем небесная и земная, и кто нам подобен!» И взимахуся блядины дети выше облак,— слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение. Вси христиане от апостол и отец святых научени быша смирению, и кротости, и любви нелицемерной; с верою непорочною, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достизают не мудрости внешния,— поразумевати и луннаго течения,— но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы, и со ангелы сподоблятися славити бога; души их во благих водворяются, а телеса их на земли нетленни быша и есть. Виждь, гордоусец и альманашник, твои Платон и Пифагор: тако их же, яко свиней, вши съели, и память их с шумом погибе, гордости их и уподобления ради к богу. Многи же святии смирения ради и долготерпения от бога прославившася и по смерти обоготворени быша, понеже и телеса их являют в них живущую благодать господню, чюдесьми и знаменьми яко солнце повсюду сияют. Виждь, безумной зодийшик, свою богопротивную гордость, каковы плоды

приносите богу и творцу всех, Христу; токмо насыщатися, и упиватися, и баб блудить ваше дело. Прости — не судя глаголю, к слову прилучилося. Не ваше то дело, но бесовское научение. Плакати о вас подобает, а не ругати: понеже плоть от плоти нашея и кость от костей наших, тела нашего и уды отчасти. Увы, отцы и братия наша! Увы, чада и друзи! Увы, приятели и сродство! Уже бо разлучишася от святых зде и в будущем веце. Како о вас не плакать? Плачю, рече, яко взял вас живых диавол и не вем, где положити хощет: яве есть, сводит в преглубокий тартар и огню негасимому снедь устрояет. Посмотри-тко на рожу ту, на брюхо то, никонияи окаянный,— толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хощешь! Узка бо есть и тесен и прискорбен путь, вводяй в живот. Нужно бо есть царство небесное, и нужницы восхищают е, а не толстобрюхие. Воззри на святые иконы и виждь угодившия богу, како добрыя изуграфы подобие их описуют: лице, и руце и нозе, и вся чувства тончава и изможлала от поста, и труда, и всякия им находящия скорби. А вы ныне подобие их переменили, пишите таковых же, якоже вы сами: толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки, яко стульцы. И у кажного святаго,— спаси бог-су вас,— выправили вы у них морщины те, у бедных: сами оне в животе своем не догадались так сделать, как вы их учинили! Помните ли?— на сонмище той лукавой, пред патриархами теми вселенскими[4], говорите мне, Иларион и Павел[5]: «Аввакум милой, не упрямься, что ты на руских святых указываешь, глупы наши святые были и грамоте не умели, чему им верить!» Помните, чаю, не забыли,— как я бранить стал, а вы меня бить стали, Разумныи! Мудрены вы со дьяволом! Нечего рассужать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олтаре за афедрон хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелагатаи, другия немцы руския. Святых образы изменили и вся церковныя уставы и поступки: да еще бо християном милым не горько было! Он, мой бедной, мается шесть-ту дней на трудах, а в день воскресной прибежит во церковь помолити бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево — по латыне поют, плясавицы скоморошьи! Да еще бы в огонь християнин не шел! Сгорят-су все о Христе Исусе, а вас, собак, не послушают. Да и надобно так

правоверным всем: то наша и вечная похвала, что за Христа своего и святых отец предания сгореть, да и в будущем вечно живи будем. О Христе Исусе, господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком, аминь.

Из беседы восьмой

О Мелхиседеке

... Сей Мелхиседек сын царев[1], отец его именем Мелхил, мати Салима, брат Мелхил же. Отец же его любляше брата его Мелхила, а мати его любляше Мелхиседека. И восхоте отец его, Мелхиседека, на жертву богом принести; мати же плакаше о нем и глагола мужу своему: метнем жребия о чадех наших и по жребию на жертву богом возложим. И паде жребий на Мелхила, к пожрению сотвориша велие торжество, и инии чад своих с царевичем уготовиша на жертву великую. А скота, овец и быков и прочих, и масла, и круп числа нет. Все царство их снидеся на празднество се. Мелхиседек же отъиде в гору, в чащу леса, и моляшеся господу богу небесному с воплем крепким, да пожрет земля отца его и матерь, и брата, и всех, жертву творящих истуканным богом. Бог же с небесе услышав его молитву, повеле расступитися земле и пожре их и грады и царство все. Оста един Мелхиседек в горе, не имый отца и матери, ни причта роду, уподоблен сыну божию: напоследок господь наш воссия на земли от девы, не имый отца на земли, а на небеси без матери,— здесь без отца родися, а на небеси без матери; прежде век вечных из чрева от отца родися, не имать начала днем, ни животу конца, по чину Мелхиседекову[2] царь и священник пребывает во веки. Не якоже в Моисеове законе кровию козлию и тельчею жертвы приношахуся о гресех на всяк день, но единою Христос себя принесе в жертву отцу своему и освятив нас кровию своею и сыны света сотвори, и наследники царствию небесному. На што нам лутче тово? Сыны божия стали верующии во Христа!

А никонияна сыны дияволи: понеже не любят Христа и божественнаго его креста.

Сей Мелхиседек, живый в чащи леса того, в горе сей Фаворской, седмь лет ядый вершие древес, а вместо пития росу лизаше, прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, и пива с кордомоном, и медов малиновых, и вишневых, и белых розных крепких. Друг мой Иларион, архиепископ Рязанской![3] Видишь ли, как Мелхиседек жил? На вороных в каретах не тешился, ездя! Да еще был царские породы. А ты хто? Воспомяни-тко, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя на подушке, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу, по площади, чтобы черницы-ворухи унеятки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать! Недостоин суть век твой весь Макарьевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь, как на комарах тех стояно на молитве? Явно ослепил тебя диявол! Где ты ум-от дел? Столько добра и трудов погубил! На Павла митрополита что глядишь?[4] Тот не живал духовно — блинами все торговал да оладьями, да как учинился попенком, так по боярским дворам блюдолизить научился: не видал и не знает духовнаго тово жития. А ты, мила голова, нарочит бывал и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением тем в тебя бросали на Лыскове[5] том у мужика того, как я к тебе приезжал! А ныне уж содружился ты с бесами теми, мирно живешь, в карете с тобою же ездят и в соборную церковь и в Верх к царю под руки тебя водят, любим бо еси им. Как им тебя не любить? Столько христиан прижег и пригубил злым царю наговором, еще же и учением своим льстивым и пагубным многих неискусных во ад сведе! Никто же ин от властей, якоже ты, ухищрением басней своих и пронырством царя льстишь и люди божия губишь. Да воздаст ти господь по делом твоим в день страшного суда! Полно мне говорить. Хощу от вас ныне терпеть. Якоже образ нам даде Христос, терпя от жидов: тако и мы ныне от вас не стужаем,— терпим о Христе до смертнаго часа. Хощу и всех, да же постражут, якоже и мы, а мы якоже и Христос, от вас, новых жидов. Иларион! Не лгу веть я,— сердиты были и жиды те[6], якоже и вы: Исаию пророка пилою претерли; Иеремию в кал ввергли; Науфея камением побили; Захарии главу отрезали в церкве, якоже и вы меня, стригше в церкви, браду отрезали[7]; напоследок и самого сына божия убили, истинну им свидетельствующа;

архидиякона Стефана камением побили; Иякова, брата Иванова, мечем скончали. Да и много у них стряпни той было,— почтите токо. И вы не меньше их наклочили беды той, людей тех перегубили, мняся службу приносити богу. Мне сие гораздо любо: руская освятилася земля кровию мученическою. Не ленитеся, бедные, подвизайтеся гораздо, яко Махмет[8], подклоняйте под меч непокоряющихся в веру свою, да и по смерти своей, яко Ирод[9] древле, прикажите владык и старейшин галилейских на память кончины своея побить. Да пускай плачет Израиль, в день умертвия вашего поминая мертвыя своя [...].

[...] Я, братия моя, видал антихриста тово[10], собаку бешаную,— право, видал, да и сказать не знаю как. Некогда мне печальну бывшу и помышляющу, как приидет антихрист, враг последней, и коим образом, да сидя молитвы говоря, и забылся, понеже не могу стоять на ногах,— сидя молюся, окаянный. А се на поле на чистом много множество людей вижу. И подле меня некто стоит. Я ему говорю: «Чего людей много в собрании?» Он же отвеща: «Антихрист грядет; стой, не ужасайся». Я подперся посохом двоерогим своим, протопоповским[11], стал бодро: ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека,— плоть та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит. За ним царь наш последует и власти со множеством народа. Егда ко мне привели его, я на него закричал и посохом хощу его бить. Он же мне отвещал: «Что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми, сих во области держу». Да изговоря, пал предо мной, поклонился на землю. Я плюнул на него, да и очутился, а сам вздрогнул и поклонился господеви. Дурно сильно мне стало, ужасно, да нечево на то глядеть. Знаю я по писанию о Христе и без показания, скоро ему быть. А выблядков тех ево уже много, бешаных собак. Нас же да избавит от них Христос, сын божий, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове

Еже есть хощеши помилован быти — сам такожде милуй; хощеши почтен быти — почитай; хощеши ясти — иных корми; хощеши взять — иному давай. Се бо есть равенство, а по превосходному уму — себе желай хуждьшее, а искреннему лутьшее; себе желай меньшее, а искреннему большее. Богатому поклонись в пояс, а нищему в землю. Ударит тя кто по ланите — обрати ему и другую и, отшед, ему же поклонися. Чти отца твоего и матерь твою любезне и сердечне, яко ко святым, к стопам ног их главу приклоняй благоговейне, изведших тя от своея утробы; тебя ради утроба матерня болезнь претерпе, отец же, болезнуя о тебе, воздыханием и печалию снедаем всегда. Сего ради старость его поддержки, болезнь его уврачюй, гной его своима рукама обмой, ризы мягкие на плоть его возложи, седины его облобызай, пищею сладкою напитай и, отшед, поклонись, яко Иосиф Прекрасный отцу своему[1], не постыдеся Египта, державы своея. Також и матери твори, яко Соломан царь Вирсавию одесную престола своего устрои[2]. Аще ветха деньми — на руку своею поноси; чрез грязь на плещу принеси[3]; прежде ея напитай — потом сам вкуси; со гласом хваления главу свою к персям ея преклоняй и облобызай корень рождения своего. Воздохни о старости ея и, пад, поклонися родителю своему,— се бо есть благоприятно и любезно пред богом. Яко же бо ты отцу своему и матери сотворишь, такожде и тебе чада твоя сотворят, и в ню же меру мериши — возмерит ти ся. Еще же по плоти брата и сестру своих почитай; не рцы им грубо и досадительно ничто; ниже возносись на единородных своих; понеже единаго корене леторосли масличныя; едина утроба вас носи и единая ссаша сосца матери своея; из единых изыдоша ложесн; едино лоно матерне вас воспита, и руце ея равно строиша вас; единаче сердцем и утробою уязвляяся о вас и равною любовию прилежаше к вам. Воспоминайте, чада, между собою союз сея любви и равное к вам строение родителя своего; не возноситеся друг на друга и не преобижайте словом и делом, и помышлением единоутробных

своих, но меньшей брат к большему повиновение приноси; больший же о меньшем вседушне промышление твори.

[...] Разумеете ли силу любви? Не сию, глаголю, любовь, еже любит рачитель блудный рачительницу или пьяница пьяницу; тако же любятся тати с татями и мытарь с мытарем; ядят и пьют и друг друга, восхитя чюжая, с любовию да пиют. Ни, ни! — се бо есть пагубная, бесовская любовь. Истинная же любовь о господе бозе и спасе нашем, Исусе Христе; сия есть от трудов и пота лица своего. Алчна накорми; жадна напой; нага одежи; странна в дом свой введи; священство и иночество почитай, главу свою до земли им преклоняй; в темницу пришед, седящим упокоение сотвори; о вдовице и о сиром попекись; грешника на покаяние приведи; заповедь божию творити научи; должнаго искупи; обидимаго заступи; мимоходящему путь укажи и проводи и поклонись. И о всех и за вся молитвы богу приноси, о здравии и спасении всех православных христиан. Се бо есть сила любви. Аще время привлечет и пострадать брата ради, не оторцыся по Христову словеси.

Братия и чада моя о господе, богатии и убозии, мали и велицы, смиренныя и нищия, сирыя и вдовицы! Доидеже имамы время, попецемся о единородных своих душах и о домашных своих: муж о жене, жена о муже; отец о сыне, сын о отце; мати о дщери, тщи о матери; брат о сестре, сестра о брате. Не во тлю, молю вы, попечение творим, якоже неверии попечение творят о брашнех, и о ризах, и о чести настоящаго века сего: како сына ризами украсить, како тщерь веном, сиречь приданым, довольно наделить или пиршество ясно и светло сотворить или в дому храмы красныя и повапленныя воградить. Ни, ни, чада моя о господе! — се бо язическо есть, в вас же, Христовых учениках, не тако да буди, но пещися вам подобает: како сына и тщерь во благоразумие привести, како к любви божии привлещи, в православной вере утвердить, на милость и любовь к человеком научить, молитве и посту и иным добродетелем вразумить. Се бо есть благоприятно и любезно богу.

Ох, ох, безумия! не зрит внутрь души своея наготы и срамоты, яко вместо риз благодатных сквернавыми ризы оболчен и помазан блудною тиною, и вонею злосмрадною повит. И бес блудной в души на шее седит, кудри бедной расчесывает и ус расправливает посреде народа. Сильно хорош, и плюнуть не на ково. А прелюбодейца

белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны ниски, словеса гладки, вопросы тихи, ответы мяхки, приветы сладки, взгляды благочинны, шествие по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя. Как быть хороша — вторая египтяныня, Петерфийна жена, или Самсонова Диалида блядь[4]. Посмотри-тко, дурка, на душю свою, какова она красна. И ты, кудрявец, чосаная голова! Я отселе вижу в вас: гной и червие в душах ваших кипят; беси же вас злосмрадною водою кропят и ликовствуют в вас, яко в адовых темных жилищах, веселящеся. Вы же не чюете в себе зверей таковых, яко снедают вас ради беззаконныя сласти сея.

[...] Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже ритор и философ не может быть християнин.

[...] Аз есмь ни ритор, ни философ, дидаскалства и логофетства неискусен, простец человек и зело исполнен неведения. Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкам милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, сбираю и вам, питомником церковным, предлагаю,— пускай ядше, веселимся и живи будем. У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу, у Златоуста, у торговова человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил[5]. Набрав кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтеся, не мрите с голоду. Я опять побреду сбирать по окошкам, еще мне надают, добры до меня люди те,— помогают моей нищете. А я и паки вам, бедненьким, поделюсь, сколько бог дает. Не подобает скрывати данного нам таланта, да же не осудимся, яко и оный, обертев во убрус сребро господина своего и скрых в землю; за сие вверженн бысть во тьму кромешную, идеже плач и скрежет зубом, и зело прягут во огни негасимом. Не ленись того для, собака!

[...] Слышал еси милосердие божие, о друже, гладкая глава и учесаныя кудри, и ты, разумная, похотка гладкая, умазанное лице, добрая жена? Вонмите евангельским словесем, престаните поне при кончине от беззакония. Отдали есте юность диятволу: дайте поне старость богу,

дайте целомудрие творцу своему и содетелю-свету. Не таковый рачитель на смешение друг друга, якоже бог спасения и обращения вашего хощет. Покайтеся, прибегните ноне позде к нему, создателю своему свету! Ей, запоздали! Верите настоящему сему веку? Не быша ли прежде вас сильнии царие и князи, богатии и убози, малии и велиции? Где оне? Се видим, пожерты быша, всех поглоти смерть, всех увяди, всех истни! Воистину, быв яко не быв. Возри во гроб и виждь: где юность, где очи краснии и зрак наш? Вся изше, яко сено, и яко цвет отцвете, и яко трава посеченна бысть. Гной, червие, смрад лют, блудящая плоть бедная лежит, таже прак и без вести бысть. Где же душа прелюбодеевая? Во адовых темных жилищах, идеже несть света, но тма кромешная, идеже гроза неумолимая и лютии немилостиви приставницы, скрежет зубом и плач неутещимый. Ох мне, како избуду сих? Люто есть место и зело страшно, ужасает ми ся ум и трепещет ми душа, воспоминая сия. Помяните, чада, богатаго онаго[6], о нем же спас рече, како яко лев ревет за блудни своя, жгом негасимым огнем. Изо ада ко Аврааму рече: «Отче Аврааме, помилуй мя! Посли Лазаря, да омочит конец перста своего в воде и ухладит язык мой, яко стражю во пламене сем». Видите ли, како смири его мука? Издалеча Авраама и Лазаря видит! А прежде, у врат лежаща, пред глазы, не видал! Недосуг больше чесать кудрей стало! Там же здесь дурил, как и вы ныне дурите, забывше смерть. Кто молвит о добре, так и слушать не хотел,— заревет да закричит: «Не указывай,— не тебе за меня отвечать! Знай ты себя! не слушаю говори твоея! Как хощу, так живу!» А мазаное-то лицо защекочет, бутто и всегда добрая жена: «Бог судит!— напрасно оглашаешь! Я за тем не хожю,— право и не знаю тово!» Ох, бесчинница! Ворует, да и запирается! Беду на беду творит! А как бы: «Согрешила, прости, вперед престану!» — ино бы и бог простит, да и жила бы чинненко, плакався о первой той глупости. Ино диавол претит, а своя слабость престать не велит. Да еще огрызается, что сука, пред добрым человеком.

Ох, горе мне,— не хоцется говорить, да нужда влечет. Как вора не обличить, коли не кается! Я, окаянный, в Сибири зашел[7] сам со огнем: в храмине прелюбодей на прелюбодеице лежит. Вскочили. Я и говорю: «Что се творите! не по правилам грех содеваете!» И оне сопротиво мне: «Не осужай!» И аз паки им: «Не осужаю, а не потакаю». Прелюбодей мил ся деет и кланяется мне, еже бы

отпустил. А женщина та беду говорит: «Напраслину-де ты на меня наводишь, протопоп, и затеваешь небылицу! — брат-де он мне, и я-де с ним кое-што говорю». А сама портки подвязывает, — блудницы те там портки носят. И я говорю: «Враг божий! а то вещи обличают». И она смеется. Так мне горько стало, — согрешает, да еще не кается! Свел их в приказ воеводы. Те к тому делу милостивы, — смехом делают: мужика, постегав маленько, и отпустил, а ея мне ж под начал и отдал, смеючись. Прислал. Я под пол ея спрятал. Дни с три во тьме сидела на холоду, — заревела: «Государь-батюшко, Петрович! Согрешила пред богом и пред тобою! Виновата, — не буду так впредь делать! Прости меня, грешную!» Кричит ночью в правило, — мешает говорить. Я-су, перестал правило говорить, велел ея вынять и говорю ей: «Хочешь ли вина и пива?» И она дрожит и говорит: «Нет, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочик хлебца». И я ей говорю: «Разумей, чадо, — похотение-то блудное пища и питие рождает в человеке, и ума недостаток, и к богу презорство и бесстрашие: наедшися и напився пьяна, скачешь, яко юница, быков желаешь и, яко кошка, котов ищешь, смерть забывше». Потом дал ей чотки в руки, велел класть пред богом поклоны. Кланялася, кланялася, да и упала. Я пономарю шелепом приказал. Где-петь детца? Черт плотной на шею навязался! И плачю пред богом, а мучю. Помню, в правилех пишет: «прелюбодей и на Пасху без милости мучится». Началя много, да и отпустил. Она и паки за тот же промысел, сосуд сатанин.

Послание к верным

Послание к верным от него же, страдальца Христова, Аввакума, из Пустозерской темницы

Возлюблении мои, их же аз люблю воистинну, друзии мои о господе, раби господа вышняго, светы мои, имена ваша написаны на небеси! Еще ли вы живии, любящии Христа истиннаго, сына божия и бога, еще ли дышите?

Попустил им Христос, предал нас в руки враг. Уш-то аз, окаянный, достоин ранам быти сим. Жаль мне стада верных, влающихся и скитающихся в ветренном учении, во лжи человечестей, в коварстве льщения. Да что же делать? Токмо уповати на бога, рекшаго: «Не бойся, малое мое стадо, яко отец мой благоизволи дати вам царство небесное». Не сего дни так учинилось кораблю Христову влаятися, еже есть святей церкви, но помяни, что Златоуст говорит: «Многи волны и люто потопление, но не боимся погрязновения, на камени бо стоим. Аще каменю волны и приражаются, но в пены претворяются, камене же вредити не может, еже есть Христа».

Что же делать, братия моя любимая, потерпим со Христом, да слюбится нам, а они постыдятся. Горе им, бедным, будет в день судный, судия бо близ, при дверех, сотворити кончину веку сему суетному. Горе тому, кто не внимает о прелести последних времен! Зде есть терпение святых, иже соблюдают заповедь божию и веру Исусову, якоже Лествичник Иоанн пишет: «Аще не вкусиши горчицы и опреснока, не можеши свободитися фараона». Фараон есть диавол, а горчицы — топоры, и огнь, и висилицы.

А которыя на нас строят, на тех нечево винить: диавол тому виновен, а они были братия наша.

Станем бога ради добре, станем мужески, не предадим благоверия! Аще и яра зима, но сладок рай, аще и болезнено терпение, да блаженно восприятие. Отъята буди рука — да вечно ликовствуем, да такожде и нога — да во царствии веселимся, еще же и глава — да венцы увяземся. Аще и все тело предадут огневи, и мы, хлеб сладок, троице принесемся. Не убоимся, братие, от убивающих тело, души же не могущих убити, убоимся вторыя смерти, еже есть вечныя муки.

Братия моя зде со мною под спудом сидят, дважды языки резали и руки секли, а они и паки говорят по-прежнему, и языки таковы же выросли[1] божиею благодатию. Вот, не смеху ли достойно — диавольской умысел! — паче же слезам, не о нас, но о режущих. Горе им, яко в путь Каинов ходиша и в лесть Валаамову предашася! Спаси их, господи, ими же веси судьбами! Не вмени им за озлобление наше, пречистый владыко!

Милинькие мои! Аз сижу под спудом тем засыпан. Несть на мне ни нитки, токмо крест с гойтаном да в руках чотки — тем от бесов боронюся. Да что бог пришлет, и аз

то снем, а коли нет — ино и так добро. О Христе Исусе питайся наш брат, живой мертвец, воздыханием и слезами, донеле же душа в теле. А егда разлучится, ино и так добро: жив погребен.

Воистинну и на свободе люди те в нынешнее время равны с погребеными. Во всех концех земли ох и рыдание, и плач, и жалость, наипаче же любящим бога туга и навет сугубой: душевной и телесной.

Увы, камо ся дежем, прежде того осуждени и прежде вечных мук утомлени? Се ныне прибегаем во твое, владычице, теплое заступление, предстани нам в помощь и не закосни, всегосподствованная небесная царице, госпоже богомати, видя виждь озлобление людей сих, и умоли сына своего, света, да избавит нас сугубых бед и напастей, еже есть в нынешнем житии времени и в будущем.

Братия, свети мои! Простите мя, грешнаго, и помолитеся о мне, и вас бог простит и благословит, и наше грешное благословение да есть с вами неразлучно. Вас и жен ваших, и деток, и домашних всех целую целованием духовным о Христе и, пад, поклоняюся на плесны ног ваших, слезами помывая. Спаситеся, свети мои, от рода строптиваго сего и нас в молитвах своих поминайте, а мы вас должни.

Спаси бог за платки. По платку нам прислали закона ради отец нашых и веры ради Христовы.

Детей своих учите, бога ради для, неослабно страху божию, играть не велите. Ох, светы мои! Вся мимо идет, токмо душа — вещь непременна. Стойте в вере Христа, спасителя нашего, не ослабевайте душями своими. Паки мир вам всем и благословение, благодать господа нашего Исуса Христа, сына божия, с вами. Аминь.

Жаль их, бедных, от гнева погибающих. Побили наших, о Христе пострадавших, на висилицах и огнем пожгли. И в моем дому двоих повесили[2], и детей, было, приказали удавить[3], да, не вем како, увертелися у висилицы. А ныне и Соловки во осаде морят, пять лет не етчи[4]. Чюдно в новой той их вере родилося. Помилуй их, Христос, бедных! Потеряли, горюны Христа-бога, поработилися страстем сего века. Ждет их Христос ко обращению, да обратятся бедныя никониане, да как хотят! Мы чисти от них. Говорили мы им по своей силе, затем умрем о Христе Исусе, сыне божии. Не дорожи мне сим веком, не имам зде града но грядущаго взыскуем.

Совет святым отцем преподобным

Паки реку и паки возглаголю всем святым, живущим в Лиде и во Ассароне[1], еже есть в пустынях и горах скитающимся, отцем и братиям, богомольцам, о своем спасении и о недостатках мирских.

Вы бо есте вожи и дверь райския породы, скитаетеся посреде видимаго леса, душа же ваша витает в горнем Сионе. Вы есть ходатаи слепоте мирстей, омываете прозрение своими слезами, приводяще к свету святыя троица. Вы есте корабли, фарсийскаго исполнены злата[2], пловуще во пристанище тихим ветром. Вы есте необузданни кони, текуще ретящеся, превосходяще друг друга желанием красот небесных. Вы есте поущание ленивым; нашей братье; заблуждшим, столпи непоколебимии и утвержение вере. Вы есте камение избранное, на положеннем во главу углу камени себе наздасте. Вы есте слепым вожи и хромым хождение, прокаженным очищение, мертвым воздвижение, болящим исцеление. Молитва ваша, яко огнь, попаляяй дубровы и яко пламень, пожигаяй горы, тако и вы никониянския еретическия гнусныя уставы.

Милостив буди ми, господи! Даждь ми слово проглаголати подвиг святых твоих, им же не точен весь мир.

О возлюбленнии богом! О чета богоизбранная горняго Сиона! Кто не воспоет песнь богу, в разуме приемше ваш труд и подвиг! Ужаснися небо, и да подвижатся вся основания земная. Убойтеся вси, живущии на Гаваоне[3], противнии Исусу! Востече солнце от запада на полудне, зря Исусову победу[4], взыде праведное солнце от врагов римлян, ненавидящих его и изгнавших, и вселихся со святыми своими в тесных пустынных дебрях, и даст святым своим победу на новыя гаваониты. Изгнаша жиды Исуса Христа, божия сына, он же прошед, посреде их идяше, и прииде в гору, со ученики пребывая. Тако и никонияня изгнаша святых божиих от градов и сел, и весей. Они же, вселишася в горах, со ученики витают. О отцы святии, подобни бысте тверди небесней, на ней же сияет видимое солнце! В ваших же душах мысленное солнце, молитвами вашими просвещает весь мир. За молитв ваших не убоюся и я. Что сотворит ми человек духа никонияпска? Но креп-

ко и всенадежно упование имам, яко есть за мя ходатаи к богу. Отцы святии, духоносцы, кто вам подобен? разве лик апостольский и пророческий, и святителей, и преподобных, иже в посте просияша и на небесех пред владыкою сияют?

Чюдно, батюшки, извол божий и попущение велиару нас дьявол видимый мучит, а вас душевныя и телесныя страсти, и везде фараониты[5]. Да как от них избудем в тленнем телеси сем, со бесплотным брався? Батьки, а батьки, сказать ли вам? Я доведался, сказал мне дух святый: видимых тех врагов велено побеждать терпением от них и благодарением к богу, взирающе на распятаго нас ради, а невидимых тех постом и молитвою со слезами, и смирением, и любовию, между собою без ропоту живуще, душею и сердцем единем, нелицемерно и негневливо, не самолюбно. Брату пошедшу, отвори ему келью и затвори за ним сенцы. С пути приидет — встретя, поклонився на колену, целовавше. Сняв с него бремя и положа к месту, совлецы с него и котыгу, развесь мокрую на грядку, возложи на брата сухую. Та же на столец возложи хлеб и зелияницу против дней по уставу[6]. Аще прилучится, и с маслецом разрешите на радостях: два отца — два братца. Разве пост соборной, среда и пяток,— и вы ягодок или медку за любовь Христову положите, да и меня поминайте: я люблю мед-от. Та же от трапезы воставше и достойно благодарение богу воздавше, сытым брюхом седше, друг друга о вестях вопрошайте, любезно, не кичением говорите друг другу. Пришелец тем не величайся, яко был в Вавилоне[7], а домашней — не ставь свое велико, яко без него нагревал келью. Но грех ради наших вселилася в человеки ересь. Пыщится, надувается гневливой, един спросить гордится, а другий отвещать не хощет. Оба, яко сено, истлевают и, яко древо, червием изгрызаеми бывают. А и сами не знают, о чем мутятся. Мало им в глаза те сего света, и тьму ту желают [в] свою душу вложити.

Видите, отцы и братия, начальствуемии! Не бывайте подначальным, яко Каини, внимайте наказание бога самого ко Каину: пребывал на чести первенства, бывай брату прибежище и покров, и предстательство и держава, и обладай им, точию не бей, законопреступно не твори. Аще ученик не брежет о своей души, не брези о нем, но прилежи, кое же спаси его. Да слыши бога, о Каине промышляюща. Что убо по братоубийстве оном, егда рече бог «оставим его», прочее, кая в нем польза? «Содела

убийство, убил есть брата, преобиде моего наказания, неисцельно некое и не прощаемо заколение дерзну, толика и такова промышления восприим, и учительства и совета моего, но вся изверже от смысла своего, и нимало не послушав, да оставится убо, и отвержен будет», прочее. И ниже слову некоторому: «да сподобится от мене». Но ничто же таково бог не рече, ни содела, но и приходит к нему паки и исправляет человека.

И рече бог-господь: «Где есть Авель, брат твой?» Каин же отвеща: «Не веде»,— рече. Господь же не оставляет его, отметающася, но приводит и не хотяща к соделания исповеданию. И рече ко Каину: «Глас крове брата твоего вопиет ко мне», самая та вещь проповедует убийство. Что же убо той? «Больший грех мой, еже оставити ми сь, аще изгониши мя от земли и от лица твоего скрыюся». А еже глаголет, сице есть: большими убо согреших прощения и освещания, и еже оставити ми ся. (Попросту рещи: велик-де грех сотворил, нет мне прощения; нечево много говорить, пропал-де, да все тут.) Обаче, аще восхощеши отмстити о бывшем, всем предлежати хощу на убийство, иже от тебе пособия пуст быв.

Станем зде и рассудим о себе. Тако подобает прилежати о падшем брате наставнику, яко бог о Каине. Падшему же не подобает подобитися Каинову безумию, и не глаголати: «Больший грех мой, еже оставити ми ся, аще изгониши мя от земли, и от лица твоего скрыюся». Преводне рещи: аще-де мя запретишь, аз-де из кельи да и из пустыни от тебя, отца журливова, вон пойду. Не тако, не тако, нехорошо, неладно. Дуруешь, плут! Кайся, кайся, пади на ногу отцу: «Виноват, согрешил!» Ну и я за тебя ко отцу, «Прости, отче святый, господа ради прости! Заповедь твою презрел, преслушание сотворил, в грех впал, прости, отче святый, господа ради прости!» Кланяйся, дурачищо, не отчаивайся! Что в землю ту глядишь, что бык истурился? Ну, кайся, сказывай отцу тому, что тебе дьявол запретил? А то пророк Исаия, глава 43: «Глаголи ты беззакония своя первие, яко да оправдишись». Не бо просто рече пророк: «Глаголи ты беззакония своя», но что глаголи ты беззакония своя первее, сиречь: «Не жди обличающаго и оглаголующаго. Виждь, Каин не рече первее, но пождаваше обличен быти от бога, паче же и обличаем отметашеся, так же, как и ты упрямисься; неладно, миленькой, так, Каинович[8]. Сего ради и ин некий рече: «Праведний себе оглагольник в первословии есть».

Видишь ли, не ждати, яже от других обличения, но еже первее себя самому оглаголовати. Петр убо по отвержении оном лютом, понеже вскоре свой воспомяну грех, и никому же обличающу, глаголаше свое прегрешение и плакася горько, сице исправи отвержение оно, яко и первый быти апостолом сподобися и вселенней всей вручение быти ему. Так то и ты заплачь пред батюшком, да и ладно. Вижды, отче, а то о падении своем плачет, бедной. Прости ево бога ради! Разделим грех-от ево на части: мне часть, тебе часть, ему часть, а четвертую на бога положим. Он нас сильнее всех, истребляя свой пай, и наша испепелит. Ну-су, горюн, люби же отца тово нелицемерно и в заповедех и оправданиих его ходи беспорочно: ныне уж ты не Каинов, но Петрович, апостола перваго сын стал, а мне брат учинился. Каково то хорошо сделалося! Моли бога и о мне, грешнем, да же исправит мя, яко и тебя, зиждитель наш и господь.

Никонияне, а никонияне! Видите, видите, клокочюща и стонюща своего[9] [...]. Расслаблен бысть прежде смерти и прежде суда того осужден, и прежде бесконечных мук мучим. От отчаяния стужаем, зовый и глаголя, расслаблен при кончине: «Господие мои, отцы соловецкие, старцы, отродите ми да покаюся воровства своего, яко беззаконно содеял, отвергся християнския веры, играя, Христа распинал и панью богородицею сделал[10], и детину голоуса Богословом, и вашу соловецкую обитель под меч подклонил, до пяти сот братии и больши. Иных за ребра вешал, а иных во льду заморозил, и бояронь живых, засадя, уморил[11] в пятисаженных ямах. А иных пережег и перевешал, исповедников Христовых, бесчисленно много Господие мои, отрадите ми поне мало!» А изо рта и из носа и из ушей нежид течет[12], бытто из зарезаные коровы. И бумаги хлопчатые не могли напастися, затыкая ноздри и горло. Ну-су, никонияне, вы самовидцы над ним были, глядели, как наказание божие было за разрушение старыя християнския святыя нашея веры. Кричит, умирая: «Пощадите, пощадите!» А вы ево спрашивали: «Кому ты [...] молился?» И он вам сказывал: «Соловецкие старцы пилами трут мя и всяким оружием, велите войску отступить от монастыря их!» А в те дни уж посечены быша.

Ужаснись, небо, и вострепещи, земле, преславную тайну видя! Вам засвидетельствую, вам являю, будете ми свидетели во всей Иудеи и Самарии и даже до послед-

них земли. Никонияня не чювствуют, никонияня, яко свиньи, забрели в заходы, увязли в мотылах, не зрят гнева божия, на облацех восходяща. Огнь ни единыя лавки не оставил[13], вся перелизал, и собор было их на площади всех и с молитвою слизал, насилу в Кремль ушли. А не очхнутся в покаяние притти! Лепко-су больно антихристова та печать[14] — три те перстика, укрепила блядь сатонин сосуд, вся погибающая, умроша смертию второпервою, сиречь прежс мук вечных успуша сном, воздремашеся вси и спаху. Зрите, наши, огонь их не разбудит, мор их не приведе в чювство, меч на подклони главы их под руку вседержателя бога, пречистая богородица явлением своим не уцеломудри, святыя жены явишася и в разум не приведоша их. Аще и паки Христос приидет, пригвоздят, на Голгофе крест поставя, глаголемии християне. Милостив буди нам, господи, рабом своим повсюду, и не введи нас во искусы, но избави нас от лукавых, яко твое есть царство и сила, и слава ныне и в день века, аминь.

О трех исповедницах слово плачевное

Месяца ноября во вторый день сказание отчасти доблести, и мужестве, и изящном страдании, терпении свидетельство благоверныя княгини Феодосии Прокофьевны Морозовы и преподобномученицы; нареченныя во инокинях схимницы Феодоры[1]

О трех исповедницах слово плачевное

В лето... быша три исповедницы, жены — боляронн: глебовская жена Ивановича Морозова Феодосья Прокопьевна, во инокинях Феодора-схимница, и сестра ей бе, нарицаемая княгиня Урусова, Евдокея Прокопьевна, с ними же дворянская жена Акинфея Ивановича Данилова Мария Герасимовна. Беша бо Феодосья и Евдокея дщери мне духовныя, иместа бо от юности житие воздержное и на всяк день пение церковное и келейное правило.

Прилежаше бо Феодосья и книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостальских. Бысть же жена веселообразная и любовная.

Многими дньми со мною беседующе и рассуждающе о душевном спасении. От уст бо ея аз, грешный протопоп, яко меда насыщашеся. Глаголаше бо благообразная ко мне словеса утешительная, ношаше бо на себе тайно под ризами власяницу белых власов вязеную, безрукавую, да же не познают человецы внешнии. И, таящеся, глаголюще: «Не люблю я, батюшко, егда кто осмотрит на мне. Уразумела-де на мне сноха моя, Анна Ильична, борисовская жена Ивановича Морозова. И аз-де, батюшко, ту воласяницу искинула, да потаемне тое сделала. Благослови-де до смерти носить. Вдова-де я молодая после мужа своего, государя, осталася, пускай-де тело свое умучю постом, и жаждею и прочим оскорблением. И в девках-де, батюшко, любила богу молитися, кольми же во вдовах подобает прилежати о души, вещи бессмертней, вся-де века сего суета тленна и временна, преходит бо мир сей и слава его. Единаде мне печаль сын Иван Глебович молод бе, токмо лет в четырнатцеть; аще бы ево женила, тогда бы и, вся презрев, в тихое пристанище уклонилася». О свет моя, чево искала, то и получила от Христа!

Бысть же в дому ея имения на двесте тысящ или на полтретьи, и христианства за нею осмь тысящей, рабов и рабыней сто не одно, близость под царицею — в четвертых бояронях. Печаше бо ся о домовном рассуждении и о християнском исправлении, мало сна принимаше и на правило упражняшеся, прилежаше бо в нощи коленному преклонению. И слезы в молитве, яко струи, исхождаху изо очей ея. Пред очима человеческима ляжет почивати на перинах: мяхких под покрывалы драгоценными, тайно же снидет на рогозиницу и, мало уснув, по обычаю исправлявляше правило. В банях бо тело свое не парила, токмо месячную нужду омываше водою теплою. Ризы же ношаше в доми с заплатами и вшами исполнены, и пряслице прилежаще, нитки делая. Бывало, сижю с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать. И нитки — свои труды — почью по улицам побредет, да нищим дает. А иное рубах нашьет и делит. А иное денег мешок возьмет и роздаст сама, ходя по крестцам, треть бо имения своего нищим отдая. Подроб-

ну же добродетели ея недостанет ми лето повествовати, сосуд избранный видеша очи мои.

Егда же рассвирепела буря никонианская и сослали меня паки с Москвы на Мезень[2] во отоки акиянския[3], она же, Федосья, прилежаше о благочестии и бравшеся с еретики мужественне, собираше бо други моя тайно в келью к преждереченному нищему Феодоту Стефанову[4] и писавше выписки на ересь никонианскую, готовляше бо ожидающе собора праваго. И уразумевше бо сродники ея Ртищевы[5], и наустиша холопей ея воровским умыслом, и оклевещут ю ко царю. Царь же, лаская ея, присылал к ней ближних своих Иякима архимарита[6], патреарха нынешняго, развращая ея от правоверия. Она же глагола мужественно: «Аще-де и умру, не предам благоверия! Издетска бо обыкла почитать сына божия и богородицу, и слагаю персты по преданию святых отец и книги держю старыя, нововводная же ваши вся отмещу и проклинаю вся! Аще-де вера наша старая неправа суть, но яко же есть права и истинна, яко солнце на поднебесной блещашеся. Скажите царю Алексею: «Почто-де отец твой, царь Михайло так веровал, яко же и мы? Аще я достойна озлоблению,— извергни тело отцово из гроба и предай его, проклявше, псом на снедь. Я-де и тогда не послушаю». Посланницы же возвратишася вспять и поведавше царю, яже от нея слышавше. Он же повеле ей с двора не съезжать и отнял лутчие вотчины — две тысящи христиан. А холопи в приказе клевещут на ню, яко блудит и робят родит, и со осужденным Аввакумом водится. Он-де ея научил противитися царю.

Потом приехал в дом к ней сродник ея, Феодор Ртищев, шиш антихристов, и, лаская, глаголаше: «Сестрица, потешь царя тово и перекрестися тремя перстами, а втайне, как хощешь, так и твори[7]. И тогда отдаст царь холопей и вотчины твоя». Она же смалодушничала, обещалася трема персты перекреститися. Царь же на радостях повеле ей вся отдать[8]. Она же по приятии трех перст разболевся болезнию и дни с три бысть вне ума и расслабленна. Та же образумяся, прокляла паки ересь никонианскую и перекрестилась истинным святым сложением, и оздравела, и паки утвердилася крепче и перваго.

Та же паки меня с Мезени взяли[9], протопопа Аввакума. Аз же, приехав, отай с нею две нощи сидел, несытно говорили, како постражем за истинну, и аще и смерть

примем — друг друга не выдадим. Потом пришел я в церковь соборную и ста пред митрополитом Павликом[10], показуяся, яко самовольне на муку приидох. Феодосья же о мне моляшеся, да даст ми ся слово ко отверзению устом моим. Аз же за молитв ея пылко говорю, яко дивитися и ужасатися врагом божиим и нашим наветникам.

И так и сяк, сослали меня в Боровеск, в Пафнутьев монастырь[11]. Она же за мною прислала ми потребная. И, держав мя десять недель, паки возвратили в Москву. Она же со мною не видалась, но приказывала: «Ведаю-де я, хотят тебя остричь и проклинать. Обличай-де их с дерзновением. На соборище том-де я буду и сама». И я таки, бедной, за молитв ея столько напел, сколько было надобе. Потом сослали на Угрешу[12] меня за крепостию велиею. Она же и туде потребная присылаше ми. Потóм перевезли паки в Пафнутьев монастырь. Она же потребная присылаше ми и грамотки. Потом паки мя в Москву ввезли. Она же, яко Фекла[13] Павла ищущи, — увы мне, окаянному! — и обрете мя, притече во юзилище ко мне, и по многим времянам беседовахом. И иных с собою привождаше, утверждая на подвиги. И всех их исповедал во юзилище: ея и Евдокею, и Иванушка, и Анну, и Неонилу, и Феодора[14], и святаго комкания сподобил их. Она же в пять недель мало не всегда жила у меня, словом божиим укрепляяся. Иногда и обедали с Евдокеею со мною во юзилище, утешая меня, яко изверга.

Егда же я взят бысть палестинскими[15], и переселиша мя на горы Воробьевы с Лазарем и со старцем Епифанием[16], и бысть крепко там, и невозможно видеться. Она же умыслила чином, по-боярскому в коретах ездила, бытто смотрит пустыни Никоновы, и, назад поедучи, заехала на Воробьевы ко мне и, будучи против избы, где меня держат, из кореты кричит, едучи: «Благослови, благослови!» А сама бытто смеется, а слезы текут. Потом же так и сяк, ввезли мя паки в Москву на подворье Никольское[17]. Она же по много прихождаше ко вратом двора того и стрегущим воином моляшеся, насилу обрела такова сотника, яко пустил на двор ся. Она же, прибежав к окну моему, благодарит Христа, яко сподобил бог видетися, и денег мне на братью дала. Да паки, ко вратом приходя, плакивала. Да и только видания.

Потом меня в Пустоозерье свезли[18], и писанием возвещахуся. Она же после меня бродила по юзилищам,

идеже мучатся мученики. Потом тайно и постриглась, видевше, яко зверь ища конца ея.

Егда же время приспе, женскую немоць отложше, мужескую мудрость восприемще и на муки пошла, Христа ради мучитися. Зверь бо, яко лукавый лис, восхитил ю из дому и предал за приставство воинству, бесчестя и волоча на чепях, яко льва оковану. И сестру ея Евдокею и княгиню так же, мучиша обеих на чепях без милосердия[19]. К ним же последи присовокупиша и Марию Герасимовну, и бысть троица святая, непорочная.

По смотрению же божию скоро преставися Феодосьии сын единородный, Иван Глебович, и вся вотчины и домовная быша в разграблении. Она же вся, яко уметы, вменила ради сына божия. У Евдокеи же княгини преставися дочь во время ея мучения. И еще трое деточек осталося со отцем своим, с князь Петром Урусовым. Писала из своя темницы в темницу ко мне, зело о них печаловаше, еже бы во православии скончалися. Токмо воздыхает и охает: «Ох, батюшко, ох, свет мой! Помолись о детушках моих, ничтоже мя так, якоже дети, крушат. Помолися, свет! Помолися, батюшко!» Да тож, да тож одно говорит — целой столбец, и другая целой же столбец, и третья како же. Ковыряли руками своими последнее покаяние, и рукава прислали рабам своим от чепей с ошейников железом истертые, а с Марьины шеи полотенцо железное же. Аз же, яко дар освящен, восприях и облобызах, кадилом кадя, яко драго сокровище, покропляя слезами горькими.

Егда же оне быша в Москве, тогда и на соборище водили их[20]. Говорит мне: «В сей рубахе была, батюшко, на соборе я, и по многом прении последним запечатала: «Все-де вы еретики, власти, от перваго и до последняго! Разделите между собою глаголы моя!» Тако же и Евдокея и Мария, не яко жены, но яко мужие, обличиша безбожнаго июдеянина. И быша все три на пытке пытаны, и руки ломаны, Мария же и по хрепту биена бысть немилостиво. И приступи к ним, вопрошая, верной Ларион, Иванов сын[21]: «Еще ли веруете во Христа распятаго, и како персты слагаете, покажите ми!» Оне же едиными усты все трое исповедаху: «За отческое готовы умрети! Аще и умрем, не предадим благоверия! Отъята буди рука наша, да вечно ликовствует, такоже и нога, да по царствии веселится, аще же и глава, да венцы вечными увяземся, аще и все тело огню предашь, и мы хлеб сладок святей

троицы испечемся». Та же свезоша их в Боровеск на мое отечество[22], на место мученное, иде же святии мучатся, и устроиша. [...]

[...] звезда утренняя, зело рано воссияющая! Увы, увы, чада моя прелюбезная! Увы, други моя сердечная! Кто подобен вам на сем свете, разве в будущем святии ангели! Увы, светы мои, кому уподоблю вас? Подобни есте магниту каменю, влекущу к естеству своему всяко железное. Тако же и вы своим страданием влекуще всяку душу железную в древнее православие. Иссуше трава, и цвет ея отпаде, глагол же господень пребывает во веки. Увы мне, увы мне, печаль и радость моя осажденная, три каменя в небо церковное и на поднебесной блещащиеся! Аще телеса ваша и обесчещена, но душа ваша в лоне Авраама, и Исаака, и Иякова.

Увы мне, осиротевшему! Оставиша мя чада зверям на снедение! Молите милостиваго бога, да и меня не лишит части избранных своих! Увы, детоньки, скончавшияся в преисподних земли! Яко Давид вопию о Сауле царе: горы Гельвульския, пролиявшия кровь любимых моих, да не снидет на вас дождь, ниже излиется роса небесная, ниже воспоет на вас птица воздушная; яко пожерли телеса моих возлюбленных! Увы, светы мои, зерна пшеничная, зашедшия под землю, яко в весну прозябшия, на воскресение светло узрянцу вас! Кто даст главе моей воду и источник слез, да плачю другов моих?

Увы, увы, чада моя! Никтоже смеет испросити у никониян безбожных телеса ваша блаженная, бездушна, мертва, уязвенна, поношеньми стреляема, наче же в рогожи обреченна![23] Увы, увы, птенцы мои, вижю ваша уста безгласна! Целую вы, к себе приложивши, плачющи и облобызающи! Не терплю, чада, бездушных вас видети, очи ваши угаснувшии в дольних земли, их же прежде зрях, яко красны добротою сияюща, ныне же очи ваши смежены, и устне недвижимы.

Оле, чюдо! о преславное! Ужаснися небо, и да подвижатся основания земли! Се убо три юницы непорочныя в мертвых вменяются, и в бесчестном худом гробе полагаются, им же весь мир не точен бысть. Соберитеся, рустии сынове, соберитеся, девы и матери, рыдайте горце и плачите со мною вкупе другов моих соборным плачем и воскликнем ко господу: «Милостив буди нам, господи! Приими от нас отшедших к тебе сих души раб своих, пожерших телеса их псами колитвенными! Милостив

буди нам, господи! Упокой душа их в недрах Авраама, и Исаака, и Иякова! И учини духи их, иде же присещает свет лица твоего! Видя виждь, владыко, смерти их нужныя и напрасныя и безгодныя! Воздаждь врагом нашим по делом их и по лукавству начинания их! С пророком вопию: воздаждь воздаяние их им, разориши их, и не созиждеши их! Благословен буди, господи, во веки, аминь».

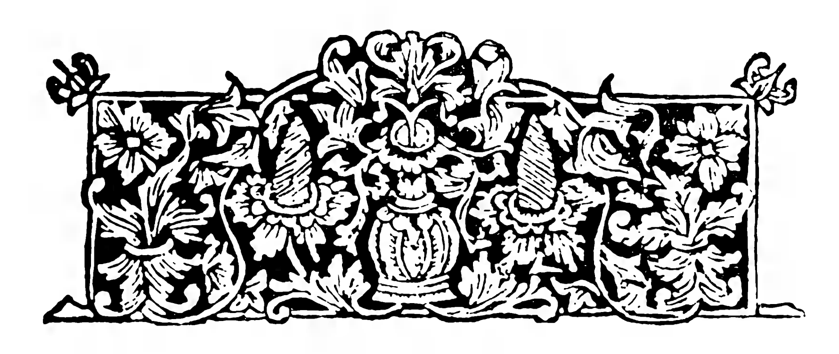
Послание Евдокии Урусовой к детям

К детям вообще

...Въ темнице сежю, аки во гробе, на смерть асужденна за имя божие и за святыхъ отецъ предание. Господи, дай ми слезы, да плачюся о гресехъ своихъ, и да плачюся и а розлучении со птенцами моими сироми. Охъ, светы мои, три птенцы сирыя, единоутробныя, не зритя вы мя въ темнице сидящую, аки во гробе, и не слышите моего гласа плачевнаго и рыдания слезнаго, и не преклоняетя главы своея къ персемъ моимъ, и не обымаете своима рукама меня, и не целуете своима устнама. Охъ, светы мои, три птенца сирыя и превозлюбленныя, радость ваша иза очию вашею котитца вонъ, и веселие ваше въ плачь претворяетца, и вместо радостного ликовствования постигаетъ васъ плачевное сетование. Охъ, светы мои, утробныя и возлюбленныя, вместо вамъ радости и веселие воспойте, светы мои, песни надгробныя и плачевныя, и представтя мя предъ очима своима во гробе, и представтя себя, аки у гроба моего; и зряшше мя во гробе мертву

и без дыхание лежащицу, возрыдайте и возплачитеся, светы мои: увы, наша мати родителница, уже мы не узримь лица твоего; уже и не приклонимъ главы своея къ персемъ твоимъ, уже бо ктому и не услышимъ про тебя; увы, наша мати родителница, кому насъ сирыхъ вручаешь и кому насъ сирыхъ оставляешь? X кому намъ сирымь приклонити главу свою сирую, кто попечетца нами сирыми, или кто нами сирыми поболезнуетъ, кто утешитъ горесть и печаль нашю сиротскую, и кто насъ сирыхъ утешитъ словомь ласковым: охъ, увы намь сирымь, остоваемься отъ тебя млады и сиры, света и живота нашего... Охъ, светы мои возлюбленныя, кто бы вамъ далъ голубине крыле, да летели бы ко мне и видели бы кончину мою, и видели бы, светы мои, разлучение съ теломъ души моея грешныя, и воздали бы мне последнея целование, и предали бы земле тело мое. Охъ, светы мои, уже не узрите кончины моей, и не дадите мне последнего целование, и не узрите розлучение съ теломъ души моея, и не предадите вы земле тело мое грешное. Простите мене, светы мои, простите же, мои светы возлюбленныя, да рыдаю и плачю у васъ, светы мои любезныя, и отъ горести сердца своего прошу и молю у васъ, светы мои любезныя, помилуйтя душу свою, не преступите вы заповеди божия и святыхъ отецъ предания и до конца, светы мои, пребуття въ нихъ. Охъ, мои любезныя, берегитеся вы отъ душевныя погибели, аки отъ огня или отъ лютаго змия, всячески берегитеся, любезныя мои, от погибели душевныя. Сами вы знаете, что погибель душевная, а чемь я безпрестани молю у васъ со слезами и рыданиемъ и горко плачю предъ вами со слезами неутешимоми. Охъ, светы мои, последнея вамъ воздаю рожденния и попечение, и болезнь свою матерню [...]. Охъ, светы мои, утеште вы меня во веки, дайте мне съ собою въ будущемъ возрадоватца.. Охъ, светы мои ненаглядныя; охъ, мои светы ненасмотреныя, не нарадовалася вами, светами, отлучена отъ васъ, световъ своихъ, на чюжу сторону. Охъ, светы мои, пойте вы сию песнь слезною и плачевною: увы, наша мати радителница; увы, наша поболительница; уже бо не узримъ лица твоего, понеже аспиды, и корасти львы, и рыси, и медведи, и лютые звери, тебя, живота нашего, живу восхитиша и растор-гоша, и отъ насъ отлучиша и за имя божия и за предание святыхъ отецъ. Пойте, светы мои, сию песнь плачевную. Охъ, светы, молю у васъ: поживите въ любви межу

себя и берегитя брата, светы мои, отъто всего, да чтите, светы мои, слово божие, да вселитца въ васъ страхъ божии; светы мои, молитеся часто богу, не ленитеся. Да молю у васъ, светы мои, любитя вы Анну[1] и бутте приятны къ ней; даброхотъ Анна вамъ, светы мои, хочетъ она вамъ всякого добра, что своей душе, слюбетца вамъ после слова ея, что ана васъ на добро учитъ; охъ, светы мои любезныя, истинно доброхотъ ана вамъ, любите вы и жалуйте ея. Не преслушейте во всемъ моего повеление, светы мои, и не преступите во всемъ моея заповеди, помните, светы мои любезныя. Прости меня, светы мои возлюбленныя, прости же, мои светы возлюбленныя, буди на васъ милость божия и мое благословения. Охъ, светы мои, не презрите моего моление во всемъ; берегитеся отъто всего, светы мои, отъ душевные погибели; охъ, светы мои, берегитеся. Поживите, светы, кротко и смиренно и богу угодно во всемъ. Простите, светы мои.



ОРАТОРСКИЕ СОЧИНЕНИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Слово в неделю 34-ю по сошествии святаго духа

Нскуснейший нравоучитель Иисусъ, сынъ Сираховъ[1], сицево родителемъ о воспитании чадъ въ своихъ пpемудрейшихъ писаниихъ устави увещание, слушатели православнии: «Конь неученъ свирепъ идетъ, и сынъ самовольный блудникъ будетъ». Накажи чадо, и удивитъ тя: не играй съ нимъ, да не сотворитъ ти печали. Не смейся съ нимъ, да не поболиши о немъ, и напоследокъ сотнеши си зубы. Не даждь ему власти въ юности: сокруши ребра его, дондеже младъ есть, еда како ожестевъ, не покориттися. Еже слово всячески есть праведно, и образомъ притчи нынешния отъ Христа господа оправдано. Се бо сынъ юнший, въ сластехъ и самовольстве воспитанный, аки конь довольно утучненный, ничесомуже наученный, разсвирепе и разгордеся, не восхоте подъ властию и правительствомъ отца си жити. Изузданъ же возжелевъ безчинствовати, отцу своему глаголаше: «Отче, даждь ми достойную часть имения». Отецъ же не сокру-

шивъ ребръ ему, даде власть въ юности, отдаде ему часть имения, да правитъ и строитъ, якоже весть и хощетъ. И бысть, якоже корабль безъ кормчия искуснаго на море свирепое отпущенный, скоро разбивается и вся сокровища, носимая съ собою погубляетъ; тако онъ, отпущенъ бывъ и плававъ по житейстемъ мори самовольно, ветры страстей и похотей носимъ, а не кормиломъ ума правимъ, нападе на камень соблазни и претыкания, впаде на места прудная, между пьяницы, блудники, блудницы и костыри и ту сокрушися корабль целомудрия его, и погуби все имение си от отца данное: расточи имение свое живый блудно. Емуже подобнии сынове занеже и днесь у многихъ родителей въ странахъ нашихъ обретаются, виною ненаказания родителей, безчинству вдающиися, и многу печаль со скорбию имъ приносящии.

Азъ о достодолжномъ воспитании чадъ беседу къ вашему благочестию имели во уме предложивъ, отца небеснаго молю о слово наставления полезнаго: вашу же любовь о прилежное глаголовъ моихъ внушение.

Велия добродетель есть любы, слушателие православнии, толико даже саму веру и надежду превосходити ей, по словеси богомудраго Павла: «Ныне же пребываютъ вера, надежда, любы,— три сия; болши же сихъ любы». [...] Любы долготерпитъ, милосердствуетъ, любы не завидитъ, любы не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своя си, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется о неправде, радуетжеся о истине: вся любитъ, всему веру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ: любы николиже отпадаетъ. Но вся сия истинна суть о любви духовной. Иная же изводства имать любовь плотская, ибо та ослепляетъ стяжатели си, по словеси гражданствующихъ, иже глаголютъ: слепая любы, емуже въ сердце ся влепитъ, того охромитъ или ослепитъ. Еже слово не ложно быти, самемъ искусомъ делъ и различными образы въ различныхъ санехъ утверждается и показуется. Та и въ супружестве, аще безчинно вкоренится излишествомъ, всячески на уме и мудрыя ослепляетъ. Кто въ царехъ рода израильска, паче же всего мира мудрей Соломона обретеся? — А того жены иноязычныя отвратиша от бога истиннаго ко лжебогомъ, отъ света ко тме, ко идоломъ, къ демономъ[2]. Коль же велия крепость есть царска? Обаче и цари любовь плотская женамъ порабощаетъ: и излиха срамно, якоже юноша царя Дария[3] повествуетъ: И ныне веруйте мне, не великъ ли есть царь во власти своей, не

вся ли страны не смеютъ осязати его? Видехъ бо Анаминъ щерь Вартака дивнаго, наложницу цареву, седящу близь царя одесную и отъемлющу диадиму отъ главы его и наставляющу на себе. И по ланите бияше царя отъ левыя руки, и свыше того, отворенныма устама зряше нни ню, и аще посмеется предъ нимъ, смеется и онъ; аще же разгневана будетъ на нь, утешаетъ ю, доңдеже глаголетъ съ нимъ! Оле любве плоти, крепкия, всесвязующия! Оле безстудия, умы мудрыхъ ослепляющаго! Кто подъ солнцемъ креплей Самсона обретенъ бысть? — А того единыя жены любовь связа и ослепи, первее на уме, таже и плотскима очима. Тысящи филистиновъ того надъ нимъ содеяти не могоша, что едина усне блудница: его же не связаша верви и ужи, того любы плоти пленника содея.

Точие вредоносна есть любы и родителей ко чадомъ, аще излишествуетъ. И якоже вино, мерно употребляемое, веселитъ и здравитъ,— безмерне паки пиемое разума лишаетъ и болезни бываетъ виновно; тако любы родителей къ чадомъ, аще есть по достойному, полезна есть и рождшыма и рожденнымъ. Аще же выше меры, и тема вредъ творитъ, и овымъ: овы въ развращение попущаетъ, тема же печаль и болезнь о развращении овехъ содеваетъ.

Пиитове утвориша басни о солнце[4], нарекоша его отца сыну Фаетону, и глаголютъ: яко Фаетонъ, видя отца си любве къ себе безмерную горячесть, дерзнулъ есть просити его, да дастъ ему на своей огненней колеснице и на быстротекущихъ конехъ, чрезъ единъ день токмо, ждениемъ утешитися. Отецъ, безмернемъ любве обдержимый, не отрече сыну просимаго. Но внегда вседъ Фаетонъ на колесницу, не седе коней правительствовати, тогда въ мале небесе и земли не сожже огнемъ отчимъ, за что Дий, небесе владетель, уби его молниинною стрелою и трупъ его съ небесе низвергль есть. Басни се есть пиитическая, но родителемъ въ наставление полезна, да не по всяку чадъ прошению сонзволение творитъ и да не попущаютъ имъ на конехъ самовольства, на колеснице богатствъ си безъ управитель еждения деяти, да не неискусна суще правления свирепыхъ коней воли своеа, огнем похотей и ярости на смертную казнь себя заслужатъ, или у града или у бога. Тако погибоста Офни и Финеесъ, сына великаго архиереа Илиа[5]: ибо пущена бывша отъ отца самовольно жити, много зла предъ богом твориста, но во единъ день богу отмщающу, мечемъ

врагъ погибоста. И отецъ, же, яко къ словесемъ увещания не прилагаше имъ жезла казни, не безъ отмщения скончася, ибо паде со седалища своего взнакъ, и сокрушися хребетъ его и умре тако. Се изводство ненаказания чадъ, и отцу и чадомъ смертная погибель.

Но откуду честныхъ родителей чада злонравие стяжутъ? — Повемъ вамъ истину, ради исправления: от материя ласкательства, отъ отчия ненаказания, отъ обою же пространновоспитания. Блажитъ мати малаго сына малу злобу, а злоба въ сердце, аки терние, корение си утверждаетъ, и сыну растущу, сорастетъ злоба паче. Егда же взрастетъ сынъ въ количество непреклонное, совозрастетъ злоба въ нравъ неискоренимый, и тогда исполнится оная притча: юноша по пути своему, аще и состареетъ, не отступитъ отъ него, ибо якоже сосудъ глинянъ, аще въ новости, некла напиется, никогда же измыется. Тако человекъ, сосудъ сый скуделенъ, въ юности нравъ восприятый хранить до смерти. Темъ же и господь люди израильския обличаше чрезъ Иеремиа пророка сице: «Аще можетъ пременити ефиоплянинъ кожу свою, или рысь пестроты своеа, и вы можете благотворити, понеже научистеся злу?» Подобне трудно есть злыхъ родителей чадомъ изменити злой нравъ и добрая глаголати: яко отъ неленъ родительма научаются злонравию и злословити. Не удобно трезвеннымъ имъ быти, занеже отъ детства упиватися попущаютъ. Не возможно чистымъ соблюстися, ибо въ младенстве си и видятъ и слышатъ, и творятъ нечистоту невозбранно. Оле злонравия! Оле богомерзскихъ налоговъ! Кто же за сия судъ приеметъ? Ей, якоже насадителемъ сада, вина приписуется кривины древесъ, яко не исправляху въ юности ихъ, и яко художникомъ нелепие причитается вещей, неискусно ими содеянныхъ. Тако родителемъ приписуется вина злонравия чадъ ихъ: и судъ примутъ, яко въ детстве научиша, или попустиша имъ злобе навыкати. Вы, православнии людие, да не приимете суда о злонравии чадъ вашихъ, тщитеся воспитывати я добре, хранящe сия вещи, нуждныя благовоспитанию.

Первая вещь есть жезлъ [...]. Чрезъ жезлъ, еже непослушныя наказания достойнаго не лишати [...].

Вторая вещь есть, еже детемъ злаго возбраняти общества, съ лукавыми дружитеся не попущати: ибо и Ева праматы, яко съ лукавымъ змиемъ беседоваше, его проклятыя научися гордости и восхоте равенство съ богомъ

въ раи, якоже онъ иногда въ небеси. Но яко той съ небесе низвержеся; тако Ева со Адамомъ, соизволившимъ ея совету, изгнася изъ рая... Темъ же пророкъ глаголетъ: «Со строптивыми развратишися», и Иисусъ Сираховъ повествуетъ: «Касаяся пекле очернится и общаяся гордому точенъ ему будет». Глаголетъ же пророкъ и сие: «Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, и со избраннымъ избранъ будеши». Но увы намъ, не толь удобне съ добрыми добримся, якоже съ лукавыми лукавимся. Имъ же убо образомъ недугъ вредоносный ближния повреждаетъ, а здравие отъ друга ко другу не преходитъ. Тако злии нравы тлядъ други, добрии паки не удобь ко другомъ преходятъ, се же за преклонность нашу къ злобе. Обаче съ добрыми общение да будетъ чадъ вашихъ. Ибо яко вшедшии въ мироварницу и тамо время некое пребывшии, исполняются ароматъ благовониемъ, и съ собою ту благую воню износятъ; тако общающиися благимъ, благостыни обучаются, или поне зла творити не навыкаютъ. И собеседующии мудрымъ умудряются, по глаголу приточника: «Ходяй съ премудрымъ премудръ будетъ».

Третия вещь есть, еже злаго по себе образа не являти чадомъ, ибо якоже пификъ, что видитъ человеки творящыя, абие то тщится деяти. Подобне чада, дела родителей своихъ видяще, подражателие имъ бываютъ. Блажени убо суть родителие, их же житие добродетельное есть чадомъ образъ благонравия, зерцало исправления и правило деяний благихъ. Окаяннии же суть рождшии, иже злобнымъ си житиемъ чада си соблазняютъ. Чадоубийцы наче суть сии человецы, нежели родителие, ибо хуждшее раждаютъ, а лучшее убиваютъ же — душу безсмертную, егда соблазняютъ чада си и греха ихъ виновницы бывающе [...]. [...] Да весте же, яко отецъ долженъ есть быти въ дому, аки солнце, мати же аки луна, чада, яко звезды [...]. Но увы намъ, яко солнце сие и луна множицею лишение света страждутъ, Луна убо чрезъ междувложение земли, еже есть жена чрезъ междувложение земных мудрований и страстей, влагающихся между ею и мужемъ. Солнце паки, чрезъ противоположение луны, сиречь мужъ, егда ему жена сопротивляется и пререкаетъ; и тако спона бываетъ, да светъ ко звездамъ не приходитъ. Светъ, глаголю, доброобразия и благочестнаго жития не изливается на чада. Паче же тма помрачаетъ я, егда домашняя разгласия золъ прописуютъ образъ; егда нрави родителей развратнии соблазнъ родятъ, чада же злобное житие

родителей подражаютъ. Ибо яко въ дому, присно дымнокурномъ, живущии удобь очерняются, тако злыхъ родителей образомъ чада удобь развращаются. Храните убо себе, родителие, от всякия злобы, да не будете помрачителие звездъ вашихъ, развратителие чадъ любезныхъ [...].

Четвертая вещь и последняя есть, еже родителемъ от младыхъ ногтей, отъ сосцу матерню страху божию обучати младенцы своя, да паче растутъ въ добродетели, нежели въ количество плоти [...]. Да обучаютъ дети своя или рукоделию некоему или иному честному коему упражнению: да не, во праздностве живуще, приобыкнуть злабамъ — праздность бо есть нитательница тымъ [...]. Сицевымъ образомъ аще воспитаете чада вашя, истиннии будете родителие ихъ, не точию телесемъ, но и душамъ. [...]

Перевод

Слово в неделю 34-ю после сошествия святого духа

Искусный правоучитель Иисус Сирах[1] в своих премудрейших писаниях так, о православные слушатели, наставлял родителей в воспитании детей: «Свиреп конь необъезженный, в заблуждения впадет сын своевольный. Держи в строгости отрока — и прославит он тебя. Не давай ему воли в юности: сокруши ребра его, пока молод он, потому что, повзрослев, он не покорится». Эти слова во всем справедливы и образом притчи настоящей Христом господом оправданы. Тот сын младший, в наслаждениях и самовольстве воспитанный, как конь, хорошо откормленный, но ничему не обученный, ожесточился и возгордился, не захотел жить под властью и покровительством отца. Разнузданно возжелав бесчинствовать, говорит он своему отцу: «Отец, дай полагающуюся мне часть имения!» Отец же не сокрушил ребер тому, кто своеволен был еще в юности, отдал ему часть богатства, чтобы свое хозяйство правил и строил, как знает и хочет. И случилось, как с кораблем, что выходит в бурное море без опытного кормчего, а

потому скоро разбивается и все сокровища с собою губит. Так и этот, самовольно пустившийся в плавание по житейскому морю, подхваченный ветром страстей и желаний, не направляемый кормилом ума, наскочил на скалу греха и соблазнов, сел на мель между пьяницами, развратниками, блудницами, игроками; здесь погиб корабль целомудрия его и пропало все богатство, от отца полученное, потерял все, что имел, живущий своевольно. Ему подобны те сыновья, что и сейчас у многих родителей в местах наших пребывают и в бесчинство впадают. Не наказанные вовремя родителями, много они им скорби и печали приносят.

Я же о достодолжном воспитании чад замыслил в уме своем беседу вашему благочестию предложить; молю отца небесного о слове наставления полезного, а ваше сердце — о прилежном моих слов послушании.

Великая добродетель — любовь, слушатели православные, даже веру и надежду превосходит она, по словам богомудрого Павла: «Ныне же пребывают вера, надежда, любовь — все три, но бо́льшая из них любовь. [...] Любовь долготерпелива и милосердна, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не замышляет злое, не радуется о неправде, но радуется истине, всех любит, всему верит, на все уповает, все терпит, любовь никогда не согрешает». Но все это справедливо только о любви духовной. Иные корни имеет любовь плотская, ибо она ослепляет подвластных ей. Праведники говорят: «Слепая любовь, кому войдет она в сердце, того сделает хромым или слепым». Что слова эти не ложны, то в опыте дел и по-разному в различных образах утверждается и доказывается. Так и в супружестве, если укоренится она непристойными излишествами, то ослепит даже рассудительных и мудрых. Кто из царей рода израильского, во всем мире кто мудрей Соломона найдется? А и его жены иноязычные отвратили от бога истинного, ко лжебогам обратили, от света ко тьме, к идолам, к демонам![2] Сколь велика сила царская? Но и царей любовь плотская женщинам подчиняет. Особенно позорно то, что юноша о царе Дарии повествует[3], потому подумаем вместе, действительно ли так велика власть этого царя и никто не смеет прикоснуться к нему? Видел ведь Апамин дочь Вартака дивного, наложницу царскую, сидела она справа близ царя, снимала диадему с головы его и на себя ее возлагала. И по лани-

там била она царя левой рукой, а он, несмотря на это, с раскрытым ртом смотрел на нее, и если она засмеется, смеялся и царь, если же она разгневается на него, то утешал ее, пока она не заговорит с ним! Ох, любви плотской, крепкой, всесвязующей! Ох, бесстыдству, ослепляющему ум мудрых! Кто под солнцем был сильней Самсона? А того любовь к женщине связала и ослепила, сначала ослепила ум, потом глаза. Тысячи филистимлян не смогли с ним сделать то, что совершила единственная блудница; кого не связали веревки и канаты, того плотская любовь пленником сделала.

Также вредоносна и чрезмерная любовь родителей к детям. Как вино, в меру выпитое, веселит и здоровье поправляет, а без меры — разума лишает и болезни причиною бывает, так и любовь родителей к детям полезна, только тогда родившим и рожденным, если она достойна. А без меры любовь вред творит и тем и этим: одних к разврату толкает, другим печаль и болезни из-за пороков детей приносит.

Поэты создали басню о солнце[4], которое нарекли они отцом Фаэтона. Так рассказывают: Фаэтон, зная о горячей любви к нему отца, дерзнул попросить его огненную колесницу, чтобы единственный раз насладиться ездой на быстроногих конях. Отец, одержимый безмерной любовью, не отказал сыну в его просьбе. Но когда сел Фаэтон на колесницу, не смог совладать он с конями, едва не сжег и небо и землю огнем отчим. И Дий — солнце, властитель неба, должен был убить его молнией и труп с небес низвергнуть. Хотя басня эта лишь вымысел поэтический, но полезна она родителям в наставленье, чтобы не на всякую детскую прихоть они разрешение давали, чтобы не потакали детям на конях самовольства, не разрешали ездить на колеснице богатства без должного умения. Свирепые кони своеволия, огонь похоти и страсти приведут их к смерти и для города и для бога. Так погибли Офни и Финес, сыновья великого архиерея Илии[5], ибо позволил им отец по своей воле жить. Много зла они пред богом сотворили, но в один день богу ответ дали, от меча врага погибнув. И отец их, который к словам увещеваний не прилагал наказующего жезла, за свои грехи наказан был — упал он навзничь с седла, и преломился хребет его, так и скончался. Это все причины ненаказания чад; в них отцу и детям смертная погибель.

Но отчего у честных родителей дети злонравными

бывают? Откроем вам истину ради исправления детей: от материнского ласкания, от отцовского ненаказания, от свободы в воспитании. Снисходительна мать к дурному в своем маленьком сыне, и пороки его в сердце корни пускают, как тернии прорастают; растет сын, но пороки его растут еще быстрее. Когда станет сын юношей непреклонным, превратятся пороки в нрав неискоренимый, и тогда исполнится названная притча: пойдет юноша по пути ложному, состарится, но не сойдет с пути того. Как сосуд глиняный, если новым в смоле измажется, то никогда не отмоется; так и человек, сосуд тот ничтожный, в юности воспринятые нравы сохраняет до смерти. Обличал господь людей израильских через пророка Иеремию: «Может ли ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои? Так и вы, можете ли делать доброе, привыкши делать злое?» Также трудно детям порочных родителей избавиться от злых нравов и свой язык сделать добрым, ведь с пелен от родителей дети научаются злонравию и злословию. Не привычно быть трезвым тому, кого с детства приучают упиваться; невозможно соблюсти себя в чистоте тому, кто с младенчества видел и слышал и делал плохое невозбранно. Ох, злонравия! Ох, богомерзкие тяготы! Кто же за это наказание приемлет? Если садовнику ставится в вину кривизна деревьев, потому что не исправил он их в молодости, если мастера обвиняют за уродство вещей, неискусно им сделанных, то и родители виновны в злонравии чад своих. Должны они ответ держать за то, чему в детстве детей научили, за то, что позволили им порокам предаться. И пусть не будет над вами суда за злонравия детей ваших, о, православные люди, старайтесь воспитывать их добро, соблюдайте те правила, которые нужны для хорошего воспитания.

Первое правило — наказание [...] Не следует лишать непослушного достойного наказания палкой [...].

Второе правило в том, чтобы оберегать детей от дурного общества, не позволять им дружить с коварными. Ибо и Ева, праматерь, когда беседовала с лукавым змием, заразилась его проклятой гордостью, захотела быть равной богу в раю, подобной ему в небе. Но как тот коварный обманщик низвержен был с неба, так и Ева с Адамом, последовавшим ее совету, изгнаны были из рая... О том же пророк сказал: «Со строптивыми развратишься!» И Иисус Сирахов повествует: «Прикоснувшийся к саже станет черным, общающийся с гордым ему подобен будет». Глаго-

лет же пророк и следующее: «С добродетельными добродетелен станешь, а с лучшими — лучшим». Но увы нам, мы не столь легко с добрыми добримся, как с лукавыми лукавимся. Таким же образом недуг вредоносный ближних заражает, а здоровье от одного к другому не переходит. Злые нравы растлевают многих, добрые же не так просто другим передаются. И все это за приверженность нашу к порокам. Пусть только с добродетельными будет общение детей ваших! Ибо как тот, кто вошел в мирроварницу и пробыл там некоторое время, сам пропитывается ароматом, с собою уносит благоухание, так, общаясь с хорошими людьми, дети доброте обучаются или, по крайней мере, зла творить не привыкают. Беседующие с мудрым умудряются, по слову приточника: «Кто общается с мудрым, сам мудрым станет».

Третье правило в том, чтобы не подавать дурного примера детям. Как обезьяна, все, что видит, то и стремится повторить, так и дети подражают делам родителей своих. Достойны похвалы родители, чья жизнь добродетельная образцом благонравия детям служит, зеркалом исправления, правилом деяний славных. Прокляты пусть будут те родившие, которые порочной жизнью своей детей во грехи вводят. Детоубийцы эти люди, а не родители, ибо худшее в детях они пробуждают, а лучшее убивают — бессмертную душу, и соблазняют детей, грехов их виновниками бывают [...]. Знайте, что отец должен быть в дому, как солнце, мать — как луна, дети — как звезды [...]. Но увы нам, потому что солнце это и луна многократно затемняются. Луна — оттого, что на пути света встает земля, то есть жена — оттого, что между нею и мужем встают суетные помыслы и страсти. Солнце — от противоположения луны, то есть муж — когда ему жена сопротивляется и пререкает. Когда такие препятствия бывают, то свет к звездам не доходит. Свет, повторяю, доброго примера и благочестивой жизни не изливается на чад. И более того, тьма омрачает их, когда семейные разногласия указывают дурной пример, когда нравы развратных родителей порождают пороки, дети же греховной жизни родителей подражают. Живущие в дому, всегда дымнокурном, легко загрязняются, а дети примером недобрых родителей легко развращаются. Оберегайте себя, родители, от всяких пороков, чтобы не быть вам помрачителями звезд ваших, развратителями детей любимых [...].

Четвертое и последнее правило в том, что следует роди-

телям от младых ногтей, от соска матери, обучать младенцев своих страху божию, чтобы увеличивались в них добродетели, а не количество плоти [...]. Обучать детей следует или рукоделию некоему, или другому честному мастерству, чтобы они, живя в праздности, не привыкли к порокам, ибо безделье — источник зла [...]. Если воспитаете так детей ваших, то истинными родителями будете вы не только телам, но и душам детским. [...]

Слово о суеверии или суечестии

Богъ и человекъ совершенный Христосъ господь, низшедый съ небесе на землю, на дело свое и на делание села мира сего до вечера смерти, всеприлежно в немъ трудися, слушателие православнии, тяжаше оно безпрестанньымъ си со ученики от града во градъ, и от веси во весь хождениемъ. Посея на немъ доброе семя учения, чистую пшеницу веры православно-кафолическия; и врачи церкве ниву рабомъ своимъ, первее апостоломъ, по нихъ же архиереомъ и иереомъ. Егда же успуша апостоли сномъ смерти телесныя, тогда наипаче врагъ Христовъ и всея церкве, лукавый демонъ, видя благихъ семенъ благий возрастъ по вселенней завистию снеяния, и ненавистию благости одержимъ сый, всея плевелы ересей богомерзскихъ, и не престаетъ сеяти до ныне, идеже видитъ архиереи и иереи спящыя нерадениемъ и леностию. Сеетъ же на нивахъ душъ нашихъ плевелы греховъ безчисленныхъ, сеетъ на нихъ во мнозехъ человецехъ и богопротивное суеверие [...].

Кия же суть плевелы суеверия? — Многи суть, но ныне о техъ точию имамъ глаголати, господу поспешествующу, яже бываютъ, егда кто случаи некия имать за знамения будущихъ, и егда кто деетъ что или глаголетъ неполезное, и от церкве неприятное, веру прилагая недостойнымъ веры.

Сицево есть по единому от премудрых учитель суеве-

рие, всякое узловязание и врачевство лекарственною хитростию отреченное. Аще же во шептахъ или напеваниихъ, аще въ характирахъ некиихъ или писаниихъ, аще въ завещении некихъ вещей, и вязании или во скакании, еже не ради действия телесъ, но во знаменования тайныя или явныя бываетъ. Таково есть суеверие костей струтионовыхъ на перстехъ привязание, и егда икающу ти глаголется: еже десницею шуйцы персть первый держати. Симъ припрязаются тысящы суетнейшихъ хранений, егда некии от удъ возскачется. И аще купно ходящымъ другомъ, камень или песъ или детищъ посредствовати прилучится, и убо то, яко камень попирают, аки растерзателя дружества. Менше досадно есть, нежели ово, яко невинна детища в ланиту ударяютъ. Инии же и пса бити обыкоша, но многажды не без отмщения, ибо от суетнаго врачества временемъ скоро онъ биицу ко праведному врачю посылаетъ.

Сицева суть суеверия, егда кто преходя домъ свои, прагъ наступаетъ, и егда обувающуся кихнути прилучится, то къ постели возвращается, и аще исходя из дому преткнется, то въ домъ возвращается. И егда мыши снедятъ ризу, то паче будущаго ждетъ зла, нежели настоящия тщеты жалеетъ. Суеверие есть, и от дне рождения благоденствие кому или злоключение прорицати. Суеверие есть священныхъ словесъ или и простыхъ, не имущихъ вины естественныя, ни преестественныя надъ скотомъ употреблятн во уздравление его. Суетно есть, от всякихъ болезней хартий некихъ прицепление, дуновение же и словесъ некихъ глаголание. Суеверия видъ есть, чудесемъ неправеднымъ или небывшымъ въскоре и кроме сведетелствъ веру яти, проповедати же словомъ или писаниемъ. Нечестие же, мощи иныя вместо святыхъ или вещь ину вместо мощей святыхъ подлагати. Суеверие есть, егда что прорицается от писания во утпню: от сретения волка или заяца, от сретения инока или жены. Еже златоустый учитель гаждая къ людемъ антиохийскимъ, глаголетъ сице: «Гордость сатанина суть позорища, ристалища и всякий грехъ, и блюдение дний, прознаменования и прорицания». [...]

Ниже помышляеши, коликъ смехъ, колико пеление, паче же колико бедство, имамъ ли рещи и ино смешнее: стыждуся убо и усрамляюся, но нужда ми есть спасения ради вашего глаголати. Аще девицу, глаголетъ, срящеши, безплоденъ день будетъ; аще же блудницу,— получный

благий и многа купледействия полный. Сокрытеся, отрясите чело и къ земли преклоните! Не ныне же егда глаголются словеса, но внегда делесемъ бывати. Зри убо, како и зде диаволъ лесть сокры, да кроткия отвращаемся, безсрамную же приятну имамы и любимъ. Зане бо слыша Христа, глаголюща: «Всякъ, иже возритъ на жену, ко еже вожделети ея, уже прелюбодействова с нею», и виде многи похотениемъ побеждатися, хотя паки инымъ путемъ во грехъ я вогнати, чрезъ сие блюдение, на блудныя жены любезне очеса обращати увещаетъ. Что же бы кому возглаголати о техъ, иже чародействъ и вязаний употребляютъ, и объвязующих златыми Александра Македонскаго цатами главы или ноги. [...]

Доселе словеса Златоустаго. Емуже и мы стражие нивъ душъ вашихъ подражающе, молимъ вы братие и умилно просимъ, да чисти будете от прелестей сицевыхъ, да всякое суеверие отложше, единымъ словомъ божиимъ, яко жезломъ утвержаетеся. То̀ точию во употреблении держаще, что писание священное повелеваетъ или что обычай похвальный от предания святыхъ отецъ держитъ. А предания поганская, деяния бесовская, богу мерзская, демономъ приятная, ангеломъ ненавистная, диаволом любезная, душамъ же вашимъ пагубная, всячески отсецайте! [...]

Есть обычай богомерзский во странахъ нашихъ российскихъ, во градехъ же, в селехъ и в весехъ, еже виселицы некия поставляти, именуемыя просте рели, на них же малии и велиции обыкоша колыхатися съ великимъ бедствомъ здравия своего, многажды с лишениемъ живота, а всегда со грехомъ. Ибо то древле идолослужителие во честь лжебогомъ своимъ творяху, а мы тожде содеваемъ. Аки боги ихъ знающе и чтуще, еже есть богопротивно, а демону угодно. Усты истиннаго бога исповедуемъ, делы же отмещемся его, яко идолочестие творимъ. [...]

Второй обычай во христианехъ поганский есть нелепое плясание и скакание со скверпословнымъ припеваниемъ. Сицевыи христиане вправду могли бы по деломъ нарещися Иродиадиане, яко Иродиадину дщерь подражают, оную скверную плясавицу, обезглавления святаго Иоанна Предтечи плясаниемъ виновницу[1] [...]. Оле мзды гордаго ступания! Оле воздаяния плясания дщерей сионскихъ! Еже вы слышаще, братие, не пляшите, не скачите въ день веселия вашего июдейски, но духовне ликуйте христи-

аиски, да от Христа бога благословение получите, а не сицевых удостоитеся казней!

Третий злый нравъ обретается въ православныхъ, яко въ навечерие праздника рождества святаго Иоанна Предтечи, поганскимъ обычаемъ огнь возгнещаютъ, скачютъ же и нарицаютъ то свое торжество купало. Еже от древнихъ поганъ бо честь боговъ ихъ вообычаися, якоже сведетелствуетъ летописецъ Матфей Стриковский[2]. Идеже и о колысках, именуемыхъ рели, поминаетъ. Въ той же день нецыи невежды толико безумствуютъ, яко и о велицемъ светиле небесномъ суеверие хранити имъ сицево: Преводятъ всю нощь во безсонии и стрегутъ восходяща солнца, еже узревше, баснословятъ играти е, скачюще из места на место и в различныя цветы изменятися. Оле безумия! Оле суеверия! Откуду сие играние солнца прияша? Въ писаниихъ священныхъ не обретается, въ преданиихъ отецъ святыхъ не прияхомъ, философови и звездословцы того не знаютъ; а невегласи и слышатъ другъ от друга и видятъ очима своима! Что же видятъ? Воистину то: яко пияну сущу человеку, вся видятся колесообразно вращатися. За умножение паръ от пития излишняго во главу восходящихъ, аще вся стоятъ неподвижно. И яко едина вещь пианому удвояется и утрояется во очию его, а не въ себе самой, тако темъ солнцезрителемъ. Егда излишне присмотрятся солнцу от великаго действа лучесъ его, зрение повредится, ибо излишне чувствуемое вредитъ чувство. И того ради видится скакати и изменятися в шарехъ, аще ни скачетъ, ни изменяется. К тому можетъ и демонъ за таково ихъ суеверие прелщения ради и прочихъ къ суеверию, сотворити изменение во очесехъ ихъ, или на воздусе, а не въ солнце, то бо выну течеть постоянно, то всегда идетъ неизменно, яко женихъ, исходяй от чертога своего. Возрадуется, аки исполинъ тещи путь, от начатка небесъ исходъ его и сретение его до конца небесъ, и несть иже укрыется теплоты его.

В той же день собираютъ нецыи некия травы и гадательствуютъ о нихъ, яко аще обнощь едину во цвете своемъ развинутся, то гадания благополучное сбытие обещаютъ себе. Аще же не развинутся, то сетуютъ, надеющеся злоключения. Еже божиимъ попущениемъ за суеверие ихъ, а демонимъ действомъ прелщения ради иногда и сбытися можетъ. По вере ихъ бываетъ имъ. Суть и ина многа суеверна, богу мерзская, христианомъ неприличная, разуму противная, грехъ наносящая, а множицею и вечно душу погубляющая [...].

Сия слышаще, братие, якоже при святомъ крещении отрекохомся сатаны и всехъ делъ его и всехъ аггелъ его и всехъ служебъ его, и всего студа его. Тако и ныне отрецимся самаго сатаны, яко богопротивника, всехъ лукавыхъ деяний, яко делъ его, всехъ чародеевъ и волхвовъ, яко аггелъ его, всехъ волшебствъ, колыханий, скаканий, плясаний, яко служебъ его, всехъ суеверий, яко студа его. Исплевимъ из пшеницы веры и делъ христианскихъ на нивахъ душъ нашихъ, плевелы сия скаредныя, куколь вредный, да во время жатвы ничтоже въ насъ обрящется достойно исторжения; но да чистую имущу въ сосудехъ сердецъ нашихъ благодеянии пшеницу, сами яко сосуди честнии возмемся, въ домъ царя небеснаго, еже тамо въ чести и во славе жити, во безконечныя веки вековъ. Аминь.

Перевод

Бог и человек совершенный Христос господь, пшешедший с небес на землю для подвига своего, и для совершенства людей мира сего, всеприлежно трудился до вечера смерти, отягчая труд свой, слушатели православные, беспрестанным хождением с учениками из города в город, из деревни в деревню. Посеял он доброе семя учения, чистую пшеницу веры православно-кафолической, поставил врачей церковных на ниву рабов своих: апостолов, за ними архиереев и иереев. Когда уснули апостолы сном смерти телесной, тогда злейший враг Христа и всей церкви коварный демон, увидев, что добрые семена проросли во вселенной и на зависть ему вступили в пору спеяния, начал сеять плевелы ересей богомерзких. Одержимый ненавистью к благости, не перестает он сеять и доныне там, где видит архиереев и иереев, спящих сном нерадения и лености. Сеет он на нивах душ наших плевелы грехов бесчисленных, сеет на них во многих людях и богопротивное суеверие [...].

Какие же плевелы суеверия? Много их, но ныне только о тех хочу побеседовать, господу помогая, которые бывают, когда случаи некоторые принимают за знамения

будущего, когда делают и говорят неполезное и для церкви неприятное, доверяя тем, кто недостоин веры.

Таким суеверием, по свидетельству одного из премудрых учителей, является всякое узловязание и предсказание исхода болезни, что отвергается настоящим врачебным искусством. Суеверие в нашептываниях и наговорах, в образах некиих и в записках, в завещании определенных вещей, в обвязывании веревкой или в скакании, которое делают не просто ради движения, но с целью выведать тайное, узнать, что скрывается за явным. Суеверие — и привязывание к пальцу кости страуса, и то, как говорят, что во время икания следует держать правой рукой первый палец левой руки. К этому присоединяются еще тысячи пустейших примет, если что случается с какой-нибудь из частей тела. А если между двумя друзьями, идущими рядом, окажется камень или пес, или дитя, то и это считают дурным знаком: камень пинают, чтобы не разрушил дружбу, а невинного ребенка по щекам бьют; не менее досадно это. Некоторые стараются и пса ударить, но за это часто наказаны бывают: животное отвращает драчуна от предсказаний и лжеврачеваний,— к настоящему врачу посылает.

Суеверие и в том, если человек, проходя мимо своего дома, на порог наступает, а если чихнет, когда обувается, то к постели возвращается. А если мыши портят одежду, то больше печалятся потому, что считают это знаком беды в будущем, а не горюют о настоящей потере. Суеверие — по дню рождения предсказывать человеку то, что его ожидает — благоденствие или злоключения. Суеверие — произносить над скотиной для излечения ее какие-либо слова: священные или простые, или не имеющие никакого смысла. Суеверие — от всяких болезней носить некие пергамены или лечиться нашептыванием, дуновением, наговором. Вид суеверия — без достоверных свидетельств верить в чудеса неправедные и несовершавшиеся и о том писать и словом проповедовать [...]. Бесчестие в том, чтобы вместо мощей святых подставлять иные мощи и вещи другие. Суеверие, когда предсказывается что-то от написанного тайно: например, что бывает от встречи волка или зайца, от встречи монаха или женщины. Еще златоустый учитель, порицая жителей антиохийских, говорил так: «Дерзость сатанинская в зрелищах, состязаниях, во всяких грехах, и в соблюдении дней, и в пророчествах и предсказаниях». [...]

И не помышляете вы, сколько в том насмешек, сколько нелепостей, сколько опасностей; есть о чем нам сказать, что и того смешнее! Стыжусь и усрамляюсь, но есть нужда мне ради вашего спасения обо всем этом говорить. Ведь считают, что если девицу встретить, то бесплоден день будет, если блудницу — полный благ и выгоды торговой полный. Уйдите, отрясите чело и к земле его преклоните! И не только тогда, когда говорю я эти слова, но всегда, когда сами поступок подобный совершаете. Посмотрите, ведь и здесь дьявол коварство свое спрятал: от кроткой девицы мы отворачиваемся, а бесстыдную блудницу считаем для себя приятной, с любовью глядим на нее. Знаете вы слова Христа, сказавшего: «Всякий, кто воззрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействует с нею». Многие из вас и так похотью побеждены, а дьявол и других захотел в этот грех ввести через приметы, которые заставляют обращать любезные взгляды на блудных жен. А что сказать о тех, кто чародейство и привязки употребляют, кто покрывает свои головы и ноги золотыми украшениями с образом Александра Македонского! [...]

Доселе слова Златоустого были. Ему и мы подражаем, стражи нивы душ ваших, и молим вас, братья, умильно просим, чтобы очистились вы от обманов дьявольских, отбросили всякое суеверие, укрепили себя единым словом божиим, опершись на него, как на жезл. И только тому следовали бы, что велит священное писание, держались бы обычаев похвальных от преданий святых отцов. А учения поганые, деяния бесовские, богомерзкие, демону приятные, ангелам ненавистные, дьяволу любезные, душам вашим пагубные, всячески отсекайте! [...]

Есть обычай богомерзкий в странах наших российских: в городах и в селах, и в деревнях. Ставят некие виселицы, называемые просто качели, на них и малые и великие привыкают качаться с большой опасностью для здоровья своего, часто и жизни лишаясь, и всегда с грехом. То, что в древности идолослужители в честь своих лжебогов делали, мы и сейчас совершаем. Их боги знали и почитали то, что нашему богу противно, а демону угодно. Уста наши истинного бога исповедуют, а от дел его мы отстраняемся, словно воздаем почести идолам языческим. [...]

Среди христиан и второй обычай поганский есть — нелепое плясание и скакание со сквернословным припеванием. Такие христиане и вправду по делам своим могли бы называться Иродиадиными последователями,

ибо дочери Ирода подражают они, той бесчестной плясунье, из-за пляски которой обезглавлен был Иоанн Предтеча[1]. [...] Ох, награда гордого выступания! Ох, воздаяния за пляски дочерей сионских! Если вы слышите, братья, не пляшите, не скачите по-иудейски в день веселия вашего, но духовно ликуйте по-христиански, и получите вы благословение от Христа-бога и избежите вы наказаний.

Третий греховный навык встречается у православных в навечерие праздника рождества святого Иоанна Предтечи. По языческим обычаям, возжигают люди огонь, скачут через него и называют свое торжество «купало». От древних язычников идут привычки так воздавать почести богам, свидетельствует летописец Матфей Стрийковский[2]. Он и о качелях, называемых «рели», вспоминает. В тот день некии невежды столь безумствуют, что и о великом светиле небесном — солнце хранят такое суеверие: проводят они ночь всю без сна, стерегут восход солнца, а когда увидят его, то басни слагают о том, что солнце играет и скачет с места на место и в различные цвета окрашивается. Ох, безумие! Ох, суеверие! Откуда взяли они, что солнце играет? В писаниях священных этого не сказано, в преданиях отцов святых этого не принято, философы и астрономы этого не знают, а невежды и слышат друг от друга и своими глазами видят! Что же они видят? Воистину вот что: когда пьян бывает человек, то он видит, будто все вокруг него вращается колесообразно. От давления пара, поднявшегося в голову его из-за питья неумеренного, видит он это, хотя все стоит неподвижно. И как одна вещь двоится и троится в глазах у пьяного, а не сама по себе, так кажется тому солнцезрителю. Когда слишком пристально присмотришься к солнцу, то от великого действия его лучей зрение повреждается, ибо излишнее чувствование вредит восприятию. И из-за этого кажется, что солнце изменяется и скачет, а на самом деле оно и не скачет и не изменяется. К тому же может и демон обмана ради и для обращения других к суеверию за такое суеверие сотворить изменения в очах этих людей или в воздухе, но не в солнце, оно всегда постоянно, всегда неизменно, как жених, выходящий из чертога своего. Возрадуется, как исполин, пускаясь в путь, в начале небес восход его, и идет оно до конца небес, никто не укроется от лучей его.

В тот же день собирают некоторые определенные травы и гадают на них. Если в ночное время один из

цветов раскроется, то считают, что гадание благополучно сбудется, а если не распустится, то печалятся, ожидая злоключений. Оно иногда сбывается по божиему позволению за суеверия их и при содействии демона ради обмана их. По их вере и случается. Есть и многие другие суеверия, богу омерзительные, для христиан неприличные, разуму противные, в грех вводящие, а иногда и навечно душу погубляющие [...].

Все это услышав, братья, вспомните, как при святом крещении отрекались вы от сатаны и от всех дел его, и от всех ангелов его, и всех служб его, и всего постыдства его. Так и сейчас отречемся от самого сатаны — как от богопротивника, от всех лукавых деяний — как от дел его, от всех чародеев и волхвов — как от ангелов его; всех волшебств, колыханий, скаканий, плясаний — как от служб его; всех суеверий — как от стыда его. Искореним из пшеницы веры и дел христианских плевелы те гнусные, сорняки вредные на нивах душ наших, чтобы во время жатвы ничего не осталось в нас, достойное исторжения, чтобы чистую имели мы в сосудах сердец наших благодеяний пшеницу и сами, как сосуды честные, в дом царя небесного поднимемся да поживем там в славе и в чести, в бесконечные веки веков. Аминь.

Слово о взыскании премудрости

Слово в день рождества Христова, от лица святейших патриарх, Паисиа Александрийскаго и Макариа Антиохийскаго, о взыскании премудрости божественныя

... Се коликая, о православнии людие, премудрости изводства, полза и приобретение. Вы же оставивше греческии языкъ, и небрегуще о нем, от него же имеете просвещение ваше въ вере православной, оставили есте и мудрость и аки оземствовасте ю. Страннии роди и противнии вере православной на западе обитающии, греческий

языкъ яко светилник держатъ ради мудрости его и училища его назидают [...].

Ниже отрицайтеся неимениемъ училищъ. Ибо, аще взыщете, дасть превечныя мудрость до сердца благочестиваго самодержца таково хотение, еже училища построити, и учители стяжати в семъ царствующемъ богоспасаемом граде Москве.

О твоей паки богомъ дарованной ревности, благочестивейший, тишайший, самодержавнейший государю царю и великий княже, Алексий Михайловичь, всея великия, и малыя, и белыя России самодержче, вемы то, яко теплый еси рачитель премудрости: видимъ тя подобна Соломону в любителстве ея. Тем же и дарова тебе господь по желанию сердца твоего, еже вся разумно и премудро делати, строити и правити. Точию о семъ твои царский пресветлый престолъ умоляемъ: да якоже солнце, месяцъ, звезды, планиты, и всю поднебесную освещаетъ, тако и ты солнце сый России, даромъ премудрости свыше тебе дарованымъ, вся тебе подрученныя осветиши. Положи от ныне в сердце твоемъ, еже училища, тако греческая, яко славенская, и иная назидати, спудеовъ милостию си, и благостию умножати, учители благоискусныя взыскати, всехъ же честми на трудолюбие поощряти. То абие узриши многи учения тщатели, а в мале времени примешни дасть богъ плодъ стократный и полныя рукояти от сихъ семенъ [...].

Перевод

Слово в день рождества Христова, от лица святейших патриархов, Паисия Александрийского и Макария Антиохийского, о взыскании премудрости божественной

...Сколько, о православные люди, от премудрости помощи, пользы и богатства! Вы же забыли греческий язык и не заботитесь об изучении его, хотя просвещение в вере православной вы от него имеете. Оставили вы и мудрость и как бы изгнали ее. Чужестранные народы и противники веры православной, на западе обитающие, греческий язык,

как светильник, держат из-за мудрости его и училища строят [...].

Не оправдывайтесь неимением училищ, ибо, если захотите, войдет превечная мудрость в сердце благочестивого самодержца, даст ему желание возводить училища и учителей собрать в нашем царствующем богоспасаемом городе Москве.

О твоей богом дарованной ревности, благочестивейший, тишайший, самодержавнейший государь-царь и великий князь Алексей Михайлович, всей великой и малой и белой России самодержец, знаем мы, теплый ты рачитель премудрости, подобен Соломону ты в любви к ней. Потому и даровал тебе господь по желанию сердца твоего умение все разумно и премудро делать, строить и всем управлять. Только о том твой царский пресветлый престол умоляем: как солнце месяц, звезды, планеты и все поднебесье освещает, так и ты, солнце всей России, освети даром премудрости своей, свыше тебе дарованным, всех подвластных тебе. Положи отныне в сердце своем начать создавать училища как греческие, так и славянские и иные, ученых милостями, благодеяниями умножать, учителей умелых привлекать, всех почестями на трудолюбие поощрять. Тогда немедленно увидишь ты ко многим учениям прилежных и старательных и скоро примешь богоданный плод просвещения стократный и полные снопы от семян, посеянных тобой [...].

Комментарии

Памятники красноречия Древней Руси вошли в состав многих хрестоматий и антологий[1], но отдельно сборники древнерусских «слов» и поучений в советское время не публиковались. Поэтому при отборе произведений для настоящего издания мы стремились прежде всего познакомить читателя с наиболее яркими образцами древнерусского ораторского искусства XI—XVII вв., показать их связь с политической и культурной жизнью Русского государства, широту их тематики, отражающую круг интересов средневековых авторов, многообразие жанровых форм. К сожалению, многие замечательные ораторские произведения Древней Руси остались за пределами этой небольшой по объему книги. С некоторыми из них читатель сможет познакомиться по «Памятникам литературы Древней Руси», другие существуют только в составе рукописных и старопечатных сборников и пока недоступны для всех, интересующихся нашей древней литературой. Но и по настоящему неполному изданию читатель сможет составить впечатление об идейных и художественных особенностях красноречия Древней Руси, оценить глубину и актуальность мысли, литературное мастерство ораторов и писателей XI—XVII вв.

Все тексты в книге сгруппированы в четыре раздела, причем первый раздел («Красноречие Киевской Руси и периода «ратей многих» — нашествия татаро-монгол (XI — конец XIV вв.)»), второй («Красноречие эпохи становления Московского государства (XV—XVII вв.)») и четвертый («Ораторское наследие «бунташного века» русской истории (XVII век)») объединяют произведения, созданные в определенные исторические периоды с XI по XVII в. Третий раздел, который мы назвали «Душеполезное лекарство», включает древнерусские поучения против пьянства, чревоугодия, лени, болтливости, тщеславия и прочих «греховных помыслов» и поступков, возникавшие и широко распространявшиеся в русской письменности с XII и до XVII в. включительно.

Бо́льшая часть публикуемых в настоящем издании текстов дается в сокращениях.

Почти все произведения Древней Руси сопровождаются переводами на современный русский язык. Лишь «слова» Аввакума Петрова и «Послание к детям» Евдокии Урусовой (XVII в.) печатаются без переводов с объяснением непонятных слов и выражений в комментариях, а также в словаре древнерусских слов, помещенном в конце книги.

Древнерусские тексты передаются обычным шрифтом с заменой

[1] Рекомендуем вниманию читателя последнее, еще не завершенное издание: Памятники литературы Древней Руси.— М.: Худ. лит.: XI — начало XII в. (1978), XII в. (1980), XIII в. (1981), XIV — середина XV в. (1981), вторая половина XV в. (1982), конец XV — первая половина XVI в. (1984), середина XVI в. (1985).

недостающих в современном алфавите букв: *i* заменяется и, *ять* — е, *фита* — ф, *кси* — кс, *пси* — пс, *омега* — о, *йотованные аз* и *юс малый* — я, *йотованное есть* — е, *юс большой* — у. Пунктуация дана в соответствии с современными правилами. Сокращения в текстах обозначены отточиями и заключены в квадратные скобки. Даты в переводе на современное летоисчисление заключены тоже в квадратные скобки.

Красноречие Киевской Руси и периода «ратей многих» — нашествия татаро-монгол (XI — конец XIV века)

ИЗ «ИЗБОРНИКА» 1076 ГОДА

«Изборник» был составлен во время княжения в Киеве сына Ярослава Мудрого Святослава «изъ мъногъ книгъ княжиих» — т. е. из различных церковно-учительных сборников, хранящихся в библиотеке киевских князей. Это своеобразная хрестоматия правоучительного чтения, в нее включены отрывки из сочинений известных византийских писателей и ораторов, выписки из житий, патериков, сборников изречений и т. д. Наряду с переводными произведениями составитель «Изборника» «грешьныйї Иоан» включил и некоторые статьи славянского происхождения, две из которых мы публикуем по изданию: Изборник 1076 года.— М.: Наука, 1965.— С. 151—158, 198—206: «Слово о чтении книг» и «Наставление богатым» — памятники учительного красноречия, дошедшие до нас в списке XI в.

Слово о чтении книг

Это своего рода предисловие ко всему «Изборнику». «Слово» перекликается со знаменитой «Похвалой книгам», записанной под 1037 годом в древнейшей летописи «Повести временных лет». Восторженное и одновременно серьезное отношение к «мудрости книжной» свидетельствует о том, что в XI—XII вв. книги уже глубоко вошли в быт и сознание людей. Но вместе с тем чтение было делом еще новым, непривычным, поэтому в «Слове» содержатся практические советы, как следует читать книги, чтобы лучше осмыслить то, что написано в них.

[1] *Василий* Великий — византийский оратор и писатель (328—378). *Иоанн Златоуст* — епископ г. Константинополя в 398—404 гг., умер в 404 г., один из идеологов восточнохристианской церкви, талантливый оратор и писатель. На Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя. *Константин Философ* — славянский про-

светитель, монашеское имя *Кирилл* (ок. 827—869). Вместе со своим братом Мефодием создал славянскую азбуку и перевел на славянский язык несколько богослужебных книг.

Наставление богатым

Обращено к людям, занимающим высокое положение на иерархической феодальной лестнице, вероятно, и к самому князю Святославу Ярославичу. В краткой афористической форме автор излагает свои мысли о том, как подобает вести себя знатному христианину, подчеркивает ответственность «богатых» за судьбы подвластных им людей перед обществом и перед самим собой, ибо «только тот истинный властелин, кто умеет владеть собой и не служит своим страстям».

[1] Смысл фразы проясняется при сравнении ее со следующими выражениями из древнерусского сборника «Пчела»: «Как вороны прилетают и выклевывают глаза мертвецов, так и льстецы, обступив, отнимают богатство безумных».

Лука Жидята. Поучение к братии

Прозвище автора поучения, новгородского проповедника Луки — Жидята, вероятно, следует толковать как уменьшительное от новгородского имени Жданъ, хотя в научной литературе на этот счет есть и другие мнения (см.: Евсеев И. Е. Поучение Луки Жидяты, архиепископа Новгородского.//Памятники древнерусской церковно-учительной литературы.— Спб., 1894.— Вып. I.— С. 18—19). О Луке известно по летописям немного: «В лето 6544 [1036]... иде Ярослав Новугороду и посади сына своего Володимера Новегороде, епископа постави Жидяту». Претендентом на новгородское епископство был грек Ефрем, но, очевидно, его кандидатура не устраивала киевского князя, и на епископской кафедре утвердился Лука. В 1055 г. Лука был оклеветан слугой своим Дудикою перед Киевским митрополитом, вызван на суд в Киев, провел там в заточении три года, затем был оправдан и отпущен в Новгород. «В лето 6567 [1059] — пишет летописец,— преставися епископ новгородский Лука.., и бысть во епископии 23 лета».

Поучение обращено к новгородцам и содержит краткие наставления в «азах» новой веры, осуждает «бесовские» пристрастия прихожан. Этот древнейший памятник доносит до нас противоречия эпохи двоеверия, когда старые языческие воззрения мешали исполнять требования христианского культа.

Поучение Луки Жидяты встречается в большом количестве

списков в составе летописных сводов и четьих сборников. Печатается по списку XVI в., опубликованному С. Бугославским: Поучение еп. Луки Жидяты по рукописям XV—XVII вв.//Известия Отделения русского языка и словесности имп. АН.— Спб., 1913.— Т. 18.— Кн. 2.— С. 222—226.

Иларион. Слово о Законе и Благодати

Списки «Слова» не сохранили нам имени автора, но, несмотря на это, исследователи не сомневаются, что оно принадлежит именно Илариону — «презвитеру» церкви в селе Берестове (летней резиденции князя Ярослава Мудрого), ставшего в 1051 г. первым митрополитом из русских. Такую уверенность ученым дает не только цепь логических умозаключений, но и сравнительный анализ содержания и поэтики «Слова» со следующим за ним в одном из списков «Исповеданием веры», подписанным Иларионом, Киевским митрополитом. Кроме того, идейная и стилистическая близость обнаруживается между «Словом» и отдельными сказаниями в древнейших русских летописных сводах, в составлении которых мог также принимать участие Иларион — «мужъ благъ, книженъ и постникъ».

Время создания «Слова» можно определить достаточно точно: 1037—1050 гг., так как Иларион упоминает о церкви Благовещения, построенной в 1037 г., как о живой говорит о жене Ярослава Ирине, скончавшейся в 1050 г. Следовательно, «Слово» было написано еще до принятия Иларионом сана митрополита.

Для древнерусских и славянских книжников произведение это послужило источником многочисленных подражаний, образцом высокого изложения мыслей, что и определило его популярность и на Руси, и в южнославянских странах, и на Афоне. Современным ученым известно более 50 списков «Слова». Современное лингвистическое исследование и издание этого памятника осуществлено А. М. Молдованом в книге: «Слово о Законе и Благодати» Илариона» (Киев: Наукова думка, 1984).

Настоящее издание подготовлено по списку середины XV в., хранящемуся в Государственном Историческом музее (далее ГИМ), Синодальное собрание, № 591, лл. 168—195.

[1] *Закон* — т. е. Ветхий завет, по библейскому преданию, начертанный на скрижалях (каменных плитах) самим богом и переданный Моисею на Синайской горе для «племени Авраама»; вера, замкнутая в одном народе. Закон ассоциируется также с временами язычества. *Благодать* — Новый завет, вера, распространившаяся среди многих народов. Благодать противопоставляется Закону как более высокая ступень в развитии человеческого общества. Этот,

казалось бы, чисто богословский тезис нужен Илариону для того, чтобы в дальнейшем обосновать с помощью «Писания» независимость Руси в вопросах веры, показать ее равноправие с другими христианскими странами.

[2] Автор имеет в виду, очевидно, сочинения византийских и южнославянских писателей на темы библейских книг. Свое «слово» Иларион ставит наравне с этими толкованиями, что говорит не только об эрудиции автора, но и о его литературном тщеславии, гордости, нежелании повторять то, что уже сказали до него другие. Такое отношение к своему труду было нетипично для средневекового писателя.

[3] В этом месте в рукописи на полях добавлено: рабыня Агарь и свободная Сарра. Имена использованы как символы Закона и Благодати — рабства и свободы.

[4] Суть библейской притчи об Аврааме и Сарре такова: жене ветхозаветного патриарха Авраама Сарре богом было предназначено родить только в старости. Сарра, зная о своем бесплодии, дала Аврааму в жены служанку Агарь, и та родила ему сына Измаила. Пришло время, явился Аврааму и Сарре сам бог в лице трех ангелов, и совершилось чудо: девяностолетняя Сарра зачала и родила сына Исаака. Когда Исаак вырос, устроил Авраам великий пир. И увидела Сарра, что сын Агари насмехается над Исааком, тогда решила она изгнать Агарь с сыном ее. К этим образам-символам Ветхого завета Иларион предлагает несколько параллелей из сюжетов Нового завета. Символические параллели настраивали читателя на поиски их глубинного, тайного смысла.

[5] «Укрепление» Благодати связывается с началом проповеднической деятельности Иисуса Христа после его крещения в возрасте 30 лет в реке Иордан.

[6] *Иорданская река* — символ крещения, распространения христианства среди «новых» народов. Таким «новым» народом, по мысли Илариона, и являются киевляне.

[7] *Телец* — символ искупительной жертвы.

[8] Имеется в виду обряд причащения.

[9] Ученики Христа, посланные им в разные страны для распространения его учения.

[10] *Эфес* — один из городов Малой Азии, *Патмос* — остров в Эгейском море.

[11] О завоевательных походах Владимира против славянских, литовских, тюркских племен рассказывается в «Повести временных лет» под 981, 985, 988, 992 и другими годами.

[12] В XI—XIII в. для русских князей были обычны два имени: христианское и мирское. *Василий* — христианское имя Владимира Святославича.

[13] Здесь: в значении рай, обиталище бога.

[14] В этих словах выражена одна из идей христианского вероучения, по которой истинным христианином признается лишь тот, кто безоговорочно принимает на веру догматы церкви.

[15] *Даниил* (библ.) — ему приписывается авторство одной из библейских книг.

[16] На I Вселенском соборе в малоазийском городе Никее в 325 г. были определены основы христианского вероучения. В заседаниях собора принимал участие византийский император Константин I.

[17] Княгиня Ольга и внук ее Владимир Святославич сделали для Киевской Руси то же, что византийский император Константин I и его мать Елена, при которых христианство стало официальной религией в Византии.

[18] «Повесть временных лет» рассказывает, что в 989 г. Владимиром Святославичем была заложена церковь Богородицы, для строительства и украшения которой были приглашены греческие мастера. Церковь получила название Десятинной, так как Владимир завещал ей десятую часть всех богатств. Рухнула во время нашествия Батыя.

[19] *Георгий* — христианское имя Ярослава Мудрого. При жизни Владимира отношения между отцом и сыном были весьма сложными: Ярослав, княживший в Новгороде, не хочет платить дань Киеву, собирает войско и решается выступить против отца; Владимир умирает, собираясь в поход на сына. Эта вражда оказалась, с точки зрения Илариона, несущественной перед величием государственных задач, которые ясно осознавали и отец и сын.

[20] Библейский царь *Соломон* завершает строительство храма в Иерусалиме, начатое его отцом *Давидом.*

[21] Имеется в виду собор Софии Киевской, построенный Ярославом Мудрым и сохранившийся до сих пор. София в переводе с греческого — мудрость. Прославляя Софию Киевскую, Иларион внушает читателям мысль, что Киев становится соперником столицы Византии города Константинополя с его святыней — храмом св. Софии, а Киевская Русь выдвигается в число могущественных государств Европы.

[22] Надвратная церковь Благовещения над главными (Золотыми) воротами Киева. Сохранилась в руинах.

[23] Тема благовещения недвусмысленно перенесена на строительство оборонительных сооружений вокруг Киева, а приветствие архангела Гавриила Богородице переадресовано Киеву. Так Иларион подчеркивает «богоугодность» строительной деятельности Ярослава.

[24] *Ирина* — христианское имя жены Ярослава Мудрого Ингигерды, дочери шведского короля Олафа.

ПОУЧЕНИЯ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО

Феодосий Печерский известен и как замечательный писатель XI в., и как герой знаменитого сочинения Нестора «Житие Феодосия Печерского», вошедшего в состав «Киево-Печерского патерика». Будучи игуменом крупнейшего монастыря Киевской Руси, Феодосий часто обращался с речами, посланиями к князьям, боярам, простому народу, монахам. Учителем Феодосия в ораторском искусстве был Федор Студит — византийский писатель VIII—IX вв., у которого Феодосий заимствует краткую и безыскусственную форму своих обращений. Поучения Феодосия имели характер назидательного разговора, частной беседы и отличались особой задушевностью. Но оратор мог быть и очень строгим, если поведение его подопечных заслуживало порицания. Невзирая на лица, обличая пороки простых людей и «сильных мира сего», критически оценивая поступки князей, сам автор предстает перед нами в своих сочинениях человеком сильным и смелым, для которого забота о благе родины, о нравственной жизни — его кровное дело.

Достоверно известно, что Феодосию принадлежит одиннадцать сочинений, хотя, возможно, их было значительно больше. Три наиболее интересных в идейном и художественном отношении поучения Феодосия публикуются в настоящем издании. «Слово о вере христианской и о латинской» отражает политическую и религиозную борьбу второй половины XI в. «Слово» написано не ранее весны 1069 г., когда князь Изяслав привел поляков в Киев, и не позднее 3 мая 1074 года — дня смерти Феодосия. «Слово о вере...» печатается по списку конца XIV – начала XV в. (ГПБ., Кирилло-Белозерское собрание, № 4/1081, Паисиевский сборник, лл. 23 об.— 28 об.), опубликованному И. П. Ереминым в издании: Литературное наследие Феодосия Печерского.— ТОДРЛ.— Т. V.— М.; Л., 1947.— С. 170—173. Два поучения «к братии» печатаются по списку XV в. (ГБЛ, ф. 256, № 406, лл. 103—116 об.), тоже по изданию И. П. Еремина, с. 175—178.

Слово о вере христианской и латинской

[1] Охваченный обличительным пафосом, Феодосий мешает небылицы с обрядовыми и догматическими разногласиями между католиками и православными.

[2] По русским обычаям, мясо животных или птиц, затравленных собаками или «кречетами», запрещалось употреблять в пищу.

[3] Устав Ярослава Мудрого запрещал людям есть мясо медведя.

[4] Католическое духовенство давало обет безбрачия.

[5] Причастие в католической церкви дается под видом одного хлеба

(облаток), а не хлебом и вином, как в церкви православной. Далее в тексте идет речь о догматических и обрядовых разногласиях между этими двумя церквами.

[6] Вероятно, имеется в виду так называемая Савелиева ересь, последователи которой иначе, чем православные, толковали сущность троицы, объединяя бога-отца и сына в одну ипостась.

[7] Речь идет либо о распространенном на Ближнем Востоке одном из течений христианства — несторианстве, либо о мусульманстве.

[8] *Армянская*, григорианская, церковь имела ряд отличий от византийской.

Слово о терпении, и о любви, и о посте

[1] Здесь Феодосий вспоминает притчу из Евангелия от Матфея, в которой говорится о том, что равную плату за работу получили от хозяина и те, кто работал с утра, и те, что пришли последними — в 11 часов. Смысл притчи раскрывается в ее заключительных строках: «Так будут последние первыми, а первые последними, ибо много званых, а мало избранных».

[2] Евангельская притча рассказывает о десяти девах, вышедших навстречу «жениху небесному». Пять из них хорошо подготовились к встрече и налили масла в светильники свои, остальные пять хотя и взяли светильники, но не позаботились о масле. Масло символизирует милосердие и доброту.

[3] В ветхозаветной книге Исход рассказывается о том, что иудеи возроптали на бога, страдая от голода и тягот пути в «землю обетованную». За это бог наказал их.

Поучение о терпении и о милостыне

[1] *Иов* (библ.) — добродетельный человек, перенесший испытание своей веры всевозможными несчастиями (потерял богатство, семью, сам был поражен страшной болезнью), но не возроптал и получил награду от бога.

КИРИЛЛ ТУРОВСКИЙ. ТОРЖЕСТВЕННЫЕ СЛОВА

Из агиографических источников мы знаем, что Кирилл Туровский (предположительно 1130—1182 гг.) некоторое время жил в одном из монастырей, потом «по умолению» князя и горожан занял епископскую кафедру в городе Турове. Житие Кирилла, в целом выдержанное в соответствии с канонами своего времени, не донесло до нас каких-либо индивидуальных черт своего героя, хотя, как несколько необычное

для Руси, можно выделить упоминание о его «подвиге» столпничества. Одним словом, по житию перед нами типичный средневековый аскет. Но совсем другое впечатление о Кирилле Туровском создается при первом же знакомстве с его произведениями. Кирилл предстает как личность яркая — талантливейший писатель и оратор, нуждающийся в более широкой и более эмоциональной аудитории, чем обитатели монастырей.

Излюбленным жанром творчества Кирилла Туровского является жанр торжественного «слова». О популярности его сочинений говорят их многочисленные списки в литературных сборниках Древней Руси, где слова Кирилла помещались рядом с произведениями Иоанна Златоуста и других известных византийских и славянских писателей.

Тематика «слов» Кирилла приурочена к весеннему праздничному циклу — это поэтические переложения кратких евангельских сказаний, превращенные под пером писателя в настоящие драматические «действа». Силой своего таланта Кирилл Туровский возвышал факты обыденной жизни, явления природы, события церковной истории, придавая всему глубокий нравственный смысл.

Чтобы в полной мере оценить красочность, тонкость, изящество языка и стиля «слов» Кирилла Туровского, читателю необходимо следить за оригиналом, прислушаться к ритму повествования. «Слова» Кирилла, как и сочинения любого большого мастера, писателя национального, принадлежащего своему времени и своей эпохе, несомненно, много теряют в переводе на современный русский язык.

В настоящем издании публикуются три из восьми известных торжественных «слов» Кирилла Туровского. Все тексты даются по изданию: Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ.— Т. XIII.— М.; Л., 1957.- С. 415—426; т. XV. М.; Л., 1958.— С. 340—343.

Слово об артосе

«Слово» посвящено традиционному средневековому сюжету об апостоле Фоме, не поверившем в смерть и воскресение Иисуса Христа, пока сам он не вложил руку в раны на теле Христа. *Артос*, или просфора,— хлеб из пшеничного кислого теста, символизирующий тело Христово. Артос освящали в первый день пасхи и раздавали народу.

[1] Здесь и ниже в тексте всех «слов» Кирилла подобные самоуничижительные характеристики, с одной стороны, дань традиции, проявление авторской скромности, но с другой стороны — это риторический прием, рассчитанный на глубокое психологическое воздействие: ведь если прославленный ученостью и словесным искусством оратор говорит о своем ничтожестве, то слушатели (читатели) должны особо

остро ощущать дистанцию между простым человеком, обыденной жизнью и величием праздника, воспеваемого Кириллом. Кроме того, здесь можно усмотреть и мысли автора о том, каким должен быть истинный «сказитель», способный украсить своей речью знаменательное событие.

[2] *Поновление воскресения* — т. е. воспоминание о пасхе, о воскресении Христа. Празднуется в первый воскресный день после пасхи.

[3] *Суббота* — еженедельный праздник, день отдыха древних иудеев. Следующий за субботой день — неделя получил в христианстве особое значение, так как, по преданию, он был днем воскресения Иисуса Христа. Противопоставление недели (воскресенья) и субботы символизирует превосходство христианства над язычеством и иудейством. Эта мысль в других образах развивается Кириллом и дальше.

[4] *Опреснок*, или облатка — пресный пасхальный хлеб, употребляющийся в иудейском и римско-католическом богослужении. См. также примеч. 5 к «Слову о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского.

[5] *Левиты* — одно из иудейских племен, по библейскому преданию, призванное поставлять служителей культа. В рассказе о левитах Кирилл распространяет библейский текст, где сказано, что иудеи, торопясь покинуть Египет, не успели приготовить пищу и понесли тесто.

[6] Здесь начинается сравнительная параллель между временами года и историей человечества: дохристианский период уподобляется зиме и представляется прошедшим, христианство — с его весенней символикой — наступившим и господствующим.

[7] К *Иессею*, отцу библейского царя Давида, возводят родословную Иисуса Христа.

[8] По библейской легенде воскресший после распятия Иисус Христос приблизился к апостолам *Клеопе* и *Луке* и пошел вместе с ними по дороге из Иерусалима в селение Ельмаус. Апостолы догадались о том, кто был их спутник, лишь когда Христос стал невидим.

[9] *Фарисеи* — ортодоксальные сторонники иудейской веры, отличавшиеся фанатизмом и лицемерным исполнением правил показного благочестия, противники христианства в период его зарождения.

[10] *Каиафа* — первосвященник и *Пилат* — римский наместник в Иудее — непосредственные виновники гибели Иисуса Христа, согласно Евангелию, приговорившие его к смерти.

Слово о снятии тела Христова с креста

«Слово» посвящено воспоминанию о том, как Иосиф — житель иудейского города Аримафеи пришел к Пилату и просил отдать ему тело казненного Иисуса. Сняв тело с креста, положил его в склепе,

высеченном в скале. Женщины приготовили мирро — благовония и масти, чтобы воздать почести умершему.

[1] В Евангелии от Луки рассказывается о некоем *Симеоне*, которому было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Иисуса Христа. Симеон встретил Богородицу с Христом в храме и произнес речь, в которой было и пророчество, обращенное к Марии: «И тебе самой оружие пройдет душу, да откроются помышления многих сердец».

[2] Иуда Искариот.

[3] Петр, апостол.

[4] Смерть на кресте считалась в Иудее самой позорной.

[5] Умерший *Лазарь*, по преданию, был воскрешен Иисусом Христом на четвертый день.

[6] Кирилл намекает на христианский символ вечной жизни, которым стал образ распятого на кресте Иисуса Христа, переосмысляя, таким образом, ветхозаветное пророчество о проклятии народа иудейского в случае его непослушания богу.

[7] Согласно Евангелию, к Христу взывали о помощи бесы, изгнанные им из больных людей и вошедшие по воле Христа в стадо свиней.

[8] Т. е. похоронить в семейном склепе.

[9] *Никодим* — один из фарисеев и военачальников иудейских, тайный сторонник Христа, помогал Иосифу в его погребении.

[10] Молитва за город, князя и народ в торжественных «словах» Кирилла Туровского — факт необычный.

Слово на Вознесение

В «Слове» восхваляется праздник, который установлен в память мифического вознесения Иисуса Христа на небо. Служители культа называют Вознесение праздником завершенного спасения, ибо, по их мнению, подвиг Христа во имя рода человеческого завершается именно вознесением; потому в этот день празднуется и избавление человечества от первородного греха и как следствие — выведение Адама из ада.

[1] Обращение писателя к авторитету — певцу, достойному дать образец стиля для похвалы (в данном случае к библейскому пророку Захарии), типично для средневековой литературы. Этот риторический прием должен был вызвать впечатление, что все написано по наитию свыше и благодаря этому еще более высоко и торжественно.

Слово о князьях

Идейный смысл произведения раскрывается в противопоставлении реальной политики русских князей, вероятно, современников автора, и идеализированной жизни «незлобивых» Бориса и Глеба и князя

Черниговского Давида Святославича (ум. в 1123 г.). Главный герой повествования — Давид, брат печально известного по летописям и «Слову о полку Игореве» Олега Святославича («Гориславича»), начавшего на Руси «мечом крамолу ковать и стрелы по земле сеять». Давид Черниговский отличается искренним братолюбием, пониманием интересов своей страны: «В великой тишине проходило княжение его», — пишет автор. Два князя, два брата, две политики. И безымянный автор полностью на стороне Давида Святославича. Традиционный в Древней Руси жанр похвалы святому превращается под его пером в публицистически заостренную речь, обличающую главную «злобу» дня — княжеские междоусобицы.

Трехчастная композиция «слова», умелое владение арсеналом художественных средств для выражения различных оттенков мысли свидетельствуют о хорошем образовании автора, его литературном даровании. Кроме того, автор, очевидно, занимал достаточно высокое положение в обществе — так свободны и просты его обращения к князьям. В повествование включаются фантастические сказочные эпизоды (о белом голубе, о незаходящем солнце), которые придают риторически украшенному «Слову» сюжетную занимательность.

Текст публикуется по изданию: Слово похвальное на перенесение мощей святых Бориса и Глеба. Неизданный памятник литературы XII века. Сообщение Х. Лопарева.— Памятники древней письменности.— Спб., 1894.— Вып. 98.— С. 15—18. В разных списках названия этого «Слова» могли быть различны, но по церковному календарю его произнесение приурочивалось к дню памяти Бориса и Глеба — двух братьев, имена которых стали символом миролюбия, нерушимости закона вассалитета.

[1] Здесь автор распространяет и домысливает библейские сказания о войне иудеев с халдеями.

[2] В Древней Руси «братьями» именовались также и племянники. Святослав Ярославич — сын Ярослава Мудрого и племянник Бориса и Глеба.

[3] Процесс феодального дробления привел к тому, что занимавшие некогда обширные земли княжества разделились на более мелкие, но сохранялась столица — центральное, «болшее» княжение, которым управлял князь, старший в своем роде.

[4] Целование креста — символ верности клятве.

[5] *Феоктист* — с 1112 по 1123 г. епископ гор. Чернигова.

[6] Спасо-Преображенский собор в Чернигове.

[7] *Церковь Бориса и Глеба* построена в первой четверти XII в., служила усыпальницей черниговским князьям.

[8] Автор полемизирует с теми, кто считал обязательным отречение от всего земного, чтобы быть «угодным богу».

[9] Всего у Давида Святославича было пятеро сыновей. Один из них, *Никола Святоша* (мирское имя Святослав Давидович), постригся в монахи в Киево-Печерском монастыре. После смерти в 1142 г. был причислен к лику святых.

Слово о погибели Русской земли

Имя автора и полный текст «Слова» до нас не дошли, но время написания памятника можно установить достаточно точно: между 1238 и 1246 гг.— время княжения «нынешняго» Ярослава, т. е. Ярослава Всеволодовича, великого князя Владимирского.

Печатается по списку XV в., хранящемуся в Государственном архиве Псковской области (собрание Псково-Печерского монастыря, ф. 449, № 60) и изданному Л. А. Дмитриевым в кн.: Памятники литературы Древней Руси. XIII век.— М., 1981.— С. 130. В переводе Л. А. Дмитриева (там же, с. 131). Исследование памятника см.: Бегунов Ю. К. Памятники русской литературы XIII в.: Слово о погибели Русской земли.— М.; Л., 1965.

[1] Здесь и ниже перечисляются пограничные Руси народы. О завоевании Ярославом Мудрым некоторых из этих народов рассказывает «Повесть временных лет» под 1031—1040 гг.

[2] Имеются в виду Белое море и Северный Ледовитый океан.

[3] Восточные соседи русских: волжские *болгары*, мордовское племя *буртасы*, марийцы *(черемисы)*, *мордва*.

[4] *Поганые* — т. е. некрещеные, языческие.

[5] *Всеволод* Большое Гнездо - великий князь Владимирский в 1176 - 1212 гг.

[6] Отец Всеволода — Юрий Владимирович Долгорукий (1125—1157), князь Суздальский и Киевский, основатель Москвы. Отец и сын предпринимали завоевательные походы против волжских болгар.

[7] *Владимир* Всеволодович *Мономах* (1053—1125) — великий князь Киевский. Его имя было символом защиты Руси от внешних врагов.

[8] Имеется в виду Балтийское море.

[9] *Вяда* — одно из мордовских племен.

[10] *Мануил* I Комнин (1123—1180) — византийский император.

[11] От Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха.

[12] *Юрий* Всеволодович — великий князь Владимирский (1188—1238).

СЛОВА И ПОУЧЕНИЯ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

В летописях имя Серапиона встречается дважды: под 1274 г. имеется запись о том, что пришел из Киева митрополит Кирилл и привел с собою архимандрита Киево-Печерского монастыря Серапиона, и поставил его епископом Владимирским, Суздальским и Нижегородским; а уже под 1275 г. летописец говорит о погребении Серапиона во Владимирском храме Богоматери и прибавляет: «Бе же учителен зело в божественном писании».

Известно пять несомненно принадлежащих Серапиону «слов»: первое написано в конце 30-х годов XIII в., остальные — в последние 2—3 года жизни автора. Серапион описывает события татаро-монгольского нашествия, народные бытовые воззрения, говорит о языческих обрядах, которые устойчиво держались на Руси — об испытании ведьм холодной водой и о выгребании из земли похороненных утопленников и удавленников (по народному поверью, их нельзя было хоронить, так как это могло вредить урожаю, хорошей погоде, жизни людей). Свои «слова» Серапион обращает к народу, а не к ученому духовенству, поэтому стремится говорить ясно, коротко и просто. Проповедник опирается в своих сочинениях и на традиционные для средневековья образцы — библейские книги и на народную литературу — апокрифы, сказания, легенды, неоднократно ссылается он и на народную молву, изустные источники.

«Слова» Серапиона публикуются по спискам: Златая Цепь. XIV в., ГБЛ, ф. 304, I, № 11; Паисиевский сборник, конец XIV — начало XV в., ГПБ; Кирилло-Белозерское собрание, 4/1081, опубликованным в издании: Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века.— Спб., 1888.— С. 1—15.

Слово I

[1] Из времени, наиболее близкого к Серапиону, летописи называют затмение солнца в 1206 г., затмение луны в 1207 г., появление комет на небе в 1223 и 1230 гг. Разрушительное землетрясение было в Киеве 3 мая 1230 года. Серапион мог наблюдать его «своима очима».

[2] В летописях есть свидетельства о голоде и море в 1230 г. Эти бедствия вспоминаются Серапионом как предзнаменования еще более страшных наказаний, «ратей многих» — нашествия татаро-монгол в 1237 г.; ниже Серапион описывает ужасные последствия этих «ратей». На основании исторических фактов, упоминаемых оратором, первое слово можно датировать 1237—1238 гг., когда в памяти писателя-очевидца разрушительные последствия «наказаний за грехи» были еще очень ярки.

Слово III

[1] Серапион далее приводит несколько заповедей, якобы данных Моисею богом для иудейского народа, но при этом опускает неприемлемую в XIII в. на Руси заповедь: «любите врагов ваших».

Поучение

[1] Исторические источники говорят о неурожае в пределах Руси в 1273 г. и на Западе в 1271, 1273 гг. Под латинами следует понимать народы западных стран, исповедующих католицизм.

[2] Библейский царь Давид жестоко расправился с восставшими жителями Иерусалима.

[3] Серапион использует сказания, встречающиеся в апокрифах и переводных хрониках, о том, что исполины, якобы жившие на земле до потопа и женившиеся на дочерях человеческих, распространили среди людей всяческие пороки и бог наказал их за это огнем.

О маловерии

[1] *Драч* — город на побережье Адриатического моря, был разрушен землетрясением в 1273 г. Серапион пишет, что город потоплен. Эту неточность можно объяснить тем, что Серапион использует слухи, народную молву о гибели Драч-города.

[2] По свидетельству польских исторических источников, наводнение в Польше было в 1269—1270 гг. О наводнении в Перемышле и четырехлетнем голоде данных нет.

ПОУЧЕНИЯ ПРОТИВ ЯЗЫЧЕСТВА

Долгое время после принятия христианства русский народ еще соблюдал языческие обряды. На протяжении XI—XV вв. происходило постепенное наслоение христианских обрядов на языческие представления, приспособление старых верований к новым. Эпоху двоеверия отразили безымянные авторы двух поучений, публикуемых в настоящем издании. В них своеобразная полемика между христианством и язычеством, полемика односторонняя, в которой о позиции противоположной стороны, т. е. языческих воззрениях, мы узнаем из сочинений тех же христианских авторов.

Поучения просты по форме, они обращены и к духовенству, и к «мирянам», потому что «грех» язычества был присущ многим, независимо от чинов и званий. В своих обличениях авторы чередуют

картины христианства и язычества, стыдят слушателей за то, что, пообещав служить богу, на самом деле они служат бесам. Любопытен монолог бесов, которых наши предки представляли в грубочувственных формах: они едят и пьют, моются в бане и насмехаются над людьми.

Сочинения, направленные против языческих воззрений, издаются по спискам XIV — XV вв., но создание их, вероятно, относится к более раннему времени: XIII — началу XIV в.

Слово некоего христолюбца, ревнителя правой веры

Печатается по Паисиевскому сборнику конца XIV — начала XV в. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 4/1081, лл. 28 об.— 35).

[1] *Илья*, пророк, по церковной легенде уничтожил 850 языческих жрецов.

[2] Языческие божества: *Перун* — бог войны, дождя и грома (культ Перуна постепенно соединяется с культом Ильи-пророка и вытесняется им); *Хорс*, а также *Ярило, Дажьбог, Сварог* — боги солнца, живительной силы природы; *Мокошь* — богиня плодородия, покровительница девушек и женщин; *Сим* и *Регл*, или Симаргл — божество, охраняющее семена и посевы, изображалось в виде крылатой собаки; *Вилы*, или русалки — божества орошения полей, дождя, влажного утреннего тумана, изображались очаровательными девушками с распущенными волосами.

[3] *Сварожич* — сын Сварога.

[4] Языческий обряд поклонения чесноку, как очищающему и предохраняющему от болезней средству, восходит к глубокой древности.

[5] *Овин* — обычное место языческих молений. Овины с печью для сушки устраивались только в Северной Руси, следовательно, автор слова был северянином.

[6] *Род* — языческое божество природы, Вселенной и плодородия; *Рожаницы* — богини, покровительницы женщин-родильниц, рождения всего живого.

[7] Имеется в виду ритуальный пир в честь Рода и Рожаниц, который обычно устраивался после «законного обеда» в честь рождества Богородицы (8 (21) сентября). Богородицу соотносили с Рожаницей, поэтому происходит смешение двух героинь праздника. За рожаничной трапезой восхваляли и Богородицу. Впрочем, этот обычай мог быть введен духовенством сознательно, чтобы вытеснить древнейший обряд, придать ему христианскую окраску. Пение славословий деве Марии во время «второй трапезы» могло привлечь духовенство и «окладами» — богатыми приношениями.

О посте, к невежам

Печатается по изданию: Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси.— Т. 2.— Записки Московского археологического института.— М., 1913.— Т. 18.— С. 14—16.

[1] Автор вспоминает библейскую притчу о царе Ироде, который, прослышав о рождении Иисуса Христа, велел умертвить всех младенцев мужского пола, надеясь, что среди них окажется и Иисус.

[2] *Великая суббота* — день перед пасхой, последний день поста по уставу, принятому на Руси с XIII в. Но в более раннем церковном уставе не было строгих предписаний на этот счет. Поэтому попы могли разрешить есть молоко и масло в великую субботу. Ревнители нового устава осуждали таких церковников и народ, называя их невеждами, а старый устав — иудейским и языческим. Фраза эта позволяет отнести время написания слова к XIII — началу XIV в.— времени, когда два устава сосуществовали в церковной практике.

[3] В четверг перед пасхой, по народным поверьям, надо было позаботиться об умерших предках. Им готовили еду, топили печь и т. д. Эти обычаи автор «Слова» строго осуждает.

[4] *Навьи* — мертвецы, предки. Слово происходит от латинского корня нау, что означает «корабль» и отражает древнейший способ погребения: покойника пускали по реке. Старинные гробы имеют форму лодки.

[5] Обрядовое печенье, которому придавали различную форму.

[6] Вероятно, имеются в виду волжские болгары, центром обитания которых было место слияния Волги и Камы.

[7] *Чудь* — финское племя на севере Европы.

[8] *Поведание*, т. е. приготовление для мертвых мяса, молока и яиц,— древний обычай, отголосок доисторического культа предков-покойников.

Красноречие эпохи становления Московского государства (XV—XVI вв.)

Слово о житии Дмитрия Ивановича Донского

«Слово» — торжественная речь, прославляющая доблесть, мужество, государственный ум и честную жизнь Дмитрия Ивановича Донского. Герой Куликовской битвы, Великий князь Московский, по мнению автора «Слова о житии...», является идеальным царем всей Русской земли.

Необычна жанровая форма памятника, на что указывает и заглавие: «Слово о житии». Здесь произошло объединение традиционных жанров средневековой литературы: жития, воинской повести, торжественного «слова», поучения и плача, надгробной речи-похвалы. Но ведущее положение несомненно занимают ораторские формы. В «Слове» последовательно одна за другой произносятся речи: монолог Мамая, угрожающего Руси, молитва-мольба Дмитрия к Богородице о заступничестве, воинский клич — призыв Дмитрия к бою, предсмертное завещание-наставление Дмитрия княгине, сыновьям, боярам, плач Евдокии над телом мужа и, наконец, риторически украшенный авторский панегирик в честь Дмитрия Ивановича. Славословие автора обрамляет и пронизывает все «Слово о житии...».

Автор нам неизвестен, но в научной литературе существует гипотеза, согласно которой автором назван Епифаний Премудрый — талантливый писатель конца XIV — начала XV в. (Соловьев А. В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии».— ТОДРЛ.— Т. XVII.— М.; Л., 1961.— С. 85—106).

Текст «Слова» печатается по одному из старейших списков (XV в.) — Софийской I летописи, изданному в Полном собрании русских летописей (ПСРЛ).— Т. VI.— Спб., 1853.— Прибавления.— С. 104—111.

[1] *Иван II Иванович* (1326—1359) — великий князь Владимирский и Московский, после Ивана Калиты продолжил объединение русских земель. Прозван Красным.

[2] *Иван I Данилович* (? — 1340) — великий князь Владимирский и Московский. Заложил основы могущества Москвы.

[3] *Владимир* I Святославич. См. примеч. 17 к «Слову о Законе и Благодати» Илариона.

[4] Царем васанским был Ог, который упоминается в библейских книгах. К пленению «Завета господня» — святыни израильтян он отношения не имеет.

[5] В 1378 г. татарское войско под началом воеводы Бегича выступило против Московского княжества. Это сражение описано в «Повести о битве на реке Воже» (см.: Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в.— М., 1981.— С. 92—95).

[6] Агарянами называли татар и другие народы, исповедующие мусульманство.

[7] *Авраам* (библ.) считается праотцом, патриархом иудеев.

[8] Вспоминается битва Ярослава Мудрого с братом его Святополком в 1019 г. Ярослав отомстил за убийство своих братьев Бориса и Глеба.

[9] В библейской книге Исход рассказывается, что на иудеев напало племя амаликян. Во главе иудеев стоял Моисей, и когда он поднимал

руки, побеждали израильтяне, когда опускал — амаликяне: «и были руки его подняты до захождения солнца».

[10] Библейский царь Саул желал смерти своего соперника Давида, но тот не стал мстить потомкам Саула, когда сам стал царем.

[11] *Евдокия* Дмитриевна — дочь князя Нижегородского и Суздальского Дмитрия Константиновича, жена Дмитрия Ивановича Донского.

[12] *Арган* — орган — музыкальный инструмент.

[13] *Дионисий* Ареопагит — оратор, философ, писатель, жил в Афинах в I—II вв.

[14] То есть Адамом — первым человеком.

[15] *Сиф* — сын Адама, почитавшийся за мудрость.

[16] Герой апокрифа *Енох* был живым вознесен на небо.

[17] *Ной* — праведник, спасшийся от потопа в ковчеге со всей своей семьей.

[18] *Евер* не принял участия в сооружении Вавилонского «столпа». Имя это известно по переводным историческим сочинениям.

[19] *Исаак* — сын Авраама, которого отец должен был принести в жертву, чтобы доказать свою верность богу.

[20] Имя *Израиль* («богоборец», «боровшийся с богом») получил сын Исаака Иаков, который, сам не ведая о том, вступил в единоборство с богом.

[21] Сын Иакова, «прекрасный» Иосиф, был продан в рабство в Египет, однако благодаря своему разуму он скоро возвысился при дворе фараона.

Похвальное слово инока Фомы

«Слово» — похвала величию и могуществу тверского князя Бориса Александровича (1425—1461), а также Тверскому княжеству. Произведение разделяется на шесть частей (считая последнюю, оборванную на первых строках), самостоятельных композиционно и тематически, но объединенных единой идеей и стилем. «Слово» было сочинено около 1453 г. Об авторе его, иноке Фоме, ничего не известно. Опираясь на текст самого «Слова», можно только сказать, что это было лицо, близкое к князю Борису Александровичу, хорошо знакомое с его двором; из характеристики, данной автором себе самому, видно, что он был профессиональным придворным писателем. До сих пор нет единого мнения, был ли Фома, тверской посол на Ферраро-Флорентийском соборе, записи которого легли в основу первой части «Слова», одним лицом с иноком Фомой, или это были два разных лица.

«Слово» отражает время возвышения Тверского княжества, когда Москва, раздираемая усобицами, находилась в состоянии упадка. Основная мысль этого произведения — прославление тверского князя Бориса Александровича как «самодержавного государя», достойного стать во

главе всей Русской земли. Естественно поэтому, что, когда впоследствии идея создания единодержавного Русского государства перешла к Москве, «Слово» инока Фомы не оказалось включенным в официальную московскую литературу. И потому оно дошло до нас в единственном списке второй половины XVI в. (Ленинградское отделение Института истории АН СССР, собрание Н. П. Лихачева, № 689, лл. 212—315), по которому напечатно в кн.: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. (М., 1982.— С. 268—333. Подготовка текста и перевод Н. В. Понырко). В основу комментария памятника в настоящем издании положен комментарий Н. В. Понырко.

[1] *Инок Фома* упоминается как автор только в первом из шести слов, на которые распадается «Похвальное слово...», однако большинство исследователей считают его автором всего памятника в целом.

[2] Имеется в виду Владимир I Святославич.

[3] Речь идет о Ферраро-Флорентийском церковном соборе (1438—1439), ставившем своей целью объединение западной и восточной церквей.

[4] Византийский император *Иоанн* VIII Палеолог (1425—1448), инициатор и участник Ферраро-Флорентийского собора.

[5] Текст неясен и исправлен предположительно по смыслу. В рукописи: «возвестиша (переправлено из «възвестити») наши послании» и далее: «царская послания великаго князя Бориса Александровича». Если бы это чтение было верным, то следовало бы предполагать, что еще до приглашения принять участие в соборе Борис отправил со своими посланцами «царская послания» императору (послания тверского великого князя могли именоваться «царскими», так как и далее автор именует Бориса «царем»); император принял их с радостью. Но текст приходится считать дефектным, так как далее идет речь не о том, как поступил император, получив послание Бориса, а о том, как Борис чествовал императорских послов и готовил своего посла.

[6] Тверской епископ *Илья*, упоминается также в летописях под 1437, 1438, 1451 гг.

[7] *Фома*, тверской посол на Ферраро-Флорентийском соборе, упоминается и в других памятниках, в том числе и западных (в одном случае как «Фома Матвеевич»).

[8] Очевидно, земли немецкого Ливонского ордена, с которым граничила Псковская земля.

[9] *Курляндия* — часть Ливонии.

[10] *Жмудская земля* — часть Литвы.

[11] Земля немецкого Прусского (Тевтонского) ордена.

[12] Название непонятно, может быть, речь идет о земле лужицких сербов.

[13] Не совсем ясно, что имеет в виду автор: если речь идет о ганзей-

ском городе Любеке, то это противоречит дальнейшему изложению, где говорится, очевидно, о более близких к началу маршрута германских землях.

[14] Вероятно, северо-восточная немецкая земля — Померания.

[15] Может быть, речь идет о немецком прибалтийском городе Штральзунде.

[16] Это указание особенно усложняет описание маршрута тверских послов. Едва ли русские могли ехать через Швецию (и сразу из нее попасть во Флоренцию); судя по другим описаниям путешествий во Флоренцию, из Германии русские послы ехали через Тироль (Тридент); поэтому если «Свейская земля» означает Швейцарию, то это указание неточно.

[17] Папа Евгений IV (1431—1447).

[18] Константинопольский патриарх Иосиф II (1416—1439).

[19] Здесь начинаются явно легендарные речи в честь тверского князя двадцати двух митрополитов православной церкви, участвовавших в Ферраро-Флорентийском соборе.

[20] Окончание речи Ираклийского митрополита Антония утрачено, так как далее в рукописи вырван лист, на котором, вероятно, были записаны речи митрополитов: Марка Эфесского, Исидора Русского и Досифея Монемвасийского.

[21] Имеются в виду Константинополь (Царьград) и гора Афон.

[22] Византийский император Константин участвовал в I Вселенском церковном соборе (в 325 г.). В рукописи ошибочно: «7-м съборе».

[23] Из этого замечания, на наш взгляд, становится ясным, что Фома, автор «Слова», и посол Фома — не одно и то же лицо.

[24] Одна из библейских книг.

[25] В Библии повествуется, что царица Савская решила лично убедиться в достоверности слухов о необычной мудрости иудейского царя Соломона.

[26] О Тиберии, римском императоре (43 г. до н. э.— 37 г. н. э.), писали, что он жил в простоте, собственным примером борясь против роскоши общества.

[27] *Август* Гай Юлий Октавиан (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — римский император, при котором была произведена перепись населения.

[28] Речь идет о *Симеоне*, царе болгарском (893—927), покровителе литературы и книжности, которого сравнивали с другим книголюбцем древности, царем *Птолемеем* Египетским (ум. в 283 г.), создателем публичной библиотеки в Александрии.

[29] Называются византийские императоры, принимавшие деятельное участие во Вселенских соборах христианской церкви.

[30] Владимир I Святославич.

[31] В Евангелии повествуется о бедной вдове, пожертвовавшей

в храм две лепты (лепта — денежная единица) «от скудости своей» и тем превзошедшей всех, жертвовавших много, но «от избытка своего».

[32] Эта концовка, возможно, означает окончание первой части памятника, посвященной Флорентийскому собору, и переход к другой теме — войне с Москвой.

[33] Эта часть посвящена главным образом церковному строительству при Борисе.

[34] Текст явно испорчен. Среди предков Бориса не было князя Бориса Александровича; речь идет, вероятнее всего, о Михаиле Александровиче Тверском.

[35] В Тверской летописи строительство «града» (крепости) на месте прежнего монастыря Феодора Тирона упоминается не под 1447 г., а под 1446 г. и говорится в связи с тем, что Борис «разорилъ манастырь...», а поставил город. По мнению исследователя древнерусского зодчества Н. Н. Воронина, укрепление монастыря было лишь формой, в которую было облечено сооружение на острове княжеского замка.

[36] *Городня* — сруб стены, засыпаемый изнутри землей.

[37] В Тверской летописи упоминаются виновники пожара 1449 г.— «Ростопчины дети, Иванко да Степуря», казненные по приказу Бориса Александровича.

[38] *Казимир* IV Ягеллон, литовский великий князь с 1440 по 1492 г. В 1447 г. был избран польским королем.

[39] Речь идет о Спасо-Преображенском соборе, патрональном храме Твери, по которому и само Тверское княжество именовалось «домом Святого Спаса».

[40] Дмитрий Юрьевич *Шемяка*, удельный князь Галицкий, занимавший в 1446—1447 гг. Московский великокняжеский престол.

[41] *Дмитрий* Солунский — византийский святой.

[42] Удельный князь *Иван Андреевич* Можайский, активный участник войны 1446—1447 гг. между Дмитрием Шемякою и Василием II, в июле 1447 г. заключил перемирие, а в сентябре — «докончание» с Василием Темным, в котором признавал себя «братом молодшим» московского великого князя; Борис Александрович выступил с Василием Темным «за один человек». Именование Ивана Андреевича «братом молодшим» Бориса связано, возможно, и с тем, что в сентябре 1447 г. Ивану Андреевичу был передан Бежецкий Верх, примыкавший к владениям тверского князя.

[43] Царство Шавруха, сына Тимура, бывшего с 1409 по 1447 г. номинальным властителем всей территории, находившейся под властью Тимура перед смертью. Столицей этого обширного царства, включавшего Среднюю Азию, Афганистан, Иран и Пенджаб, был город Герат.

Слово похвальное Пахомия серба

Пришелец из Сербии, Пахомий Логофет известен как автор нескольких оригинальных житий и многочисленных риторических переработок древнерусских агиографических сочинений. Его литературная деятельность началась в 30-х годах XV в. в Новгороде. Произведения Пахомия и особенно его похвалы — яркий образец стиля «плетения, извития словес», получившего широкое распространение на Руси в конце XIV — начале XV в.

Для восхваления героя жития — Моисея, архиепископа Новгородского (ум. 1360 г.), Пахомий использует известную с древнейших времен форму христианских славословий — акафиста, но значительно распространяет ее. Подчеркивая патриотизм своего героя, говоря о его религиозно-политических устремлениях и «духовных подвигах», Пахомий наполняет традиционную форму новым содержанием, создает замечательное в литературном отношении произведение ораторского искусства.

Текст приводится по изданию: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко.— Спб., 1862.— Вып. 4.— С. 13—15.

[1] Религиозное движение второй половины XV в., зародившееся в Пскове и Новгороде. В основе стригольничества лежало отрицание церковной иерархии, как существующей «на мзде».

[2] Постановления семи Вселенских соборов считались обязательными для всех православных христиан.

[3] Моисей основал несколько монастырей близ Новгорода.

Иосиф Волоцкий. Слово об осуждении еретиков

«Слово» было включено во вторую редакцию сборника «Просветитель» — главного сочинения Иосифа Волоцкого. Следовательно, написано оно было, вероятно, уже после расправы иосифлян над еретиками в 1504 г. и должно было послужить оправданием и теоретическим обоснованием массовых казней в начале XVI в.

Публикуется по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI в.— М., 1984.— С. 324—350.

[1] Названы имена нескольких наиболее известных еретиков: *Алексея* — умер в 1490 г., *Дениса* — умер от пыток после первого церковного собора «на еретики» в 1490 г., *Федора Курицына* — видного политического деятеля, ведавшего внешними связями Руси при дворе царя Ивана III. Имя Курицына исчезает из официальных бумаг после 1500 г.

[2] *Никон* Черногорец, автор двух книг («Пандекты» и «Тиникон»), содержащих правила церковного устроения и монастырской жизни. Жил в XI в.

[3] *Номоканон* – византийский сборник постановлений и указов императора и решений Вселенских соборов.

[4] Здесь начинается перечисление ветхозаветных и новозаветных персонажей, «отличившихся» в борьбе за веру.

Вассиан Патрикеев. Слово ответное

Полемическое сочинение Вассиана Патрикеева (князя Василия Ивановича Патрикеева, насильно постриженного в монахи под именем Вассиана в Кирилло-Белозерском монастыре) было создано, вероятно, в 1504—1505 гг. и обращено к неназванному в произведении, но ясно подразумеваемому идейному противнику Вассиана — Иосифу Волоцкому. В форме скрытого и явного диалога ведет писатель полемику с апологетом монастырских «стяжаний». Вассиан, после смерти своего учителя Нила Сорского ставший во главе «заволжских старцев»-нестяжателей, резко критикует «пристрастия» монахов к богатству, к земельной собственности, доказывая многочисленными примерами из библейских книг и агиографической литературы порочность «преизобильного богатства». Тяжелое положение монастырских крестьян служит Вассиану серьезным аргументом для обвинения иосифлян в «антиморальном» поведении. И еще одно обвинение бросает Вассиан своим противникам — обвинение в жестокости. Одержавшие верх на соборах 1501, 1503, 1504 гг., сторонники Иосифа Волоцкого настояли на преследовании и вынесении смертного приговора еретикам. Вассиан Патрикеев «Словом ответным» откликается на начавшиеся казни, желая остановить их, пока еще не уничтожены все «инакомыслящие». В течение всей своей жизни Вассиан Патрикеев — один из самых образованных и одаренных людей своего времени — вел борьбу с иосифлянами.

«Слово ответное» печатается по изданию: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения.— М.; Л., 1960.— С. 255—271.

[1] Вассиан перечисляет героев агиографических произведений — людей, прославившихся своим аскетизмом.

[2] Эти слова могут относиться к Ивану III и его сыну Василию Ивановичу, который в 1502—1505 гг. был объявлен соправителем отца.

[3] Имеется в виду сюжет из книги Деяний (гл. 5): апостолы, вошедшие в Иерусалим, были брошены в темницу, а потом предстали перед судом иудеев. Им ставили в вину нарушение запрета на распространение учения Иисуса Христа. На это апостолы ответили: «Должно повиноваться больше богу, нежели людям».

[4] Вспоминается притча из Евангелия от Матфея, суть которой в следующем: на поле среди пшеничных колосьев выросла и сорная трава. Рабы владельца поля хотели вырвать ее, но господин запретил им это делать до жатвы, чтобы, выбирая плевелы, не выдернуть вместе с ними и пшеницу. Под жатвой понимается Страшный суд. Вассиан Патрикеев проводит мысль, что один человек не может распоряжаться жизнью другого, и тем самым выступает против смертных приговоров.

Послание старца Филофея царю Ивану Васильевичу

Инок Псковского Елизарьева монастыря Филофей прожил около 100 лет. Его рождение относят ко времени падения Константинополя — 1453 г., а послание к Ивану Васильевичу не могло быть написано ранее вступления царя на трон в 1547 г.

В посланиях старца к Василию III и Ивану IV создается легенда о божественном союзе московских государей и православной церкви. Умело используя христианский тезис о неизбежности наказаний за грехи, Филофей переносит его на целые государства. С помощью апокалиптических образов Филофей объясняет молодому царю причины падения двух некогда великих империй. Эти причины он видит в отступлении от христианских канонов. «Богоизбранный» московский царь должен, по увещеванию Филофея, сам стать во главе всех православных церквей, защитить их от «ересей». Таким образом, в сочинении старца Филофея русская церковь открыто заявила о своем подчинении великому князю и царю, в этом она видела единственный способ сохранения своих имущественных привилегий.

Порубежное положение Пскова, в одном из монастырей которого жил Филофей, предоставляло широкие возможности ознакомиться с достижениями европейской мысли, однако Филофей неоднократно подчеркивал свое резко отрицательное отношение к «латинской» учености. Сформулированная им теория «Москва — третий Рим» с ее тезисом об исключительности московского православия была надежным препятствием развитию культурных контактов Московской Руси и других стран.

Текст послания печатается по изданию: Малинин В. Старец Елиазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Приложения.— С. 57—66.

[1] Иоанну Богослову приписывается составление Апокалипсиса или Откровения Иоанна Богослова — книги, пророчествующей о будущем конце мира и о Страшном суде. Филофей цитирует 12-ю главу этой книги.

[2] Автор мотивирует падение Римской империи «неправильным» исполнением католиками правил христианского культа, обвиняет Рим

в попустительстве ересям. Смысл *аполлинариевой ереси* в утверждении, что Христос не мог быть искупителем грехов человеческих, так как сам не являлся безгрешным.

[3] Имеется в виду Ферраро-Флорентийский собор 1439 г.

СОЧИНЕНИЯ МАКСИМА ГРЕКА

Под именем Максима Грека на Руси стал известен видный греческий просветитель и философ Михаил Триволис (ок. 1470—1556 гг.) — афонский монах, прибывший в Москву по вызову Василия III. Максим не остался только великокняжеским библиотекарем-переводчиком, свою просветительскую деятельность он продолжает и в России. Около Максима образуется кружок людей, жадно слушающих его — человека, много повидавшего, связанного с греческими и итальянскими гуманистами эпохи Возрождения, обучавшегося в университетах Италии. Не остается Максим в стороне и от общественной борьбы: он поддерживает «нестяжателей», резко обличает монашество и «неустройства» политической жизни Московского государства. Максим не одобрил развода великого князя Василия Ивановича ради заключения нового брака и тем самым приобрел в его лице могущественного врага, позволившего духовенству осудить афонца «за порчу книг» и выдать его на расправу в Иосифо-Волоколамский монастырь — пожалуй, самую суровую тюрьму того времени. 26 лет провел Максим в заточении, неоднократно обращаясь к властям с просьбой отпустить его на родину, но неизбежно получая отказ. «Человек он разумный, увидал наше доброе и лихое, и когда пойдет из России, то все расскажет» — такая мотивировка была у московских правителей. Незадолго до смерти Максима состоялась его встреча с царем Иваном IV, будущим Иваном Грозным (1553 г.). Князь Андрей Курбский, сопровождавший царя, писал о Максиме: «А в том тогда монастырю обитал Максим преподобный.., грек родом, муж зело мудрый, и не токмо в риторском искусстве мног, но и философ искусен...»

Обличению правительственной «смуты» 30-х годов XVI в. посвящено «Слово пространно...» Максима Грека. Оно было написано, вероятно, между 1534 и 1539 гг., т. е. после смерти Василия III, когда регентом при малолетнем Иване IV стала его мать Елена Глинская, а фактически власть оказалась в руках боярства. Сложной была задача писателя: говорить правду властителям, а тем более в положении узника, было небезопасно. Максим избирает аллегорическую форму для выражения своих мыслей, создает в слове обобщенный образ неправедного правления как такового. Условность, аллегоричность формы и образов смягчают резкость его произведения, но, по существу, позволяют писателю сказать то, что открыто было выразить невозможно. Смысл высказыва-

ний Максима, глубокая правдивость его обличений остались при этом вполне ясны просвещенному читателю.

Как доказывает В. Ф. Ржига (см. с. 76—77 указанной ниже статьи), поучение написано весной 1551 г., когда уже были проведены реформы 1550 г. и созван Стоглавый собор для подготовки других государственных мероприятий. С сочувствием и одобрением пишет Максим Грек о той преобразовательной деятельности, которая была начата Иваном IV, но в то же время он ненавязчиво предостерегает царя от многих ошибок и заблуждений, свойственных наделенным властью людям.

Несмотря на долгие годы, проведенные писателем в России, художественная манера сочинений Максима Грека остается весьма близкой памятникам греческого ораторства. Это высокий, книжный язык со сложными синтаксическими оборотами, длинными фразами, построенными в соответствии с правилами риторического и грамматического искусства; в языке Максима нет просторечной лексики, нет никаких словесных «вольностей»; мысли писателя развиваются в четкой логической последовательности, со строгой аргументацией каждого положения. Трудно сейчас читать и понимать сочинения этого замечательного в свое время стилиста и оратора, но в XVI — начале XVII в. литературная манера Максима Грека оказала большое влияние на произведения его последователей.

Слово печальное...

Приводится по изданию: Сочинения преподобного Максима Грека.— Казань, 1861.— Т. 2.— С. 319—337.

[1] Каменные здания в XVI в. были очень дороги.

[2] Максим Грек осуждает войну с Литвой, которую в 1534—1537 гг. ведет правительство Елены Глинской. Писатель считает, что в первую очередь следует помешать военным успехам татар, продолжающим набеги на Русскую землю, а не стремиться к расширению территории государства.

[3] Византийские писатели Василий Великий и Иоанн Златоуст в своих сочинениях обличали несправедливых, жестоких властителей, заступались за бедных людей.

Послание Ивану IV

Печатается по изданию: Ржига В. Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ.— Т. 1.— Л., 1934.— С. 117—119.

[1] Эта мольба Максима Грека к Ивану IV свидетельствует, вероятно, о том, что послание было отправлено из Тверского Отроча монастыря. Освобождение Максима из заключения и его переселение в Троице-Сергиев монастырь относится ко второй половине 1551 г.

Федор Карпов. Послание к митрополиту Даниилу

Мало точных сведений о жизни Федора Карпова. Первое упоминание о нем относится к 1495 г., когда он был «постельничим» Ивана III, а в 1537 г. стал «окружничим» при дворе Елены Глинской. Известно, что в 1545 г. Карпова уже не было в живых.

Энциклопедические знания и умение аргументированно отстаивать свою точку зрения создали Федору Карпову высокий авторитет ученого человека. Даже не склонный к лести Максим Грек называл его «премудрейшим» и «пречестнейшим». Влиятельный политический деятель, Федор Карпов сочетал дипломатическую службу с активными занятиями философией, историей, астрологией и т. д. Его произведения характеризуют автора как человека гуманистической ориентации, близкого европейскому Возрождению.

Литературное наследие Федора Карпова составляют послания и письма, из которых наиболее интересным является его послание к митрополиту Даниилу. Это памятник одновременно эпистолярного искусства и полемического красноречия. Написано «Послание» до 1539 г., т. е. до того времени, когда Даниил был сведен с митрополичьей кафедры.

По своей структуре «Послание» состоит из двух частей. Первая часть - многочисленные славословия в адрес Даниила. По всей видимости, форма этих славословий соответствовала нормам средневекового эпистолярного этикета. Похвалы настолько обильны и самоуничижительны, что остается впечатление иронии Карпова над его идейным противником Даниилом.

Вторая часть — собственно ответ Карпова на «епистолию», в которой Даниил призывал его к терпению. Федор Карпов высказывает откровенно еретические мысли, он отвергает идею божественной предопределенности, говорит о личной ответственности каждого за беспорядки, высказывается за необходимость ограждения власти отдельного человека законом, независимо от того, какое положение занимает этот человек в феодальной иерархии. Духовенство выработало теорию теократического абсолютизма (божественного происхождения царской власти), по которой всякое действие властей получало церковное освящение; народу же предписывалось лишь терпение. Федор Карпов в своем «Послании» выдвигает положение о необходимости активного противодействия несправедливости, отвергает христианский тезис о терпении.

Необычна для литературы XVI в. аргументация высказываний писателя, в которой чаще встречаются обращения к разуму, к авторитету античных мыслителей и поэтов, чем к Библии.

«Послание» публикуется по изданию: Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века. —

Летопись занятий Археографической комиссии.— Спб., 1909.— Вып. 21.— С. 106—113.

[1] В данном случае слово *«святыня»* употребляется как титул митрополита.

[2] Одна из книг Ветхого завета.

[3] Прием авторского самоуничижения. Карпов намекает на библейский город Вавилон, ставший символом духовных заблуждений и развращенности.

[4] Имеется в виду «Этика к Никомаху» — сочинение древнегреческого философа Аристотеля.

[5] См. комментарий к «Слову о Законе и Благодати» Илариона.

[6] Описание тяжелых условий работы писца здесь может быть свидетельством бедствий Карпова или традиционным эпистолярным мотивом.

[7] Вероятно, следует понимать как «невежественный», «варварский».

[8] Карпов цитирует строки из сочинений Публия Овидия Назона — римского поэта I в. до н. э.— I в. н. э.— Наука любви, II, 277—278; Фасты, I, 217—218 (переводы М. Л. Гаспарова, Ф. А. Петровского).

[9] Смысл слова неясен, поэтому при переводе принята поправка В. Г. Дружинина: теологиею.

[10] Цитата из Овидия: Метаморфозы, I, 144—145 (перевод С. В. Шервинского).

Валаамская беседа

Содержание произведения определено в трехчастной формуле названия: обличение еретиков, победа над царскими врагами, разоблачение «премудрости» их учения. «Новой ересью» называет безымянный писатель монастырское землевладение; еретиками и врагами государства являются для него все те, кто не препятствует обогащению монастырей, даже если это сам царь. «Бесконечной погибелью» оборачивается царская «простота» и «неразсужение» как для самих монахов, так и для тех, кто их кормит «мирскими слезами» — монастырских крестьян. Призывы к государю блюсти свой титул самодержца, не верить ссылкам на «Писание» жадного духовенства, а самому обращаться к книгам в «Валаамской беседе», вероятно, имеют конкретного адресата — молодого Ивана IV. Первый из великих князей, венчавшийся на царство, Иван Васильевич, князь Московский, в 1551 г. созывает собор для решения важных государственных вопросов. Непосредственной задачей автора «Валаамской беседы», по мнению современной исследовательницы Г. Н. Моисеевой, и было вмешательство в споры о землевладении с целью повлиять на решения собора о конфискации монастырских земель и передаче их служилому дворянству.

Литературная форма «Валаамской беседы» в основном выдержана в традициях жанра дидактического «слова», поучения, хотя сам автор дает двойное определение: беседа и видение валаамских старцев Сергия и Германа. К авторитету основателей Валаамского монастыря на Ладожском озере писатель обращается для того, чтобы придать большую весомость своим идеям, которые он представляет как «божественное откровение». Приемы предсказания, свойственные жанру видения, многочисленные повторы главной мысли с разной аргументацией, иносказания, аллегорические толкования, характерные для публицистики XVI в., словесные обороты деловой письменности и, наконец, светский, по преимуществу, язык «Валаамской беседы» способствовали расширению художественных возможностей ораторских жанров в XVI в.

Известная в большом количестве списков, «Валаамская беседа» сыграла заметную роль в идеологической борьбе своего времени.

Текст приводится по списку второй половины XVII в., опубликованному в кн.: Моисеева Г. Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века.— М.; Л., 1958.— С. 161—177.

[1] Вступая в монастырь, человек разрывал всякую связь с «миром», становился как бы «мертвецом».

[2] Исайя предсказал падение некогда сильных государств, но автор «Валаамской беседы» существенно домысливает слова библейского пророка.

[3] Многочисленные произведения, связанные с именем этого библейского героя (см. примеч. 21 к «Слову о житии Дмитрия Ивановича Донского»), использовались как сторонниками монастырского землевладения, так и его противниками для аргументации своих положений. Автор «Беседы» призывает государя самому сделать правильные выводы. Кроме того, здесь содержится скрытый выпад против боярского правления. Писатель намекает, что царь должен руководствоваться своим опытом и мудростью книг, а не быть исполнителем воли «советников».

[4] По учению богословов, небесный мир населяют девять ангельских чинов. Десятым чином называли монашество, долженствующее стоять ближе всех к богу на земле.

Ермолай-Еразм. Правительница и землемерие

Мало сведений дошло до нас о жизни писателя XVI в. Ермолая-Еразма. Известно лишь, что он долгое время был священником в Пскове и в Москве, а впоследствии принял монашество. Судя по близости Ермолая-Еразма к московскому митрополиту Макарию, он мог принимать участие в создании Великих Миней-Четьих. Произведения Еразма донесли до нас образ вдумчивого, образованного человека, критически

воспринимавшего существующую социальную систему государства. Демократические взгляды писателя, его неприятие боярского превосходства вызывали постоянные конфликты с вельможами, в придворных кругах Ермолай-Еразм получил прозвище «бесноватый». Из «моления» писателя к Ивану Грозному стал известен факт клеветнического обвинения Ермолая-Еразма боярами.

Руководство к управлению страной, которое адресует Ермолай-Еразм «благохотящим царям», направлено на укрепление Русского государства путем социально-экономических реформ, что должно, по мнению писателя, облегчить тяжелое положение крестьянства. Структура этого сочинения включает две относительно независимые части.

Первая часть содержит предложения по реформе податной (налоговой) системы и укрупнения единиц измерения земельных участков, советы по изменению порядка воинской и ямской повинности. Важнейшим явилось предложение ограничить величину подати одной пятой частью урожая хлеба, заготовленных сена и дров. Это предложение возврата от денежного налога к натуральному находилось в противоречии с общей тенденцией развития внутреннего рынка, хотя и отражало интересы крестьянства.

Вторая часть «Правительницы и землемерия» должна была решить проблемы падения общественной нравственности. По мнению Ермолая-Еразма, главная вина заключается в широком распространении пьянства. В качестве основной меры борьбы автор предлагает закрытие питейных заведений и изъятие из обихода хмелевых дрожжей, замены их на виноградные (виноградные дрожжи не позволяют получать алкогольные напитки крепостью более 5—7 градусов). Учитывая большое количество пьяных драк, Ермолай-Еразм предлагает делать ножи только с закругленными тупыми концами, чтобы уменьшить количество убийств... Вообще соединение наивных мечтаний с чисто практическим деловым подходом характерно для публицистики Ермолая-Еразма.

Сочинение печатается по изданию: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения.— М., 1881.— Отдел приложений. Учтены исправления и дополнения, сделанные В. Ф. Ржигой к изданию В. Жмакина в кн.: Литературная деятельность Ермолая-Еразма.— Л., 1926.— (Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XXXIII).

[1] Кроме оброка, крестьянин должен был платить и так называемую ямскую повинность, т. е. оплачивать государственные перевозки. Ермолай-Еразм считает, что ямскую повинность должны нести не крестьяне, а городские жители и все, занимающиеся торговлей.

[2] *Четверть* – мера земельного участка, состоящая из 1200 «четве-

рограннных сажень». Сажень могла соответствовать 152, 176, 216, 248 сантиметрам.

[3] *Поприще* — мера длины, состоящая из 750 сажень, т. е. около километра.

[4] Около квадратного километра.

Наставление князьям

К сожалению, науке неизвестно ни имя автора, ни даже время создания этого яркого памятника. По силе обличения и пафосу борьбы с беззаконием властей за справедливость и правду он сопоставим лишь с гневными, публицистически заостренными житием и посланиями Аввакума Петрова.

Текст приводится по изданию: Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Григорием Кушелевым-Безбородко.— Спб., 1862.— Вып. 4.— С. 184.

[1] *Тиберий* Клавдий Нерон — римский император (14—37), во время правления которого Понтий *Пилат* был наместником в Иудее. О казни Тиберием Пилата и его жены из канонических христианских источников ничего не известно.

Даниил, митрополит. Из 12-го слова

Даниилу (ок. 1492—1547 гг., с 1522 г. митрополит Московский) принадлежит большое количество сочинений, часть которых вошла в сборник «слов», посвященных нравственно-бытовым, догматическим и обрядовым проблемам. Мы печатаем отрывок из 12-го «слова» Даниила. В нем говорится о множестве порочных, с точки зрения автора, привычках русского боярства: критикуются пьянство, обжорство, вычурность одежды и обуви, манеры щеголей и щеголих XVI в. Даниил порицает их, однако при этом он не гневается, а снисходительно наставляет своих слушателей.

Необычна вторая часть этого «слова» — наказ-поучение. В нем содержится чуждый иосифлянству, ревностным сторонником которого был митрополит Даниил, призыв к созерцанию и совершенствованию человека. Задумчивый тон повествования, лирические отступления придают этой части «слова» поэтический характер.

Текст печатается по изданию: Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения.— М., 1881.— С. 16—26.

«Душеполезное лекарство»

Памятники учительного красноречия XII—XVII вв.

Поучение епископа Белгородского

Имя автора публикуемого поучения восстановлено А. И. Соболевским по одному из списков, который сохранил имя — Григорий. Григорий, епископ, жил, вероятно, в конце XII в. в Белгороде — небольшом городке под Киевом, и за свою мудрость был прозван философом.

Поучение издается по публикации А. И. Соболевского: Два русских поучения с именем Григория.— Известия Отделения русского языка и словесности АН.— Т. XII.— Кн. I.— Спб., 1907.— С. 254—258.

[1] Белгородские епископы часто заменяли киевского митрополита, исполняли его обязанности по Киевской епархии. Во время такой отлучки митрополита Григорий-философ, оставленный «в пастыря место», и произнес перед прихожанами одного из киевских храмов свое поучение, обличающее порок пьянства.

Поучение о казнях божиих

Это одно из самых ранних сочинений, направленных на борьбу с пьянством, дошло до нас в составе «Златоструя» XII в. (ГПБ, F. I, п. 46, лл. 127—128 об.). По этому списку поучение и печатается в настоящем издании.

В древнерусских сборниках авторство «Поучения о казнях божиих» иногда приписывалось Феодосию Печерскому, но на самом деле, вероятно, это переводное произведение и принадлежит Иоанну Златоусту. Уже в Киевской Руси сочинение это, очевидно, благодаря своей тематике получает широкую известность, фразы, отрывки из него встречаются в «Повести временных лет» и в «словах» русских авторов с XII по XVII в.

Слово о разуме и о помыслах

«Слово» часто включается в состав древнерусских учительных сборников «Измарагд», «Златая Цепь», «Златоуст» и других, и, как правило, без имени автора. Оно, вероятно, является или древнерусской переделкой какого-либо переводного (византийского) поучения, или оригинальным сочинением, составленным для «простой чади».

Печатается по списку «Измарагда» XVI в. (ГБЛ, ф. 310, № 543, лл. 341 об.— 343 об.).

Поучение о лихоимстве и о пьянстве

Печатается по «Измарагду» XIV в. (ГБЛ, ф. 256, № 186, лл. 85-86.).

Антоний Подольский. Слово о пьянстве

«Слово» Антония Подольского, московского монаха, написано в 1620 г. Печатается по изданию: Православный собеседник.— 1862.— Март.— С. 283—288, 369—383.

Поучение к ленивым

Неизвестен автор этого поучения, но скоморошьи балагурные словосочетания с морфологической рифмой, близкие к русскому раешному стиху, указывают на писателя, хорошо знакомого с устным народным сказом, с традицией письменной праворучительной литературы. Обращает на себя внимание то, что в поучении практически отсутствует библейская и общехристианская аргументация положений, автор рассуждает о лени не как о христианском грехе, а как о пороке, вредном для семьи, хозяйства дома и города, общества в целом.

Поучение печатается по изданию: Православный собеседник.— 1861.— Вып. III.— С. 473.

Слово о молчании

«Слово» читается в составе древнерусского сборника «Златоуст» Печатается по изданию: Невоструев К. И. Древнерусские поучения и послания об иноческой жизни.— Харьков, 1862.— С. 77—88.

[1] Здесь речь идет о языческих празднествах, которые часто сопровождались игрищами и плясками.

Слово о женах

Составлено в конце XV в. книгописцем Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином.

Печатается по списку XV в. (ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 6/1083, лл. 118—120 об.), опубликованному М. Д. Каган-Тарковской в кн.: Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции.— М., 1976.— С. 383—384.

[1] Намек на желаемую всеми смерть злой жены; дубовая колода имеет здесь значение гроба.

Нил Сорский. Слово о победе над злыми помыслами

Нил Сорский (Николай Майков, ок. 1433—1508 гг.) известен как глава внутрицерковной группировки «нестяжателей» или «заволжских старцев», выступавшей за реформу монашества на началах производительного труда (т. е. полного обслуживания монахами самих себя), скитской жизни вдали от «мира», духовного совершенствования. Последнее особенно важно для понимания сочинений Нила Сорского, в которых утверждается необходимость для человека «умного», «сердечного делания» — постоянной внутренней борьбы с дурными помыслами и порочными страстями.

«Слово» включено в состав знаменитого «Устава» Нила Сорского. Называя порочные «помыслы», Нил ставит перед своими слушателями задачу разумного, осмысленного освобождения от них — задачу собственного перевоспитания, побуждает человека к активности в борьбе со своими пороками. Простой язык, четкость и новизна концепции составляют главное достоинство «Слова», которое в составе «Устава» несомненно входило в круг чтения всех грамотных людей того времени.

Текст приводится по изданию: Преподобный Нил Сорский — первооснователь скитского жития в России и Устав его о жительстве скитском.— Спб., 1864.— С. 203—205.

Ораторское наследие «бунташного века» русской истории (XVII век)

Плач о пленении и о полном разорении Московского государства

Плачи о родной земле, об отечестве создавались в тяжелые годы испытаний. Так и писатель XVII в., имя которого осталось неизвестным, написал свой «Плач о пленении...» в один из самых трагичных моментов русской истории — когда Москва оказалась под властью поляков и члены «семибоярщины» предали интересы Московского государства. В октябре 1612 г. народное ополчение освободит столицу, но автор «Плача» еще не знает об этом, отсюда эта своеобразная форма, скорбный тон произведения и робкая надежда на возможное избавление. Неточный в передаче исторических событий (автор основывается только на грамотах, письмах патриарха Гермогена и участников ополчения) «Плач» тем не менее верно передает настроения и чувства русских людей, обеспокоенных судьбой своей страны. Искусный ритор, автор «Плача» умело использует ритмику и рифму, ораторские стилисти-

ческие формулы для «пользы и наставления слушающим». Его «слово»-плач — одно из самых ярких произведений «бунташной» литературы периода смуты.

Текст печатается по изданию: Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени.— Л., 1925.— (Русская историческая библиотека, т. 13, вып. I).— Стлб. 219—234.

[1] «Степенная книга царского родословия» была составлена в 1560—1563 гг. для прославления царствующей династии. В конце XVI—XVII вв. в литературные и исторические сборники вместе со «Степенной книгой» включались и другие сочинения, которые могли восприниматься читателями как непосредственное ее продолжение. Вероятно, так и случилось с «Плачем о пленении...».

[2] *Василий Шуйский* захватил власть после расправы над Лжедмитрием I. Время его царствования приходится на 1606—1610 гг.

[3] Библейские пророки Исайя и Иеремия предсказывали разрушение городов и целых государств за всевозможные прегрешения их жителей.

[4] *Антихрист,* по христианскому вероучению,— противник Иисуса Христа. Предшественником антихриста автор «Плача» считает самозванца — Лжедмитрия. Под этим именем известен беглый монах Московского Чудова монастыря Григорий Отрепьев. Попав в Польшу, он объявил себя «чудесно спасшимся» сыном Ивана Грозного и Марии Нагой. Во главе польского войска пошел на Москву, чтобы стать «законным царем». Лжедмитрий I процарствовал менее года и был убит 17 мая 1606 г.

[5] Автор «Плача», по-видимому, не разделяет двух Лжедмитриев: первого (см. выше) и второго — «Тушинского вора», основавшего свой лагерь под Москвой в Тушине (1606—1608 гг.).

[6] Борьба за престол нескольких претендентов осложнилась польско-литовской и шведской интервенцией, вина за развязывание которой в немалой степени легла на правительство Василия Шуйского.

[7] За время «смуты» появилось до полутора десятков самозванцев, или, как их называли в народе,— «цариков». В «Плаче» названо несколько имен таких «цариков».

[8] *Домашними врагами* автор считает боярина Михаила *Салтыкова,* который возглавил в 1610 г. посольство к польскому королю Сигизмунду III (целью этого посольства было воцарение сына Сигизмунда Владислава на русском троне), и Федора *Андронова,* «от рода купецка». Андронов был в стане Лжедмитрия II, жестоко расправлялся со своими соотечественниками во время польско-литовского нашествия. Предатели настойчиво предлагали Сигизмунду поход на Москву.

[9] Гетман С. Жолкевский возглавил польские войска в походе 1610 г. на Москву.

[10] Автор говорит о Василии Шуйском, правительство которого за

четыре года вызвало всеобщее недовольство. 17 июля 1610 г. Шуйский был низведен с престола и насильно пострижен в монахи.

[11] Московские бояре подписали договор о признании польского королевича Владислава русским царем и в ночь на 21 сентября 1610 г. тайком впустили польские отряды в Москву.

[12] *Патриарх Гермоген* сыграл положительную роль в патриотическом движении «смутного» времени. После конфликта с представителями боярского правительства Гермоген запретил москвичам присягать польскому королю, рассылал грамоты, призывающие к борьбе с интервентами.

Иван Хворостинин. Наставление о воспитании чад

Наставление представляет собою часть большого сочинения без заглавия, в котором автор передает и некоторые сведения о своей жизни: «бывал в ратех и воеводствовал в полцех», «не умел лстивен быти» и потому стал неугоден «властителям», родовит, богат, но не пользовался своим богатством... Обвиненный в измене и еретическом свободомыслии, Хворостинин оказался в заточении в Кирилло-Белозерском монастыре. Там, вероятно, и написал он в 1623 г., за два года до смерти, свое духовное завещание, прославляющее учение, книжную премудрость и нравственное совершенство. Написанное с глубокой искренностью, наставление адресовано всему обществу в целом. Афоризмы Хворостинина, следуя один за другим, придают его сочинению особый энергичный ритм, способствующий более действенному восприятию мысли писателя. Идейным стержнем этой мысли является забота о воспитании в детях любви к учению.

Текст дается по изданию: Петухов Е. В. Из истории русской литературы XVII века. Сочинение о царствии небесном и о воспитании чад.— Памятники древней письменности.— Спб., 1893.— Вып. 93.— С. 48—53.

СОЧИНЕНИЯ АВВАКУМА ПЕТРОВА

Беседы, послания, «слова» Аввакума Петрова (1621—1682) гораздо менее знакомы современному читателю, чем ставшее всемирно известным «Житие». Написанные в страшных условиях Пустозерской ссылки, эти сочинения, несмотря на царские запреты, расходились во множестве списков, бережно сохранялись в крестьянской среде. Искреннее сострадание к обездоленным — «горемыкам миленьким», выпады против властей, звучащие в каждом «слове» Аввакума, сам образ писателя — мученика, борца за правду привлекали симпатии простых людей. Близки им оказались утверждения Аввакума, что все в мире «наделано для человеков», идея равенства людей в праве пользоваться благами

жизни и т. д. Социальное происхождение Аввакума — выходца из бедной семьи – предопределило многие особенности его сочинений, демократических по мысли и слогу.

Публикуемые в настоящем издании сочинения Аввакума Петрова принадлежат к замечательным памятникам ораторского искусства, они передают все оттенки живой русской речи XVII в. В полемических и лирически-задушевных «словах» Аввакума слышен эмоциональный отклик писателя на добро и зло мира, заключены размышления о гражданской ответственности и художественной позиции оратора.

В обращении к «чтущим» и «слышащим» — этом панегирике рус скому «природному» языку и в «слове» «Что есть тайна христианская...» Аввакум раскрывает свои требования к языку и стилю литературных произведений: «Не ищите риторики и философии, ни красноречия» «не позазрите просторечию нашему...» Для XVII в. и для древнерусской литературы вообще это была принципиально новая программа использования русского языка: простота и доходчивость впервые объявлялись главными достоинствами художественной речи.

В сочинениях Аввакума, несмотря на их традиционно религиозную тематику, основное содержание составляют не догматические проблемы, а реальные противоречия и «неустройства» русской действительности XVII в. Трудно найти в русской литературе более резкие и язвительные обличения духовенства, чем в «словах» и беседах Аввакума. Писатель не ограничивается общей отрицательной характеристикой церковных иерархов, он впервые в истории русской литературы создает персонифицированные литературные портреты — сатиру на лица. Подчеркивая контраст между словом и делом «овчеобразных волков», «атаманов чертей», Аввакум придает сатирическим образам социальное звучание. Мечта о правде — этой высшей справедливости, что равняет царя и его подданных,— толкает писателя на разоблачения «государевой неправды», «лукаваго царя» в дерзких, неслыханных до сих пор выражениях: «дурачищо», «бедной, бедной, безумной царишко...». Аввакум как личность ставит себя выше монарха,— невероятная не только для средневековья, но и для более поздних времен степень самосознания писателя-гражданина!

Теме подвига, «доблести, мужества и изящнаго страдания» посвящено глубоко искреннее, взволнованно-проникновенное «О трех исповедницах слово плачевное». Скорбь, гнев, боль, восхищение, гордость... все чувства, испытанные при известии о мученичестве, а потом смерти своих «духовных дочерей», передает нам писатель то в форме народной причети, то в торжественной манере древних «витий», то в драматических сценах, то в ласковых интонациях и сердечных обращениях. В соединении риторики и интимности, обличительного пафоса, гражданственных призывов и лиричности, вероятно, и заключен секрет

необычайно сильного эмоционального воздействия на читателей сочинений Аввакума Петрова.

Обращение Аввакума к «чтущим» и «слышащим» печатается по изданию: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания/Изд. подготовили Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова.— Л., 1975.— С. 112. Остальные сочинения даны с сокращениями по кн.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.—Иркутск, 1979.— С. 79—80, 85—89, 91—97, 117—122, 177—179, 184—190, 229—235.

Обращение к «чтущим» и «слышащим» и похвала «русскому природному языку»

«Обращение» можно рассматривать как авторское послесловие к «Житию Аввакума Петрова».

[1] *Старец Епифаний* — соузник Аввакума по Пустозерской ссылке и его «духовный отец».

Из «Книги бесед»

Книги «бесед» и «толкований» (см. ниже) и сочинения, вошедшие в них, озаглавлены были не самим автором, а учеными XIX в. Н. Субботиным и П. Смирновым.

Введение

[1] Сторонники Никона признавали четырехконечный крест равным традиционному, восьмиконечному кресту. Аввакум объявляет четырехконечный крест еретическим — латинским «крыжем» (крыж — крест, *пол.*).

[2] То есть другие еретические, неправильные, нехристианские, с точки зрения Аввакума, привычки и обряды: троеперстное знамение, заменившее двоеперстное, поясные поклоны вместо земных, высокие клобуки высших церковных иерархов и т. д. Выступает Аввакум и против нового направления в иконописи XVII в., связанного с именами Симона Ушакова и Иосифа Владимирова, нарушивших требование Стоглавого собора 1551 г. писать иконы с древних образцов. За всем этим стоит страстное желание Аввакума уберечь русскую церковь от влияния латинского запада.

[3] Аввакум сравнивает себя в нынешнем положении с библейским «блудным сыном», который во время странствий, обнищав, ел со свиньями.

[4] *Земляная яма*, тюрьма в Пустозерске, где был заключен Аввакум

рядом с сидевшими в таких же ямах попом Лазарем, иноком Епифанием, дьяконом Федором.

[5] В библейской книге «Откровение Иоанна Богослова», пророчествующей о последних днях мира, упоминается зверь, на единственном роге которого стоит число 666. Старообрядцы соотнесли это число с датой 1666 — годом, когда состоялся церковный собор, осудивший сторонников «старой веры». В этот год и ожидали пришествия антихриста, земным воплощением которого для Аввакума стал патриарх Никон. Но так как собор 1666 года за самоуправство и самоволие сместил и Никона с патриаршего престола, то его стали считать предтечей — предшественником антихриста, царство которого, по мнению староверов, должно наступить в недалеком будущем.

Беседа третья. Об иноческом чине

[1] Высокие головные уборы, принятые у вселенских патриархов. Аввакуму этот клобук напоминал рога.

[2] Аввакум упоминает факт церковной истории, когда на папском престоле оказалась женщина — папесса Иоанна.

[3] В книге «Кормчей» — своде законов православной церкви — строжайше предписывается: «Не подобает женам в олтарь входити». Отступление от этого правила в представлении Аввакума характеризует наступившие еретические времена.

[4] Аввакум называет имена деятелей католической церкви, соперничавших в середине XV в. в борьбе за папский престол.

[5] Ферраро-Флорентийский собор 1439 г. См. примеч. 3 к «Похвальному слову инока Фомы».

[6] *Марк,* митрополит Ефесский — защитник православия на Флорентийском соборе, отказавшийся подписать акт о соединении церквей.

[7] А. К. Бороздин считает, что при переписке сочинений Аввакума в XVIII в. была допущена ошибка в переводе буквенной цифири: вместо Л (30) прочитали П (80). Таким образом получилась цифра 282. На самом деле Аввакум указывает на дату, когда создавалась «Книга бесед»: 1439+232=1671 год (Бороздин А. К. Протопоп Аввакум. Очерк из умственной жизни русского общества в XVII веке.— Спб., 1900.— С. 198.)

[8] Аввакум говорит об Иоанне VIII. См. примеч. 4 к «Похвальному слову инока Фомы».

[9] *Константин* XI Другад, последний византийский император, погиб в 1453 г. при осаде турками Константинополя.

[10] Турецкий султан Магомет II, завоеватель Константинополя.

Беседа пятая. О внешней мудрости

[1] В один ряд ставит Аввакум и библейского царя *Нимрода*, и *Зевса, Гермеса, Артемиду* — богов античности. Называя Артемиду — покровительницу целомудрия «любоденцей», Аввакум, очевидно, имеет в виду Афродиту — богиню любви и красоты.

[2] Сведения о греческих богах, греческих и римских ученых Аввакум берет из переводных исторических сочинений, а также из русского Хронографа, содержавшего изложение всемирной истории от сотворения мира и пополнявшегося вплоть до XVII в.

[3] *Платон, Пифагор, Аристотель, Диоген* — знаменитые древнегреческие философы VI—IV вв. до н. э., *Гиппократ* — врач. *Гален* Клавдий — римский врач, теоретик античной медицины (II в. н. э.).

[4] Аввакум напоминает о заседании церковного собора 17 июля 1667 г., на котором состоялось его «прение» со вселенскими патриархами. На этом соборе Аввакум был осужден и лишен священнического сана.

[5] Архиепископ Рязанский Иларион и митрополит Крутицкий Павел по велению царя Алексея Михайловича уговаривали Аввакума отказаться от идеи староверия.

Из беседы восьмой. О Мелхиседеке

[1] Излагая историю библейского царя Мелхиседека, Аввакум ориентируется не на канонический текст, а на апокрифическое «слово» Афанасия Александрийского «О Мелхиседеке».

[2] *Мелхиседеков чин*, вероятно, следует понимать как объединение в одном лице власти царя и священника.

[3] *Иларион* (впоследствии архиепископ Рязанский) был игуменом богатого Макарьевского монастыря в Нижегородском крае, когда с ним познакомился и подружился Аввакум. Некоторое время они выступали вместе.

[4] По возвращении из ссылки в Мезень Аввакум был отдан Павлу, митрополиту Крутицкому, «на уговоры». С этого времени Павел — заклятый враг Аввакума.

[5] *Лысково* — близлежащий к Макарьевскому монастырю город на правом берегу Волги.

[6] Аввакум сравнивает никониан со священниками библейского царя Манассии, по приказанию которого был замучен пророк Иса́йя.

[7] Обряд лишения священнического сана сопровождался публичным снятием с осужденного верхней одежды, заменой ее простой мирской одеждой, а также острижением волос на голове и бороды.

[8] Мухаммед, основатель ислама, учил, что распространять свою религию надо, убивая «неверных». Принудительное насаждение нико-

новских обрядов на Руси даст повод Аввакуму сравнить политику Мухаммеда и царя Алексея Михайловича.

[9] Библейский царь Ирод дал приказ в день своей смерти истребить всю иудейскую знать.

[10] Русские люди в XVII в. были уверены, что антихрист появится непременно из римской церкви. В 1648 г. в Москве распространяется «Книга о вере», автор которой прямо говорит об этом. Представления Аввакума об антихристе основываются на этой книге и «Откровении Иоанна Богослова».

[11] *Посох* — символ пастырской власти. Навершие посоха протопопа в середине XVII в. (до раскола) имело форму полумесяца, расположенного концами вверх.

Что есть тайна христианская и как жити в вере Христове

Сочинение включено в «Книгу толкований».

[1] В книге Бытия рассказывается о встрече Иосифа Прекрасного, могущественного человека в Египте, со своим отцом и братьями. Иосиф не постыдился бедности отца и публично бросился ему на шею.

[2] Сюжет из Третьей книги Царств: когда Вирсавия вошла к сыну своему царю Соломону с просьбой, он встал перед ней, поклонился и велел поставить справа от себя престол для Вирсавии — матери своей.

[3] Аввакум наставляет, как детям надо обращаться с престарелой матерью: носить на руках, переносить на плечах через грязь и т. д.

[4] Писатель обличает распутных и неверных женщин, сравнивая их с женой царедворца египетского фараона Пентефрия, соблазнявшей Иосифа Прекрасного, и с блудницей Далилой, которая выдала врагам богатыря Самсона.

[5] Называются разные книги, из которых Аввакум черпает свои познания в богословии.

[6] Имеется в виду популярная в Древней Руси притча о Богатом и Лазаре. В притче рассказывается о посмертных мучениях в аду богача, не замечавшего при жизни нищего Лазаря, вознесенного после смерти в рай. Богач молит нищего о милости, но тщетно, потому что должна восторжествовать справедливость: кто наслаждался в земной жизни, должен страдать в загробной.

[7] Аввакум вспоминает о своей службе протопопом в Тобольске во время первой ссылки в 1654—1655 гг.

Послание к верным

[1] Соузникам Аввакума по Пустозерской ссылке Лазарю, Епифанию и Федору «языки резали и руки секли». Лазаря и Епифания казнили «урезанием языков» дважды в 1667 и 1670 гг.

[2] К своему дому Аввакум причисляет юродивого Федора и Луку Лаврентьевича — своих духовных сыновей, повешенных в марте 1670 г.

[3] Сыновья Аввакума Иван и Прокопий «прибрели» из Москвы на Мезень летом 1669 г., а весной 1670 г. вместе с матерью были заключены в земляную тюрьму. О приказании повесить детей Аввакума ничего не известно.

[4] Осада Соловецкого монастыря, не принявшего новых книг и обрядов, началась в 1668 г. Ко времени написания «послания» осада продолжалась пять лет. Это упоминание Аввакума служит основным датирующим признаком «Послания» — 1673 г.

Совет святым отцем преподобным

Произведение написано после 30 января 1676 г. — смерти царя Алексея Михайловича.

[1] *Лида* и *Ассарон* — библейские города, жители которых стараниями апостола Павла приняли христианство.

[2] В Библии, в рассказе о богатствах царя Соломона, упоминается Фарсис — город, из которого один раз в три года приплывали корабли и привозили «золото и серебро, слоновую кость, и обезьян, и павлинов».

[3] Жители библейского города *Гаваона* обманули Иисуса Навина, хитростью добились от него пощады. За это Иисус Навин проклял их и сделал рабами.

[4] В книге Иисуса Навина рассказывается о битве израильтян с аморейским войском, во время которой Иисус Навин, предводитель израильтян, приказал солнцу остановиться и не клониться к заходу, и «стало солнце среди неба и не спешило к западу почти целый день».

[5] *Фараониты* — слуги египетского фараона, преследовавшие евреев. Здесь имеются в виду преследователи старообрядцев — никониане.

[6] То есть предложи угощение, положенное по церковному уставу: в дни поста — постную пищу, в обычные дни — «с маслецом».

[7] Русь, принявшая новые церковные обряды, для Аввакума то же, что Вавилон — библейский город, ставший символом нечестия и развращенности. Поэтому он иронически советует иноземцам не гордиться тем, что они видели в других странах — российские неурядицы могут затмить даже Вавилон.

[8] *Каиновичем* называет Аввакум человека согрешившего, но не желающего раскаяться, выжидающего, пока его обличат.

[9] Так представляет себе Аввакум смерть царя Алексея Михайловича, которая наступила через два дня после того, как царские войска вошли в Соловецкий монастырь — оплот старообрядчества. В этом Аввакум увидел божие наказание нечестивого царя.

[10] Во время правления царя Алексея Михайловича на Руси состоялись первые театральные представления, одно из которых на тему «Страстей Христовых» и имеет в виду писатель. Старообрядцы считали театральные «действа» бесовскими, греховными.

[11] Боярыня Морозова и княгиня Урусова — «духовные дочери» Аввакума, умерли в 1675 г. Современники не без оснований полагали, что узниц уморили голодом.

[12] Последствия распространенных в XVII в. «казней» — вырывания языка и отрезания носа.

[13] Московский пожар 9 июня 1676 г.

[14] Печатью антихриста старообрядцы считали троеперстное сложение при крещении, введенное патриархом Никоном вместо двоеперстного. Кроме того, печатями антихриста, «знамениями» грядущего конца света Аввакум считает также падение Соловецкого монастыря, московский пожар 1676 г. и т. д.

О трех исповедницах слово плачевное

«Слово» написано, очевидно, в начале 1676 г. под непосредственным впечатлением известия о смерти боярыни Феодосьи Морозовой, княгини Евдокии Урусовой и «жены дворянской» Марии Даниловой.

[1] Боярыня Морозова постриглась в монахини под именем Феодоры.

[2] В ссылке в *Мезени* (ныне Архангельская область) Аввакум прожил с декабря 1664 по февраль 1666 г.

[3] То есть край земли, остров океанский. Таким краем земли Аввакум считает Мезень, слободу, которая находилась у устья реки Мезень, впадающей в Северный Ледовитый океан.

[4] *Федот Стефанов* — нищий, живший в доме боярыни Морозовой, в его келье собирались единомышленники Аввакума для составления «выписок», осуждавших никоновские реформы. Эти «выписки» готовили для «собора правого», каким ожидали видеть церковный собор 1666—1667 гг.

[5] Родственники Морозовой (двоюродный брат Федор Михайлович Ртищев, дядя Михаил Алексеевич Ртищев, его дочь Анна Михайловна Вельяминова) были защитниками никоновских реформ и нововведений, призывали Морозову не противиться царю, подумать о сыне.

[6] *Иоаким*, патриарх «всея Руси» с 1674 г. В то время, про которое

пишет Аввакум, он был архимандритом Московского Чудова монастыря (до 29 августа 1664 г.). Иоакима присылал царь Алексей Михайлович для уговоров боярыни Морозовой.

[7] Влиянию Федора Ртищева Аввакум приписывает показное согласие Морозовой принять троеперстное крещение для возвращения отнятых у нее вотчин.

[8] Конфискованные имения Морозовой были возвращены ей по указу от 1 октября 1666 г. благодаря заступничеству царицы Марии Ильиничны.

[9] Аввакума привезли в Москву 1 марта 1666 г.

[10] *Павликом,* издеваясь, называет Аввакум митрополита Крутицкого Павла.

[11] 9 марта 1666 г. Аввакума привезли в тюрьму близ города Боровска, бывшей Калужской губернии.

[12] После лишения священнического сана Аввакума отправили в Никольский монастырь на Угреше (около Москвы).

[13] *Фекла* — мученица, последовательница апостола Павла.

[14] «Духовные дети» Аввакума: *Евдокия* — княгиня Урусова, *Иванушка* — вероятно, сын Ф. Морозовой, *Анна* — Анна Ильинична Морозова, *Неонила* — предположительно жена сына Аввакума Ивана, *Феодор* — юродивый, живший в доме Ф. Морозовой.

[15] После «прения» с палестинскими, т. е. восточными, патриархами и русскими иерархами на соборе 1667 г. Аввакума отвезли на Воробьевы (ныне Ленинские) горы, где находился тогда Андреевский монастырь.

[16] *Лазарь* и *Епифаний* — соузники Аввакума, сожженные вместе с ним в 1682 г.

[17] После пребывания на Андреевском подворье в Москве, Саввиной слободке близ Москвы, Никольском-на-Угреше монастыре Аввакум вновь был отправлен в Москву на Никольское подворье.

[18] Указ о ссылке в Пустозерск был подписан 26 августа 1667 г.

[19] Сестры Морозова и Урусова подвергались пыткам на подворье Псковского Печерского монастыря в Москве, а затем в Боровске.

[20] Узниц допрашивали патриарх Питирим, митрополит Павел Крутицкий и «инии власти» в палатах Чудова монастыря.

[21] Илларион Иванов, думный дьяк, ведший допрос узниц.

[22] В конце 1673 — начале 1674 г. женщин доставили в Боровский острог, где они пробыли до июля 1675 г. После этого их перевели в «пятисаженные ямы», в которых они и скончались: Урусова — 11 сентября, Морозова — 2 ноября, Данилова — 1 декабря. Боровск Аввакум называет «своим отечеством», вероятно, потому, что одним из мест его заключения был Боровский Пафнутьев монастырь.

[23] По житию боярыни Морозовой известно, что тело ее и ранее умершей сестры Евдокии по приказанию царя было «обвито вместо других наволок рогозицею» и «внутрь острога» закопано.

Послание Евдокии Урусовой к детям

Письмо княгини Евдокии Прокопьевны Урусовой обращено к двум ее дочерям и сыну. Написано оно, вероятно, за несколько месяцев до смерти княгини 11 сентября 1675 г. В то время, когда Урусова за свою приверженность «старой вере» томилась в Боровской тюрьме, муж ее князь Урусов женился вторично. Это еще более усилило душевные муки узницы, ее беспокойство за судьбу детей.

Плач-рыдание матери, разлученной со своими детьми, умирающей вдали от них, но не сломленной, поражает своей эмоциональной насыщенностью. Напевность, ритмичность речи, те поэтические средства, к которым прибегает узница, чтобы передать свои чувства, характеризуют не только ее индивидуальную манеру, но говорят о хорошем литературном образовании Урусовой. Опираясь на предшествующий художественный опыт устного народного и литературного искусства, она создала произведение, которое и до сих пор волнует читателей.

Послание печатается по публикации Н. Г. Высоцкого в кн.: Старина и Новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения.— М., 1916.— Кн. 20.— С. 25—27.

[1] *Анна* Амосова — ревностная сторонница сестер Ф. Морозовой и Е. Урусовой.

ОРАТОРСКИЕ СОЧИНЕНИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Настоящее имя Симеона — Самуил Петровский-Ситнианович (1629—1680). Родом из Белоруссии, Симеон получает свое прозвище Полочанин, или Полоцкий, в Москве, куда он переселяется в 1663 г. Москва стала второй родиной талантливого поэта, оратора, писателя, публициста, первым в России начавшего профессионально заниматься литературой. Несмотря на свой сан и почетную должность учителя «государевых» детей, именно сочинительство считает Симеон главным делом своей жизни.

События общественные и культурные, события, происходящие в царской семье, служат для Симеона поводом к сочинению панегириков, эпитафий, трактатов, наставлений... Получив великолепное по тому времени образование (Симеон окончил Киево-Могилянскую коллегию, где преподавали не только богословские курсы, но и грамматику, риторику, древние языки, философию, математику, астрономию, музыку), владея несколькими языками, Симеон считал своим долгом заботиться о распространении просвещения, искоренении невежества. Судя по заметкам и письмам Симеона, свои «слова» он произносил каждый воскресный день и чаще — по случаю знаменательных событий,

вводил тем самым практику устной проповеди в Московском государстве. Число его «ораций» доходило до двухсот. Часть «слов», произнесенных перед слушателями, Симеон объединил в два сборника: «Обед душевный» и «Вечеря душевная» (т. к. чтение этих книг, по мнению Симеона, призвано так же насыщать и укреплять душу, как обед и ужин — тело). Писатель предназначал эти сборники для печати в «Верхней типографии», которую основал он сам, но вышли они только в 1681 и 1683 гг.— уже после его смерти.

Среди его сочинений значительный историко-литературный интерес представляют «слова», не связанные темой обязательного прославления какого-либо праздника или святого, хотя в названии такая приуроченность и могла оставаться. Так, «Слово в неделю 34-ю после сошествия святого духа» целиком посвящено проблеме воспитания «совершенного человека, на всякое дело уготованного». С помощью занимательных примеров, в том числе и из античных мифов, Симеон настойчиво убеждает слушателей в необходимости применения четырех действенных способов «истинного воспитания: наказания, сохранения от плохого общества, личного примера родителей и «страха божия». Симеон осуждает излишнее родительское «ласкательство».

Живая картина быта русских людей XVII в. встает перед нами в «Слове о суеверии и суечестии», где дана блестящая характеристика народных обычаев и верований. С издевкой, иронией доказывает Симеон беспочвенность примет и суеверий.

Главная мысль «Слова о взыскании премудрости» заключена в призыве строить училища, школы, привлекать ученых и педагогов в Россию. И как изысканно-дипломатично, как торжественно преподносит Симеон эту мысль царю и всем придворным, от которых зависело осуществление его мечты!

В то время, когда писал свои проповеди Симеон Полоцкий, уже получили широкую известность южнорусские риторики Петра Могилы, Иоанникия Голятовского и др. Теории риторов-схоластов в известной степени оказались приемлемыми и для Симеона, которого также привлекала витиеватость стиля с многочисленными аллегориями, метафорами, обильным цитированием светских, античных и церковных источников, строгая последовательность и логичность в изложении мысли, просветительская направленность. Но в «словах», рассчитанных на широкий круг слушателей, Симеон вынужден был ограничить себя в словесных украшениях. Он сознательно стремится к простоте слога, хотя удается ему это не всегда. Для современников «люботрудпаго и премудраго мужа отца Симеона Полоцкого слог... тяжка бысть слышати и грубым разумом невнимательна...». Так писал пермский священник XVII в. Оценить по достоинству «слова» Симеона Полоцкого в XVII в. могли лишь образованные люди.

Три «слова» Симеона печатаются по изданию: Обед душевный.—

М., 1676.— С. 533 об.— 547; Вечеря душевная.— М., 1883.- Приложение.— Лл. 32—40, 150 об.— 153 об.

Слово в неделю 34-ю после сошествия святого духа

[1] Имя это известно по названию одной из ветхозаветных книг: «Премудрости Иисуса, сына Сирахова».

[2] По преданию, в гареме царя Соломона были женщины разных рас и религий. Они уговорили царя ввести в Иерусалиме культ чужих богов. За это иудейский бог разгневался на Соломона и решил расколоть его страну на два государства.

[3] *Дарий* — персидский царь, правивший в 521—486 гг. до н. э., о котором неоднократно упоминается в Библии. Источником сведений о Дарии и его наложнице Апамии для Симеона послужили, однако, не библейские книги, а светские повести.

[4] Симеон, вероятно, имеет в виду поэта Овидия (см. примеч. 9 к «Посланию» Федора Карпова), в «Метаморфозах» которого излагается легенда о Фаэтоне.

[5] В Библии рассказывается о наказании всего дома архиерея *Ильи* за грехи его сыновей, не пожелавших приносить жертвы богу.

Слово о суеверии или суечестии

[1] Симеон напоминает читателям факт из церковной истории о том, что по приказанию царя Иудеи Ирода I был брошен в темницу Иоанн Креститель (Иоанн Предтеча). Иоанн осуждал связь Ирода с женой его брата Иродиадой. Дочь Иродиады Соломея восхитила Ирода танцами и в награду попросила у царя голову Иоанна Крестителя. Отрубленную голову Иоанна принесли на блюде дочери Иродиады.

[2] *Матфей Стрийковский* — польский историк и поэт, живший около 1547—1582 гг.

Словарь древнерусских слов

Абие — тотчас, сразу

Авва — древнеевр. «отец», обычное в византийской традиции почтительное добавление к имени инока и настоятеля монастыря

Алманашник — гадающий по движению планет и знаков зодиака

Аминь — древнеевр. «истинно, верно». Это слово обычно ставили в конце любого произведения средневековой литературы

Апостол — так называли и 12 учеников Христа и 70 первоначальных проповедников христианства

Афедрон — задний проход

Аще — если же, в том случае, разве, хотя

Багряница — 1 — драгоценная ткань багряного цвета; 2 — царское, княжеское одеяние

Баскак — татарский наместник, ведавший сбором дани для орды

Басурман — бесерменин, бусурман — иноверец, нехристианин

Безгодный — безвременный, несвоевременный

Бесчинный — нарушающий порядок, непристойный

Било — металлическая или деревянная доска, в которую ударяют для подачи сигнала

Блазненно, блазновато — стыдно

Блазнь, блазна — соблазн, искушение, наваждение

Блядивый — вздорный, лживый, еретический, распутный

Блядь — ложь, обман; ересь, лжеучение; распутная женщина

Бо — ведь, же, ибо

Братися — бороться, биться

Брашно — пища, еда

Брещи, бречи — охранять, защищать, опекать

Бредкость (бридкость) — боль, жжение; терпкость, едкость

Велелепный — великолепный, прекрасный

Велиар — дьявол, отступник, сатана

Велий — великий, большой, громкий (о голосе)

Вертоград — сад, огород

Вечеря — ужин, вечерняя трапеза; вечерняя церковная служба

Взыскать — найти, возвратить

Виноград — сад, виноградник

Власяница — грубая шерстяная одежда

Влаятися (влаатися) — колебаться, быть неустойчивым, скитаться

Вменити — счесть, посчитать что-либо; зачесть, засчитаться

Внутренний человек — духовная сущность человека

Вож, вождь — руководитель, вождь, наставник

Воровство — преступление, измена, заговор
Втай — тайно

Глагол — слово, речь; глаголати — говорить
Глумный — шумный, непристойный
Гобзование — изобилие, богатство, урожай
Гойтан (гайтан) — шнурок, на котором носят нательный крест
Гордоус, гордоусец — гордец
Горнее место, горний — верхний, высокий; возвышение в алтаре за престолом, место для ведущего службу архиерея
Грядка — грядка; шест, жердь, перекладина
Грядут — идут, идти

Дежем — от *дети (дежу, дену)* — поместить куда-нибудь, скрыть
Десный — правый, истинный, достойный
Держава — власть, имущество
Дидаскальство — наставничество, учительство
Дольний — нижний, земной
Дондеже — до тех пор, пока

Егда, еда, внегда — когда, если
Едем — земной рай
Единако, единаче — также, еще, по-прежнему
Еже — что, который, если

Живот — жизнь
Журливый — сварливый
Жюпан (жупан) — верхняя одежда (кафтан, зипун)

Забрала — ограда, забор; переносно: защита, опора
Запрети — запереть, загородить доступ
Запретити — повелеть (с угрозой), наказать за что-либо
Зелияница — каша из овощей или злаков; растительная пища
Зело — очень, сильно, весьма
Зеница — зрачок
Зодейщик, зодейник — звездочет, астролог

Иже — который, кто
Избыть — избавиться, спастись
Изверг — отверженный, изгой
Извет — донос, отговорка
Извол — желание, повеление, распоряжение, приказание
Изникоша, изникнути — появиться, выйти или высунуться наружу
Изуграф — иконописец

Изящный — выдающийся, несравненный, замечательный
Инде — в иное время, иногда, в другом месте
Истнить — разбить, сокрушить, ослабить, обессилить

Каган — титул правителя страны
Калугер (калогер) — почтенный старец, монах
Камилавка — монашеская шапка
Кичение — высокомерие, гордость

Клир — священнослужители, духовенство
Кобь — ересь, несоблюдение христианских обрядов
Колитва — место заклания животных, жертвенник
Кольми — особенно, тем более
Комара, камара — помещение со сводами, келья
Комкание — причастие
Котыга (котуга) — верхняя одежда
Крестец — перекресток, распутье
Куколь — верхняя одежда; монашеский головной убор; сорная трава
Куповать — покупать, приобретать
Кутья — кушанье из крупы с медом и изюмом, употребляемое на похоронах и на поминках

Леторасли — поросль, отросток, ветвь
Логофетство — искусство излагать что-либо на письме, красиво, витиевато писать

Мило деяти, мил ся деяти — приводить кого-либо в жалость, умолять
Мотыло — помет, кал, нечистоты
Мытарь — корыстолюбец, сборщик податей, откупщик в древней Иудее

Наздание — созидание
Нарочитый — известный, знаменитый, почтенный, важный
Началить — руководить, наставлять, держа в строгом подчинении
Нежид, нежд — сукровица
Нýжник — тот, кто преодолевает нужду, прилагает усилия

Обаче - но, однако, напротив того
Ов, овый — этот
Овогда — иногда
Осадити поселить, огородить, приготовить к осаде
Оток — остров, мыс, край
Отрадити — утешить, простить

Пажить — пастбище, луг; духовная пажить — духовное пастбище
Паки — опять, снова, еще, в свою очередь
Плевел — сорная трава
Плесна — нижняя часть ноги, стопа, ступня
Пованите — покрыть вапом, т. е. краской, раскрасить
Поне — хотя, только
Понеже, понеж — так как, поскольку
Пономарь — низший церковный служащий, дьячок
Понос — оскорбление, срам, позор
Порода — рай, райское блаженство
Поспешествовати — помогать, оказывать помощь, содействие
Потщатися — постараться, потрудиться, поспешить
Преводне — в переводе, в толковании
Презвитер — священник
Презорство — гордость, высокоумие, своеволие
Презрети — осмотреть; не обратить внимания, пренебречь
Прелагатай — лазутчик, соглядатай
Прелесть — обман, заблуждение, соблазн, ересь
Приразити — ударить, удариться, восстать, воспротивиться
Приставник — надсмотрщик, управитель
Присно — всегда, постоянно, точно, совершенно, вполне
Присносущный — вечный
Причт, причет — собрание, собор, совокупность, духовенство
Прозябнути — произрасти, дать ростки
Промысел — забота, попечение, мысль
Пыхати — тяжело дышать, задыхаться

Рака — гроб, гробница, памятник; ларец, ковчег
Разболочь — раздеть
Распоп — поп, лишенный сана, расстрига
Рачение — любовь, страсть
Рафленый — утонченный, изысканный
Ретитися — состязаться, соревноваться
Риза — одежда, одеяние, священническое облачение
Рогозиница, рогозица — рогожа

Сикер — хмельной напиток
Сирый — сирота
Сице — так
Смыки — струнный музыкальный инструмент
Снедание — пища
Сонмище — собрание, собор
Сретение — встреча

Схимница, схимник — постриженный в схиму. Схима — высшая степень монашества, которая присваивалась отшельникам

Телец — символ искупительной жертвы
Тивун — слуга, управитель, правитель
Титл, титла — надпись; отдел, глава
Таже — потом, после
Тать — вор, грабитель
Тля — тлен, грех, разврат, растление

Узорочь, узорочие — драгоценности
Убо — же, ведь, в таком случае
Убрус — платок, полотенце
Уд — часть тела, член; часть, кусок
Умёты — грязь, нечистоты, помет
Униат, униатка — приверженец унии, т. е. союза, заключенного в 1439 г. между православием и католицизмом
Хитрость — ум, разум, искусство, знание, философия; обман, лукавство
Художество — искусство, опытность, знание, ремесло

Чреватая («жонка») — беременная
Чресла — поясница, стан

Шелеп — плеть, кнут

Ю — ее
Юзилище — темница, тюрьма
Юница — телка, телица
Юзы — узы, оковы, цепи

Язык — народ, племя
Яко — что, как

СОДЕРЖАНИЕ

Красноречие эпохи становления Московского государства (XV—XVI вв.)

«Душеполезное лекарство» Памятники учительного красноречия (XII—XVII вв.)

Ораторское наследие «бунташного века» русской истории (XVII век)

В оформлении книги использованы заставки, концовки и инициалы из книг Ивана Федорова и изданий конца XVI—XVII вв., воспроизведенные в кн.:
Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог.— М., 1958.
Запаско А. Художественное наследие Ивана Федорова.— Львов: Вища школа, 1974.— Приложение: Альбом.— (388 ил.)
На фронтисписе воспроизводится лист рукописи XV в. «Златая Матица» из собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 905, 1946, № 35/2).

Красноречие Древней Руси. (XI—XVII вв.):
К78 Сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов и коммент. Т. В. Черторицкой.— М.: Сов. Россия, 1987.—448 с.— (Сокровища древнерусской литературы).

Сборник составили произведения древнерусской ораторской прозы XI—XVII вв. В книгу вошли торжественные и дидактические «слова», «слова»-панегирики и поучения. Особый интерес представляют древнейшие, дошедшие до нас памятники ораторского искусства Киевской Руси XI—XII вв. (поучения Феодосия Печерского, знаменитое «Слово о Законе и Благодати» Илариона, торжественные «слова» Кирилла Туровского и др.), а также произведения таких известных авторов, как Максим Грек, Аввакум Петров, Симеон Полоцкий.

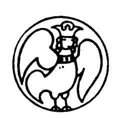
Поучения XI—XVII веков, в которых осуждаются всевозможные человеческие пороки (пьянство, лень, чревоугодие, болтливость), объединены в раздел «Душеполезное лекарство».

Публицистическая острота, взволнованный лирический и патриотический пафос, совершенство формы — все это делало произведения древнерусского красноречия важным средством нравственного и политического воспитания современников, а в наши дни определяет их историко-культурное и художественное значение.

К $\frac{4702010100-220}{М-105(03)87}$ 100—87 Р1

Сокровища древнерусской литературы

КРАСНОРЕЧИЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ



XI—XVII вв.

Редактор Е. Г. Кожедуб
Художественный редактор Г. В. Шотина
Технический редактор Л. А. Фирсова
Корректор Т. Б. Лысенко

ИБ № 7374

Сдано в набор 18.02.87. Подп. в печать 21.10.87. А02368. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,73. Уч.-изд. л. 23,15. Тираж 50 000 экз. Заказ 118. Цена 2 р. 20 к. Изд. инд. ЛХ-374.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.